

АСТРИД
ЛИНДГРЕН

Полное
собрание
сочинений

Полное
собрание
сочинений

Астрид
Линдгрен

Суперсыщик
Калле
Блумквист

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Полное собрание сочинений

*Суперсищик
Калле Йллюксен*

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука-классика"
2002

УДК 82-93
ББК 84.4 Шв
Л 59

Автор проекта Л. Ю. Брауде

© Lindgren Astrid.
Mästerdetektiven Blomkvist 1946,
Mästerdetektiven Blomkvist lever farligt 1951,
Kalle Blomkvist och Rasmus 1953.
First published by Rabén & Sjögren, Stockholm

Издатели выражают благодарность
госпоже Черстин Квинт (Kerstin Kvint) за помощь
в приобретении прав на произведения А. Линдгрен

*Перевод со шведского Людмилы Брауде
Оформление Вадима Пожидаева
Иллюстрации Виктора Боковни
Иллюстрация на обложке Сергея Григорьева*

Линдгрен А.

Л 59 Собрание сочинений: В 10 т. Суперсыщик Калле Блумквист / Пер. со шв. Л. Брауде. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 464 с.

ISBN 5-352-00056-7

ISBN 5-352-00132-6

В состав настоящего тома вошли три повести Астрид Линдгрен о Калле Блумквисте, мальчишке из маленького шведского городка Лильчёпинг, который мечтает стать знаменитым сыщиком, затмив славу Шерлока Холмса и Эркюля Пуаро.

© Л. Брауде, перевод, 1986, 1994

© Л. Брауде, статья, 2002, примечания, 1999

© «Азбука-классика», 2002

**ISBN 5-352-00056-7
ISBN 5-352-00132-6**

Кто такой суперсыщик Калле Блумквист?

В конце 1940-х — начале 1950-х годов в США, а затем в Европе возникла волна увлечения детективами. Она охватила и кинематограф, и литературу. Детективомания проникла и в Швецию. Замелькали афиши американских фильмов типа «Гангстер-полицейский». Витрины книжных магазинов запестрели названиями: «Кровавая рука», «Убийца не ждет», «Смерть приходит в монастырь», «Ночью без помощи», «Агент № 7 исчез» и т. д. На ярких обложках красовались револьверы, трупы, зверские физиономии. В это время в Швеции издается трилогия, созданная Астрид Линдгрен, — «Суперсыщик Калле Блумквист» (1946), «Суперсыщик Калле Блумквист рискует жизнью» (1951) и «Калле Блумквист и Расмус» (1953).

Где корни этой трилогии? Как всегда, в Виммербю, в мире детства и отрочества писательницы. Этот город оставил глубокий след в творчестве Линдгрен. «Виммербю... это и есть городок Лильчёпинг, изображенный в книгах о Калле Блумквисте, — пишет она. — Сходство, разумеется, не фотографически точное, но атмосфера в „Калле Блумквисте“ та же самая, которую я наблюдала в детстве в Виммербю». И полицейский участок, мимо которого она проходила в детстве, также изображен в ее книгах.

Новый герой Линдгрен, мальчик Калле Блумквист, мечтает стать знаменитым сыщиком, имя которого за-

ставило бы трепетать весь преступный мир. А источником увлечения явились кино и книги. Стремясь поймать преступника в маленьком провинциальном городке Лильчёпинге с его единственной подозрительной личностью Хромым Фредриком, Калле утешает себя тем, что в фильме «Дело Бакстона» в одном тихом городке за ночь произошло четыре убийства. Увидев преступников Редига и Крука, Калле размышляет: «Кто же такие эти два господина? Может, сыщики? Ведь сыщики часто появляются вдвоем, по крайней мере в фильмах». Мальчик бредит именами прославленных литературных героев: Шерлока Холмса, Питера Уимси, Эркюля Пуаро. В самых затруднительных случаях он обращается к авторитету своих любимых сыщиков, пытаясь понять, как бы они поступили в том или ином случае.

Выслеживание преступников для Калле сначала лишь увлекательная игра, которой он предается с необычайным жаром, хотя окружающие все время посмеиваются над ним. Но вот в городе появляется настоящий преступник — дядя Эйнар, и с игрой покончено. Отказавшись от любимого занятия — войны Белой и Алой Розы, Калле, а за ним Андерс и Ева Лотта идут по пятам за грабителем и его сообщниками. Так же серьезно преследуют они убийцу старика Грена. Наблюдательность, хладнокровие, находчивость Калле позволяют предположить, что ремесло сыщика может стать делом его жизни. Мужественно и преданно, с глубоким чувством собственного достоинства ведут себя Андерс и Ева Лотта.

Дети в повестях Линдгрен представлены не статично, как манекены, застывшие в своих добродетелях или пороках. Это обычные дети, которые любят шалости и забавы, родителей и друзей, честно сражаются с противником, играя в войну Алой и Белой Розы. Им присущи недостатки, слабости. Так, Калле тщеславен, он мысленно воображает себя сыщиком, пред которым бледнеют все выдающиеся детективы мира. Лакомка

Ева Лотта, не в силах устоять против соблазна, принимает конфеты от дяди Эйнара, которого считает своим злейшим врагом, так как он обидел ее котенка Туссе. «Могущественный» Сикстен, вождь Алой Розы, горько оплакивает собаку Беппо. Но именно эти черточки и делают образы ребят такими живыми.

В трилогии изображены в основном дети зажиточных горожан, «отцов города», — булочника Лисандера, бакалейщика Блумквиста, врача Форсберга. Этим ребятам не нужно трудиться, чтобы заработать себе на хлеб. Им скучно во время летних каникул, и они всячески изошаряются в поисках развлечений. Но есть в книге строчки, позволяющие понять, что Линдгрен хорошо известна жизнь неимущих и писательница не считает нужным скрывать ее от читателей. Линдгрен рассказывает об Андерсе, который мечтает о мороженом и вместе с родителями, маленькими братишками и сестренками ютится в комнатке над папиной сапожной мастерской, о Юнте, который так радуется своей маленькой каморке. Она описывает жизнь обитателей Плутовской горки, проводящих жизнь в тяжком труде.

Психологически тонко обрисовывает Линдгрен столкновение детей с миром ростовщичества и преступления. Встреча с дядей Эйнаром, Редигом и Круком пробуждает у друзей страх, но важные события, в которых они принимают участие, и слава, выпавшая на их долю, примиряют их со всем пережитым. Когда Ева Лотта рассказывает друзьям, что Грен — ростовщик, он дает деньги в долг, это вызывает у них весьма слабую реакцию. Ева Лотта вначале задумывается над тем, как это — «гасить векселя», но потом решает, что это чепуха и даже усмехается — какими глупостями занимаются взрослые!

Но когда девочка натыкается на труп Грена, то переживает страшное потрясение. Ей кажется, что все кончено, ведь больше никогда в жизни она не сможет веселиться. Да и как веселиться, когда люди могут так поступать друг с другом! Ева Лотта, привыкшая смот-

реть на мир и людей широко открытыми глазами, впервые сталкивается с преступлением и жестокостью. И ей становится страшно. Что касается Калле, то он, мысленно разоблачивший тысячи преступлений, соприкоснувшись с неприглядной реальностью, разочаровывается в избранной профессии. Калле внезапно осознает все, что произошло, это потрясает его настолько, что он утрачивает всякое желание стать знаменитым сыщиком.

В повести «Калле Блумквист и Расмус» к уже знакомым нам героям присоединяется маленький Расмус. Только это не тот Расмус, который фигурирует в книгах Линдгрен «Расмус, Понтус и Глупыш» и «Расмус-бродяга». Этот Расмус — сын прославленного изобретателя Расмуссона, прибывшего на отдых в Лильчёпинг. В повести Линдгрен рассказывается о том, что в Швеции сонное существование провинциальных городков неожиданно нарушается преступлениями, о которых люди обычно узнают только из газет.

В тишине мирного маленького Лильчёпинга под покровом ночи похитители увозят известного изобретателя и его сына. Калле и его друзья сталкиваются с похитителями маленького Расмуса и его отца — профессора Расмуссона. Вначале им кажется, что они смотрят скверный фильм из американской жизни, но постепенно до них доходит, что это — явь.

Похитители хотят завладеть каким-то изобретением Расмуссона. Полицейский Бьёрк, рассуждая о войне, борьбе за мир, читает в газетной заметке о непроницаемом легком металле, знаменующем революцию в области военной промышленности. Металл, изобретенный профессором, может быть использован во вред делу мира, в нем заинтересована некая иностранная держава, которая направляет в Швецию четырех бывших шпионов. Их главарь — прожженный преступник, называющий себя инженером Петерсоном; он бьет Калле по голове, ранит своего сообщника Никке, в момент опасности бросает на острове своих сообщников. Исполнни-

тели воли инженера Петерса, Блум и Сванберг незаметны и бессловесны, почти схематичны, четвертый преступник — Никке, бедный моряк, не получивший образования, который, по его собственному признанию, наделал в жизни много глупостей. Вначале он, как и все остальные, слепо повинуется воле Петерса, но постепенно с ним происходит превращение, психологически вполне мотивированное, хотя и окрашенное сентиментальными нотками. После бесед с маленьким Расмусом моряк невольно переходит на сторону детей. Когда же Расмус призывает Никке на помощь, тот бросается к нему. И читатель верит, что в конце концов Никке станет честным человеком.

Кто же помог бывшему преступнику осознать всю глубину грозящего ему падения? Прежде всего малыш Расмус, Ева Лотта и Андерс.

Расмус — веселый, немного болтливый пятилетний мальчишка. В этой книге с ее почти сказочной расстановкой сил Добра и Зла он олицетворяет Добро. Расмус радостно смотрит на мир. Он сразу проникается симпатией к Калле, Андерсу и Еве Лотте. Когда Никке сооружает для него лук и кораблики, ребенок заявляет, что киднэпперы «добрые». Его замызганная ручонка, доверчиво вложенная в кулакище Никке, пробуждает у преступника человеческие чувства. Подобно тому как девочка Глазастик из замечательной повести американской писательницы Харпер Ли «Убить пересмешника» своей детской чистотой и верой в людскую доброту останавливает толпу оголтелых линчевателей, так и Расмус заставляет Никке отвернуться от преступной шайки.

С новой стороны рисуется в этой книге Ева Лотта. Она становится защитницей и опорой слабого ребенка, не задумываясь садится в автомобиль похитителей ради спасения Расмуса. Несмотря на трагизм изображенных событий, повесть подкупает оптимизмом, веселостью, остроумием. Повествованию присущи ярко выраженные элементы фарса; бесконечные попытки бегства,

история с потерянным и найденным ключом усложняют композицию.

Ребята в повести «Калле Блумквист и Расмус» необычайно предприимчивы, хитроумны и изобретательны. Причем Линдгрен всячески подчеркивает большое значение игры в воспитании детей, указывает, что игра в войну Белой и Алой Розы вырабатывает у ребят смекалку, ловкость и находчивость. Они многое умеют: если нужно, едут на мотоцикле, при необходимости Калле посыпает в эфир сигнал тревоги.

Шведская газета «Дагенс Нюхетер» писала о трилогии Линдгрен, в которой действует Калле Блумквист: «Идеальный детектив, адресованный мальчикам и девочкам в возрасте от 10 до 15 лет. Это веселая, юмористическая и одновременно увлекательная книга».

Л. Брауде

Суперсыщик
Капитан Бумажник

1

ровь! Никаких со-

мнений — это кровь!

Он не отрывал глаз от красного пятна, видимого сквозь увеличительное стекло. Затем, переместив курительную трубку из одного уголка рта в другой, вздохнул: ясное дело, это — кровь. А что еще бывает, когда порежешь палец? Хотя это пятно должно было стать решающим доказательством того, что сэр Генри все-таки убил свою жену. Это пятно — результат одного из самых потрясающих убийств, какие только выпадали когда-либо на долю сыщика. Однако, увы, на самом деле все было совсем иначе. Печальная правда заключалась в том, что ножик выскользнул у Калле из рук, когда он собирался очистить карандаш. Но тут уж, право, сэр Генри совершенно не виноват. И прежде всего потому, что сэра Генри, этого идиота, на свете вообще не существовало. Горько, но факт! Почему некоторым так везет и они рождаются в злачных кварталах Лондона или в преступных кругах Чикаго, где убийства и выстрелы в трущобах — вполне заурядное дело? Между тем как он... Калле невольно оторвал взгляд от кровавого пятна и выглянулся в окно.

Там в лучах летнего солнца необычайно мирно и спокойно дремала улица Стургатан¹. Цвели каштаны. На

¹ Большая улица (швед.). (Здесь и далее приложения переводчика.)

улице не видно было ни души, если не считать кошки пекаря, сидевшей на краю тротуара и облизывавшей лапки. Даже наметанный глаз самого искушенного сыщика не мог бы обнаружить ни малейшего намека на то, что тут было совершено преступление. Да, абсолютно безнадежно быть сыщиком в этом городке! Когда он, Калле, вырастет, он при малейшей возможности подастся в злачные районы Лондона. А может, лучше выбрать Чикаго? Папаша, правда, желает, чтобы он торговал в его бакалейной лавке. В его лавке! Он! Еще чего не хватало! Да, тогда им всем будет сплошная лафа! Ну да, им, этим убийцам и бандитам в Лондоне и Чикаго! Вот уж распоятся и пойдут убивать всех подряд — налево и направо. И некому будет их остановить. А он, Калле, будет тем временем торчать в отцовской лавке, сворачивать кульки и отвешивать жидкое мыло и дрожжи. Нет уж, увольте, он вовсе не собирается стать каким-то там бакалейщиком-изюмщиком! Сыщик или никто! Папаше придется выбирать! Выбор большой: Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро, лорд Питер Уимси¹, Калле Блумквист! Калле смаковал все эти слова. А он, Калле Блумквист, намеревается стать самым лучшим из них всех, вместе взятых!

— Кровь! Никаких сомнений! — удовлетворенно пробормотал он.

На лестнице послышался скрип. Через несколько секунд кто-то рванул дверь, и на пороге предстал разгоряченный и запыхавшийся Андерс.

Оглядев его критическим взглядом, Калле сделал некоторые наблюдения.

— Ты мчался во всю прыть, — сказал он наконец.

Его тон не допускал ни малейшего возражения.

— Конечно, я мчался во всю прыть, — раздраженно заметил Андерс. — А ты, никак, думал, будто меня на носилках принесут?

¹ Герои произведений А. Конан Дойла (1859–1930), Агаты Кристи (1891–1976), английской писательницы Дороти Сейперс (1892–1957).

Калле украдкой спрятал трубку.

И вовсе не потому, что боялся, как бы Андерс не застал его за запретным занятием — с трубкой в зубах. В трубке ни крошки табаку не было! Однако, когда сыщик сражается с разными криминалистическими загадками, без трубки просто не обойтись! Даже если в данный момент табак кончился.

— Не прошвырнешься ли со мной, хотя бы ненадолго? — спросил Андерс и рухнул на кровать, где спал Калле.

Калле согласно кивнул. Конечно, он пойдет вместе с Андерсом! Ведь в любом случае ему необходимо, как патрульному, хотя бы разок обойти улицы, пока не настал вечер, *на случай* если вдруг вынырнет какой-нибудь подозрительный тип! Разумеется, в городе есть полицейские, но уж детективной-то литературы он научился предостаточно и знает цену им всем. Им не распознать убийцу, даже если они столкнутся с ним нос к носу.

Калле сунул увеличительное стекло в ящик стола. И вот уже они, Андерс и Калле, со страшным шумом мчатся вниз по лестнице, сотрясая дом до самого основания.

— Калле, не забудь, вечером надо полить клубнику!

Эти слова прокричала мама, высунувшись из дверей кухни. Калле успокаивающе помахал ей рукой. Ладно, мол, и так ясно, что надо полить клубнику! Когда-нибудь потом, когда он убедится, что никакие темные личности, затаившие преступные замыслы, не шныряют по улицам.

Да, жаль, конечно, но на это мало надежд. Хотя лучше всего быть настороже. Ведь в фильме «Дело Бакстона» здорово показано, как это бывает. Там преступники самым мирным образом расхаживают по городу, и вдруг — баах! — в ночи раздается выстрел, а потом, не успеешь и глазом моргнуть, как сразу, одно за другим, — целых четыре убийства! На это у негодя-

ев прямой расчет! Разве можно заподозрить что-либо в таком вот маленьком городке в такой вот прекрасный летний день? Но в таком случае они не знают Калле Блумквиста!

Лавка находилась в нижнем этаже дома. «*Бакалейная лавка Виктора Блумквиста*» — было написано на вывеске.

— Попроси у папаши немного карамелек, — предложил Андерс.

Калле и самому пришла в голову эта великолепная идея. Сунув голову в дверь, он увидел, что за прилавком собственной высокой персоной стоит бакалейщик Виктор Блумквист. Это и был его пapa.

— Папа, можно я возьму несколько вон тех, полосатеньких?

Хозяин «Бакалейной лавки Виктора Блумквиста» бросил полный любви взгляд на своего светловолосого отпрыска и добродушно что-то пробормотал. Калле сунул руку в ящик с карамельками. Бормотание означало, что разрешение дано. Затем он быстро вернулся к Андерсу, сидевшему в ожидании на качелях под грушевым деревом. Но у Андерса в этот миг никакого интереса к тем «полосатеньким» не было. Поглупевшим взглядом уставился он на некий предмет во дворе пекаря. «Предметом» была дочка пекаря Ева Лотта. Она тоже сидела на своих качелях и ела булочку. А к тому же еще, раскачиваясь, напевала песенку, потому что была девицей, сведущей во многих искусствах:

Жила-была девчонка, звалася Юсефин,
Юсефин-фин-фин, Юсе-юсе-юсе-фин...

У нее был звонкий, милый голосок, который прекрасно слышали и Андерс, и Калле. Калле тоскливым взором смотрел на Еву Лотту, протягивая с отсутствующим видом карамельку Андерсу. Андерс с таким же отсутствующим видом взял карамельку, так же тоскующе глядя на девочку. Калле вздохнул. Он совершенно

отчаянно любил Еву Лотту. То же самое чувство испытывал к ней и Андерс. Калле вбил себе в голову, что, как только он раздобудет достаточно денег на обзаведение, он во что бы то ни стало сделает предложение Еве Лотте.

Андерс думал абсолютно так же. Однако Калле ни чуть не сомневался, что она отдаст предпочтение именно ему — Калле. Сыщик, на счету у которого примерно четырнадцать раскрытий преступлений, — это тебе не машинист! Машинистом как раз собирался стать Андерс.

Ева Лотта качалась и распевала и, казалось, совершенно не подозревала, что за ней наблюдают.

— Ева Лотта! — позвал Калле.

Всего-то у ней было что швейная машина,
швейная машина-шина-шина,
швейная ма-ма-ма-машина... —

беззаботно продолжала распевать Ева Лотта.

— Ева Лотта! — хором закричали Андерс и Калле.

— А, это вы! — с невыразимым удивлением произнесла Ева Лотта.

Она слезла с качелей и милостиво подошла к забору, отделявшему ее сад от сада Калле. В заборе не хватало одной доски — Калле собственоручно убрал ее, и это замечательное изобретение позволяло беспрепятственно беседовать через дыру, а также вторгаться в сад пекаря, не утруждая себя какими-либо кружными путями. Андерс втайне досадовал из-за того, что Калле так повезло и он живет совсем рядом с Евой Лоттой. В какой-то степени это несправедливо! Сам он жил довольно далеко, на другой улице, где он, его родители и маленькие братишки с сестренками теснились все вместе в небольшой комнатке с кухней над папиной сапожной мастерской.

— Ева Лотта, а ты не прошвырнешься с нами в город? — спросил Калле.

Ева Лотта поспешила проглотила последний кусочек булочки.

— С удовольствием, — ответила она, стряхивая крошки с платья.

И они отправились в путь.

Была суббота. Хромой Фредрик был уже пьян и стоял, как всегда, возле кожевенного завода, окруженный толпой слушателей. Калле, Андерс и Ева Лотта также присоединились к этому обществу, чтобы послушать, какие героические подвиги совершил Фредрик, когда был железнодорожным рабочим в Норланде.

Пока Калле слушал, его глаза так и бегали по сторонам. Ни на одну минуту не забывал он о своем гражданском долге. Нет ли в толпе каких-нибудь подозрительных личностей? К сожалению, нет, — вынужден был признаться самому себе Калле. Увы, ни одного человека, которого можно было бы в чем-то заподозрить. И все же — ведь ему не раз приходилось читать, что многие, казавшиеся на первый взгляд совершенно невинными, были вовсе не такие. И уж лучше быть начеку. Вот, например, тащится по улице какой-то парень с мешком на спине...

— А вдруг, — сказал Калле, толкнув в бок Андерса, — а вдруг у него мешок набит краденым серебром?

— А вдруг *нет*, — нетерпеливо откликнулся Андерс, предпочитавший слушать рассказы Хромого Фредрика. — А вдруг в один прекрасный день ты окончательно свихнешься со всеми своими криминальными идеями!

Ева Лотта засмеялась. Но Калле промолчал. Он привык к тому, что его не понимают.

Мало-помалу, как и следовало ожидать, явился полицейский и забрал Хромого Фредрика. Для того проводить субботние ночи в кутузке было привычным делом.

— Где ты шлялся? Давно пора было прийти! — упрекнул Фредрик полицейского Бьёрка, когда тот дружески взял его под руку. — Стой тут целый час и

жди! Вам что, никак порядка с городскими хулиганами не навести?

Полицейский Бьёрк улыбнулся, сверкнув своими красивыми зубами.

— Давай пошли, — сказал он.

Толпа слушателей рассеялась. Калле, Андерс и Ева Лотта тоже, медленно, правда, но пошли дальше. Они охотно послушали бы Фредрика еще...

— До чего же красивые каштаны, — сказала Ева Лотта, одобрительно глядя на длинные ряды каштановых деревьев, окаймлявших Стургатан.

— Да, здорово, когда они цветут, — заметил Андерс. — Похожи на свечки!

Вокруг было тихо и спокойно; чувствовался канун воскресенья. То тут, то там в садах ужинали люди. Они уже смыли с себя пыль после работы и празднично оделись. Они болтали и смеялись и, видимо, уютно чувствовали себя на своих маленьких клочках земли, где фруктовые деревья как раз стояли во всем цвету. Андерс, Калле и Ева Лотта бросали долгие взгляды на каждую калитку, мимо которой проходили. Что, если какая-нибудь добрая душа угостит их бутербродом или еще чем-нибудь вкусным? Но на это вроде не похоже.

— Надо придумать какое-нибудь занятие, — сказала Ева Лотта.

И в этот миг где-то вдали послышался свисток паровоза.

— Семичасовой идет! — сказал Андерс.

— Я знаю, что нам делать! — воскликнул Калле. — Спрячемся за сиреневой изгородью в саду Евы Лотты, крепко-накрепко привяжем к какому-нибудь пакету длинную веревку и бросим пакет на улицу. А когда кто-нибудь увидит его и захочет взять, мы ка-ак держнем за веревку! Интересно поглядеть, какую он скорчит рожу.

— Да, похоже, занятие для субботнего вечера подходящее, — согласился Андерс.

Ева Лотта не произнесла ни слова. Но одобрительно кивнула.

Пакет тут же изготовили. Все необходимое для этого нашлось в бакалейной лавке Виктора Блумквиста.

— Можно подумать, будто в пакете что-то ценное, — с удовлетворением сказала Ева Лотта.

— Ага! А теперь посмотрим, кто клюнет на эту наживку! — воскликнул Андерс.

Пакет лежал на булыжной мостовой и выглядел очень заманчиво. В первую минуту и не увидишь, что он крепко-накрепко привязан к веревке, исчезающей за сиреневым кустом в саду пекаря. Очень внимательный прохожий, разумеется, мог бы услыхать затаенное хихиканье и шепот за сиреневой изгородью. Но фру¹ Петронелла Апельгрен, владелица крупнейшей мясной лавки в городе, которая как раз в этот момент шла по улице, была не так внимательна, чтобы услышать или заметить что-либо подозрительное. Зато она увидела пакет и, с трудом наклонившись, потянула за ним руку.

— Тяни, — прошептал Андерс Калле, державшему в руке веревку.

И Калле потянул веревку. С молниеносной быстрой пакет исчез за сиреневым кустом. И вот тут-то фру Апельгрен уж никак не могла не услышать затаенное хихиканье. В ответ она разразилась потоком бранных слов. Дети поняли далеко не все, что она сказала, но все-таки рассыпались, как она несколько раз упомянула какое-то «воспитательное заведение» в качестве подходящего местопребывания для этих негодников.

За кустом было теперь совсем тихо. Выпустив последний залп, фру Апельгрен, ворча, удалилась.

— С ней повезло! — сказала Ева Лотта. — Интересно, кто следующий? Надеюсь, он будет такой же злющий!

Ноказалось, будто город внезапно целиком вымер. Никто не приходил, и троица, сидевшая за сиреневой

¹ Госпожа, замужняя женщина (*швед.*).

изгородью, уже подумывала, не отказаться ли им от этого развлечения.

— Подождите, кажется, кто-то идет! — быстро прошептал Андерс.

И в самом деле, кто-то шел по улице. Только что появившись из-за угла, он быстрыми шагами направился прямо к садовой калитке пекаря. Это был высокий человек в сером костюме, с непокрытой головой и с большой дорожной сумкой в руке.

— Внимание! — снова прошептал Андерс, когда мужчина остановился перед пакетом.

И Калле обратился весь во внимание... Но безуспешно. Легонько присвистнув, человек тут же наступил на пакет ногой.

2

— О, как величать тебя, моя прекрасная юная дама? — спросил незнакомец, когда некоторое время спустя Ева Лотта в сопровождении обоих своих пажей вылезла из-за куста сирени.

— Ева Лотта Лисандер, — бесстрашно ответила Ева Лотта.

— Так я и думал! — воскликнул незнакомец. — А ведь мы с тобой старые знакомые. Я видел тебя, когда ты была совсем крошкой и только и делала, что лежала в колыбели, кричала, плевалась и целыми днями вела себя безобразно.

Ева Лотта гордо вскинула голову. Она не могла поверить, что когда-нибудь была такой маленькой.

— Сколько же лет тебе сейчас? — спросил незнакомец.

— Тринадцать, — ответила Ева Лотта.

— Тринадцать лет! И уже два кавалера! Один блондин, другой брюнет! Тебе явно по душе разнообразие, — с легкой дразнящей улыбкой произнес незнакомец.

Ева Лотта еще раз вскинула голову. Незачем стоять тут и выслушивать оскорблений от какого-то типа, которого она знать не знает.

— А вы кто такой, дяденька? — поинтересовалась и она, подумав про себя, что кто бы он ни был, но и он небось плевался, лежа в колыбели. Да-да, и он тоже!

— Кто я? Я дядюшка Эйнар, двоюродный брат твоей мамы, моя прекрасная юная дама!

Он дернул Еву Лотту за белокурый локон.

— А вообще-то как зовут твоих кавалеров?

Ева Лотта представила Андерса и Калле; темная и светлая головы склонились в безупречном поклоне.

— Славные ребята, — одобрительно сказал дядя Эйнар. — Но замуж за них не выходи! Выходи лучше за меня, — продолжал он, громко смеясь. — Я построю тебе замок, в котором ты сможешь целыми днями бегать и играть.

— Вы, дядюшка, для меня слишком старый, — дерзко ответила Ева Лотта.

Андерс и Калле почувствовали себя несколько лишними. Что еще за долговязый хмырь свалился на их головы?!

«Приметы, надо запомнить его приметы!» — сказал самому себе Калле.

Он взял себе за правило запоминать приметы всех незнакомых личностей, какие только встречались на его пути. Кто знает, многие ли из них на самом деле порядочные?

«Приметы: каштановые, зачесанные кверху волосы, глаза карие, брови срослись, нос прямой, слегка выступающая вперед челюсть, могучий подбородок, серый костюм, коричневые ботинки, непокрытая голова, коричневая же дорожная сумка, называет себя дядюшкой Эйнаром. Пожалуй, все. А, совсем забыл: на правой щеке маленький красный шрам».

Калле постарался запомнить все приметы дядюшки Эйнара.

«Ехидна!» — добавил он про себя.

— Скажи, моя маленькая соплюшка, твоя мама дома? — спросил дядя Эйнар.

— Да, вот она идет!

Ева Лотта показала рукой на даму, идущую по дорожке сада. Когда та подошла ближе, оказалось, что глаза у нее — такие же голубые и веселые, а волосы — такие же светлые, как у Евы Лотты.

— Надеюсь, меня узнали! Имею честь! — Дядя Эйнар учтиво поклонился.

— Боже мой, это ты, Эйнар! Сколько лет, сколько зим! Давненько мы тебя не видели! Откуда ты свалился как снег на голову?

Глаза фру Лисандер стали совершенно круглыми от удивления.

— С луны! — ответил дядя Эйнар. — Чтобы чуточку взбодрить вас в вашей занудной глухомани.

— И вовсе он не с луны, — с досадой сказала Ева Лотта. — Он приехал семичасовым поездом.

— Все те же старые шуточки, — усмехнулась фру Лисандер. — Почему же ты не написал, что собираешься приехать?

— Ну уж нет, моя милая девочка. Мое жизненное кредо — никогда не пиши о том, что можешь изложить лично. Ты ведь знаешь, я из тех, кто делает все, что им в голову взбредет. А как раз недавно я подумал, как славно было бы устроить себе небольшой отпуск; и вспомнил вдруг, что у меня есть необычайно славная кузина, которая живет в необычайно славном маленьком городке. Примешь гостя?

Фру Лисандер долго не раздумывала. Хотя не так-то легко с бухты-барахты принимать гостей... Ну да ладно, пусть живет в мансарде.

— И у тебя невероятно славная дочка, — добавил дядя Эйнар, ущипнув за щечку Еву Лотту.

— Ай, отстаньте! — воскликнула Ева Лотта. — Мне же больно!

— Этого я и добивался, — объявил дядя Эйнар.

— Само собой, добро пожаловать, — сказала фру Лисандер. — Сколько времени продлится твой отпуск?

— Ну, это еще не известно. Откровенно говоря, я хочу порвать с фирмой, где работаю. И подумываю, не податься ли мне за границу. В этой стране у людей нет будущего. Все топчется на одном и том же месте.

— И вовсе нет, — горячо возразила Ева Лотта. — Наша страна самая лучшая на свете!

Склонив голову набок, дядя Эйнар посмотрел на Еву Лотту.

— Как ты выросла, малютка Ева Лотта, — сказал он и тут же снова разразился своим напоминающим конское ржание смехом, который Ева Лотта уже возненавидела от всего сердца.

— Мальчики помогут тебе с вещами, — распорядилась фру Лисандер, кивнув в сторону дорожной сумки.

— Ну уж нет! Лучше я сам, — сказал дядя Эйнар.

В ту ночь Калле проснулся оттого, что комар укусил его в лоб. И раз уж он все равно не спал, мальчик счел, что, пожалуй, не мешает поглядеть, как некоторые негодяи и бандиты играют поблизости в свои преступные игры. Сначала он посмотрел в окно на Стургатан. Там было безлюдно и пустынно. Затем Калле, скрытый шторой, глянул украдкой в другое окно, выходящее в сад пекаря. Там, окруженный яблоневыми деревьями, стоял дом, погруженный в темноту и сон. Лишь в окошке мансарды горел свет. А на фоне шторы виднелась темная тень...

«Дядюшка Эйнар, какой же он дурак и как странно ведет себя», — подумал Калле.

Темная тень непрерывно двигалась по комнате: взад-вперед, взад-вперед. Должно быть, беспокойная натура этот дядюшка Эйнар.

«И чего он там мечется?» — снова подумал Калле, тут же прыгнув в свою уютную постель.

Уже в восемь часов утра в понедельник услыхал он лихой посвист Андерса под окном. У них троих — у Андерса, у него и у Евы Лотты — был один общий условный сигнал.

Калле быстро оделся. Его ожидал новый, прекрасный, увлекательный день — без забот, без хождения в школу и без всяких других обязанностей, кроме как поливать клубнику и следить, нет ли по соседству каких-нибудь тайных преступников. Но все это не требовало особых усилий.

Стояла великолепная погода. Калле выпил стакан молока, съел бутерброд и рванул к двери, прежде чем мама успела изложить хотя бы половину всех заманчивых предложений, которые хотела преподнести ему вместе с завтраком.

Теперь осталось лишь выудить из дома Еву Лотту. По каким-то причинам Калле и Андерс считали не совсем приличным пойти и просто-напросто вызвать ее. Строго говоря, водиться с девчонкой было неприлично. Но тут уж ничего не поделаешь! Ева Лотта вносила веселье и радость. Она была не из тех, кто отступает, когда речь идет о какой-либо проказе. Она была такой же дерзкой, быстрой и ловкой, как любой мальчишка. А когда перестраивали водонапорную башню, она залезала на деревянные леса так же высоко, как Андерс и Калле. Когда же полицейский Бьёрк увидел их и велел, безопасности ради, немедленно убираться с крыши, она совершенно спокойно уселась на самый конец доски, где у кого угодно закружилась бы голова, и, смеясь, крикнула:

— Поднимайся наверх и забери нас отсюда!

Она, вероятно, и не подозревала, что полицейский Бьёрк поймает ее на слове! Однако Бьёрк был лучшим гимнастом в добровольном спортивном обществе города. И ему понадобилось всего лишь несколько секунд, чтобы забраться наверх к Еве Лотте.

— Попроси папу купить тебе лучше трапецию, — посоветовал он девочке. — Потому что если ты свер-

зишься с трапеции, у тебя, по крайней мере, останется какой-то шанс не сломать себе шею!

Затем, крепко обхватив Еву Лотту за талию, он спустился с ней вниз. Андерс и Калле тут же с видимой поспешностью слезли сами. С тех пор им очень нравился полицейский Бьёрк. И как уже говорилось, им нравилась также Ева Лотта, совершенно независимо от того, что оба они собирались жениться на ней.

— Храбрая, — одобрил девочку Андерс, — сказать такое полицейскому! Не многие девчонки способны на это. Да и не многие мальчишки тоже!

Ну а в тот темный осенний вечер, когда они устроили «кошачий концерт» этому зловредному бухгалтеру, который так жестоко обращался со своей собакой... Ева Лотта, стоя под окнами, водила канифолью по нитке, продетой в иголку, до тех пор, пока бухгалтер не выскочил из дома и чуть не схватил ее на месте преступления. Но Ева Лотта быстро перепрыгнула через забор и исчезла в переулке Ботмангренден¹, где ее ждали Андерс и Калле.

Нет, Ева Лотта была девчонкой что надо! В этом Андерс и Калле были абсолютно уверены. Андерс снова лихо свистнул в надежде, что его сигнал дойдет и до Евы Лотты. Так оно и случилось. Ева Лотта вышла из дома. Но в двух шагах за ее спиной вырос вдруг дядя Эйнар.

— А можно этому маленькому славному мальчику поиграть с вами? — спросил он.

Андерс и Калле смущенно посмотрели на него.

— Ну, например, в горелки? — заржал дядя Эйнар. — Я буду убегать от вас и петь: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!»

— Фи! — засмеялась Ева Лотта.

— А может, мы сходим посмотреть на развалины замка? — предложил дядя Эйнар. — Ведь они, верно, сохранились?

¹ Боцманский (швед.).

Да, конечно, развалины сохранились. Ведь это была самая большая достопримечательность города! Все туристы сначала обозревали их, а уже потом ходили смотреть роспись на сводчатом потолке местной церкви, хотя, разумеется, в городе появлялось не так уж много туристов.

Развалины находились на вершине холма и смотрели сверху вниз на маленький городок.

В стародавние времена некий могущественный вельможа построил этот замок, а потом мало-помалу по соседству с ним вырос и городок. Маленький городок по-прежнему жил и процветал, но от стариинного замка остались лишь живописные развалины.

Калле, Андерс и Ева Лотта ничего не имели против того, чтобы посмотреть на развалины — одно из их излюбленных прибежищ. В старых залах можно было играть в прятки, а еще — защищать замок от якобы штурмующих его врагов.

Дядя Эйнар быстро шел по узкой тропке, извивающейся в сторону развалин. Калле, Андерс и Ева Лотта бежали сзади. Время от времени они бросали друг на друга затаенные взгляды и понимающе подмигивали.

— Я охотно дал бы ему ведерко и лопатку — пусть бы сидел где-нибудь один и играл сам с собой, — прошептал Андерс.

— Как бы не так, станет он играть один, жди! — сказал Калле. — Когда взрослые вобьют себе в голову, что будут играть с детьми, тут уж ничего не поделаешь, заруби себе на носу!

— Без развлечений они никак не могут — в этом все дело! — решила Ева Лотта. — Но раз уж он мамин кузен, придется с ним поиграть. А не то станет канючить...

Ева Лотта удовлетворенно фыркнула.

— А вдруг у него *жутко* длинный отпуск! — сказал Андерс. — Наплачемся тогда с ним!

— О, он, верно, скоро махнет за границу, — сказала Ева Лотта. — В этой стране ведь жить нельзя. Ты сам слышал, что он говорил.

— По мне, пусть катится, я плакать не буду, — заметил Калле.

Густые заросли шиповника вокруг развалин были усеяны цветами. Жужжали шмели. Казалось, воздух дрожит от жары. Но в развалинах царила прохлада. Дядя Эйнар одобрительным взглядом окинул окрестности.

— Жаль, что нельзя спуститься вниз, в подземелье, — сказал Андерс.

— Это еще почему? — удивился дядя Эйнар.

— Да там поставили толстенную дверь, — стал рассказывать Калле. — И она заперта на замок. Ясное дело, там внизу много всяких потайных ходов и погребков, там мокро и сырьо, поэтому и не хотят, чтобы туда ходили. А ключ наверняка у бургомистра.

— Раньше многие падали там и ломали ноги, — объяснил Андерс. — А один малыш чуть не заблудился, так что теперь туда никомуходить нельзя. Очень жалко, ведь там можно было здорово поразвлечься.

— А вам очень хочется спуститься вниз? — спросил дядя Эйнар. — Если хочется, я могу вам это устроить.

— А как? — спросила Ева Лотта.

— Вот так! — ответил дядя Эйнар, вытащив из кармана какую-то крошечную железку.

Он повозился немного с замком, и дверь тотчас же, скрипя, распахнулась.

Изумленные дети с нежностью смотрели то на дядю Эйнара, то на дверь. Колдовство, да и только.

— Как ты это сделал, дядюшка Эйнар? Можно мне посмотреть на эту штучку? — сгорая от любопытства, спросил Калле.

Дядя Эйнар снова вытащил из кармана маленький металлический предмет.

— Это... это отмычка? — спросил Калле.

— Молодец, догадался! — ответил дядя Эйнар.

Калле был сверхсчастлив, он столько читал про разные отмычки, но никогда ни одной не видел.

— Можно подержать ее в руках? — попросил он.

Дядя Эйнар разрешил, и Калле почувствовал, что настал великий момент в его жизни. Но потом его поразила внезапная мысль. Судя по книгам, с отмычками большей частью расхаживали всякие темные личности. Тут не мешало бы разузнать поподробней.

— А зачем тебе, дядюшка Эйнар, отмычка? — спросил он.

— Потому что я не люблю запертых дверей, — отрезал дядя Эйнар.

— А мы не спустимся вниз? — спросила Ева Лотта. — Подумаешь, отмычка ведь не самое главное на свете, — добавила она таким тоном, словно всю жизнь только и занималась тем, что открывала двери отмычками.

Андерс уже спускался по полуразрушенной лестнице, которая вела в подземелье. Его карие глаза светились жаждой приключений. До чего интересно! Это только Калле считает отмычку чем-то удивительным. Ну а старые тюремные пещеры — разве это не замечательно?! Чуточку фантазии, и можно почти услышать звон цепей, которыми несчастных узников приковывали тут много сотен лет тому назад.

— Ух! Надеюсь, они не бродят здесь, как привидения, — сказала Ева Лотта и стала спускаться вниз по лестнице, робко оглядываясь по сторонам.

— Кто его знает, — сказал дядя Эйнар. — Подумать только, а вдруг явится старое замшелое привидение да как ушипнет тебя! До синяков! Вот так!

— Ай! — воскликнула Ева Лотта. — Перестаньте щипаться! Теперь-то уж точно у меня будет синяк!

Она гневно растирала свою руку.

Калле и Андерс рыскали вокруг, как две ищейки.

— Подумать только, если бы остаться внизу сколько хочешь! — восхищенно воскликнул Андерс. — И составить карту развалин и подземелья. Да еще устроить здесь секретное убежище.

Он заглянул в темные тайные ходы, разветвлявшиеся во все стороны:

— Здесь можно разыскивать человека целых две недели и не найти ничего, даже маленькой пушинки. Если совершишь какое-нибудь преступление и захочешь спрятаться, то лучше места, чем эта тюрьга, не найти.

— Ты так думаешь? — спросил дядя Эйнар.

Калле бродил вокруг, уткнувшись носом чуть ли не в самую землю.

— Боже мой, что ты делаешь? — поинтересовался дядя Эйнар.

Калле чуть покраснел:

— Я только хочу посмотреть, не осталось ли каких-нибудь следов после всех этих бедолаг, сидевших здесь в тюрьме!

— Дурачок! — сказала Ева Лотта. — После них здесь перебывала уже уйма народу.

— Дядюшка Эйнар, вы, наверное, и не знаете, что Калле у нас — суперсыщик?

Голос Андерса, произнесшего эти слова, звучал чуть насмешливо и высокомерно.

— Подумать только, а я и не знал! — произнес дядя Эйнар.

— Да, это правда, и он один из самых лучших на свете. Он — суперсыщик!

Калле угрюмо уставился на Андерса.

— Никакой я не сыщик, — сказал он. — Но мне интересно думать о всяких таких вещах. Например, о мошенниках, которые попадаются с поличным... Что худого в таких мыслях?

— Абсолютно ничего, мой милый мальчик. Надеюсь, ты скоро поймаешь целую шайку мошенников, свяжешь их и отведешь в полицию.

Дядя Эйнар снова заржал как лошадь. Калле же злился, что никто не принимает его всерьез.

— Не забивай себе башку! — продолжал Андерс. — Ведь самое большое преступление в этом городе про-

изошло тогда, когда Хромой Фредрик спер в церкви кружку с пожертвованиями. Да и то вернул ее обратно, как только пропретрзился.

— А теперь он всегда по субботам и воскресеньям сидит в кутузке, так что даже такого преступления ему не повторить, — засмеялась Ева Лотта.

— А не то мог бы, Калле, спрятаться в следующий раз за его спиной и поймать мошенника с поличным, — сказал Андерс. — Так что на твоем счету был бы хоть один негодяй.

— Не будем злорадствовать, — сказал дядя Эйнар. — Вот увидите, в один прекрасный день господин суперсыщик утрут вам нос и схватит за руку кого-нибудь, укравшего шоколадку в лавке его папы.

Калле весь кипел от злости. Ну ладно, пусть уж Андерс и Ева Лотта смеются над ним, но больше никто не смеет этого делать, а уж меньше всего пересмешник дядя Эйнар.

— Да, милый Калле, — сказал дядя Эйнар. — Будешь молодцом, если справишься со всеми этими делами! Нет-нет, оставь, брось сейчас же!

Последние слова относились к Андерсу, который, вытащив огрызок карандаша, приготовился расписаться на гладкой каменной стене.

— А разве нельзя?! — удивилась Ева Лотта. — Давайте все распишемся и поставим сегодняшнее число. Вот будет классно! Может, мы придем сюда еще много раз, когда станем жутко-прежутко старыми, ну, лет по двадцать пять или что-нибудь в этом роде. Вот было бы здорово — найти наши имена здесь внизу!

— Да, они напомнили бы нам о нашей былой молодости, — сказал Андерс.

— Ну ладно, делайте тогда что хотите, — согласился дядя Эйнар.

Калле было заупрямился и сначала не желал вместе со всеми писать свое имя на стене. Но потом передумал, и вскоре уже все три имени были аккуратно на-

писаны в один ряд на стене: «Ева Лотта Лисандер, Андерс Бенгтссон, Калле Блумквист».

— А вы, дядюшка Эйнар, разве не хотите написать и свое имя тоже? — удивилась Ева Лотта.

— Можешь быть абсолютно уверена, что я делать этого не стану, — сказал дядя Эйнар. — Вообще-то здесь холодно и сыро. А это не очень полезно для моих старых костей. Пошли-ка лучше на солнышко! И еще одно, — продолжил он как раз в тот самый миг, когда за ними снова закрылась дверь. — Мы здесь не были, понятно? Никакой болтовни!

— Что еще за новости, почему нам нельзя никому говорить об этом? — недовольно спросила Ева Лотта.

— Нет, моя прекрасная юная дама! Это — государственная тайна! — заявил дядя Эйнар. — И не забывай об этом! А не то я, может, снова тебя ушипну.

— Только попробуйте, дядюшка! — пригрозила дяде Эйнару Ева Лотта.

Когда они вышли из-под сумрачных сводов развалин замка, солнечный свет ослепил их, а жара показалась почти невыносимой.

— А что, если я попытаюсь завоевать среди вас некоторую популярность? — спросил дядя Эйнар. — Если я предложу вам по стакану лимонада с пирожными в Кондитерском саду?

Ева Лотта милостиво кивнула:

— Иногда, дядюшка, ваш котелок варит неплохо!

В кафе на свежем воздухе им достался столик возле самого барьера, на спуске к реке. Оттуда можно было бросать крошки хлеба маленьким голодным окунькам, которые приплывали к ним со всех сторон и чуть ли не высакивали на поверхность воды. Несколько высоких лип отбрасывали приятную тень. А когда дядя Эйнар заказал целое блюдо пирожных и три стакана лимонада, даже Калле начал находить его присутствие в городе вполне терпимым.

Дядя Эйнар раскачивался на стуле, бросал крошки хлеба окунькам, барабанил пальцами по столу и на свистывал песенку, а потом вдруг сказал:

— Ешьте сколько влезет, но только быстрее! Не можем же мы сидеть здесь целый день!

«Какой-то он чудной! — подумал Калле. — Вот уж непоседа! Никогда не хочет заниматься подолгу одним и тем же».

Он все больше и больше убеждался в том, что дядя Эйнар — натура беспокойная. Сам Калле сидел бы в Кондитерском саду сколько душе угодно, наслаждаясь и пирожными, и маленькими веселыми окуньками, и солнцем, и музыкой. Он не мог понять, как можно торопиться уйти отсюда.

Дядя Эйнар посмотрел на часы:

— Верно, стокгольмские газеты уже пришли. Пора! Ты, Калле, молодой и шустрой, сбегай-ка в киоск и купи мне какую-нибудь газету!

«Ясное дело, кроме меня бегать некому», — подумал Калле.

— Андерс значительно моложе и шустрее меня! — сказал он.

— В самом деле?

— Да, он родился на пять дней позже! Хотя он, разумеется, не такой услужливый! — сказал Калле, поймав на лету корону, брошенную ему дядей Эйнаром.

«Но зато я, по крайней мере, загляну в газету», — сказал самому себе Калле, купив газету в киоске. — Посмотрю хотя бы заголовки и картинки».

Газета была почти такой же, как всегда. Сначала множество материалов об атомной бомбе и еще больше — о политике, которые никому не интересны. А потом: «Автобус сталкивается с поездом», «Жестокое нападение на пожилого человека» и «Бодливая корова сеет панику», «Крупная кража драгоценностей...» и «Почему так высоки налоги?».

«Ничего особо интересного», — решил Калле.

Но дядя Эйнар жадно схватил газету. Торопливо перелистив ее, он добрался до последней страницы, где были напечатаны «Последние новости». Тут он углуился в чтение какой-то статьи и даже не услышал, когда Ева Лотта спросила его, можно ли ей взять еще пирожное.

«Что может так здорово интересовать его?» — подумал Калле.

Ему страшно хотелось заглянуть в газету через плечо дяди Эйнара. Но он не был уверен, что тому это понравится. Дядя Эйнар явно прочитал только одну статью, потому что газета выпала у него из рук и он даже не пытался поднять ее и взять с собой, когда они сразу после этого ушли из Кондитерского сада.

На Стургатан расхаживал, исполняя свои служебные обязанности, полицейский Бьёрк.

— Привет! — крикнула Ева Лотта.

— Привет! — ответил, отдавая честь, полицейский. — Ты еще ниоткуда не свалилась и не сломала себе шею?

— Пока нет, — весело ответила Ева Лотта. — Но завтра я собираюсь влезть на вышку в Городском парке, так что тогда, возможно, это произойдет. Если, разумеется, вы, полицейский Бьёрк, не явитесь туда и не снимите меня с вышки!

— Я попытаюсь, — ответил полицейский и снова отдал ей честь.

Дядя Эйнар ущипнул Еву Лотту за ухо.

— Вот как, ты водишь дружбу с полицейскими властями! — сказал он.

— Ай, отстаньте! — пискнула Ева Лотта. — Разве он не милый, ну прямо до смерти.

— Кто? Я? — спросил дядя Эйнар.

— Еще чего! — фыркнула Ева Лотта. — Ясное дело, полицейский Бьёрк.

У скобяной лавки дядя Эйнар остановился.

— До свидания, мальвки, — попрощался он. — Я не-надолго зайду сюда.

— Чудесно! — воскликнула Ева Лотта, когда он исчез.

— Да, ты права, хоть он и приглашает в Кондитерский сад, но, когда сам вечно торчит рядом, тут не разойдешься, — согласился Андерс.

Андерс и Ева Лотта немного поразвлекались, стоя на речном мосту и состязаясь, кто дальше плюнет в реку. Калле в этом не участвовал. Ему внезапно пришло в голову: а не посмотреть ли, что же дядя Эйнар купил в скобяной лавке? «Самая обыкновенная рутинная работа! Азбука сыскного дела», — сказал он самому себе. Ведь о человеке можно многое узнать хотя бы по тому, что он покупает в скобяных лавках. «Если дядюшка Эйнар купит электрический утюг, — раздумывал Калле, — значит, он — хозяйственная натура, а если самоходные санки, да, если самоходные санки... значит, он — немного не в себе! Сейчас, когда снега нет, а на дворе лето, зачем ему самоходные санки? Спорю, охотится он вовсе не за санками!»

Встав у витрины, Калле заглянул в лавку. Там у прилавка стоял дядя Эйнар, а продавец как раз что-то показывал ему. Калле, прикрыв глаза рукой, попытался разглядеть, что же это такое. То был... то был карманный фонарик!

Калле думал так, что у него трещала голова. «Для чего дядюшке Эйнару карманный фонарик? Да еще посреди лета, когда почти всю ночь светло? Сначала отмычка, потом — карманный фонарик! Все это в высшей степени таинственно и подозрительно. Дядя Эйнар и сам в высшей степени таинственная личность», — решил Калле. А он, Калле Блумквист, не из тех, кто позволит некоторым подозрительным личностям шататься вокруг без всякого надзора. За дядей Эйнаром отныне будет установлено специальное наблюдение со стороны Калле Блумквиста.

Внезапно он вспомнил: «Газета!» Если таинственная личность так необычайно интересуется тем, что написа-

но в газете, то это тоже подозрительно и нуждается в более пристальном исследовании. Самая обыкновенная рутинная работа!

Он помчался обратно в Кондитерский сад. Газета по-прежнему лежала на столе. Калле взял ее и сунул за пазуху. Газету надо приберечь: потом пригодится! Даже если ему сейчас не удастся выяснить, что так ретиво вычитывал в газете дядя Эйнар, она все равно может, пожалуй, послужить путеводной нитью в будущем.

Знаменитый сыщик Блумквист отправился домой и, весьма довольный собой, полил клубнику.

3

— Что-то надо делать, — сказал Андерс. — Не можем же мы все лето болтаться просто так, без дела. Что бы такое придумать?

Он запустил пальцы в свои густые темные волосы с таким видом, словно погрузился в глубокие размышления.

— Пять эре¹ за шикарную идею, — предложила Ева Лотта.

— Цирк, — чуть помедлив, сказал Калле. — Что, если нам устроить цирк?

Ева Лотта спрыгнула с качелей.

— Пятиэровик твой! Начнем немедленно!

— Но где мы его устроим? — поинтересовался Андерс.

— Да в нашем саду! — решила Ева Лотта. — А где же еще?

Да, сад пекаря годился почти для любой затеи. Так почему бы не устроить там и цирк? Более ухоженная часть сада с роскошными клумбами и расчищенными

¹ Мелкая монета, грош (*швед.*).

дорожками простиралась перед жилым домом. Но за домом, там, где сад небольшим клином нависал над рекой, он рос сам по себе. И там было идеальное место для всякого рода игр — ровная площадка, поросшая низкой травой, которая замечательно годилась и для футбола, и для крокета, и для всевозможных спортивных упражнений. Здесь же поблизости находилась пекарня. Поэтому дивный запах свежеиспеченного хлеба постоянно носился над этой частью сада, удивительно приятно смешиваясь с запахом сирени. И если упрямо вертеться возле пекарни, то могло случиться так, что папа Евы Лотты высунет свою, словно поросшую белым мхом, светловолосую голову из открытого окна и спросит, не хочет ли кто свежего хлебца или венскую булочку.

Внизу, ближе к реке, росло несколько старых вязов, и до чего ж замечательно было взбираться на их высокие кроны! Это было совсем нетрудно! Да и какой изумительный вид открывался оттуда на весь город! Вот река, которая, подобно серебряной ленте, извивается среди старинных домов. Вот сады и маленькая, ста-родавних времен, деревянная церковка. Еще дальше, на холме, — плоскогорье, увенчанное развалинами замка...

Река составляла естественную границу сада пекаря. Шишковатая ива простирала свои ветки далеко над водой. Можно было, сидя на верхушке дерева, удить рыбку, чем частенько и занимались Ева Лотта, Андерс и Калле. Хотя Ева Лотта, естественно, почти всегда претендовала на самое лучшее место.

— Цирк должен быть возле пекарни, — заявила Ева Лотта.

Калле и Андерс согласно кивнули.

— Нам надо раздобыть брезент, — сказал Андерс. — Затем выгородить площадку и поставить скамейки для зрителей. А дальше — все ясно! Можно начинать!

— А что, если нам сначала все-таки поупражняться в каких-нибудь акробатических номерах? — насмеш-

ливо предложил Калле. — Тебе, Андерс, разумеется, стоит только показаться перед зрителями, как люди тут же станут денежки выкладывать! Ты же прирожденный клоун, тут и репетировать нечего! А вот нам, верно, надо подготовить несколько акробатических номеров и еще что-нибудь в этом же роде!

— Я буду не просто наездницей, а вольтижером! — восторженно заявила Ева Лотта. — Возьму в пекарне нашего коня, который развозит хлеб! До чего будет чудесно!

Она стала посыпать воздушные поцелуи воображаемой публике.

— Прыжки на коне, вольтижировка, высшая школа верховой езды, наездница Ева Шарлотта! Представляете меня верхом на коне?

Калле и Андерс с обожанием смотрели на нее. Еще бы, они отлично представляли ее себе верхом на коне.

Живо и весело взялись новоиспеченные артисты цирка за работу. А уж место лучше того, что предложила Ева Лотта, трудно было отыскать. Южная стена пекарни составляла нужный фон для артистов. А на твердой, покрытой травой площадке вполне поместятся и аrena, и зрители. Единственное, что было нужно, — это парусиновый навес, который закрывал бы арену от зрителей и мог бы отодвигаться в сторону, когда начнется представление. Самой же большой заботой было переодевание артистов. Но быстрый ум Евы Лотты тут же нашел решение. Над пекарней возвышался чердак, и через большой люк под самой крышей туда подавали товары прямо со двора, не пользуясь лестницей.

— А раз можно загружать туда вещи, то их можно и выгружать оттуда, — решила Ева Лотта. — Значит, и мы можем вылезать оттуда. Привяжем наверху крепко-накрепко веревку и будем всякий раз съезжать по ней вниз, когда настанет наш черед выступать. А когда номер окончится, мы осторожно ускользнем с арены, так чтобы зрители не заметили, поднимемся по

внутренней лестнице и останемся на чердаке до следующего выхода. Будет просто колоссально и необыкновенно, верно?

— Да, это будет колоссально и необыкновенно! — подтвердил Андерс. — Если ты сможешь еще заставить коня, который развозит хлеб, так же съезжать вниз по веревке, это будет еще колоссальное и необыкновенное. Но это, верно, еще труднее. Конечно, конь обезженный и послушный, но ведь есть же и для коня пределы его возможностей!

Об этом Ева Лотта как-то не подумала. Во всяком случае, отступаться от своей блестящей идеи она не пожелала:

— Когда настанет мой черед выходить на арену и скакать верхом, кому-то из вас придется стать конюхом и провести коня, который развозит хлеб, между рядами зрителей. А затем поставить его прямо перед люком, и тогда я — бум! — съеду ему прямо на спину.

Тотчас начались репетиции и тренировки. Калле одолжил брезент у папы. Андерс съездил на велосипеде на лесопильню неподалеку от города и купил мешок опилок, чтобы посыпать арену. Веревку крепко привязали на чердаке, и трое цирковых артистов упражнялись все время, съезжая вниз, до тех пор пока не забыли обо всем на свете.

Но однажды в разгар тренировки медленно приплелся дядя Эйнар.

— Подумать только, он обошелся без нас! — воскликнула Ева Лотта. — После обеда он все время болтается один!

— Кто из вас сбегает на почту с моим письмом? — крикнул дядя Эйнар.

Все трое посмотрели друг на друга. Собственно говоря, желания идти ни у кого из них не было. Но тут в душе Калле пробудилось чувство долга. Ведь дядя Эйнар — личность таинственная, а за корреспонденцией таинственных личностей необходимо следить.

— Это сделаю я! — поспешил воскликнуть он.

Ева Лотта и Андерс с радостным изумлением посмотрели друг на друга.

— Ты почти как скаут¹: всегда готов! — сказал дядя Эйнар. Схватив письмо, Калле помчался на почту. Отбежав на почтительное расстояние, он тут же взглянул на адрес: «Фрёкен² Лоле Хельберг, Стокгольм, до востребования» — было написано на конверте.

«До востребования» означало, что адресат сам должен получить письмо на почте, Калле это знал.

«Темнит, — подумал Калле. — Почему он не напишет ей по домашнему адресу?»

Вытащив записную книжку из кармана брюк, он раскрыл ее.

«Список всех подозрительных личностей» — стояло на самом верху страницы. Раньше список охватывал немалое число разных лиц. Но потом Калле скрепя сердце был вынужден повычеркивать их всех до единого после того, как ему так и не удалось уличить их в чем-либо преступном. Теперь же в списке был только один-единственный человек: дядя Эйнар. Его имя было подчеркнуто красным, и ниже чрезвычайно обстоятельно выписаны все его приметы. За приметами шел новый раздел: «Особо подозрительные обстоятельства», и в нем стояло: «Имеет отмычку и карманный фонарик». Естественно, у самого Калле тоже был карманный фонарик, но это же совсем другое дело!

С некоторым трудом выудив из кармана огрызок карандаша, он, прислонившись к забору, сделал следующее дополнение в записной книжке: «Переписывается с фрёкен Лолой Хельберг в Стокгольме, до востребования».

Затем Калле пустился бежать к ближайшему почтовому ящику и через несколько минут вернулся назад

¹ Букв: разведчик (англ.). Здесь: бойскаут — член детской организации военно-патриотического характера.

² Барышня, девица (швед.).

в «Калоттан», как после зрелых размышлений был окрещен их цирк.

— Что означает это слово? — спросил дядя Эйнар.

— «Ка» — это Калле, «Лотт» — Ева Лотта, а «Ан» — Андерс, яснее ясного, — объяснила Ева Лотта. — А вообще-то, дядюшка Эйнар, вам нельзя смотреть, как мы репетируем.

— Жестокая весть, — сказал дядя Эйнар. — Что же прикажете мне целый день делать?

— Спуститься вниз к реке и поудить рыбу, — предложила Ева Лотта.

— О небо! Ты хочешь, чтобы у меня был нервный срыв?

«Очень беспокойная натура», — подумал Калле.

Ева Лотта, между прочим, не знала сострадания. Она немилосердно, не обращая внимания на его мольбы, прогнала дядю Эйнара. И репетиции в цирке «Калоттан» пошли без перерыва. Андерс был самым сильным и самым гибким и ловким: поэтому-то он по справедливости и стал директором цирка.

— Но я тоже хочу немножко пораспоряжаться, — заявила Ева Лотта.

— Хватит, ты и так распоряжаешься, и не немножко, — сказал Андерс. — Кто из нас директор, ты или я?

Директор цирка вбил себе в голову, что он должен сколотить настоящую, высокого класса группу акробатов, и заставлял Калле с Евой Лоттой тренироваться по несколько часов в день.

— Ну вот, теперь хорошо, — удовлетворенно сказал он, когда Ева Лотта в голубом костюме гимнастки, улыбающаяся и стройная, выпрямилась, стоя одной ногой на его плече, а другой — на плече Калле. Мальчики же, широко раздвинув ноги, оперлись на зеленую доску качелей. Так что Ева Лотта поднялась гораздо выше в воздух, чем ей, собственно говоря, самой хотелось. Но она скорее бы умерла, чем призналась, что,

когда она смотрит вниз, в животе у нее возникают какие-то неприятные ощущения.

— Было бы просто здорово, если бы ты хоть разок постояла на руках, — выдавил из себя Андерс, пытаясь сохранить равновесие. — Это произвело бы сильное впечатление на зрителей.

— Было бы просто здорово, если бы ты уселся на собственную голову, — отрезала Ева Лотта. — Это произвело бы еще более сильное впечатление на зрителей.

И в этот самый миг в саду раздался ужасающий вой, за ним последовали душераздирающие вопли. Какое-то существо попало в величайшую беду. Ева Лотта закричала и, рискуя жизнью, спрыгнула на землю.

— Ой, что это, ради всего святого? — спросила Ева Лотта.

Все трое выбежали из цирка. Через секунду им на встречу выкатился какой-то серый клубок. Именно этот клубок и издавал те самые ужасающие вопли. А клубком был всего лишь Туссе, котенок Евы Лотты.

— Туссе, о Туссе, что же это? — пролепетала Ева Лотта.

Она схватила котенка, не обращая внимания на то, что он царапался и кусался.

— О, — сказала Ева Лотта, — кто-то... О, как не совестно, кто-то крепко привязал к его хвостику эту дрянь, чтобы напугать котенка до смерти!

К хвосту котенка был привязан шнурок, а на шнурке болталась жестянка, которая при каждом прыжке животного ужасающе дребезжала. Слезы полились ручьем из глаз Евы Лотты.

— Если б я знала, кто это сделал, я бы...

Она подняла глаза. В двух шагах от нее стоял дядя Эйнар и весело смеялся.

— Ох, ох, — повторял он, — смешнее этого я в жизни не видывал.

Ева Лотта кинулась к нему:

— Это сделали вы, дядя Эйнар?

— Сделал? Что сделал? О Боже! Какие прыжки! Вот умора! Зачем ты сняла жестянку?

Тут Ева Лотта закричала и бросилась на него. Она била его кулаками куда попало, меж тем как слезы не переставая струились по ее щекам.

— Это отвратительно, о, как не совестно, я ненавижу вас, дядя Эйнар!

Тут веселое лошадиное ржание смолкло. Лицо дяди Эйнара странно изменилось. На нем появилось выражение ненависти, испугавшее Андерса и Калле. Они так и застыли на месте, превратившись в двух неподвижных зрителей этого необычайного представления. Крепко схватив Еву Лотту за руки, дядя Эйнар почти что прошипел:

— А ну успокойся, девчонка! А не то я тебе все кости переломаю!

Ева Лотта чуть не задохнулась; дыхание ее стало тяжелым и прерывистым. А руки бессильно повисли, ощущив на миг железную хватку дяди Эйнара. Она испуганно смотрела на него. Отпустив ее, он несколько смущенно провел рукой по волосам. А потом улыбнулся и сказал:

— Что с нами, собственно говоря, происходит? У нас что, соревнование по боксу? И вообще, о чём речь? Я думаю, ты выиграла в первом раунде, Ева Лотта!

Ева Лотта не ответила ни слова. Взяв котенка, она повернулась на каблучках и ушла, очень прямая и стройная.

4

Когда в комнате у Калле появлялись комары, они очень мешали ему спать. Вот и теперь какой-то летучий негодник разбудил его.

— Нелюдь, — пробормотал он, — хоть бы таких, как ты, вовсе на свете не было!

Он потрогал себя за подбородок в том месте, куда его укусил комар. Потом посмотрел на часы. Скоро час. Время, когда все порядочные люди давно уже спят.

— Кстати, — сказал он сам себе. — Интересно, спит этот истязатель котят или нет?

Он зашлепал к окну и выглянул наружу. В мансарде горел свет.

«Спи он чуточку побольше, может, и не был бы такой беспокойной натурой, — подумал Калле. — А не будь он такой беспокойной натурой, он, может, спал бы побольше».

Странно, но ему вдруг показалось, будто дядя Эйнар услыхал его мысли, так как в эту минуту в мансарде погас свет. Калле только собрался было снова залезть в постель, как внезапно случилось нечто, заставившее его вытаращить глаза от удивления. Дядя Эйнар осторожно выглянул в открытое окошко и, убедившись, что поблизости никого нет, вылез на пожарную лестницу. Миг, и он уже на земле! Держа что-то под мышкой, он быстрыми шагами направился к сараю рядом с пекарней, где хранились разные инструменты и всякая снасть.

Поначалу Калле замер от удивления. Он так опешил, что не мог прийти в себя и что-то предпринять. Но тут же бурный водопад мыслей, догадок и вопросов обрушился на него. Он дрожал от нетерпения и восторга. Наконец-то, наконец-то нашлась на свете личность, которая и в самом деле оказалась таинственной и подозрительной! И не только на первый взгляд, но и после более глубокого изучения. Ведь одно это подозрительно: взрослый человек посреди ночи вылезает из окошка! Не будь он преступником, он, верно, воспользовался бы обыкновенной лестницей.

— Вывод номер один, — сказал самому себе Калле, — он не желает, чтобы кто-то в доме слышал, что он уходит. Вывод номер два: он замышляет какое-то

страшное преступление. Ой, ой, какой же я болван, стою здесь и ничего не делаю!

Калле впрыгнул в брюки с такой быстротой, которая сделала бы честь любому пожарному. Затем как можно быстрее итише спустился вниз по лестнице, повторяя одну и ту же немую мольбу: «Только бы не услышала мама!»

Сарай, где хранились разные инструменты и всякая снасть! Зачем дядя Эйнар пошел именно туда? О Боже, подумать только, а что, если он решил взять там несколько инструментов, чтобы убивать людей направо и налево? Калле был уже абсолютно уверен, что дядя Эйнар — тот самый убийца, которого он так долго искал, своего рода мистер Хайд¹, который творил злодеяния, лишь только над городом спускался мрак.

Дверь в сарай была распахнута, но дядя Эйнар исчез. Калле отчаянно оглядывался по сторонам. Вот он! На некотором расстоянии впереди себя он увидел темную фигуру, которая быстро удалялась, потом свернула за угол и скрылась из виду.

Калле помчался галопом в том же направлении. Скорее, скорее, если хочешь помешать чудовищному преступлению! Уже на бегу его буквально пронзила мысль: что он, Калле, собственно говоря, может сделать? Что он скажет дяде Эйнару, если успеет схватить его? Подумать только, а что, если именно он, Калле, станет жертвой дяди Эйнара? Не пойти ли ему в полицию? Но нельзя ведь ни с того ни с сего прийти в полицию и сказать: «Этот человек вылез посреди ночи из окошка! Арестуйте его!» Ведь нет законов, в которых было бы сказано, что нельзя влезать и вылезать из окон хоть все ночи напролет, если только на это есть охота. Да и носить с собой отмычку тоже не запрещено. Нет, в полиции только посмеются над ним!

¹ Герой философской повести английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894) «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886).

А вообще-то куда девался дядя Эйнар? Калле нигде не мог его обнаружить. Он словно сквозь землю провалился! Ну что ж, тогда и беспокоиться нечего! Однако Калле было ужасно досадно, что он потерял его след. Даже если он, Калле, и не желает вступать в открытую схватку с дядей Эйнаром, все же по долгу сыщика он обязан следовать за ним по пятам и выяснить все, что тот собирается натворить. Он, Калле, — тихий, незаметный свидетель, который когда-нибудь в будущем сможет выйти вперед и сказать: «Господин судья! В ночь на двадцатое июня этот человек, которого мы видим теперь на скамье подсудимых, вылез в окно, расположенное на втором этаже дома пекаря Лисандера в нашем городе, спустился по пожарной лестнице вниз, затем направился в сарай с разными инструментами и всякой снастью, в сарай, расположенный в саду вышеупомянутого пекаря, и затем...» Вот это и есть самое главное! Что же он, собственно говоря, затем сделал? Об этом Калле уже никогда не сможет рассказать!.. Дядя Эйнар исчез.

Калле неохотно отправился домой. На углу улицы стоял полицейский Бьёрк.

— Ну и ну, какого черта ты болтаешься здесь среди ночи? — спросил он.

— А ты, дядюшка Бьёрк, не видел тут человека, который проходил бы мимо? — нетерпеливо прервал его Калле.

— Человека? Нет, здесь, кроме тебя, никто не проходил. Беги домой и ложись спать! Я бы тоже это сделал, если бы не служба.

Калле пошел домой. «Никто не проходил!» Ну да, ведь всем известно, что могут увидеть полицейские! Мимо них целая футбольная команда пройдет, а они ее даже не заметят. Хотя Калле охотно сделал бы исключение для Бьёрка. Ведь он, пожалуй, лучше других полицейских. Но это все-таки он сказал: «Беги домой и ложись спать!» Да, на что это похоже! Единственного человека,

который и вправду умеет видеть, полицейский открыто призывает идти домой и лечь спать! Ничего удивительного, что в стране столько нераскрытых преступлений.

Но в любом случае, кажется, ничего другого делать не остается, кроме как бежать домой и лечь спать. Что Калле и сделал.

На другой день репетиции в цирке «Калоттан» возобновились.

— А дядюшка Эйнар уже встал? — спросил Калле Еву Лотту.

— Не знаю! — ответила Ева Лотта. — И вообще не спрашивай о нем. Я надеюсь, что он проспит до обеда, чтобы Туссе успел успокоить свои истрепанные нервы.

Однако прошло совсем немного времени, и снова возник дядя Эйнар. Он принес целый мешочек шоколадок, который тут же бросил Еве Лотте со словами:

— Цирковой примадонне необходимо чем-то подкрепиться!

Ева Лотта жестоко боролась сама с собой. Она обожала шоколадки, это правда. Но солидарность с Туссе требовала, чтобы она бросила обратно мешочек, сказав: «Нет, спасибо!» А что, если ей попробовать только одну, а потом бросить мешочек обратно? И угостить Туссе салакой? Нет, это будет не очень хорошо с ее стороны.

Она так долго колебалась, что подходящий момент для такого широкого жеста был упущен. Дядя Эйнар прошелся на руках, а вернуть назад мешочек с шоколадками человеку, который находится в подобной позиции, — дело не из легких. Ева Лотта приняла мешочек, прекрасно сознавая, что это — жест примирения со стороны дяди Эйнара. Она решила угостить Туссе двумя салаками и отныне обращаться с дядей Эйнаром вежливо, но холодно.

— Разве я плохой артист? — спросил дядя Эйнар, снова поднявшись на ноги. — Неужели я не достоин того, чтобы получить место в цирке «Калоттан»?

— Нет, туда взрослых не берут, — сказал Андерс, играя роль директора цирка.

— Нигде нет никакого понимания, — вздохнул дядя Эйнар. — А что скажешь ты, Калле? Как полагаешь, не жестоко ли со мной обращаются?

Но Калле не слышал, что он говорил. Как зачарованный смотрел он на некий предмет, выпавший из кармана дяди Эйнара, пока тот ходил на руках. Отмычка! Вот она, лежит на траве, он, Калле, мог бы ее взять...

Но он совладал с собой.

— Жестоко обращаются? Разве? — спросил он, придавив ногой отмычку.

— Вы ведь не даете с вами играть, — пожаловался дядя Эйнар.

— Чепуха!.. — фыркнула Ева Лотта.

Калле был рад, что внимание переключилось на Еву Лотту. Босой ногой он ощупал отмычку. Теперь следовало бы поднять ее и сказать дяде Эйнару: «Дядюшка Эйнар, вы потеряли отмычку!» Но это было выше его сил. Калле незаметно сунул отмычку в свой собственный карман.

— По местам! — гаркнул директор цирка.

И Калле прыгнул прямо на качели.

Трудна жизнь артиста цирка! Репетиции, сплошные репетиции! Июньское солнце сильно припекало, и пот градом катился с «Трех desesperados»¹ — самой замечательной группы Скандинавии. Так назвала их троица Ева Лотта, и слова эти были написаны на ярких афишах, расклеенных повсюду на углах домов.

— Не желают ли трое desesperados съесть по булочке?

В окошке пекарни появилась симпатичная физиономия пекаря Лисандера. Он протянул детям противень со свежеиспеченными булочками.

— Спасибо! — поблагодарил его директор цирка. — Может быть, потом. Сытое брюхо к учению глухо.

¹ Удальцы, отчаянные люди, сорвиголовы (*исп.*).

— Худшего со мной еще не случалось! — сказала Ева Лотта.

Мешочек с шоколадками был уже давным-давно пуст, и желудок ее после всех этих гимнастических упражнений тоже казался совершенно пустым.

— Да, теперь, пожалуй, можно сделать передышку, — сказал Калле, вытирая пот со лба.

— Вы что, не считаете меня директором, раз сами все равно распоряжаетесь? — Голос Андерса прозвучал довольно сердито.

— Хорошенькие desesperados, нечего сказать. Булочка-кадос-Обжорадос, вот вы кто! Так бы и написали на афишах!

— Есть надо, иначе померешь, — заявила Ева Лотта и помчалась на кухню за соком.

А когда пекарь потом протянул из окна целый кулек со свежими булочками, директор цирка сдался и вздохнул, хотя втайне был искренне рад и доволен. Он обмакивал булочки в сок и ел гораздо больше других. В доме у них булочки появлялись очень редко, да и ртов было слишком много, чтобы их разделить на всех поровну.

Разумеется, папаша частенько говорил: «Ну, сейчас вам достанутся другие булочки, получите на орехи!» Но он имел в виду вовсе не хлеб, а трепку! И поскольку Андерс считал, что на орехи он получал достаточно, он, сколько мог, держался от дома подальше. Ему гораздо больше нравилось у Калле и Евы Лотты.

— Твой папашка жутко добрый, — сказал Андерс, вонзив зубы в пшеничную булочку.

— Такого больше нет, — признала Ева Лотта. — Но он и веселый к тому же. Он такой жутко занудливый, что мама, по ее словам, страшно с ним замучилась. А хуже всего для него — кофейные чашки с отбитыми ручками. Он говорит, что мама, я и Фрида только и делаем, что отбиваем ручки у кофейных чашек. Вчера он пошел и купил две дюжины новых, а вернувшись

домой, взял молоток и отбил у них все ручки. «Чтобы избавить вас от лишних хлопот!» — сказал он, оставив кофейные чашки на кухне. Мама так смеялась, что у нее живот заболел, — сказала Ева Лотта и взяла еще одну булочку. — Но папа не любит дядю Эйнара, — неожиданно продолжила она.

— Так, может, он отобьет ручки и ему? — с надеждой в голосе предложил Андерс.

— Кто его знает, — сказала Ева Лотта. — Папа говорит, что слов нет, как он обожает родственников! Но при виде всех этих маминых кузин, и тетушек, и дядюшек, и всяких дальних родственников, слоняющихся по всему дому, у него появляется безумное желание засесть в одиночную камеру в какой-нибудь дальнейшей тюрьме.

— По-моему, там лучше бы сидеть дяде Эйнару, — быстро произнес Калле.

— Хо-хо! — воскликнул Андерс. — Ты, верно, обнаружил, что именно дядя Эйнар казнил правителей из рода Стуре?¹

— Да ну тебя! — огрызнулся Калле. — Я знаю то, что знаю!

Андерс и Ева Лотта расхохотались.

«Да, а что, собственно говоря, я знаю-то? — подумал Калле немного погодя, когда репетиции в тот день закончились. — Я знаю только, что я ничегошеньки не знаю!»

Он был недоволен самим собой. Но тут внезапно вспомнил про отмычку. В нем все замерло от напряженного ожидания. Запертая дверь — вот что ему нужно! А почему бы не попробовать открыть ту дверь,

¹ Дворянский род Стуре (1472–1520) («Великие», швед.) правил Швецией почти пятьдесят лет (с немногими перерывами). После избрания правителем страны Густава I Васы (1496–1560) в 1523 г. сторонники рода Стуре вступили в борьбу за власть и подняли мятеж против короля. В 1525 г. волнения в стране были подавлены, а руководители восстания из рода Стуре казнены.

замок которой уже отмыкал дядя Эйнар?! Дверь подземелья в развалинах замка! Не тратя времени на раздумье, Калле уже мчался по улицам, боясь, чтобы кто-нибудь из знакомых не увязался за ним. А добравшись до холма, понесся наверх по извивающейся тропке с такой быстротой, что, когда наконец остановился перед закрытой дверью, ему пришлось немного отдохнуть, чтобы перевести дух. Когда же он всовывал отмычку в замочную скважину, у него немного дрожала рука. Неужели повезет?

Сначала казалось, что на это вроде непохоже. Но, немного повозившись, он почувствовал, что замок поддается. Неужели все так просто? Дверь жаловалась и стонала, поворачиваясь на заржавелых петлях. Калле заколебался, но всего на один миг. До чего ужасно спускаться одному вниз, в темные подземные ходы! Но теперь, когда путь свободен, надо быть последним дураком, чтобы не спуститься вниз хотя бы еще разок. Он зашагал вниз по лестнице, испытывая огромное удовлетворение при мысли о том, что он — единственный мальчик в городе, получивший возможность это сделать. А почему бы ему не написать еще раз свое имя на стене? Если он, Андерс и Ева Лотта когда-нибудь снова спустятся сюда, он покажет им, что его имя крается на стене в двух местах. А это значит, что он побывал здесь дважды.

И тут он увидел... На стене имен не было! Их перечеркнула толстая полоса фломастера, так что ничего нельзя было прочитать.

— Вот тебе и раз! — громко сказал Калле. — Нежто какой-то призрак былых времен, который терпеть не может, когда расписываются на стенах, явился и стер все следы?

Калле содрогнулся от ужаса. Но можно ли представить себе призрака, вооруженного фломастером? Калле вынужден был сознаться самому себе, что это малоправдоподобно. Но кто-то же, в самом деле, сделал это?

— Как я сразу не сообразил? — прошептал Калле. — Дядя Эйнар! Ясное дело! Ведь дядя Эйнар пытался помешать нам писать свои имена, и дядя же Эйнар перечеркнул их вообще. Он не хотел, чтобы кто-нибудь хотя бы когда-нибудь, спустившись вниз, в подземелье, узнал о том, что мы были здесь!

Настолько-то Калле соображал! Но когда мог дядя Эйнар перечеркнуть их имена?! Ведь имена — совершенно точно — целые и невредимые красовались на стене, когда они в прошлый раз покидали развалины.

— Ой, какой же я дурень! — сказал Калле. — Да конечно же ночью!

Дядя Эйнар побывал в развалинах замка нынче ночью. Поэтому-то он и купил карманный фонарик. Но неужели же он и вправду положил столько трудов только на то, чтобы замазать несколько имен на стене? А что тогда ему делать в сарае, где хранились инструменты и снасть? Может, взять оттуда фломастер?

Калле презрительно расхохотался. А потом огляделся вокруг, пытаясь обнаружить какие-нибудь другие следы визита дяди Эйнара. Через маленькие отдушины в стенах подвала туда проникал скучой свет, но его не хватало, чтобы осветить все углы и закоулки. Да и вообще, кто поручится, что дядя Эйнар побывал лишь в этой части подземелья, расположенной ближе всего к лестнице, там, где Калле, Ева Лотта и Андерс написали на стене свои имена? Подвал был большой. Темные ходы разветвлялись в разные стороны. У Калле не было ни малейшего желания продолжать свою изыскательскую экспедицию под сумрачными сводами и дальше. Да это и вообще бесполезно, раз нет фонарика.

Но одно ясно: дяде Эйнару не видать больше свою отмычку. Это Калле решил совершенно безоговорочно. Разумеется, совесть его чуточку восставала, говоря, что нельзя присваивать чужое, но Калле быстро заставил смолкнуть все доводы своей мятежной совести. Зачем

отдавать дяде Эйнару отмычку? Кто знает, какие еще двери собирается он открывать с ее помощью? Если дядя Эйнар действительно личность подозрительная, то он, Калле, скорее всего, совершил доброе дело, изъяв ее. А кроме того, уж очень соблазнительно — сохранить ее для себя. Андерс, Ева Лотта и он могли бы устроить себе в этом подвале штаб-квартиру, они могли бы обыскать там каждый уголок и выведать, что делал в подземелье дядя Эйнар.

— Последнее — важнее всего, — решил для себя Калле.

Он уже собрался уходить, как вдруг у самой нижней ступеньки лестницы заметил какой-то крошечный белый предмет. Быстро нагнувшись, он поднял его. Это была жемчужина — белая, сверкающая жемчужина.

5

Калле лежал на спине под грушевым деревом. Ему хотелось как следует подумать, а это лучше всего получалось у него в лежачем положении.

— Вполне вероятно, что жемчужина лежала там со времен Густава Васы¹ и что какая-нибудь тяпа-растяпа — знатная дворянская девчонка — спустилась в погреб за бутылкой светлого пива да и рассыпала там свое жемчужное ожерелье, — рассуждал прославленный сыщик Калле Блумквист. — Но возможно ли это? Когда решаешь криминалистическую задачу, — продолжал он, поворачиваясь на бок, чтобы заглянуть в глаза воображаемому собеседнику, — нужно всегда считаться с реальностью, — знаменитый сыщик крепко ударили кулаком по земле, — а истина, реальность состоит

¹ Густав I Васа (1496–1560) — король Швеции с 1523 г. Избран королем после восстания против датчан, которое возглавил.

в том, что жемчужина эта *не* лежит там со времен Густава Васы, потому что в таком случае нашелся бы, верно, кроме меня, еще какой-нибудь глазастый парень, который мог бы найти ее. Вообще-то если жемчужина лежала здесь не далее чем с позавчерашнего дня, когда мы были в подземелье, то столь бдительный молодой человек, как я, обнаружил бы ее тотчас же. Особенno если бы так же тщательно осмотрел земляной пол. Да, да... — Он, словно защищаясь, отмахнулся рукой от воображаемого собеседника, который выражал ему свое восхищение. — Это же самая обыкновенная рутинная работа и ничто иное. Таким образом, какой вывод можно сделать из высказанного? С величайшей приверженностью к истине можно утверждать, что этот так называемый дядюшка Эйнар потерял жемчужину во время посещения развалин замка. Может, я не прав?

Воображаемый собеседник явно не возразил ему, потому что прославленный сыщик Блумквист продолжал:

— Спрашивается: видел ли кто-нибудь дядюшку Эйнара с жемчужным ожерельем на шее? Расхаживает ли он по городу, так и сверкая жемчужинами и драгоценностями? — Рука знаменитого сыщика решительно хлопнула по земле: бац! — Определенно нет! Поэтому, — и он схватил воображаемого собеседника за обраторот пальто, — если этот дядюшка Эйнар расхаживает тут, сея вокруг жемчуга, то вправе ли я рассматривать это как крайне подозрительное обстоятельство или нет?

Ни малейшего возражения не последовало.

— Однако, — продолжал суперсыщик, — разве я из тех, кто судит на основании одних лишь инди... индиций?¹ Дело это необходимо расследовать, и я полагаю, я осмеливаюсь утверждать, что я с этим справлюсь.

¹ Косвенных улик (*лат.*).

Тут воображаемый собеседник разразился таким потоком лестных суждений относительно детективных способностей господина Блумквиста, что самому господину Блумквисту они показались даже чуточку чрезмерными.

— Ну-ну, без преувеличений, — мягко сказал он. — Лучший сыщик, который когда-либо существовал на свете?.. Это все же несколько преувеличено. Лорд Питер Уимси тоже был не промах!

Калле достал записную книжку. Под рубрикой «Особенно подозрительные обстоятельства» он добавил: «Наносит ночные визиты в развалины замка. Теряет жемчужины».

Очень довольный, он перечитал все свои записи о дяде Эйнаре. Теперь для полноты счастья оставалось только одно: получить отпечаток пальца дяди Эйнара! На это ушло все утро. Он часами болтался вокруг своей жертвы, подставляя ей самым коварным образом маленькую штемпельную подушечку из своей домашней игрушечной типографии. Он надеялся, что дядя Эйнар по рассеянности поместит указательный палец сначала на подушечку, а затем на нужный листок бумаги. Но как ни странно, дядя Эйнар так и не попался в ловушку.

— Видать, продувная он бестия, — фыркнул Калле.

Оставалось одно — усыпить его с помощью хлороформа, а затем попытаться взять отпечаток пальца, пока дядя Эйнар без сознания.

— Валяешься тут, лодынь несчастный, а представление через пятнадцать минут!

Андерс, повиснув на заборе, бросал уничтожающие взгляды на кайфовавшего Калле. Хорошо отдохнувший Калле вскочил. Нелегко быть одновременно и сыщиком, и артистом цирка! Он пролез через дыру в заборе и помчался во всю прыть рядом с Андерсом.

— Хоть кто-нибудь пришел? — задыхаясь, спросил он.

— Спрашиваешь! — ответил Андерс. — Все места заняты. А многие стоят.

— Тогда мы, верно, почти разбогатели?

— Сбор — восемь крон пятьдесят эре, — ответил Андерс. — Вместо того чтобы валяться на зеленой лужайке, как турецкий паша, ты бы лучше сменил Еву Лотту в кассе.

Они ринулись вверх по лестнице на чердак пекарни. Там уже стояла Ева Лотта и смотрела в щелочку между ставнями.

— Битком набито! — сказала она.

Калле подошел к окну и тоже заглянул в щелочку. В саду сидели все ребята из их квартала, а также несколько пришлых чужаков. Кроме того, на самой передней скамейке восседал, словно на троне, дядя Эйнар. Рядом с ним сидели пекарь и фру Лисандер, а на следующей скамейке Калле увидел собственных папу и маму.

— Я так нервничаю, что у меня ноги подкашиваются, — пискнула Ева Лотта. — Будьте готовы к тому, что в акробатическом номере я свалюсь вам прямо на голову. И конь, который развозит хлеб, не в духе, так что опасаюсь худшего, зря я его дрессировала!

— Смотри! Не опозорь нас, — строго сказал Андерс.

— Пора начинать! — нетерпеливо воскликнул дядя Эйнар.

— Полагаю, это решаем мы, — заметил директор цирка.

Но все же надел на голову свой цилиндр (вернее, цилиндр пекаря Лисандера), открыл люк, схватился за веревку и приземлился на арене. Ева Лотта изобразила резкие звуки трубы, а публика доброжелательно зааплодировала. Тем временем Калле прокрался вниз по лестнице, отвязал коня, который развозил хлеб, а теперь стоял привязанный к дереву. На глазах радостно удивленных зрителей он протащил животное между

скамейками. Директор снял цилиндр, учтиво поклонился, затем схватил бич, прислоненный к стене пекарни, и громко щелкнул... И сам он, и публика ожидали, что конь, развозивший хлеб, пустится бодрой рысью вокруг арены. Но у коня был совсем другой настрой. Он только тупо глазел на публику. Директор еще раз удариł бичом и громко, так, чтобы слышала публика, прошептал:

— Ну погоди, глупая скотина!

Тогда конь наклонился и стал поедать жухлую траву, кое-где пробивавшуюся сквозь опилки. С чердака послышалось радостное хихиканье. То хихикала ожидавшая своего выхода «наездница высшего класса вольтижировки», которая никак не могла совладать со своей веселостью. Публика тоже радовалась, особенно дядя Эйнар и мама Евы Лотты. В этот момент в дело вмешался штальмейстер Калле. Взяв коня под уздцы, он провел его прямо к чердачному люку. Схватив веревку, Ева Лотта приготовилась к решающему прыжку вниз, на спину коня. Но тут конь вдруг куда-то заторопился. Он совершил такой прыжок, который сделал бы честь заправскому цирковому скакуну. И когда Ева Лотта съехала вниз, никакой конской спины, куда можно было бы приземлиться, уже не было. Девочка висела в воздухе, беспомощно болтая ногами, до тех пор, пока Андерс и Калле, употребив силу, не приволокли коня назад. Ева Лотта плюхнулась ему на спину. Андерс ударил бичом, и конь, развозивший хлеб, вяло затрусили по арене. Ева Лотта сжимала голыми пятками его бока, чтобы придать коню немного огня, но все напрасно.

— Скотина! — шипела Ева Лотта.

Но, увы, конь не поддавался ни на какие уговоры. Предполагалось, что он будет бешеным аллюром скакать по арене и резвыми прыжками отвлекать внимание публики. А публика-дуря и не заметит, как примитивны трюки Евы Лотты. Но теперь, когда конь, развозивший хлеб, отказался внести какой-либо подлинно

весомый вклад в цирковое искусство, весь номер — ничего не поделаешь — производил довольно кислое впечатление.

«Сколько же овса я перевела за все годы на этого доходягу», — с горечью думала Ева Лотта.

Между тем, разъярившись вконец, директор ударили бичом перед мордой коня, развозившего хлеб. И конь от ужаса встал на дыбы. Это придало крайне драматичную концовку всему номеру и значительно скрасило общее впечатление.

— Ну, если и акробатический номер провалится, — сказал Андерс, когда артисты снова поднялись на чердак пекарни, — то нам придется вернуть деньги за билеты. Цирковой конь, который останавливается, чтобы пощипать травку, — это просто неприлично! Не хватает только, чтобы Ева Лотта начала лопатить булочки во время акробатического номера!

Но Ева Лотта не стала этого делать, и трех desesperados ожидал колоссальный успех. Дядя Эйнар отломил ветку белой сирени и с глубоким поклоном преподнес ее Еве Лотте. Остальная часть программы прошла на менее высоком уровне, но номер клоуна произвел сильное впечатление, и песенка Евы Лотты тоже. Вообще-то ведь песенки в цирке не распевают, но надо было чем-то заполнить программу. И Ева Лотта сама сочинила ее. Речь в песенке в основном шла о дяде Эйнаре.

— Но, Ева Лотта, — сказала ей мама, когда девочка кончила петь, — нельзя быть такой язвой, когда речь идет о старших.

— Когда речь идет о дяде Эйнаре — можно, — возразила Ева Лотта.

Когда представление окончилось, фру Лисандер привгласила всю труппу и гостей в беседку на чашку кофе. Бакалейщик Блумквист и пекарь Лисандер частенько сиживали по вечерам в этой беседке, рассуждая о политике. Иногда они рассказывали разные истории, и тогда

Ева Лотта, Калле и Андерс тоже присаживались на скамейку и слушали.

— Неужели сегодня на всех чашках ручки целы? — удивился пекарь. — Должно быть, настал конец света! Что с тобой, милая Миа? — спросил он, бросив ласковый взгляд на жену. — Наверно, у тебя сегодня было столько дел, что ты не успела отломать хотя бы несколько ручек?

Фру Лисандер беззаботно рассмеялась и пригласила фру Блумквист отведать кусочек бисквита. Пекарь погрузил свою дородную фигуру в садовое кресло и бросил испытующий взгляд на кузена жены.

— И не скучно тебе, Эйнар, слоняться без дела? — поинтересовался он.

— Я не жалуюсь, — ответил дядя Эйнар. — Я вполне могу обойтись без работы. Хотелось бы только, чтобы сон был получше.

— Хочешь снотворного? — предложила фру Лисандер. — У меня еще остались порошки с тех пор, как у меня болела рука и мне прописал их доктор.

— А по мне, работа — лучше всякого снотворного, — сказал пекарь. — Встань-ка завтра в четыре утра и помоги мне печь хлеб. Гарантирую, следующую ночь будешь спать как убитый!

— Спасибо, я предпочитаю снотворное, — сказал дядя Эйнар.

Великий сыщик Калле Блумквист, сидя рядом со своей мамой по другую сторону стола, подумал: «Лучший способ заснуть — спокойно лежать в своей постели. А если шатаешься всю ночь напролет, то, верно, неудивительно, если не можешь сомкнуть глаз. Но если дядя Эйнар примет снотворное, то, пожалуй, угомонится».

Андерс и Ева Лотта уже выпили кофе. Сидя на лужайке перед беседкой, они дули в травинки, страшно радуясь жутким пронзительным звукам, которые им удавалось извлечь оттуда. Калле, знавший, что он —

непревзойденный мастер свистеть в травинки, только было собрался присоединиться к ним, как вдруг в голову ему пришла идея. Светлая и просто гениальная идея, достойная суперсыщика. Он утвердительно кивнул: «Да-да, именно так и должно быть!»

Он вскочил, сорвал травинку, подул в нее, и в воздухе разнеслись пронзительные и ликующие звуки фанфар.

6

Конечно, затея была не без риска. Но знаменитый сыщик должен идти на риск. А не хочешь — выбей из головы мысль о профессии сыщика и стань продавцом горячих сосисок или кем-то еще в этом роде. Калле не боялся, нет. Но затея была волнующей и напряженной, жутко напряженной.

Он завел будильник на два часа ночи. Два часа ночи — время подходящее. Интересно, когда подействует сноторвное? Калле точно этого не знал. Но уж в два-то часа ночи дядя Эйнар будет спать как убитый. Калле иначе и не думал. И тогда он осуществит свой план. Потому что, если уж ты встретил наконец Таинственную личность, то *необходимо* получить отпечатки ее пальцев. Особые приметы, родимые пятна и все остальное в этом роде, вероятно, прекрасно, но, во всяком случае, ничто не идет в сравнение с неподдельными отпечатками пальцев!

Прежде чем залезть в кровать, Калле бросил последний взгляд в окно. Белые шторы в окне напротив тихо колыхались от ночного ветерка. Там, в комнате, дядя Эйнар. Может, он только что принял сноторвное и лег спать. Калле, волнуясь, потирал руки. Это будет вовсе не трудно. Много-много раз Ева Лотта, он и Андерс пользовались пожарной лестницей. Последний раз весной, когда на чердаке у Евы Лотты устроили разбой-

ничью пещеру. А уж если дядя Эйнар может вылезти из окна, то Калле сумеет туда влезть!

— Итак, в два часа ночи, клянусь жизнью!

Калле залез в постель и мигом уснул. Спал он неспокойно, и ему снилось, что дядя Эйнар гонится за ним по саду пекаря. Калле мчался изо всех сил, но дядя Эйнар догонял его. В конце концов крепко схватив Калле за шиворот, он спросил:

— Разве ты не знаешь, что у всех сыщиков должны быть крепко привязаны к хвосту жестянки, чтобы издали было слышно, когда они идут?

— Да, но у меня ведь нет хвоста, — защищался несчастный Калле.

— О, пустая болтовня, он у тебя, ясное дело, есть! А это, по-твоему, что такое?

И когда Калле посмотрел, он увидел, что у него точь-в-точь такой же хвост, как у Туссе.

— Вот так, — сказал дядя Эйнар, привязав ему к хвосту жестянку. Калле несколько раз подпрыгнул, и жестянка ужасающе задребежжала. Он был так несчастен, что чуть не заплакал. Что скажут Андерс и Ева Лотта, когда он явится в таком виде, с дребезжащей жестянкой на хвосте? Никогда больше не доведется ему играть с ними. Никто, верно, не захочет водиться с тем, от кого исходит такой страшный шум. Но тут вдруг рядом оказались Андерс и Ева Лотта; они смеялись над ним.

— Так всегда бывает с сыщиками, — сказал Андерс.

— Правда, что у всех сыщиков жестянка на хвосте? — простонал Калле.

— Абсолютная правда, — ответил Андерс. — Таков закон.

Ева Лотта закрыла уши руками.

— Черт побери, как ты гремишь, — сказала она.

Калле должен был признаться, что такого просто невыносимого шума он никогда не слышал. Звон, грохот, дребежжание...

Калле проснулся. Будильник — ой, как громко он звонит! Калле поспешил выключить его. И в этот миг он проснулся окончательно. Боже мой, никакого хвоста у него нет! Сколько в мире такого, за что надо быть благодарным! А теперь — скорее за дело!

Он побежал к письменному столу. Штемпельная подушечка лежала в ящике. Он сунул ее в карман. Ой, бумага ему тоже нужна. Ну вот, все готово!

С величайшими предосторожностями прокрался он по лестнице, избегая ступенек, которые, как он знал, скрипели.

«Полный порядок!» — сказал воришка.

Калле даже развеселился.

Он легко протиснул сквозь дыру в заборе свое худенькое мальчишеское тело — и вот он уже стоит в саду пекаря. Как тихо кругом! И как благоухает сирень! А яблони! Все совершенно иначе, чем днем. Во всех окнах темнота. Даже в окне дяди Эйнара!

В душе Калле что-то затрепетало, когда он поставил ногу на нижнюю ступеньку пожарной лестницы. В первый раз он почувствовал, как в нем просыпается едва заметный страх. Стоит ли столько терпеть ради того, чтобы снять отпечаток пальца? Собственно говоря, он даже не знает, зачем ему этот отпечаток.

«Но, — рассуждал он, — дядя Эйнар, вероятно, мошенник, а у мошенников всегда берут отпечатки пальцев. Значит, ты возьмешь отпечаток пальца у дяди Эйнара. Это ведь самая обыкновенная рутинная работа!» — так подбадривая себя, суперсыщик начал подниматься по пожарной лестнице.

«Ну а если дядя Эйнар не спит? Только я суну голову в дверь, а он сядет в кровати и как уставится на меня! Что я скажу тогда?»

Калле лез уже менее уверенно.

«Добрый вечер, дядюшка Эйнар! Какая сегодня ночь прекрасная погода! Я вот вышел из дома и прогуливаюсь тут взад-вперед по пожарной лестнице!»

Нет, это не годится!

«Надеюсь, тетушка Мия дала ему жутко сильнодействующее снотворное», — подумал Калле, пытаясь подбодрить самого себя. Но все-таки, поднимаясь над подоконником, он почувствовал себя человеком, сущим голову в змеиное гнездо.

В комнате было сумрачно, но не настолько, чтобы нельзя было ориентироваться. Калле похож был в эту минуту на маленькую испуганную и любопытную зверюшку, готовую исчезнуть при первых признаках опасности.

А вот и кровать. Оттуда слышалось глубокое дыхание. Слава Богу, дядя Эйнар спит! Бесконечно медленно Калле перелез через подоконник. Время от времени он приподнимал голову, чтобы прислушаться. Но все было спокойно.

«Уж не дала ли она ему крысиного яду, больно крепко он спит», — подумал Калле.

Он лег на пол и, осторожно извиваясь, пополз по пластунски к своей жертве. Да, самая обыкновенная рутинная работа! Какая неожиданная удача! Правая рука дяди Эйнара вяло повисла над краем кровати. Оставалось только взять ее и...

Но как раз в эту минуту дядя Эйнар что-то пробормотал во сне и, подняв руку, закрыл ею лицо.

«Тук, тук, тук!» Калле подумал, уж не спрятана ли в комнате какая-нибудь паровая машина. Но это колотилось, словно желая вырваться наружу, его собственное сердце.

Между тем дядя Эйнар по-прежнему спал. Теперь рука его уже покосилась на одеяле. Калле поднял крышку штемпельной подушечки и осторожно, словно притрагиваясь к пылающим угольям, схватил большой палец дяди Эйнара и прижал его к штемпельной подушечке.

— Э-фу! — выдохнул дядя Эйнар.

Теперь остается лишь вытащить листок бумаги. Но куда он, черт побери, запропастился? Да, ведь он был

светло-голубым! И вот на кровати перед ним лежит его личный мошенник с чернилами на большом пальце, все готово, а он, Калле, не может найти листок бумаги! А, вот! Он там! В кармане брюк! С величайшей осторожностью Калле прижал большой палец дяди Эйнара к листку бумаги. Дело сделано! Есть отпечаток пальца дяди Эйнара! Калле не радовался бы так, даже получи он в подарок белую мышь, которой больше всего жаждало его сердце.

Бесшумно отползти назад, а затем перемахнуть через подоконник! Проще простого!

Да, все бы прошло как по маслу, не будь тетя Миа такой любительницей цветов. На одной половине подоконника, там, где окно было закрыто, стояла в горшке маленькая скромная герань. Калле осторожно поднялся и...

В какой-то миг он подумал, что произошло землетрясение или еще какое-то другое стихийное бедствие, вызвавшее такой чудовищный грохот. А это был всего-навсего маленький жалкий горшок с геранью.

Калле стоял у окна, спиной к кровати дяди Эйнара. «Сейчас я умру, — подумал он, — да это и к лучшему!» Всеми фибрами своей души он слышал, чувствовал и понимал, что дядя Эйнар проснулся. А вообще-то ничего удивительного! Горшок с геранью загремел так, словно все горшки в цветочной лавке разбились вдребезги.

— Руки вверх!

Это был голос дяди Эйнара и в то же время чей-то незнакомый голос. Да, в нем звучала... да, в нем звучала сталь...

Опасности лучше смотреть прямо в глаза. Калле обернулся и заглянул прямо в дуло пистолета. Ах, сколько раз он мысленно стоял под дулом пистолета. Но никогда не падал духом. Быстрым ударом оглушал он целившегося в него противника и со словами: «Зачем так торопиться, милостивый господин» — ловко отбирал у него

револьвер. В действительности же все обстояло несколько иначе. Калле не раз в своей жизни испытывал страх. Однажды он испугался, когда на городской площади на него бросилась собака банковского служащего. И еще зимой, когда он въехал на лыжах прямо в прорубь... Но никогда, никогда в жизни не чувствовал он такого парализующего, такого удушающего страха, как в этот миг.

«Мама», — подумал он.

— Подойди ближе! — приказал стальной голос.

Да, приблизишься тут, если у тебя вместо ног всего лишь пара мягких отварных макаронин. Но Калле все-таки сделал попытку подойти.

— Боже мой, неужели это ты, Калле?

Из голоса дяди Эйнара исчезла сталь. Однако он строго продолжал:

— Что, собственно говоря, ты делаешь здесь среди ночи? Отвечай!

«Помоги мне, Господи, — взмолился в душе Калле. — Как я смогу ему объяснить?»

В час величайшей беды на тебя иногда находит озарение, которое может спасти. Калле вспомнил вдруг, что несколько лет тому назад он имел обыкновение бродить во сне. Бродил вокруг по ночам до тех пор, пока мама не свела его к врачу и тот не прописал ему успокоительное лекарство.

— Да ну же, Калле? — сказал дядя Эйнар.

— Как я попал сюда? — спросил Калле. — Как я попал сюда? Уж не начал ли я снова бродить во сне? Ой, теперь я вспоминаю, мне ведь приснились вы, дядюшка Эйнар. («И это — правда», — подумал Калле.) Так что извините, пожалуйста, что я явился сюда и помешал вам спать.

Дядя Эйнар убрал пистолет и похлопал Калле по плечу.

— Да-да, дорогой мой суперсыщик, — сказал он. — Сдается мне, это все твои криминальные идеи! Это они заставляют тебя бродить во сне. Попроси маму угостить

тебя капелькой брома перед сном, и вот увидишь, тебе станет лучше. А теперь я выпровожу тебя отсюда.

Дядя Эйнар проводил его вниз по лестнице и открыл наружную дверь. Калле поклонился. Секунду спустя он уже пролезал через дыру в заборе со скоростью намыленного кролика.

— Ай да я! Мал, да удал! — прошептал Калле.

Он чувствовал себя как будто только что спасся после кораблекрушения. Ноги не держали его, их била какая-то странная дрожь. Он с трудом смог протащить себя вверх по лестнице, а когда вошел наконец в свою комнату, то рухнул на кровать, ловя ртом воздух.

— Ай да я! Мал, да удал! — снова прошептал он.

Он долго сидел не шевелясь.

Опасная профессия — профессия сыщика! Многие думают, что это всего-навсего самая обыкновенная рутинная работа... но это не так. На каждом шагу приходится подставлять голову под дуло пистолета, да... по меньшей мере! Калле почувствовал, что ноги перестают дрожать. Парализующий страх прошел. Он сунул руку в карман брюк. Там лежал драгоценный клочок бумаги. Калле больше не испытывал страха. Он был счастлив! С чрезвычайной осторожностью вытащил он маленький клочок бумаги и положил его в левый ящик письменного стола. Там уже лежали отмычка, газета и жемчужина. Мать не могла бы нежнее смотреть на своих детей, чем Калле — на содержимое своего ящика. Он тщательно запер его и положил ключ в карман. Затем, вытачив записную книжку, открыл ее на страничке, посвященной дяде Эйнару. Нужно было сделать еще одно небольшое добавление.

«У него пистолет, — записал Калле. — Держит его во время сна под подушкой».

В это время года семейство Лисандер обычно завтракало, сидя на веранде. Они как раз принялись за кашу, когда Калле и Андерс вынырнули поблизости, чтобы привлечь внимание Евы Лотты. Калле было страшно

интересно, скажет ли дядя Эйнар что-нибудь о его ночном визите. Но дядя Эйнар как ни в чем не бывало ел кашу.

— Ой, Эйнар, какая досада! — воскликнула внезапно фру Лисандер. — Ведь я забыла дать тебе вчера вечером снотворное!

7

«Самое интересное — это когда готовишься к чему-либо» — к такому выводу пришел Андерс сразу после премьеры в цирке. Представление само по себе было тоже довольно увлекательно и интересно, но все равно в памяти осталось лишь время, предшествовавшее премьере, дни, целиком заполненные репетициями и напряженными тренировками. Бывшие цирковые артисты расхаживали вокруг, не зная, куда себя девать. Калле меньше всех страдал от безделья. Работа сыщика заполняла не только его дни, но иногда даже и ночи. Его кипучая деятельность, которая раньше носила скорее общий характер, теперь полностью сконцентрировалась на дяде Эйнаре. Андерс и Ева Лотта частенько поговаривали о том, что, мол, скорее бы этот дядюшка Эйнар катился подальше. Однако Калле с ужасом ожидал того дня, когда его личный мошенник упакует свой чемодан и исчезнет. А он, Калле, останется один, без всякой Таинственной личности, занимавшей его мысли. И еще досадней, если дядя Эйнар уберется прежде, чем Калле успеет разузнать, какое, собственно говоря, преступление он совершил. В том, что он был преступником, Калле ни минуты не сомневался. Правда, все, кого он прежде считал преступниками, оказывались в конце концов вполне добропорядочными людьми, или, во всяком случае, их нельзя было уличить в каком-нибудь злодеянии. Но на этот раз Калле был абсолютно уверен в том, что дядя Эйнар — преступник.

«Столько индий, что иначе и быть не может», — повторял он, убеждая самого себя всякий раз, когда его охватывало сомнение.

Но Андерс и Ева Лотта ни капельки не интересовались борьбой с преступностью. Они слонялись без дела, томясь от скуки. К счастью, случилось так, что в один прекрасный день, когда Андерс шел по улице Стургатан в обществе Евы Лотты, сын почтмейстера Сикстен заорал ему вслед: «Юбочник!» И это как раз в то время, когда шайка Сикстена и шайка Андерса заключили на время перемирие! Вероятно, и Сикстену было смертельно скучно, так, что даже по такому пустяковому поводу он захотел пустить в ход боевую секиру.

Андерс остановился. Ева Лотта тоже.

— Что ты сказал? — спросил Андерс.

— Юбочник! — повторил Сикстен, буквально выплевывая это слово.

— Вот как! — ответил Андерс. — А я-то думал, что ослышался. Жаль, придется отдубасить тебя, несмотря на жару!

— О, пожалуйста! — обрадовался Сикстен. — Я могу положить потом кусок льда на твою голову. Если останешься в живых!

— Встретимся вечером в Прерии, — предложил Андерс. — Иди домой, подготовь свою мамашу... Старайся, по возможности, щадить ее нервы!

На этом они и расстались; Андерс и Ева Лотта, необычайно оживленные, отправились домой — поднять боевую тревогу и оповестить обо всем Калле. Заваривалась драка, которая наверняка скрасит дни их летних каникул.

Калле между тем был занят по горло. Через дыру в заборе он неотрывно наблюдал за дядей Эйнаром, когда тот словно неприкаянный метался по саду.

Вообще-то Калле не желал, чтобы ему мешали. Но весть о том, что Сикстен снова поднял боевую секиру,

он счел весьма обнадеживающей. Втроем уселись они в беседке Евы Лотты и принялись обсуждать радостную весть. И тут внезапно откуда-то вынырнул дядя Эйнар.

— Никто не хочет со мной играть, — захныкал он. — Что здесь, собственно говоря, происходит?

— Мы собираемся пойти в Прерию и вступить в драку, — отрезала Ева Лотта. — Андерс будет биться с Сикстеном.

— А кто такой Сикстен?

— Один из самых сильных ребят в городе, — сказал Калле. — Андерсу наверняка зададут перцу.

— Это уж точно, — весело согласился Андерс.

— Может, мне пойти и помочь тебе? — предложил дядя Эйнар.

Андерс, Калле и Ева Лотта выпустили глаза — неужто он и вправду думает, что они станут вмешивать взрослого человека в свои драки? Чтобы все испортить?

— Ну, Андерс, что скажешь? — спросил дядя Эйнар. — Идти мне с вами?

— Не-а, — ответил Андерс, неприятно задетый тем, что приходится отвечать на такой глупый вопрос. — Нет, это было бы нечестно!

— Да, пожалуй что так, — согласился дядя Эйнар, но вид у него был несколько оскорблённый. — Хотя это было бы целесообразно. Но ты, пожалуй, чуточку слишком молод, чтобы понять значение слова «целесообразность». Понимание приходит с годами.

— Надеюсь, к нему никогда такая дурость не придет, — заявила Ева Лотта.

Тут дядя Эйнар, круто повернувшись на каблуках, ушел.

— По-моему, он разозлился, — сказала Ева Лотта.

— Да, взрослые, пожалуй, бывают чудные, но уж такого чудного, как этот, не сыщешь, — усмехнулся Андерс. — К тому же он с каждым днем становится все занудливей.

«Эх, если бы вы только знали!» — подумал Калле.

Огромный пустырь, широко раскинувшийся на окраине городка и буйно заросший кустарником, назывался Прерия. Прерия принадлежала всем детям города. Здесь они жили жизнью золотоискателей на Аляске, здесь воинственные мушкетеры сражались на кровопролитных дуэлях, здесь зажигались лагерные костры в Скалистых горах¹, здесь же в джунглях Африки стреляли львов, благородные рыцари гарцевали тут на своих гордых скакунах, а страшные чикагские гангстеры безжалостно расстреливали своих противников из автоматических пистолетов... Все зависело от того, какой фильм крутили в это время в кинотеатре городка. Летом кинотеатр был, разумеется, закрыт, но ребята тем не менее не оставались без дела. Кое-кто сводил в драках сугубо личные счеты, да и в самые мирные игры можно было с успехом играть в Прерии.

Сюда-то в сладостном предвкушении драки и направили свои стопы Андерс, Калле и Ева Лотта. Сикстен был уже там со всей своей шайкой. Его сотоварищей звали Бенка и Юнте.

— Сюда идет жаждущий увидеть кровь, которая хлынет из твоего сердца! — закричал Сикстен, оживленно фехтуя руками.

— А кто твои секунданты? — поинтересовался Андерс, не обращая внимания на жуткую угрозу.

Его вопрос был больше для проформы; он отлично знал секундантов Сикстена.

— Юнте и Бенка!

— А это — мои! — представил Андерс Еву Лотту и Калле, указывая на них рукой.

— Какое предпочитаете оружие? — согласно правилам, спросил Сикстен.

Все совершенно ясно сознавали, что никакого другого оружия, кроме кулаков, у дуэлянтов нет. Но когда

¹ Горный массив в США.

придерживаешься определенных формальностей, все кажется более благородным.

— Кулаки, — как и ожидали, ответил Андерс.

И вот началось. Четверо секундантов, стоя на почтительном расстоянии, следили за поединком, так вживаясь в происходящее, что пот лил с них градом. Что до дуэлянтов, то можно было увидеть лишь калейдоскоп мелькающих рук и ног да взлохмаченные вихры. Сикстен был сильнее, зато Андерс быстр и подвижен, как бельчонок. Ему уже с самого начала удалось надавать недругу несколько крепких тумаков. Но они еще больше разъярили Сикстена, пробудив в нем неслыханную жажду сражаться. У Андерса уже не оставалось никаких надежд. Ева Лотта закусила губу. Калле бросил быстрый взгляд, как бы со стороны. Он и сам охотно ринулся бы в битву ради нее. Но, увы, на сей раз был перед Андерса, обладавшего тем преимуществом, что именно его называли «юбочником».

— Поддай ему, Андерс! Поддай! — в упоении кричала Ева Лотта.

И тут Андерс, тоже успевший не на шутку разъяриться, ринулся в бешеную рукопашную, заставившую Сикстена ретироваться. По правилам такая дуэль должна была длиться не более десяти минут. Бенка следил за временем, зажав в кулаке часы, а оба дуэлянта, зная, что время дорого, старались изо всех сил, чтобы исход битвы решился в их пользу.

Но тут Бенка воскликнул:

— Брейк!

И, совладав с собой, Сикстен и Андерс скрепя сердце последовали его приказу.

— Ничья! — рассудил Бенка.

Сикстен и Андерс пожали друг другу руки.

— Оскорбление смыто! — заявил Андерс. — Но завтра я намереваюсь оскорбить тебя, и тогда мы сможем продолжить нашу битву.

Сикстен согласно кивнул:

— Это означает новую войну Белой и Алой Розы¹.

Сикстен и Андерс окрестили свои шайки в честь двух доблестных родов из истории Англии.

— Да, — торжественно провозгласил Андерс, — теперь снова начинается война Алой и Белой Розы, и тысячи тысяч душ пойдут на смерть во мраке ночи.

Эта тирада также была почерпнута из истории, и ему казалось, что звучит она на редкость красиво, особенно после битвы, которая только что закончилась, и когда на Прерию спускаются сумерки.

Белые Розы — Андерс, Калле и Ева Лотта — серьезно пожали руки Алым — Сикстену, Бенке и Юнте — и на этом расстались.

Самым примечательным было то, что, хотя Сикстен считал, будто именно он положил начало новым сражениям, закричав вслед Андерсу, прогуливавшемуся с Евой Лоттой по улице: «Юбочник», он полагал девчонку вполне достойным противником, настоящим представителем ордена Белой Розы.

Три Белые Розы отправились домой. Особенно спешил Калле. Ему было не по себе, если не удавалось вести ежечасное наблюдение за дядей Эйнаром.

«Это все равно что завести в доме рождественского поросенка», — думал Калле.

У Андерса из носа шла кровь. Сикстен, правда, предупреждал насчет крови, которая «хлынет из сердца» Андерса, но до настоящей опасности пока дело не дошло.

— На этот раз ты прекрасно провел матч, — восхищенно произнесла Ева Лотта.

— Всамделе! — застенчиво сказал Андерс, глядя на закапанную кровью рубашку.

Когда он вернется домой, ясное дело, опять поднимется шум. Так уж лучше поскорее!

¹ Война между английскими династиями Йорков и Ланкастеров (1455–1485).

— Встретимся завтра! — крикнул он и помчался домой.

Калле и Ева Лотта составили компанию друг другу. Но тут Калле вспомнил, что мама просила его купить вечернюю газету. Попрощавшись с Евой Лоттой, он один направился к киоску.

— Все вечерние газеты проданы! — сказала дама, сидевшая в киоске. — Попробуй раздобыть у швейцара в гостинице.

Что ж, ничего другого не придумаешь! Перед самой гостиницей Калле встретил полицейского Бьёрка. Мальчик ощутил прилив симпатии к нему. Разумеется, Калле был частный сыщик, а частные сыщики постоянно как бельмо на глазу у обычных полицейских, которые чаще всего оказываются необыкновенными лопухами при решении даже самых простых уголовных загадок. Но Калле все равно чувствовал, что между ним и Бьёрком существует какая-то связующая нить. Они оба боролись с преступностью в обществе. Калле испытывал огромное желание кое о чем порасспросить полицейского Бьёрка. Разумеется, тут двух мнений и быть не могло, всем было ясно, что Калле для своих лет — особо выдающийся криминалист. Но все же, несмотря на его способности, ему было всего тринадцать лет. В основном ему удавалось закрыть глаза на это мелкое обстоятельство, и в процессе работы сыщика он всегда видел себя зрелым мужем с острым проницательным взглядом и трубкой, *nonchalant*¹ торчащей в уголке рта. Законопослушные сограждане величают его «господин Блумквист» и обращаются к нему с необычайнейшим почтением. Зато преступные элементы взирают на него с глубочайшим страхом. Но как раз в этот миг он почувствовал себя всего лишь тринадцатилетним мальчиком, который склонен признать, что полицейский Бьёрк обладает некоторым опытом, которого ему, Калле, явно не хватает.

¹ Небрежно (фр.).

— Привет! Как поживаешь? — сказал полицейский.

— Привет! Нормально! — ответил Калле.

Полицейский бросил испытующий взгляд на черный лакированный автомобиль «вольво», припаркованный возле гостиницы.

— Стокгольмский! — сказал он.

Калле, заложив руки за спину, встал рядом с ним. Долгое время стояли они так, совершенно молча и задумчиво разглядывая редких прохожих, одиноко пересекавших вечернюю площадь.

— Дядя Бьёрк, если думаешь, что такой-то человек — негодяй, как поступить в таком случае? — внезапно спросил Калле.

— Врезать ему как следует, — весело ответил полицейский Бьёрк.

— Да, но я имею в виду — если он совершил какое-нибудь преступление, — продолжал Калле.

— Задержать его, ясное дело, — сказал полицейский.

— Да, а если считаешь, будто он преступник, а доказать не можешь, — настаивал Калле.

— Следить за ним, черт побери, не спуская глаз! — Полицейский широко улыбнулся. — Вон что, хлеб у меня отбиваешь? — дружелюбно продолжал он.

«И вовсе не отбиваю...» — возмущенно подумал Калле.

Никто не принимал его всерьез.

— Привет, Калле, теперь мне надо ненадолго отлучиться на вокзал. Подежурь тут пока за меня!

И полицейский Бьёрк ушел.

«Следить за ним не спуская глаз!» — сказал Бьёрк. Как можно выследить человека, если он только и делает, что все время сидит в саду и выслеживает самого себя! Ведь дядя Эйнар буквально ничем не занимается. Он либо лежит, либо сидит, либо мечется в саду пекаря, словно зверь в клетке, и требует, чтобы Ева Лотта, Андерс и Калле развлекали его и помогали ему убивать

время. Именно так, убивать время. Не похоже, чтобы у дяди Эйнара был отпуск, скорее, он чего-то ждет.

«Но чего, хоть убей, никак не могу вычислить», — подумал Калле и поднялся в гостиницу. Швейцар был занят, и Калле пришлось ждать. Швейцар беседовал с двумя мужчинами.

— Скажите, пожалуйста, не проживает ли здесь в гостинице некий господин Бране, — спрашивал один из них, — Эйнар Бране?

Швейцар покачал головой.

— Вы абсолютно уверены?

— Да, безусловно!

Двое мужчин тихонько обменялись несколькими словами.

— А некто по имени Эйнар Линдеберг тоже здесь не проживает? — спросил тот, кто вел беседу.

Калле так и подскочил. Эйнар Линдеберг! Да это же дядюшка Эйнар! Ну и ну! Всегда приятно оказать людям любезность. И Калле только собрался открыть рот и рассказать, что Эйнар Линдеберг живет у пекаря Лисандера, но в последнюю минуту что-то помешало ему, и у него вырвались лишь сомнительные звуки: «Эхх-пр-рм!..»

«Сейчас ты чуть не свалял дурака, мой дорогой Калле, — с упреком сказал он самому себе. — Подождем-ка лучше и посмотрим, что будет дальше!»

— Нет, постояльца с такой фамилией у нас тоже нет, — уверенно заявил швейцар.

— Но вам, разумеется, известно, не появлялся ли здесь в городе за последнее время человек по имени Бране или Линдеберг. И не жил ли он где-нибудь в другом месте, а не в этой гостинице? Именно это я и имел в виду.

Швейцар снова покачал головой.

— All right¹. Нельзя ли получить у вас двойной номер?

¹ В данном случае: «Ну ладно» (англ.).

— Пожалуйста! Номер тридцать четыре, наверное, подойдет, — вежливо ответил швейцар. — Будет готов через десять минут. На какой вам срок, господа?

— Это зависит от... Думаю, на пару дней.

Тут швейцар вытащил регистрационную книгу, чтобы гости могли записать в нее свои фамилии. А Калле, в необычайном возбуждении, купил наконец свою вечернюю газету.

— Ну и дела! — прошептал он самому себе. — Что-то за этим кроется!

Было совершенно немыслимо уйти отсюда прежде, чем он составит себе ясное представление, кто эти двое, интересовавшиеся дядей Эйнаром. И разумеется, он понял, что швейцар будет несколько изумлен, если он, Калле Блумквист, усядется в вестибюле гостиницы и станет читать газету. Но другого выхода не было. С видом крупного коммерсанта, совершающего деловую поездку, Калле развалился в одном из кожаных кресел. Он надеялся всем сердцем, что швейцар не выставит его из гостиницы. К счастью, швейцару пришлось отвечать на телефонный звонок и у него не было времени уделить Калле какое бы то ни было внимание.

Указательным пальцем Калле проткнул в газете две дырки, одновременно ломая голову над тем, как объяснить маме такое странное вмешательство в ее вечернее чтение. Затем он стал раздумывать над тем, кто эти двое. Быть может, сыщики? Сыщики ведь чаще всего появляются вдвоем, по крайней мере в фильмах. А что, если он подойдет к одному из них и поздоровается: «Добрый вечер, дорогой коллега!»

— Это было бы глупо, просто по-идиотски! — сам себе ответил Калле.

Никогда не надо опережать события.

Ой, ой! Как иногда везет! Эти двое подошли и уселись в креслах прямо напротив Калле. Он мог через дырки в газете глазеть на них сколько влезет.

«Приметы! — сказал себе суперсыщик. — Самая обыкновенная рутинная работа! Сначала один... Ну, знаете ли... За такую рожу просто штрафовать надо!»

Более мерзкой физиономии Калле видеть просто не приходилось. И в глубине души он подумал, что общество по охране красоты города наверняка охотно отвалило бы кругленькую сумму за то, чтобы этот тип убрался отсюда подальше. Трудно было решить, что именно делало его лицо таким отталкивающим: низкий ли лоб, слишком ли близко посаженные глаза, нос ли с горбинкой или рот, обезображеный своеобразной кривой улыбкой. «Уж если он не мошенник, то я архангел Гавриил собственной персоной...» — думал Калле.

Во внешности другого незнакомца, невысокого и белокурого, ничего примечательного не было, если не считать почти болезненной бледности. И глаза у него были какие-то очень бледно-голубые, с блуждающим взглядом.

Калле не спускал с них такого пристального взгляда, что казалось даже странным, как это глаза его не выскочили из смотровых дырок в газете.

Да и ушки у суперсыщика Блумквиста были на макушке. Парочка вела оживленную беседу, хотя, к сожалению, Калле многое расслышать не мог. Но вот бледнолицый сказал более громко:

— Тут и говорить нечего! Он точно здесь, в этом городе! Я сам видел его письмо к Лоле. На почтовом штемпеле было отчетливо написано «Лильчёпинг».

«Письмо к Лоле! Лола Хельберг, кто же еще?! Да, котелок мой варит!» — удовлетворенно констатировал Калле.

Он ведь сам отправил письмо Лоле Хельберг, так ком же еще могла быть эта достопочтенная дама! И имя ее есть в его записной книжке.

Калле напряженно старался уловить как можно больше из беседы незнакомцев, но — напрасно! Вскоре

явился швейцар и объявил, что номер готов принять гостей.

Мордоворот и Бледнолицый поднялись и пошли. Калле резко последовал их примеру, но вдруг увидел, что швейцара за конторкой нет. И вообще никого, кроме него самого, в этот момент в вестибюле гостиницы не было. Ни секунды на раздумья! Он раскрывает регистрационную книгу и смотрит. Еще раньше он заметил, что Мордоворот расписался там первым. «Туре Крук, Стокгольм». Да, должно быть, это он! А как зовут Бледнолицего? «Ивар Редиг, Стокгольм».

Калле вытащил свою маленькую записную книжечку и тщательно вписал туда имена и приметы своих новых знакомцев. Открыв книжку на странице дяди Эйнара, он записал: «Иногда, по-видимому, называет себя Эйнар Бране». Затем, сунув газету под мышку, он, весело насвистывая, покинул гостиницу.

Но оставалось еще одно: автомобиль! Очевидно, это была их машина, стокгольмские машины не так уж часто встречались в их городе. Если бы они приехали семичасовым стокгольмским поездом, то, верно, уже давным-давно получили бы номер в гостинице. Он записал номер и прочие приметы. Потом осмотрел покрышки. Все были давно потертыми, кроме правой задней, совсем свеженькой. Калле сделал небольшой набросок узора покрышек.

— Самая обыкновенная рутинная работа! — сказал он, сунув записную книжку в карман брюк.

8

На следующий день, как и договорились, разразилась война Алой и Белой Розы. Сикстен обнаружил в своем почтовом ящике клочок бумаги, испещренный ужасающими оскорблениями. «Подлинность вышеизложенного удостоверяет Андерс Бенгтссон, предводитель Белой Розы, коему ты не достоин даже развязать шнур-

ки его ботинок» — было написано на клочке бумаги... И, свирепо скрежеща зубами, Сикстен выбежал со двора, чтобы отыскать Бенку и Юнте. Белые Розы в полной боевой готовности залегли в саду пекаря, поджиная нападения Алых. Калле залез на высоченный клен, откуда открывался вид на всю улицу, вплоть до самой виллы почтмейстера. Калле был разведчиком Белой Розы, но не забывал и о своем личном недруге.

— Вообще-то у меня нет времени воевать, — сказал он Андерсу. — Я очень занят!

— Вот тебе раз! — воскликнул Андерс. — Что, снова разыгрывается какая-нибудь криминальная драма? Как обычно? Что, Хромой Фредрик снова собирается опустошить церковную кружку?

— Пошел ты... — предложил другу Калле.

Он понял, что бесполезно рассчитывать даже на малейшее понимание. И, выполняя приказ предводителя, послушно взобрался на дерево. Беспрекословное повиновение предводителю было одной из заповедей Белой Розы.

Между тем то, что Калле был определен в разведчики, имело свое преимущество: не спуская глаз с Алых, он мог одновременно следить и за дядей Эйнаром. В данный момент тот сидел на веранде, помогая тете Мие чистить клубнику. Точнее, почистив с десяток ягод, он закурил сигарету и, усевшись на перила веранды, принялся болтать ногами. Затем чуточку подразнил Еву Лотту, пробегавшую мимо в штаб-квартиру Белой Розы на чердаке пекарни... А вид у него был такой, словно ему все смертельно наскучило.

— А не надоело тебе слоняться без дела? — услышал Калле вопрос тети Мии. — Сходил бы в город, погулял, или съездил на велосипеде искупаться, или еще что-нибудь в этом роде. Вообще-то в гостинице по вечерам бывают танцы, почему бы тебе не пойти туда?

— Спасибо за заботу, милая Мия, — ответил дядя Эйнар, — но мне так прекрасно здесь в саду, что у меня нет ни малейшей надобности в чём-то другом. Здесь я

могу по-настоящему прийти в себя и восстановить свои истрепанные нервы. Я чувствую себя так спокойно и уверенно с тех пор, как приехал сюда.

«Спокойно и уверенно, ну и чепуха! — подумал Калле. — Он примерно так же спокоен, как змей, очутившийся в муравейнике. Он так невероятно спокоен, что не может спать по ночам, просто валяется на кровати с револьвером под подушкой!»

— А собственно говоря, сколько времени я уже здесь? — поинтересовался дядя Эйнар. — Дни так летят, что и не запомнишь, сколько прошло.

— В субботу будет две недели, — ответила тетя Миа.

— Боже мой! А не больше? Мне кажется, я пробыл здесь уже целый месяц. Верно, пора мне подумать об отъезде.

«Нет, погоди немного, еще не время! — взмолился Калле, сидя тихонько на верхушке клена. — Сначала я должен узнать, почему ты засел здесь и трясишься от страха, как заяц, застрявший в кустарнике».

Калле был так удивлен беседой на веранде, что совершенно забыл: ведь он еще и разведчик Белой Розы! Его вернул к действительности шепот внизу на улице. Это держали военный совет Сикстен, Бенка и Юнте, пытавшиеся заглянуть в сад сквозь дырку в заборе. Калле, сидевшего на верхушке клена, они не заметили.

— Мамаша Евы Лотты и какой-то хмырь сидят на веранде, — докладывал Сикстен. — Так что через большую калитку нам не пройти. Совершим обходной маневр, пройдем через мостик и захватим их врасплох со стороны реки. Они наверняка затаились в своей штаб-квартире на чердаке пекарни.

Алые снова исчезли. Калле поспешил спуститься с дерева и понесся к пекарне, где Андерс и Ева Лотта коротали время, съезжая вниз по веревке, оставшейся еще с тех дней, когда они готовились к выступлению в своем цирке.

— Алые идут! — закричал Калле. — Миг, и они переправятся через реку!

В том месте, где река пересекала сад пекаря, ширина ее была два-три метра, и Ева Лотта держала на берегу доску, которая в случае необходимости могла служить подъемным мостом. Переправа эта была не очень надежна. Но если быстро и уверенно бежать по доске, то шанс свалиться в воду был очень невелик. Хотя если это и случалось, то в худшем случае дело ограничивалось парой промокших брюк или юбкой, поскольку река в этом месте была совсем неглубока.

Белые Розы тут же заторопились и навели переправу, а потом спокойно спустились вниз и поползли под прикрытием ольшаника вдоль берега реки. Долго ждать им не пришлось. Со все возрастающим восхищением наблюдали они, как Алье вынырнули на противоположном берегу, осторожно высматривая, не спрятались ли где-нибудь их враги.

— Ха, мост не поднят! — воскликнул Сикстен. — В битву! Победа будет за нами!

Он ринулся на доску, служившую подъемным мостом. Бенка следовал за ним по пятам. Только этого Андерс и ждал. Будто молния бросился он вперед и как раз тогда, когда Сикстен готовился ступить на сущу, слегка подтолкнул доску. Большего и не требовалось.

— То же случилось и с фараоном, когда он хотел перейти Красное море!¹ — закричала Ева Лотта, поддразнивая плескавшегося в воде Сикстена.

Затем Белые Розы кинулись во всю прыть к пекарне, меж тем как Сикстен и Бенка, одержимые жаждой мести, с громкими проклятиями карабкались вверх по береговому откосу. Андерс, Калле и Ева Лотта использовали эти драгоценные секунды, чтобы забаррикадироваться на чердаке пекарни. Дверь на лестницу тща-

¹ Здесь имеется в виду библейская легенда об исходе евреев из Египта. Красное море расступилось перед евреями, предводительствовавшими Моисеем, но накрыло войско фараона.

тельно заперли, а веревку втянули на чердак. Затем Белые Розы выстроились перед открытым люком, ведущим на чердак, в ожидании неприятеля — воинственный боевой клич возвестил о его приближении.

— Ты не очень вымок? — учтиво спросил Калле, увидев Сикстена.

— Одежда у меня такая же мокрая, как твой вечно мокрый нос, — дерзко ответил Сикстен.

— Сдадитесь добровольно или же выкурить вас оттуда? — заорал Юнте.

— О, вы можете вскарабкаться наверх и вытащить нас отсюда, — предложила Ева Лотта. — Ничего, если мы выльем вам немножко кипящей смолы за шиворот?

В эти годы немало было битв и сражений между Алыми и Белыми Розами. Но какой-либо настоящей вражды между обоими кланами не было. Наоборот, все они были самыми лучшими друзьями. А битвы и сражения были для них веселой игрой. Никаких определенных правил ведения войны не существовало. Была лишь одна-единственная цель — нанести как можно больший урон неприятелю, а для этого хороши были почти любые средства. Нельзя было лишь вмешивать в свои дела родителей и других посторонних лиц. Захватывать штаб-квартиру противника, шпионить за ним и заставлять врасплох, брать заложников, выкрикивать ужасающие угрозы и писать оскорбляющие честь грамоты, выкрадывать «секретные бумаги» врагов и самим изготавливать документы в огромном количестве, чтобы недруги их выкрадывали, тайно переходить через линию фронта, перенося «секретные документы», — все это было неотъемлемой частью войны Роз.

В данном случае Белые Розы явно ощущали свое безграничное превосходство над Алыми.

— А ну, отойдите немного в сторону, — учтиво произнес Андерс, — я как раз собрался плонуть!

Алые, недовольно ворча, отступили за угол и тщетно пытались открыть дверь на лестницу.

Но военное счастье вскружило голову предводителю ордена Белой Розы.

— Передайте Алым, что я объявляю пять минут перемирия, надо спрятать естественную нужду, — сказал Андерс, съезжая по веревке вниз. Он надеялся, что успеет добежать до маленького домика с сердцевидным окошком на двери прежде, чем Алые заметят, что он покинул чердак. Но он просчитался. Прошмыгнув в дверь, он как следует запер ее на задвижку, но не подумал о том, как вернется назад. За углом стоял Сикстен, и его лицо просветлело и засияло, когда он понял, где его враг. Ему достаточно было двух секунд, чтобы кинуться к домику и закрыть дверь на крючок снаружи.

И ликующий смех, которым он затем разразился, был самым зловещим из всего, что когда-либо слышали от своих врагов Ева Лотта и Калле.

— Нашего предводителя необходимо освободить из этого позорного плена, — решительно заявила Ева Лотта.

Опьянев от радости, Алые исполняли воинственный танец.

— У воинов Белой Розы теперь новая штаб-квартира, — кривлялся Сикстен. — Так что эта Роза будет отныне благоухать еще сладостней, чем когда-либо.

— Стой тут и кляни их на чем свет стоит, — сказала Ева Лотта Калле, — а я погляжу, что можно сделать.

У чердака была еще одна лестница, но вела она во все не на волю, а только вниз, в пекарню. Этим путем Ева Лотта могла выйти из дома так, чтобы противник этого не заметил. Она спустилась вниз по лестнице, прошла через пекарню, прихватив несколько пряников, и исчезла за дверью совсем в другом конце дома. Затем, совершив долгий обходной маневр, она сумела влезть на забор за дворовыми службами; ей посчастливилось, что ее не заметили Алые. Вооруженная длинной палкой, она перебралась с забора на крышу отхожего места. Андерс услышал, как что-то происходит над его головой, и это озарило лучом надежды его жал-

кое убежище. Одновременно Калле полностью посвятил себя тому, что извергал проклятия на голову Сикстена и его соратников. Он хотел отвлечь их внимание от Андерса и переключить его на чердак пекарни. Настал бесконечно волнующий миг: Ева Лотта протянула вниз палку, чтобы сбросить крючок. Оглянись Алые в эту минуту — и все было бы кончено. Калле напряженно наблюдал за каждым движением Евы Лотты, и от него требовалось огромное самообладание, чтобы продолжать оскорблять и поносить Алых.

— Бесчестные блохастые вы пудели, вот вы кто! — закричал он как раз в тот момент, когда попытка Евы Лотты увенчалась успехом.

Андерс почувствовал, что дверь подалась, выскоцил на волю и совершил грандиозную пробежку к одному из старых вязов. Благодаря многолетней тренировке он мигом влез на дерево. А когда Алые, взвешенные его бегством, словно свора ишеек, столпились под деревом, он закричал, что первого, кто осмелится к нему влезть, он отдаст так, что родная мамаша не узнает своего сынка. Но тут Сикстен вспомнил про Еву Лотту; ведь она только-только сделала попытку пробраться в надежное укрытие. Увы, ей предстояло узнать, что свободу предводителя она купила ценой своей собственной свободы... Алые окружили отхожее место, и Ева Лотта, точно спелая слива, свалилась прямо в их распластертые объятия при первой же попытке взобраться на забор.

— Быстрее ведите ее в нашу штаб-квартиру! — вскричал Сикстен.

Ева Лотта защищалась с храбростью львицы, однако крепкие кулаки Юнте и Бенки вынудили ее сдаться. Белые Розы поспешили к ней на выручку. Калле съехал по веревке вниз, а Андерс с опасностью для жизни совершил смелый прыжок со своего вяза. Но пока Юнте и Бенка толкали и тащили Еву Лотту вниз к реке, Сикстен отражал нападения преследователей, ведя арьергардный бой, так что Алые вместе со своей

пленницей целыми и невредимыми добрались до «крепостного рва», но заставить бешено сопротивляющуюся Еву Лотту перейти подъемный мост было, естественно, абсолютно невозможно. Поэтому Бенка без лишних слов столкнул ее вниз, в воду, после чего сам вместе с Юнте плюхнулся следом.

— Ни малейшего сопротивления, иначе утопим, — заявил Юнте.

Угроза эта никак не помешала Еве Лотте сопротивляться еще сильней прежнего. Она испытывала огромное удовлетворение, исхитрившись несколько раз окунуть с головой и Бенку, и Юнте. Да, разумеется, она и сама окунулась вместе с ними, но это ничуть не омрачило ее радость. Наверху, на береговом откосе, шло сражение ничуть не меньшей силы. Поднялся такой шум и переполох, что пекарь Лисандер счел необходимым бросить свое тесто и поглядеть, что же происходит. Он неспешно спустился вниз по откосу, где его дочь как раз высунула свою белокурую головку, с которой капала вода, из речки, куда только что нанесла визит. Бенка и Юнте вытащили Еву Лотту на берег и виновато посмотрели на пекаря. Битва на откосе также стихла сама собой.

В раздумье глядя на свое чадо, пекарь, помолчав, наконец спросил:

— Ну как, Ева Лотта, ты умеешь плавать по-собачьи?

— Ясное дело, умею! — ответила Ева Лотта. — Уж верно, я по-всякому умею!

— Вот как! Ну что ж, только это я и хотел узнать, — сказал пекарь и отправился обратно в пекарню.

Штаб-квартира Алой Розы находилась в гараже, составлявшем часть виллы почтмейстера. Сейчас никакой машины там не было, и Сикстен получил гараж в полное свое распоряжение. Там он держал удочки и футбольные мячи, велосипед, и лук со стрелами, и мишень, чтобы стрелять в цель, а также секретные документы и указы Алой Розы.

Туда заперли и промокшую Еву Лотту, но Сикстен, как истинный кавалер, предложил ей надеть свой тренировочный костюм.

— «Великодущие и благородство к побежденным» — вот мой девиз, — сказал он.

— Тьфу! Чепуха, вовсе я ни капельки не побежденная, — возмутилась Ева Лотта. — Меня скоро освободят. А пока можно пострелять из лука.

Против этого тюремщики не возражали.

Мрачные как тучи, Андерс и Калле сидели внизу у реки и держали военный совет. Их разбирала досада, что им так и не удалось одолеть Сикстена, чтобы произвести затем обмен пленными.

— Я прошмыгну к ним и разведаю что смогу, — предложил Андерс. — А ты снова залезай на свой клен и следи за Алыми на случай, если им взбредет в голову вернуться сюда. Защищай штаб-квартиру до последнего воина! Но если тебя схватят, сожги сначала все секретные бумаги.

Калле, вероятно, счел, что будет довольно трудно выполнить этот приказ полностью, но возражать не стал. Великолепный наблюдательный пост — этот клен! Сидишь там удобно-преудобно на развилке дерева, совершенно скрытый листвой, и перед тобой открывается вид на часть сада пекаря и на улицу на всем ее протяжении вплоть до угла, где она соединяется со Стургатан. Калле чувствовал, что битвы, в которых он участвовал, по-настоящему его взбодрили, но вместе с тем его чуточку терзали угрызения совести! Он знал, что пре-небрег своим долгом перед обществом. Не вмешайся тут война Роз, он бы уже рано утром стоял на страже у гостиницы, выслеживая тех двоих, что прибыли сюда вечером. Кто знает, может, это приблизило бы его хотя бы на шаг к разрешению загадки.

Внизу по дорожкам сада метался взад-вперед дядя Эйнар. Он не видел наблюдателя на дереве, так что Калле мог тихо и спокойно следить за ним. Каждое движение дяди Эйнара выдавало нетерпение и недовольство.

На лице его было такое выражение тревоги и отвращения ко всему на свете, что Калле стало почти жаль его.

«Во всяком случае, надо бы побольше с ним играть», — подумал Калле, почувствовавший внезапное участие к дяде Эйнару.

За изгородью раскинулась совершенно пустынная улица. Калле посмотрел вниз на виллу почтмейстера, откуда следовало ожидать нападения. Но никто из Алых не показывался. Калле бросил взгляд в другую сторону, на Стургатан. Там кто-то шел. Это были... — нет... не может быть... нет... — да, в самом деле, это были... Ну да, они, те самые типы, как их там звать... а, Крук и Редиг! Калле мгновенно напрягся, словно стальная пружина. Они подходили все ближе и ближе. Только проходя мимо калитки в сад пекаря... они вдруг увидели дядю Эйнара. А он увидел их.

«До чего же мерзко смотреть на это, — думал Калле. — Смотреть, как все краски вмиг исчезли с лица дяди Эйнара. Даже если бы он умер, он и то не мог бы стать бледнее! Да и крысенок, вдруг увидевший, что попал в крысоловку, не испугался бы так смертельно, как дядя Эйнар, стоящий у калитки!»

Один из мужчин вдруг заговорил. Это был тот невысокий, бледнолицый — а, Редиг! Его голос звучал неописуемо мягко и нежно.

— Смотри! — сказал он. — А вот и Эйнар! Наш дорогой старина Эйнар!

9

Калле почувствовал, что у него по спине побежали мурашки. Это произошло в ту самую минуту, когда он услыхал голос Редига, такой нежный и ласковый, но вместе с тем таивший опасные и отталкивающие нотки.

— Похоже, ты вовсе не рад нам, старый друг? — замурлыкал нежный голос.

Дядя Эйнар схватился дрожащими руками за калитку.

— Ну да, — сказал он, — ну да, естественно, я рад... Но вы явились так неожиданно...

— Не так уж неожиданно. — Бледнолицый улыбнулся. — Ну да, когда ты смылся, ты забыл оставить нам свой адрес. Разумеется, по рассеянности! К счастью, ты прислал письмо Лоле с довольно-таки отчетливым почтовым штемпелем на конверте. А Лола — девушка понятливая. Если поговорить с ней по душам, то она не из тех, кто станет что-либо утаивать...

Дядя Эйнар тяжело дышал. Перегнувшись через калитку к Бледнолицему, он спросил:

— Что ты сделал с Лолой, ах ты...

— Спокойствие, спокойствие! — Нежный голос прервал дядю Эйнара. — Не горячись! Во время отпуска необходимо спокойствие, отдых и отключение от всех забот. Потому что, насколько я понимаю, ты, как видно, устроил себе небольшие каникулы.

— Да, в общем, да... — ответил дядя Эйнар. — Я приехал сюда, чтобы немного отдохнуть.

— Понятно! В последнее время тебе пришлось так тяжело работать, не правда ли?

Все это время разговор вел Бледнолицый. Тот, кого Калле назвал Мордоворотом, стоял молча и улыбался. Но улыбка эта, как понимал Калле, была далеко не дружественной.

«Встреть я его на пустынной улице, я бы насмерть перепугался, — подумал Калле. — А впрочем, еще вопрос: не страшнее ли встретить Бледнолицего — Ивара Редига?»

— А ты, собственно говоря, чего явился сюда, Артур? — спросил дядя Эйнар.

«Артур! Вот тебе и раз — ведь его зовут Ивар? Хотя у всех этих негодяев и бандитов всегда целая куча разных имен...»

— Ты сам чертовски хорошо знаешь, зачем я явился, — ответил Бледнолицый. Голос его стал немного

тврже. — Поедем с нами на машине, немного прокатимся, а заодно обсудим наши дела.

— Нечего мне с вами обсуждать! — горячо возразил дядя Эйнар.

Бледнолицый приблизился к нему.

— Только без этого... — мягко сказал он.

Что он держит в руке? Калле пришлось наклониться, чтобы получше разглядеть.

«Нет, ну и дела!» — прошептал Калле.

На этот раз стоять под дулом пистолета настал черед дяди Эйнара. Ну и странные же привычки у некоторых! Запросто расхаживают с пистолетами среди бела дня!

Прежде чем Бледнолицый продолжил свою речь, рука его ласково погладила блестящую сталь.

— А если хорошенько подумать? Может, все-таки поедешь с нами?

— Нет! — воскликнул дядя Эйнар. — Нет! Мне не о чем с вами разговаривать. Убирайтесь, иначе...

— Иначе ты вызовешь полицию, да?

Оба гостя, стоявшие у калитки, расхохотались.

— О нет, милый Эйнар, на это ты, верно, не пойдешь! Ты ведь примерно так же, как и мы, не хочешь вмешиваться в эти дела полицию!

Бледнолицый снова расхохотался — странным, отвратительным смехом.

— Подумать только, как это тебе удалось все так здорово обтяпать, Эйнар! Должен признать — идея что надо! Небольшой отпуск здесь, в этом маленьком городке, глубочайшее инкогнито, пока не улягутся все страсти... Это куда умнее, чем попытка тут же смыться за границу. Башковитый ты мальчик!

С минуту помолчав, он продолжил:

— Но ты, однако, малость переиграл. — На этот раз голос его был уже отнюдь не нежным. — Никогда не следует обманывать своих компаний. Многие, кто пытались это сделать, еще в молодые годы покончили

счеты с жизнью. Не дело это, чтобы трое кашу заварили, а слопал один!

Бледнолицый, перегнувшись через калитку, рассматривал дядю Эйнара с таким выражением ненависти на лице, что Калле, сидевший на макушке дерева, даже вспотел от страха.

— Знаешь, чего мне больше всего хочется? — сказал Бледнолицый. — У меня желание всадить тебе пулю в лоб. Прямо здесь, не сходя с места, долговязый ты, трусливый верзила!

Казалось, дядя Эйнар снова начинает обретать самообладание.

— А что толку? — сказал он. — Тебе что, так уж хочется обратно в тюрьгу? Подстрелишь меня — и через пять минут полицейская ищейка уже тут как тут. Чего ты этим добьешься? Неужели ты думаешь, что я таскаю эту дребедень с собой? Нет уж! Лучше спрячь свою игрушку, — он указал на револьвер, — и поговорим разумно. Будете вести себя порядочно, я, может, и захочу поделиться с вами.

— Твоему благородству просто нет границ, — с явной издевкой произнес Бледнолицый. — Так ты, может, захочешь поделиться?.. Жаль, что эта блестящая идея пришла тебе в голову чуть поздновато. Чертовски поздно! Видишь ли, Эйнар, теперь не хотим делиться с тобой мы. Даём тебе время на размышление — не будем мелочиться — ну, скажем, пять минут, а потом ты выкладываешь нам весь хлам. Надеюсь, ради твоего же собственного блага. Ты меня понял?

— А если я этого не сделаю? Я не таскаю с собой побрякушки, и если ты меня тюкнешь, то никто не поможет наложить на них лапу.

— Эйнар, дружище, уж не думаешь ли ты, что я только вчера родился? Есть средство заставить говорить людей, которые не желают образумиться, средство отличное. Я ведь знаю, что ты задумал. Знаю абсолютно точно, вижу насквозь твою прогнившую черепушку.

Думаешь, тебе удастся надуть нас еще раз?! Думаешь, сможешь отвлечь нас своей болтовней о дележке, а потом тихонечко удрать отсюда и отряхнуть прах отечества с ног прежде, чем мы успеем тебе помешать. Скажу одно! Мы тебе помешаем, да так, что ты этого вовек не забудешь! Мы остаемся здесь, в городе! И будем частенько попадаться тебе на дороге. Стоит тебе выйти за калитку сада, как твои старые дорогие друзья уж тут как тут! И когда-нибудь нам, верно, представится случай поговорить с тобой без помех; как по-твоему?

«„Он улыбнулся зловещей улыбкой“ — так, кажется, пишут в книгах», — подумал Калле, разглядывая физиономию Бледнолицего. Занятый своими мыслями, Калле наклонился вперед, чтобы лучше видеть, и... в тот же миг обломил веточку клена. Раздался хруст... Дядя Эйнар быстро оглянулся: что случилось, откуда этот хруст? Калле похолодел от страха.

«Только бы они меня не увидели! Только бы не увидели!.. Если увидят — все кончено! Они от меня избавятся».

Калле понимал: если его обнаружат, ему грозит страшная опасность. Невероятно, чтобы такой тип, как Бледнолицый, проявил милосердие к свидетелю, которого угораздило целых десять минут подслушивать их разговор. К счастью, никто из «почтенной» троицы не стал дознаваться, кто помешал их беседе. Калле облегченно вздохнул. Сердце его только вернулось было на свое место, как вдруг он увидел зрелище, заставившее его сердце снова упасть.

Внизу по улице двигалась какая-то фигурка. Маленькая фигурка в красном тренировочном костюме — явно с чужого плеча. Это была Ева Лотта. Она весело размахивала мокрым платьем и насвистывала свою любимую песенку:

— Жила-была девчонка, звалася Юсефин...

«Только бы она меня не заметила, — молил Калле, — только бы не заметила... Если она скажет: „Привет, Калле!“ — все пропало!»

Ева Лотта подошла ближе.

«Ясное дело, заметит... Ясное дело, она смотрит на мою наблюдательную вышку! Ой, ой, и зачем только я залез сюда?!»

— Привет, дядюшка Эйнар! — поздоровалась Ева Лотта.

Дядя Эйнар всегда радовался при виде Евы Лотты, но сейчас почти что пришел в восторг.

— Как хорошо, что ты здесь, Ева Лотта! — сказал он. — Я как раз собирался пойти спросить, готов ли у твоей мамы обед. Так что пошли вместе.

Он помахал рукой стоявшим у калитки.

— До свидания, ребята! — попрощался он. — К сожалению, я должен отчаливать!!!

— До свидания, дорогой старина Эйнар, — попрощался с ним и Бледнолицый. — Будь уверен: мы еще увидимся!

Ева Лотта вопросительно взглянула на дядю Эйнара.

— А ты не приглашаешь своих друзей к нам пообедать? — удивилась она.

— Нет. Им, видишь ли, некогда.

Дядя Эйнар взял Еву Лотту за руку.

— В другой раз, маленькая фрё肯, — пообещал Мордоворот.

«Теперь... дело идет о... — подумал Калле, когда Еве Лотте предстояло пройти мимо клена. — Ой! Ой!»

— Жила-была девчонка, звалася Юсефин...

Ева Лотта запела и по привычке бросила взгляд на развилку клена, где была наблюдательная вышка Белой Розы. Прямо в ее веселые голубые глаза смотрел Калле.

Долгие годы ты была доблестной воительницей Белой Розы. Ты участвовала во многих кровопролитных битвах индейцев с бледнолицыми. Приходилось тебе бывать и разведчицей союзников в минувшей мировой войне... И научиться двум вещам: никогда ничему не

удивляться и держать язык за зубами, когда это необходимо. А теперь вот там, на развилке клена, сидит твой соратник, предостерегающе приложив палец ко рту, и на его лице написано лишь одно слово: «Молчи!»

Вместе с дядей Эйнаром Ева Лотта молча проходит мимо, напевая:

Всего-то у нее и было что швейная машина,
Швейная машина-шина-шина,
Швейная ма-ма-ма-шина...

10

«Что вы думаете, господин Блумквист, об этой примечательной беседе?»

Калле лежал на спине под грушевым деревом у себя в саду, и этот вопрос задавал ему его воображаемый собеседник, снова бравший у него интервью.

— Ха! Как сказать! — усмехнулся господин Блумквист. — Прежде всего ясно, что в этой криминальной драме мы имеем дело не с одним мошенником, а, на против, с целой троицей. И предупреждаю вас, молодой человек (воображаемый собеседник был весьма молод и неопытен), предупреждаю вас! В ближайшем будущем произойдет немало событий. Самым благородным было бы держаться по вечерам дома. Тут явно предстоит борьба не на жизнь, а на смерть, и тому, кто не привык встречаться с отбросами общества и всяческими подонками, грозит страшная трепка нервов!

Сам-то господин Блумквист уже так привык встречаться с отбросами общества и всяческими подонками, что его нервам не грозила никакая опасность. Вынув трубку изо рта, он продолжал:

— Понимаете, эти два господина, Крук и Редиг... да, полагаю, не надо говорить, это само собой разумеется,

что это не настоящие их фамилии, — так вот, эти две страшные личности, верно, заставят дядюшку Эйнара узнать, почем фунт лиха. Гм, Эйнара Линдеберга, или Бране, как он иногда себя называет. Откровенно говоря, его жизнь — в опасности!

— А на чьей стороне в этой битве вы, господин Блумквист? — почтительно осведомился собеседник.

— На стороне общества, только на стороне общества, молодой человек! Как всегда! Даже если это будет стоить мне жизни.

Великий сыщик печально улыбнулся. Ради общества он уже тысячи раз бывал на краю смерти, так что одним разом больше, одним меньше — роли не играет.

Его мысль неустанно работала:

«Хотелось бы знать, чего им надо от дядюшки Эйнара?»

И теперь это был уже не господин Блумквист, а просто Калле, ужасно растерявшийся юнец Калле, считавший, что все, вместе взятое, просто чудовищно...

Внезапно он вспомнил про газету! Ту самую, которую дядя Эйнар купил сразу же после своего приезда, когда они сидели в Кондитерском саду. Газета была надежно спрятана в левом ящике письменного стола. Но Калле так и не позаботился о том, чтобы изучить ее.

«Непростительное упущение», — попрекнул он самого себя и помчался в комнату.

Он вспомнил, что дядя Эйнар сразу кинулся читать страницу, где были «Последние новости». И теперь надо было только вычислить, что именно могло его здесь заинтересовать. «Попытка создания новой атомной бомбы» — едва ли! «Жестокое нападение на пожилого человека» — посмотрим, может, это? Нет, речь шла о юношах лет двадцати, напавших на пожилого господина, отказавшегося дать им сигареты. Вряд ли дядя Эйнар мог быть в этом замешан. «Крупная кража драгоценностей в Эстермальме» — Калле присвистнул и мгновенно прочитал заметку.

«В квартире близ улицы Банергатан произошла крупная кража драгоценностей. В квартире, принадлежащей известному стокгольмскому банкиру, в ночь на субботу никого не было и воры могли действовать совершенно беспрепятственно. Предполагается, что им удалось проникнуть через дверь кухни с помощью отмычки. Драгоценности стоимостью приблизительно около 100 000 крон хранились в сейфе, который в какое-то время, скорее всего между двумя и четырьмя часами той же ночи, был похищен из квартиры. Взорванный и ограбленный сейф был обнаружен в субботу после полудня в трех милях к северу от города. Криминальная полиция, комиссия по борьбе с преступлениями, которой субботним утром срочно, по тревоге, доложили о происшедшем, еще не напала на след преступников. Полагают, что по меньшей мере двое, а возможно, большее количество лиц участвовали в этой краже, которую считают одним из самых дерзких ограблений, когда-либо имевших место в нашей стране. Криминальная полиция предупредила все полицейские участки в стране, особый надзор учрежден во всех портах и пограничных пунктах, так как, возможно, преступники, желая сбыть краденое, будут вынуждены бежать за границу. Среди украденных драгоценностей особо примечательны: необычайно дорогой платиновый браслет с бриллиантами, множество бриллиантовых колец, брошь с четырьмя большими алмазами в золотой оправе, колье из восточных жемчужин и старинный золотой кулон с изумрудами».

— Ну и дубина же я, стократ дубина, — возмутился Калле. — И как я не понял? Лорд Уимси и Эркюль Пуаро уже давным-давно раскрыли бы эту кражу. Ну и ну! Стоило лишь как следует прочитать газету!

Он взял в руки маленькую жемчужину. Как можно узнать, восточная она или нет? И вдруг его словно молотом ударила новая мысль. «Я не таскаю с собой эти

побрякушки», — сказал дядя Эйнар. Нет, конечно же нет! А он, Калле Блумквист, знает, где все это спрятано: и браслет, и бриллианты, и изумруды, и платина, и еще всякое разное, как оно там называется! Конечно же, все это — в развалинах замка. Ну да — в развалинах! Дядя Эйнар не осмелился держать краденое у себя в комнате. Ему надо было спрятать драгоценности в надежном месте. А подземелье развалин замка было прекрасным местом: туда никогда никто не ходит.

Голова Калле разламывалась от обуревавших его мыслей. Скорее к развалинам замка и попытаться найти драгоценности, пока дядя Эйнар не явился и не забрал их оттуда! Ой-ой, да ведь ему еще надо следить за дядей Эйнаром и за двумя грабителями, чтобы в нужный момент арестовать их! Где ему взять время на все это? А тут еще война Роз в самом разгаре! Нет, с такой работой ему одному, без помощника, не обойтись! Даже сам лорд Питер Уимси, если бы ему пришлось работать одному, не справился бы... Нужно посвятить в эту историю Андерса и Еву Лотту и просить их помочь. Конечно, они только и делают, что смеются над его детективными увлечениями, но на этот раз ведь все совсем иначе.

Тихий внутренний голос подсказывал ему, что в этом случае необходимо искать помощников в полиции, и он знал, что голос прав. Но если сейчас идти в полицию и все рассказать, поверят ему там или нет? Скорее всего высмеют, как это обычно делают взрослые. У Калле уже был прежний горький опыт его детективной деятельности. Никто не желал верить, что можно добиться чего-нибудь, если тебе всего-навсего тринадцать лет! Нет, пожалуй, лучше подождать, пока наберется чуть побольше вещественных доказательств.

Калле осторожно положил жемчужину в ящик. Смотри-ка, там ведь и отпечаток пальца дяди Эйнара! Кто знает, когда он может пригодиться! Калле радовался своей предусмотрительности и тому, что раздобыл его. «Полиция еще не напала на след преступников» —

было написано в газете. Ну-ну, вечная история! Но может быть, им хоть отпечатки пальцев удалось взять на месте преступления?! Да, отпечатки пальцев!! Если взломщик еще раньше был не в ладах с полицией, то отпечатки его пальцев наверняка есть в полицейской картотеке. И тогда их надо только сравнить с теми, что обнаружены на месте преступления, — яснее ясного! Тогда можно с уверенностью сказать: «Этот взлом совершил Хромой Фредрик!» Только, разумеется, если отпечатки его пальцев найдены. Но может случиться, что отпечатков пальцев грабителя в полицейской картотеке нет! И тогда большой радости от всех этих дел ждать нечего, способ этот уже не применишь!

А тут сидит Калле с отпечатком большого пальца дяди Эйнара на клочке бумаги, очень отчетливым и хорошим отпечатком... И в голове у Калле медленно рождается идея. А что, если немножко помочь этим несчастным полицейским, поскольку они еще не напали на след преступников? А что, если дядя Эйнар и в самом деле участвовал в этой краже со взломом на Банергатан? Абсолютной уверенности в этом у Калле, разумеется, не было, но вещественные доказательства и улики заставляли думать, что это именно так. Возможно, у стокгольмской полиции есть непреодолимое желание получить этот маленький клочок бумаги с отиском большого пальца дяди Эйнара?

Взяв бумагу и ручку, Калле написал:

«Стокгольм, криминальная полиция...»

Затем он некоторое время грыз ручку. Теперь необходимо было написать так, чтобы они поверили, будто пишет взрослый человек! А иначе они, эти дурни, пожалуй, бросят письмо в корзину для бумаг. И Калле продолжил письмо:

«Поскольку это исходит из газет, у вас, на Банергатан, произошла кража со взломом. Так как вами,

возможно, зафиксированы какие-нибудь отпечатки пальцев, я посыпаю вам таковой — в надежде, что он совпадет с каким-нибудь из обнаруженных вами. Дальнейшие разъяснения могут быть высланы вам бесплатно.

*Карл Блумквист, частный сыщик.
Стургатан, 14, Лильчёпинг».*

Он немного поколебался, прежде чем написать «частный сыщик». Но потом подумал, что стокгольмская полиция никогда его не увидит и с тем же успехом может пребывать в уверенности, что письмо написано господином Блумквистом, частным сыщиком, а вовсе не Калле, тридцати лет от роду.

— Вот так! — сказал Калле и лизнул конверт. — А теперь быстрее к Андерсу и Еве Лотте.

11

Андерс и Ева Лотта сидели на чердаке пекарни, в штаб-квартире Белой Розы. Уютнее этого убежища не придумаешь. Кроме штаб-квартиры чердак служил еще и складом товаров, и местом хранения отслужившей свой срок мебели. Тут стоял белый комод, недавно выселенный из комнаты Евы Лотты, в углу были свалены старые стулья; был там и ободранный, видавший виды обеденный стол, который отлично подходил для игры в пинг-понг в дождливые дни. Но как раз теперь у Андерса и Евы Лотты не было времени для игры в пинг-понг. Они были чрезвычайно заняты изготовлением «секретных бумаг». По мере того как бумаги были готовы, Андерс складывал их в жестянную коробку — величайшее сокровище Белой Розы. В ней хранились священные реликвии прежних войн Белой и Алой Розы: мирные договоры, секретные карты военных действий, камни, испещренные диковинными письменами, и множество других предметов, которые лишь непосвя-

щенному показались бы старым хламом. Однако для воинов Белой Розы содержание коробки представляло собой ценность, за которую можно, не задумываясь, пожертвовать жизнью и пролить кровь. На шнурке вокруг шеи предводитель Белой Розы днем и ночью носил ключик от этой коробки.

— Куда запропастился Калле? — спросил Андерс, положив только что сфабрикованный документ в ящик.

— По крайней мере час тому назад он сидел на развилке клена, — сказала Ева Лотта.

В тот же миг на чердак взлетел Калле.

— Кончайте с этой мурой! — переводя дух, сказал он. — Немедленно заключаем мир с Алыми. В худшем случае пойдем на безоговорочную капитуляцию.

— Ты что, спятил? — спросил Андерс. — Мы ведь только начали...

— Ничего не поделаешь! Есть вещи поважнее, и придется посвятить им все наше время. Ева Лотта, ты очень любишь дядюшку Эйнара?

— Люблю, еще что! — ответила Ева Лотта. — Почему это я должна так уж жутко его любить?

— Потому что он все-таки кузен твоей мамы.

— Ну и что с того. Не думаю, чтобы мама сама его любила, — ответила Ева Лотта. — А раз так, то и мне вовсе ни к чему им увлекаться. А почему ты спрашивашаешь?

— Значит, ты не очень расстроишься, если услышишь, что дядюшка Эйнар мошенник?

— Ну, Калле, отвяжись наконец! — сказал Андерс. — Это ведь Хромой Фредрик стибрил церковную кружку с деньгами, а не дядюшка Эйнар!

— Заткнись! Прежде чем говорить, прочти-ка сначала вот это, а потом возникай сколько влезет, — сказал Калле, выкладывая газету.

Андерс и Ева прочли заметку «*Крупная кража драгоценностей в Эстермальме*».

— А теперь послушайте, — предложил Калле.

— Как ты себя чувствуешь, ты вообще-то здоров? — заботливо поинтересовался Андерс. Грязным указательным пальцем он ткнул в другую заметку: «*Бешеный бык сеет панику*». — Может, по-твоему, это тоже дядюшка Эйнар?

— Сказал: заткнись! Ева Лотта, ты видела этих двух хмырей, только что стоявших у калитки? Они болтали с дядей Эйнаром? Так вот. Это его соучастники, а дядя Эйнар их каким-то образом надул. Они называют себя Крук и Редиг, а живут в гостинице. Драгоценности же спрятаны в развалинах замка.

Слова лились из уст Калле потоком.

— В развалинах замка? Но ты ведь сказал, что они живут в гостинице? — не понял Андерс.

— Крук и Редиг, да! А драгоценности, балда ты эта-кая, — это ведь изумруды, и платина, и бриллианты, понятно? Господи Боже ты мой, когда я думаю об этом!.. Нет, невозможно! Драгоценности по меньшей мере на сто тысяч крон валяются там, внизу, в подземелье!

— Откуда ты знаешь? — крайне недоверчиво спросил Андерс. — Тебе что, дядя Эйнар сказал?

— Кое-что можно, верно, вычислить и самому, — заявил Калле. — Когда нужно разрешить какую-либо криминальную загадку, всегда нужно считаться с вероятностью того, что могло произойти.

На мгновение в Калле проснулся суперсыщик Калле Блумквист, который немного задрал нос. Но он тут же испарился, а на чердаке остался просто Калле, оживленно жестикулирующий и опасающийся, что не сможет убедить друзей в своей правоте. Но в конце концов, после долгих разговоров, ему это все же удалось. Когда он рассказал всю историю — и про ночной визит к дяде Эйнару, и про найденную в развалинах жемчужину, и про то, как он, сидя на дереве, подслушал разговор грабителей, то даже Андерс пришел в восторг.

— Помяните мое слово: этот парень, когда вырастет, станет сыщиком, — одобрительно сказал он.

И тут же его глаза засветились.

— О, какая удача! Ну и дела! Какие виды на будущее! Мы должны немедленно этим заняться. У нас нет времени на войну Роз.

— Вот, значит, в чем причина, — сказала Ева Лотта. — Значит, именно поэтому мне так трудно оставить в покое коробки с печеньем... У меня точь-в-точь такие же длинные вороватые пальцы, как у дядюшки Эйнара. Что значит быть в родстве с преступником! Но его нужно выгнать из нашего дома немедленно! Подумать только, а вдруг он стянет столовое серебро!

— Успокойся! Потерпи еще немного, — осадил ее Калле. — Можешь мне поверить, у него сейчас есть более важные заботы, о которых приходится думать, нежели столовое серебро. Он в жутком капкане, потому что Крук и Редиг будут охранять его как зеницу ока.

— Вот почему он лег после обеда... А сказал, что плохо себя чувствует.

— Не сомневайся в том, что он плохо себя *чувствовал*, — уверенно заявил Андерс. — Но теперь нам прежде всего надо заключить мир с Алыми. Ты, Ева Лотта, поднимешь белый флаг, пойдешь к ним парламентером и все уладишь. Хотя они, разумеется, подумают, что мы просто спятили.

Ева Лотта послушно привязала к палке белый носовой платок и торжественно отправилась к гаражу Сикстена, где ее предложение о безоговорочной капитуляции было встречено с удивлением и недовольством.

— Вы что, заболели? — спросил Сикстен. — Надо же! И это сейчас, когда мы только-только начали.

— Мы сдаемся на милость победителя, — заявила Ева Лотта. — Вы победили! Но мы вас скоро опять обольем грязью, и тогда — только искры полетят!

Сикстен, очень недовольный, составил акт о капитуляции, условия которого были для Белой Розы крайне жесткими. А именно: половину денег, полученных на

неделю, надо было отдать на покупку карамелек для Алых. Далее, при встрече на улице с кем-нибудь из Алых Белым Розам предписывалось трижды глубоко поклониться и сказать: «Знаю, что нога моя недостойна ступить по той же самой земле, по которой ступаешь ты, о господин!»

Ева Лотта подписала договор от имени Белых Роз, торжественно пожала руку предводителю Алых и понеслась обратно на чердак пекарни. Пробегая через садовую калитку, она не могла не заметить одного из «друзей» дяди Эйнара, стоявшего прямо напротив.

— Слежка идет вовсю, — отрапортовала она Андерсу и Калле.

— Эта война будет почище войны Роз, — удовлетворенно отметил Андерс. — Ну а ты, Калле, как ты думаешь, что теперь будем делать мы?

Хотя в обычных случаях предводителем всегда был Андерс, он счел, что в данном исключительном случае следует подчиниться Калле.

— Прежде всего надо отыскать драгоценности! Необходимо пойти к развалинам. Но кто-то должен остаться здесь — следить за дядюшкой Эйнаром и теми двумя!

Калле и Андерс вопросительно посмотрели на Еву Лотту.

— Никогда, — решительно заявила Ева Лотта. — Ни за что! Я хочу быть с вами и искать драгоценности. И вообще, дядюшка Эйнар лежит в кровати и придуривается, будто он больной, так что, верно, пока нас нет, ничего не случится.

— Можно положить у его дверей коробок спичек, — предложил Калле. — Если коробок будет лежать на прежнем месте, когда мы вернемся, значит, дядюшка Эйнар никуда не выходил.

— С киркой и лопатой шагаем мы, ребята... — пел Андерс, когда уже через час они торопливо шли по узкой тропке к развалинам.

— Если встретим кого-нибудь, скажем, что идем копать наживку для рыб — червей, — предупредил Калле.

Но им никто не встретился, а развалины, как обычно, были пустынные и заброшенные; кроме жужжания пчел, не слышно было ни звука.

Вдруг Андерса словно ударило — неожиданная мысль пришла ему в голову.

— Как же мы, черт возьми, попадем в подземелье? Ведь ты говорил, Калле, что драгоценности — там. Да, как же *ты* сам попал туда в тот день, когда нашел жемчужину?

В жизни Калле настал великий миг.

— А как вообще проходят сквозь запертые двери? — высокомерно ответил он, вытаскивая отмычку.

Андерс был потрясен больше, чем ему хотелось бы в этом признаться.

— Фантастика! — только и сказал он.

Но эти слова Калле воспринял как высочайшую похвалу.

Дверь распахнулась на своих железных петлях. Вход был свободен. И, словно свора гончих псов, рванулись вниз по лестнице Калле, Андерс и Ева Лотта.

Через два часа Андерс, рывший землю, отбросил лопату.

— Да, теперь пол подземелья все равно что хорошо вспаханное картофельное поле. Но мне никогда, нигде, кроме как тут, не доводилось видеть, чтобы драгоценности так блестали своим отсутствием, — сказал он. — Ну, что будем делать?

— А ты думал, мы их так сразу и найдем? — спросил Калле.

Но и он почувствовал, что мужество и надежда покидают его. Они перервали каждый дюйм¹ пола в огромном пространстве подземелья, расположенного под лест-

¹ Единица меры длины, около 2,5 сантиметра (гол.).

ницей. Собственно, это и было само подземелье. Но отсюда разветвлялись во все стороны многочисленные длинные, частично загроможденные каменными осыпями ходы, которые вели к подземным склепам, сводчатым пещерам и тюремным норам. Все эти ходы не очень манили к себе, однако вполне можно было предположить, что дядя Эйнар, предосторожности ради, закопал свое сокровище где-то в дальних подземных ходах. А там их можно искать годами! Если он вообще спрятал драгоценности в развалинах замка... Калле почувствовал, что в нем зарождаются некоторые сомнения.

— Где, в каком месте ты нашел жемчужину? — спросила Ева Лотта.

— Вон там, возле лестницы, — ответил Калле. — Но там мы уже кругом перекопали.

Ева Лотта в раздумье опустилась на самую нижнюю ступеньку лестницы. Каменная плита, служившая этой ступенькой, была, видимо, неплотно врыта в землю, потому что слегка шевельнулась, когда девочка уселась на нее. Ева Лотта вскочила.

— Уж не здесь ли... — начала она и крепко ухватилась ловкими руками за каменную плиту. — Ступенька не закреплена, слышите?

Две пары рук пришли ей на помощь. Каменную плиту отодвинули в сторону, и целая стая мокриц быстро разбежалась по сторонам.

— Копай здесь! — приказал Андерсу возбужденный Калле.

Андерс схватил лопату и с силой вонзил ее в землю, в то место, где лежала каменная плита. Лопата сразу же наткнулась на что-то твердое.

— Ясное дело, камень какой-нибудь, — сказал Андерс и сунул туда дрожащий палец, чтобы проверить.

Но это был не камень. Это был... Перепачканными землей руками Андерс ощупал неизвестный пока пред-

мет. Жестяная коробка! Он поднял ее. Да, она была точь-в-точь такая же, как коробка с документами и реликвиями Белой Розы.

Все задохнулись от волнения. Тишину нарушил Калле.

— Ну и дела, — возмутился он. — Этот ворюга спер и нашу коробку!

Андерс покачал головой:

— Нет, это не наша. Нашу я собственоручно запер час назад.

— Но коробка точь-в-точь такая же, — заметила Ева Лотта.

— Вот увидите, он купил ее в скобяной лавке тогда же, когда и карманный фонарик, — догадался Калле. — Как раз там такие и продаются.

— Ну да, нашу мы тоже купили там, — напомнила Ева Лотта.

— Да открывайте же коробку, а не то я рухну! — воскликнул Калле.

Андерс потрогал коробку. Она была заперта.

— Может, у этих жестяных коробок и ключи одинаковые?

Он сорвал ключ, висевший у него на шейном шнурке.

— О, — только и вымолвила Ева Лотта. — О!

Калле тяжело дышал, словно после долгой пробежки. Андерс вставил ключ в скважину. Ключ пошел.

— О! — повторила Ева Лотта, а когда Андерс поднял крышку, крикнула: — Нет, вы только поглядите! Ну прямо точь-в-точь как в сказках «Тысяча и одна ночь»!

— Так вот они какие — изумруды и платина, — благоговейно произнес Калле.

Да, там все лежало точь-в-точь как было описано в газете — брошки и кольца, браслет и разорванное колье, с такими же жемчужинами, как та, что нашел Калле.

— Сто тысяч крон! — прошептал Андерс. — Ух, даже противно!

Ева Лотта перебирала драгоценности. Она примерила на руку браслет, а бриллиантовую брошь прицепила на свое голубое платье. Она надела на каждый палец по кольцу и, вся разукрашенная, встала перед маленькой отдушиной, сквозь которую в подземелье пробивался солнечный свет. Вокруг нее все засветилось, зацвело и заискрилось.

— О, как чудесно! Разве я не похожа на царицу Савскую?¹ Мне бы хоть одно-единственное — ну самое-самое маленькое — колечко!

— Ох уж эти женщины! — воскликнул Андерс.

— Нет, на такие конкурсы красоты у нас времени нет, — сказал Калле. — Надо поскорее убираться отсюда. А вдруг дядя Эйнар явится прямо сейчас? Это все равно что встретиться с бенгальским тигром или с кем-нибудь еще в этом роде.

— Я бы предпочел тигра, — решительно высказался Андерс. — Но дядюшка Эйнар не смеет выйти из дома, ты же знаешь. Ведь Крук и Редиг караулят его.

— В таком случае, — сказал Калле, — мы немедленно мчимся в полицию.

— В полицию! — В голосе Андерса послышалось глубокое недовольство. Вмешивать полицию, когда самое интересное только начинается!

— Это вам не война Роз, — трезво возразил Калле. — У нас остались считанные минуты. Мы должны пойти в полицию. Этих негодяев надо арестовать — ты что, не понимаешь?

— Мы могли бы заманить их в ловушку, а уж потом заявлять в полицию: вот, мол, пожалуйста! Троє первоклассных бандитов — мы их для вас поймали.

¹ Царица Савская — библейский символ богатства и благоденствия.

Калле покачал головой. Ах, сколько раз суперсыщик Карл Блумквист мысленно обезвреживал самых опасных бандитов — собственоручно и дюжинами. Но одно дело суперсыщик Блумквист, а другое — Калле. Калле бывал иногда очень практичен и разумен.

— Как хочешь!

И Андерс весьма неохотно склонился перед эрудицией Калле в области криминалистики.

— Раз так, — сказала Ева Лотта, — поговорим с дядей Бьёрком. Пусть он нам поможет. Только он, и никто другой. Может, тогда он станет вдобавок старшим полицейским.

Андерс между тем рассматривал результаты их раскопок, произведенных за несколько последних часов.

— Что нам делать с этим? — спросил он. — Сажать картошку или снова все заровнять?

Калле думал, что всего умнее уничтожить следы их визита в подземелье.

— Только быстрее, — сказал он. — Когда держишь в руках жестянную коробку с сотней тысяч крон, это действует на нервы. Я хочу как можно скорее смотаться отсюда.

— А как мы понесем коробку? Не можем же мы просто тащиться с ней по улицам. Да и куда мы ее спрячем?

После короткого совещания было решено, что Андерс отнесет драгоценную коробку в штаб-квартиру Белой Розы на чердаке пекарни, а Калле и Ева Лотта пойдут разыскивать Бьёрка. Сняв рубашку, Андерс завернул в нее коробку. Оставшись в одних брюках, с лопатой в одной руке и коробкой в другой, он начал отступление.

— Если встречу кого-нибудь, наверняка подумают, что я ходил копать червей, — с надеждой произнес он.

Калле защелкнул за собой замок, висевший на двери.

— Жаль только одного, — сказал он.

— Чего именно? — спросила Ева Лотта.

— Что не удастся увидеть лицо дядюшки Эйнара, когда он явится за коробкой.

— Да, за это я не пожалела бы двадцать пять эре, — вздохнула Ева Лотта.

В полицейском участке царили тишина и покой. Там сидел всего один полицейский и с таким увлечением решал кроссворд, словно ни малейшей преступности на свете не существовало.

Но это был не Бьёрк.

— Могу ли я увидеть полицейского Бьёрка? — Калле учтиво поклонился.

— Он уехал по делам службы и вернется завтра. А ты не можешь назвать мифологическое чудовище из восьми букв?

Полицейский кусал ручку и умоляюще смотрел на Калле.

— Нет, я пришел сюда совсем по другому делу, — ответил Калле.

— Да, как я уже сказал, Бьёрк вернется завтра. Ну а женщина-воительница из шести букв?

— Ева Лотта, — ответил Калле. — О нет, конечно же нет, ее имя из восьми букв. Спасибо и до свидания. Мы придем опять — завтра!

Калле потянул за собой Еву Лотту, и они вышли из полицейского участка.

— Нельзя разговаривать о таких делах с полицейской ищейкой, которая только и интересуется что мифологическими чудовищами, — сказал он.

Ева Лотта была того же мнения. С заявлением в полицию они решили подождать до завтра. Пожалуй, они ничем не рискуют. Ведь дядя Эйнар под надежной защитой в своей крепости.

— А вот и Крук, он стоит перед мастерской часовщика, — шепнул девочке Калле. — Видела ты когда-нибудь в своей жизни такую рожу?

— Здорово, что эти мошенники охраняют друг друга, — сказала Ева Лотта. — Точь-в-точь как в той

поговорке: «Когда невинность спит, ангелы стоят на страже»!

Калле потрогал свои мускулы на руке.

— Но завтра — знай, Ева Лотта, — завтра предстоит битва не на жизнь, а на смерть!

12

День обещал быть жарче обычного. Головки левкоев в саду пекаря поникли еще утром. Ни единого дуновения ветерка. И даже Туссе предпочитал держаться в тени на веранде, где Фрида поспешила накрывала на стол к завтраку.

Прибежала Ева Лотта в одной ночной рубашке; на щеке у нее еще сохранялся отпечаток подушки.

— Фрида, ты не знаешь, дядя Эйнар уже проснулся?

Фрида с таинственным видом ответила:

— Спроси лучше, ложился ли он спать?! Вот этого как раз и не было. Докладываю вам, фрёкен Ева Лотта, что господин Линдеберг не спал нынче ночью в своей постели.

Ева Лотта вытаращила глаза:

— Что ты, Фрида? Откуда, Фрида, ты это знаешь?

— Да я только что была у него в комнате, принесла воду для бритья. Комната — пустая, а кровать в таком виде, в каком была вчера вечером, когда я постелила ее после его ухода. Ведь он уже выздоровел!

— Он выходил вчера вечером?! Уже после того, как я легла спать?

Ева Лотта так развелновалась, что ухватила Фриду за рукав.

— Да, но... Вероятно, это из-за того письма, что он получил. Боже мой, а про соль и про сахар я и вовсе забыла.

— Какое письмо? Ой, Фрида, не уходи, что за письмо?

Ева Лотта снова дернула Фриду за рукав.

— Ужас, до чего ты, Ева Лотта, любопытная! Что это за письмо — без понятия, я чужих писем не читаю! Но когда я ходила вчера вечером за молоком, у калитки стояли двое типов, которые попросили меня передать письмо господину Линдебергу. Я, конечно, передала. И тут он сразу, за несколько минут, выздоровел. Вот так оно все и было!

Еве Лотте и минуты хватило, чтобы набросить на себя платье, еще столько же времени, чтобы ворваться к Калле.

Андерс был уже там.

— Что нам делать? Дядя Эйнар исчез. А мы-то хороши. До сих пор не арестовали его!

Сообщение Евы Лотты произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

— Так я и думал, — угрюмо произнес Андерс. — Ощущение такое же, как весной, когда я поймал на крючок щуку, а она в последний момент сорвалась!

— Спокойствие! Самообладание! — призывал Калле.

Да, собственно говоря, это был уже не Калле, а суперсыщик Блумквист, прибывший сюда на короткие выездные гастроли.

— Планомерная работа — единственно правильное... Сначала произведем домашний обыск у Линдеберга — я имею в виду дядю Эйнара.

Для порядка Калле сходил и проверил, не стоит ли на тротуаре кто-нибудь из этих господ — Крук или Редиг? Охрана явна была снята.

— Постель не тронута, дорожная сумка здесь, — подвел итог Калле, когда они прокрались в комнату дяди Эйнара. — Похоже, он собирался вернуться обратно, но это, разумеется, может быть и хитрым трюком.

Андерс и Ева Лотта уселись на кровать, мрачно глядя перед собой.

— Нет, он, верно, никогда сюда не вернется, — сказала Ева Лотта. — Но драгоценности мы все же спасли.

Калле вертелся и метался по комнате, внимательно разглядывая все вокруг. Конечно же, корзинка для бу-

маг! Самая обыкновенная рутинная работа! В корзинке лежало несколько пустых коробок из-под сигарет, обгоревшие спички и одна старая газета. Да еще целая горка мелких-мелких клочков бумаги. Калле присвистнул.

— Ну, разложим пасьянс, — сказал он.

Собрав все мелкие клочки, он разложил их перед собой на письменном столе. Заинтересованные Андерс и Ева Лотта придвигнулись ближе.

— Думаешь, это и есть письмо? — спросила Ева Лотта.

— Это и надо бы выяснить.

Калле возился с клочками бумаги. Он собирали одно слово здесь, другое — там.

Вскоре пасьянс был готов. Это было письмо. Три головы взволнованно склонились над ним и прочитали:

«Эйнар, старый дружище!

Мы с Горбоносым все продумали. Давай поделимся! Конечно, ты вел себя по-свински, и, если бы у нас было чусть больше времени, мы бы, верно, выжали из тебя все целиком. Но, как сказано, мы поделимся. Так будет лучше для всех нас, особенно для тебя. Надеюсь, ты это понимаешь. Но помни: больше никаких фортелей! Попробуй надуть нас еще раз. Можешь тогда распрощаться с юдолью земной, я тебе это обещаю. На этот раз игра должна быть честной! Мы ждем тебя у калитки. И захвати с собой все побрякушки. Немедленно смоемся отсюда как можно дальше.

Артур».

— Вот так, мошенники снова спелись, — сказал Калле. — Но побрякушки им придется поискать.

— Интересно, где эти подонки сейчас? — сказал Андерс. — Может, они удрали из города? Догадываясь, они злы, как шершни!

— И на кого они подумают? Кто, по их мнению, мог стибрить драгоценности?

Ева Лотта очень оживилась при мысли об этом. Пробраться в развалины и посмотреть, там ли они? Не ищут ли сокровище?

— Если они там, мы немедленно наведем на них полицию, — сказал Андерс.

Внезапно ему пришла в голову мысль о том, как же эти ворюги попадут в подземелье?

— Ведь у дяди Эйнара отмычки больше нет!?

— О, такие типы, как Крук и Редиг, верно, с головы до ног обвешаны всячими отмычками, неужели ты не понимаешь? — спросил Калле.

Собрав клочки бумаги, он сложил их в коробку из-под сигарет, которую сунул в карман.

— Это индции, понимаете! — объяснил он Андерсу и Еве Лотте.

Жара стояла удушающая. Андерс, Калле и Ева Лотта задыхались под жгучими лучами солнца. Они побоялись идти по обычной дорожке к развалинам. Лучше не рисковать и не встречаться с грабителями.

— Это в самом деле было бы ужасно, понимаете, — сказал Калле. — Еще заподозрят нас, а тогда — конец света. Непохоже, чтобы этому Редигу нравилось, если кто-то сует нос в его дела.

— Вероятно, их там уж и след простыл, — предположил Андерс. — Небось насмерть перепугались, увидев, что драгоценностей в тайнике нет. Если, конечно, дядя Эйнар не навел их на ложный след!

Тяжело было подниматься на крутой откос. Но это было необходимо, если не хочешь идти по тропинке. Пришлось ползти и карабкаться, крепко держась за кусты и упираясь ногами в камни. И было очень жарко, ужасающе жарко. Ева Лотта почувствовала, что ей хочется есть. У нее не было времени перекусить перед тем, как уйти из дома, и она лишь сунула в карман несколько булочек.

И вот перед ними развалины замка! Если не идти по тропинке, то сразу же выбираешься на само плоского-

рье, раскинувшееся за старым крепостным замком. Тихонько прокравшись вперед, ребята осторожно выглянули из-за угла: не грозит ли какая опасность. Но все было спокойно. Как обычно, жужжали шмели, благоухал, как обычно, шиповник, а дверь в подземелье была, как обычно, закрыта.

— Так я и думал! Они бесследно исчезли. Теперь до самой смерти буду терзаться: как это мы не схватили их вчера вечером! — сказал Андерс.

— Надо спуститься вниз, в подземелье, и посмотреть, не осталось ли после них следов, — сказал Калле, вытаскивая отмычку.

— Ты орудуешь отмычкой, словно самый опасный взломщик, — восхищенно сказал Андерс, когда дверь открылась.

Все трое проникли в узкий проход под лестницей. И в тот же миг послышался пронзительный крик, целиком заполонивший старые развалины. Это кричала Ева Лотта. Но почему?

На полу подземелья кто-то лежал... Дядя Эйнар! Его руки были связаны за спиной и жестоко скручены. Крепкая веревка стягивала и его ноги. А рот был заткнут носовым платком.

В первый миг ребятам страстно захотелось удрачить. Ведь дядя Эйнар был теперь их врагом, и они отчетливо это осознавали. Но в своем теперешнем положении их враг был совершенно беззащитен. Он смотрел на них налитыми кровью умоляющими глазами. Калле подошел и вытащил у него изо рта кляп.

Дядя Эйнар застонал:

— О, что сделали со мной эти мерзавцы! О Господи, мои руки! Помогите мне снять веревку!

Ева Лотта поспешило кинулась к нему. Но Калле ее остановил.

— Минуту, — смущенно сказал он. — Извините, дядя Эйнар, но нам, пожалуй, надо сперва пойти за полицией.

Ему и самому казалось совершенно неслыханным, что у него повернулся язык сказать такое взрослому.

Дядя Эйнар произнес длиннейшее ругательство.

Затем снова немного постонал.

— Вот как! Значит, это вас я должен благодарить за доставленное мне удовольствие? Мне давно следовало это понять. Суперсыщик Блумквист!

Невесело было слышать его стоны!

— Какого черта вы тут торчите и глазеете на меня! — закричал он. — Бегите за полицией, сопливые щенки! Но хотя бы принесите мне попить!

Андерс помчался во всю прыть к старому колодцу во дворе замка, где вода была свежей и прозрачной и стоял большой железный ковш для питья. Когда Андерс поднес ковш к его губам, дядя Эйнар приник к ковшу с такой жадностью, словно никогда прежде не пил воды. А потом снова начал сетовать:

— О, мои руки!..

Для Калле это было уже сверх всяких сил, и он сказал:

— Если вы, дядя Эйнар, твердо пообещаете, что не попытаетесь смыться, то мы, может быть, чуть ослабим вам веревки на руках.

— Обещаю все, что захотите, — заявил дядя Эйнар.

— И вообще, — продолжал Калле, — вам, дядя Эйнар, не стоит и пытаться удрать, потому что если один из нас побежит за полицией, то двое других все равно останутся здесь и будут вас караулить. А кроме того, у вас и ноги связаны.

— Твоя наблюдательность достойна всяческой похвалы, — заявил дядя Эйнар.

Андерсу тем временем удалось, хотя и с большим трудом, развязать веревку, связывавшую руки дяди Эйнара. Однако боль после этого явно стала сильнее, потому что дядя Эйнар долго сидел, раскачиваясь взад-вперед, и не прерывно стонал.

— Сколько времени вы так пролежали, дядя Эйнар? — спросила Ева Лотта. Голос ее дрожал.

— Со вчерашнего вечера, моя прекрасная юная дама, — ответил дядя Эйнар. — И все только благодаря тому, что вы сунули нос в мои дела.

— Да, грустно, — сказал Калле. — Просим извинить, но теперь нам все-таки надо сходить за полицией.

— А может, нам с вами обсудить это дело? — спросил дядя Эйнар. — Какого черта вы вообще стали разнюхивать эту историю? Несомненно, это вы отыскали драгоценности, и, пожалуй, самое важное то, что вы, господин суперсыщик, довели дело до конца. Так не могли бы вы, ради старой дружбы, отпустить с миром несчастного грешника?

Дети молчали.

— Ева Лотта, — взмолился дядя Эйнар, — тебе ведь, верно, не хочется, чтобы близкий родственник угодил в тюрьму?

— Уж если совершил дурное дело, то, верно, надо за это расплачиваться, — ответила Ева Лотта.

— Пойти за полицией — это, пожалуй, единственное, что мы можем сделать, — сказал Калле. — Хочешь сбегать? — спросил он Андерса.

— Да, — ответил Андерс.

— Проклятые щенки! — закричал дядя Эйнар. — И почему я все-таки не свернул вам шею, пока еще было время!

В несколько прыжков Андерс одолел лестницу. Ему оставалось только выбежать из подземелья. Но кто-то преградил ему путь. Там стояли двое, заграждавшие выход из подземелья. Один — тот самый, с бледным лицом, — держал в руках пистолет.

13

— Кажется, мы угодили на семейный праздник! — расхохотался Бледнолицый. — Друг детей Эйнар в кругу семьи. Как мило — просто хочется запечатлеть эту сцену на фотографии и поместить ее в газету. Да,

славный мой Эйнар, пойми меня правильно, я вовсе не имею в виду «Полицейские новости»! Есть и другие газеты.

Сделав паузу, он осмотрел пистолет.

— Как жаль, что мы помешали своим приходом, — продолжал он. — Задержись мы на минутку, твои маленькие друзья вскоре тебя освободили бы. А уж потом тебе было бы легче отыскать погремушки, чем вчера вечером.

— Артур, выслушай меня, — сказал дядя Эйнар. — Клянусь, что...

— Ты уже достаточно клялся вчера вечером, — отрезал Бледнолицый. — Когда у тебя появится желание рассказать, куда ты спрятал стекляшки, ты сможешь открыть свою пасть. А до тех пор — заткнись! До тех пор будешь храниться в лежачем положении, точно бутылка «Виши»! Надеюсь, твои маленькие друзья ничего не имеют против того, чтоб я снова связал тебе руки, старина? И ты, верно, не очень-то хочешь есть и пить. Жаль, но мне пока нечего дать тебе пожевать, кроме этого носового платка. До тех пор пока ты снова не образумишься!

— Артур! — в совершенном отчаянии завопил дядя Эйнар. — Ты должен выслушать, что я скажу! Ты знаешь, кто все заграбастал? Да вот эти юнцы! — Он показал на ребят. — И они как раз собирались привести легавого, когда вы сюда влезли. Никогда бы не подумал, что могу так обрадоваться при виде ваших рож — твоей и Горбоносого. Но именно сейчас вы явились как нельзя более кстати. Словно кто-то вас ко мне послал...

На мгновение воцарилась тишина. Бледное лицо с бегающими глазами повернулось к детям. Калле ощущал приближение неслыханной опасности, гораздо более страшной, чем даже тогда, когда он стоял под дулом пистолета дяди Эйнара.

Мордоворот, которого явно называли еще и Горбоносым, прервал молчание:

— А что? Может, он на этот раз говорит правду, Артур?

— Возможно, — согласился Артур. — Мы это скоро узнаем.

— Давайте я займусь этими молокососами, — предложил дядя Эйнар. — И быстренько выжму из них все, что нам надо.

Лица Андерса, Калле и Евы Лотты чуточку утратили свой румянец. Калле был прав: то, что происходило, было куда опасней войны Роз.

— Артур, — сказал дядя Эйнар, — если до тебя наконец дошло, что я не собираюсь больше водить вас за нос, то тебе должно быть ясно, что больше чем когда-либо мы должны действовать сообща. Разрежьте-ка веревку, — он показал на веревку, стягивавшую его ноги, — и давайте уладим это дело. Сдается, теперь самое время убраться отсюда!

Артур, не говоря ни слова, подошел и разрезал веревку. Дядя Эйнар с трудом поднялся и начал растирать свои онемевшие ноги и руки.

— Это была самая длинная ночь в моей жизни, — сказал он.

Его друг Артур улыбнулся зловещей улыбкой, а Горбоносый издал кудахтающий смешок.

Подойдя к Калле, дядя Эйнар взял его за подбородок:

— Ну как, господин суперсыщик, разве не ты собирался послать за полицией?

Калле не ответил ни слова. Он знал, что игра проиграна.

— Должен сказать тебе, Артур, эти детки на редкость смышленые. Меня бы очень удивило, если бы они по-хорошему, честно и откровенно не рассказали бы дядюшке Эйнару, куда спрятали драгоценности, про которые так ловко пронюхали.

— Здесь их нет, а где они, мы не скажем, — упрямо ответил Андерс.

— Послушайте меня, детки, — продолжал дядя Эйнар. — Вот эти два славных дяденьки, которых вы видите здесь, вчера вечером меня не поняли. Им пришло в голову, будто я знаю, где находятся драгоценности, но не желаю говорить. Поэтому они дали мне ночь на размышления. И как я только что сказал, это была самая длинная ночь в моей жизни. Здесь, в этом подземелье, очень темно по ночам... В самом деле, хоть глаза выколи, да к тому же и холодно. А как плохо спится, если руки и ноги связаны! И смею вас уверить, что и пить тоже хочется. Наверняка куда уютнее спать дома у мамочки, как по-твоему, Ева Лотта?

Ева Лотта смотрела на дядю Эйнара, и в глазах ее было то же самое выражение, как в тот день, когда он мучил ее любимца Туссе.

— Господин суперсыщик, — продолжал дядя Эйнар, — понравилось бы тебе провести одну или, скажем, несколько ночей здесь, в развалинах? А может, и все оставшиеся в твоей жизни夜里?

Калле почувствовал, как легкие, отвратительные мурашки страха поползли у него по спине.

— У нас нет времени, — прервал Эйнара Артур. — Вся эта болтовня и так уж слишком затянулась. Послушайте, молокососы! Я детей люблю, разумеется люблю, но не одобряю тех, которые вбили себе в голову, что им до зарезу нужно сбегать за легавыми, кстати это или некстати. Мы запрем вас здесь, в погребе. Мы вынуждены это сделать. А уж выйдете вы отсюда или нет, зависит от вас самих. Либо вы выкладываете драгоценности и тогда проведете здесь не более одной, от силы двух ночей. Как только мы окажемся в безопасности, наш дорогой добрый дядюшка Эйнар напишет и сообщит, где вы, либо...

Он промолчал.

— А может, вы не хотите говорить, где спрятаны драгоценности? Тогда мне бесконечно жаль ваших милых мамочек, я просто думать об этом не смею!

Андерс, Калле и Ева Лотта тоже не смели думать об этом. Калле вопросительно взглянул на Андерса и Еву Лотту. Те согласно кивнули. Ничего другого делать не оставалось. Придется сказать, где находится жестяная коробка.

— Ну же, господин суперсыщик, — подбадривал его дядя Эйнар.

— Нас точно выпустят, если мы скажем, где коробка? — спросил Калле.

— Само собой! — воскликнул дядя Эйнар. — Нужели ты, мой мальчик, не полагаешься на дядюшку Эйнара? Вам надо только оставаться здесь до тех пор, пока мы не найдем чуть-чуть более уютное и безопасное mestечко, чем этот город. Вдобавок я попрошу дядюшку Артура вас не связывать, и вам тогда здесь будет совсем хорошо. Ну как?

— Жестяная коробка спрятана в белом комоде на чердаке пекарни, — сказал Калле, и похоже, ему стоило неслыханных усилий произнести эти слова. — Там, где у нас был цирк «Калоттан».

— Великолепно! — воскликнул дядя Эйнар.

— Ты уверен, что знаешь, где это, Эйнар? — спросил Артур Редиг.

— Абсолютно! Вот видишь, Артур, разумнее всего для нас действовать сообща! Никто из вас не может подняться на чердак пекарни, не возбудив подозрений, а я могу.

— All right¹, — сказал Артур. — Пошли.

С минуту он разглядывал ребятишек, которые молча стояли рядом.

— Надеюсь, вы сказали правду! Честность — превыше всего, мои юные друзья, это хорошее кредо нашей жизни. Если вы соврали, мы вернемся сюда через час. И тогда уж вам будет так грустно, так грустно!..

— Мы не соврали! — возмутился Калле, злобно тараща глаза из-под нависшей на лоб челки.

¹ Прекрасно (англ.).

Тут к нему подошел дядя Эйнар. Калле притворился, будто не видит его протянутой руки.

— Послушайте, господин суперсыщик, — сказал дядя Эйнар. — Думаю, умнее всего для тебя в дальнейшем предать криминалистику забвению. Кстати, не могу ли я получить обратно отмычку? Потому что, пожалуй, стянул ее ты?

Сунув руку в карман брюк, Калле вытащил отмычку.

— Есть, верно, что-то на свете, что и вам, дядя Эйнар, умнее предать забвению, — угрюмо сказал он.

Дядя Эйнар засмеялся:

— Прощай, Андерс, спасибо за все! Прощай, Ева Лотта, я всегда считал тебя очаровательным ребенком. Передай привет маме, если у меня не найдется времени сказать ей «адьё»!¹

Он поднялся вверх по лестнице вместе с обоими сообщниками.

Обернувшись, он помахал рукой:

— Обещаю, что наверняка напишу и сообщу, где вы! Если только не забуду!

Тяжелая дверь с шумом захлопнулась за ним.

14

— Это я виноват, — произнес Калле после некоторого молчания, которое показалось им бесконечным. — Это целиком моя вина. Я не должен был впутывать вас в это дело. А быть может, и себя тоже.

— Виноват не виноват! — сказала Ева Лотта. — Разве тебе когда-нибудь могло прийти в голову, что все так обернется...

Снова наступила тишина, жуткая тишина. Казалось, будто за этими стенами никакого мира больше и не

¹ Прощай (фр.).

было. Было лишь это подземелье с его наглухо запертыми дверями.

— Какая жалость, что Бьёрка вчера не было в участке, — сказал наконец Андерс.

— Не говори об этом, — попросил Калле.

Затем никто из них целый час не произносил ни слова. Они думали. И каждый из них, верно, думал примерно одно и то же. Всё — сплошные неудачи: драгоценности утрачены, грабители вот-вот удерут за границу! Но в этот миг все казалось им ничтожным по сравнению с тем, что сами они сидят взаперти, и не могут отсюда выйти, и даже не знают, смогут ли они когда-нибудь вообще выйти на волю. Эту ужасающую мысль нельзя было даже додумать до конца. А если дядя Эйнар не подумает написать письмо? Ну а сколько времени идет письмо из-за границы? А сколько можно прожить без еды и питья? И потом, разве для этих бандитов не лучше, чтобы дети навсегда остались внизу, в подземелье? Ведь за границей тоже существует полиция, и если бы дети описали ей приметы воров, то дядя Эйнар и его сообщники не чувствовали бы себя в безопасности, зная, что Калле, Андерс и Ева Лотта смогут их выдать. «...Наверняка напишу... Если только не забуду!» — это были последние слова дяди Эйнара, и звучали они зловеще.

— У меня есть три булочки, — сообщила Ева Лотта, сунув руку в карман платья.

Все-таки небольшое утешение!

— Значит, мы не умрем голодной смертью раньше вечера, — заявил Андерс. — Есть еще и полковша воды.

Три булочки и полковша воды! А потом?

— Надо кричать и звать на помощь, — предложил Калле. — Может, явится какой-нибудь турист и захочет осмотреть развалины.

— Насколько я помню, здесь прошлым летом побывали два туриста, — сказал Андерс. — Об этом много

толковали в городе. Так почему бы им не прийти и сегодня?

Они встали возле маленькой отдушины подвала, через которую пробивался луч солнца.

— Раз, два, три, четыре — давайте! — скомандовал Андерс.

— На помощь... по-мо-о-ощь!

Наступившая после этого тишина показалась им еще более глубокой, чем раньше.

— Небось в Грипсхольм¹ и Альвастрю² и в другие такие же места они катят! — с горечью произнес Андерс. — А до этих развалин никому и дела нет.

Нет, ни один турист не услышал их зова о помощи, да и никто другой — тоже.

Минуты шли, превращаясь постепенно в часы.

— Если б я, по крайней мере, дома предупредила, что иду в развалины, — казнилась Ева Лотта. — Тогда бы родители наверняка пришли сюда и понемножку отыскали бы нас.

Она закрыла лицо руками. Калле несколько раз проглотил комок в горле и поднялся с пола. Невыносимо сидеть спокойно и смотреть на Еву Лотту. Эта дверь... Нельзя ли как-нибудь ее выломать? Но и одного взгляда хватило, чтоб понять бесполезность любой попытки. Калле наклонился, желая поднять что-то лежавшее возле лестницы. Подумать только, карманный фонарик дяди Эйнара! Он забыл его в подземелье, какое счастье! Ведь постепенно наступит ночь, темная холодная ночь, и утешительно было знать, что, если нужно, можно всего лишь за несколько мгновений рассеять мрак. Батарейки, ясное дело, надолго не хватит, но, по крайней мере, можно иногда посветить и узнать, который час. И вовсе не потому, что для них имеет значе-

¹ Замок Грипсхольм на берегу озера Меларен — музей и памятник старинной архитектуры.

² Курорт в Швеции.

ние время — три, четыре или пять часов... — скоро для них вообще ничего не будет иметь значения. Калле почувствовал, как в глубине его души поднимается глухое отчаяние. Он бродил вокруг, он — «добыча мрачных мыслей», как пишут в книгах. Все же это было лучше, чем просто вот так сидеть и ждать... Все, все было лучше этого. Лучше даже попытаться исследовать мрачный лабиринт подземных ходов, ведущих в глубь подземелья.

— Андерс, ты как-то говорил, что хотел бы обследовать подземелье, нанести его на карту и превратить в нашу штаб-квартиру. Почему бы не заняться этим сейчас?

— Я в самом деле сказал такую глупость? Наверно, в тот день у меня был солнечный удар. Если бы только я мог выйти отсюда, то я знаю кое-кого, чьей ноги больше не будет поблизости от этих старых поганых развалин! Можешь зарубить себе это на носу!

— Мне не все равно, куда ведут эти коридоры, — упорствовал Калле. — Подумать только — а что, если найдется еще какой-нибудь выход из подземелья, который никто не знает?

— Да, как же! И подумать только, вдруг к вечеру сюда заявится целая куча археологов и начнет выкапывать нас отсюда. Вероятность примерно такая же.

Ева Лотта вскочила на ноги.

— Да, но если сидеть сложа руки, скоро можноrehнуться, — сказала она. — Я думаю, мы сделаем, как хочет Калле. Карманный фонарик у нас есть, так что посветить себе сможем.

— По мне — пожалуйста, — согласился Андерс. — Только, может, сначала поедим? Три булочки — это всего лишь три булочки, а никак не больше, что бы мы ни делали.

Ева Лотта дала каждому по булочке, и они молча поели. Странной и ужасной казалась им мысль о том,

что, может быть, едят они последний раз в жизни. Они запили булочки водой, которая оставалась в ковше. Потом, взяв друг друга за руки, начали свой поход во мрак. Калле шел первым и светил фонариком.

Примерно в этот самый миг перед полицейским участком маленького городка затормозил автомобиль. Оттуда выпрыгнули двое. Двое полицейских. Они поспешили в полицию, где их встретил полицейский Бьёрк. Похоже, он был чуточку удивлен неожиданным визитом. Гости представились:

— Криминологи — комиссар Стенберг и полицейский Сантессон из стокгольмской криминальной полиции.

Затем комиссар поспешил спросить:

— Не знаете ли вы здесь в городе частного сыщика по фамилии Блумквист?

— Частного сыщика Блумквиста? — Бьёрк покачал головой. — Никогда о таком не слыхал!

— Странно! — продолжал комиссар. — Он живет на Стургатан, четырнадцать. Вот, смотрите сами!

Комиссар вытащил письмо и протянул его Бьёрку. Будь Калле здесь, он наверняка узнал бы это письмо.

«Стокгольм. В криминальную полицию» — было написано сверху. А подпись в самом деле гласила: «*Карл Блумквист, частный сыщик*».

Полицейский Бьёрк расхохотался:

— Да ведь это — мой друг Калле Блумквист. Частный сыщик: ага, ну уж нет! Ему, этому частному сыщику, всего-то лет двенадцать-тринадцать...

— Но чем же вы объясните, что он послал нам отпечаток пальца, который абсолютно точно совпадает с теми, что мы зафиксировали после ограбления на Банергатан в конце июня? Это самая крупная кража драгоценностей в нашей стране. Наверное, слышали? А кому принадлежит этот отпечаток пальца? Криминальной полиции Стокгольма больше всего хотелось бы

получить немедленный ответ на этот вопрос. Собственно говоря, это единственная зацепка, которая у нас есть. Нам совершенно ясно: чтобы поднять этот тяжелый сейф, в краже должно было участвовать несколько человек. Но отпечатки пальцев оставил только один. Другие явно были в перчатках.

Полицейский Бьёрк в раздумье уселся на стул. На память ему пришли осторожные вопросы Калле, когда они встретились как-то на площади: например, что делать, если считаешь человека преступником, а доказать не можешь? Как бы то ни было, но Калле, очевидно, напал на след этой крупной кражи драгоценностей.

— Что ж, надо тотчас пойти и спросить самого Калле, — предложил полицейский Бьёрк.

— Да. И чем быстрее, тем лучше, — согласился комиссар. — Стургатан, четырнадцать, — повторил он и сел за руль.

И полицейский автомобиль, гудя, помчал прочь.

Алым Розам было невероятно скучно. Что еще за фортели выкидывают Белые Розы, сдавшись и заключив мир, когда так многообещающие вновь вспыхнула война? Чем они, интересно, занимаются, если добровольно отказались от такого удовольствия?

— А по-моему, надо пойти к ним и немного пооскорблять их, — предложил Сикстен. — Тогда, может, они снова образумятся.

Бенка и Юнте согласились, что мысль эта — просто прекрасная.

Но штаб-квартира Белых Роз была пуста и заброшена.

— Где они вообще обретаются? — спросил Юнте.

— Дождемся их, — ответил Сикстен. — Вернутся же они когда-нибудь!

И тогда Алые расположились на чердаке пекарни. Там была целая куча старых еженедельных газет, ко-

торые Белые Розы обычно читали, чтобы рассеяться, когда была скверная погода. Нашлась там и игра-монополька¹, и тот самый великолепный стол, на котором можно было играть в пинг-понг. Так что в развлечениях недостатка не было.

— Чертовски классная у них штаб-квартира, — констатировал Бенка.

— Да, — подтвердил Сикстен. — Эх, найти бы мне в моем гараже место для стола, чтобы играть там в пинг-понг.

Они играли в пинг-понг, а в промежутках съезжали по веревке вниз и снова влезали наверх. Они рассматривали серии рисунков и читали надписи к ним в еженедельных газетах. Видимо, их ничуть не трогало, что Белые Розы блистали своим отсутствием.

Сикстен стоял у открытого люка, держась за веревку.

— Смотри-ка, там идет этот хмырь, родственник Евы Лотты! — сказал он. — Как там его зовут? А, дядюшка Эйнар! — «Жуткое дело, до чего он спешит!» — подумал Сикстен.

Но тут дядя Эйнар увидел Сикстена. И заметно вздрогнул.

— Ты ждешь Еву Лотту? — мгновение спустя спросил он.

— Да, — ответил Сикстен. — А вы, дядюшка, не знаете, где она?

— Нет, — ответил дядя Эйнар, — не знаю!

— Ну ладно! — воскликнул Сикстен и съехал по веревке.

Дядя Эйнар явно обрадовался.

Сикстен снова полез наверх.

— Ты что, опять на чердак? — спросил дядя Эйнар.

— Да, — ответил Сикстен, быстро и ловко взбираясь наверх.

¹ Популярная игра с фишками и костями.

Сразу было видно, что он делает успехи в гимнастике.

— Что вы собираетесь делать? — спросил дядя Эйнар.

— Ждать Еву Лотту, — ответил Сикстен.

Дядя Эйнар несколько раз прошелся взад-вперед.

— Я тут хорошенько подумал, — крикнул он Сикстену, — и вспомнил, что Ева Лотта с ребятами собиралась сегодня на экскурсию. Раньше вечера они не вернутся.

— Вот как?! — воскликнул Сикстен и снова съехал вниз по веревке.

Дядя Эйнар явно обрадовался.

Сикстен схватился за веревку и опять полез наверх.

— Слышал, что я сказал? — нетерпеливо спросил дядя Эйнар. — Евы Лотты целый день не будет дома.

— Ну ладно! — воскликнул Сикстен. — Жаль!

Он продолжал лезть наверх.

— Что ты собираешься делать наверху?! — закричал ему дядя Эйнар.

— Читать про «Мандраку»¹, — ответил Сикстен.

Дядя Эйнар уже ни капельки не радовался, а нетерпеливо ходил взад-вперед.

— Послушай-ка, ты, там, наверху! — через некоторое время крикнул он. — Хочешь заработать корону?

Сикстен высунул голову из люка:

— Ясное дело, хочу! А как?

— Беги в лавку возле рынка, где продают сигареты, и купи мне пачку «Lucky Strike»!

— Охотно! — согласился Сикстен и съехал по веревке вниз.

Дядя Эйнар дал ему пятерку. Сикстен помчался во всю прыть. Дядя Эйнар обрадовался больше прежнего.

¹ Речь идет о сериях рисунков с надписями под названием «Мандрака — маг и волшебник», печатавшихся в 1950-е годы в США и Англии. Частично, в отрывках, они публиковались и в Швеции.

Но тут из люка высунул голову Бенка, обаятельнейший маленький Бенка со светлыми кудрявыми волосами и задорно вздернутым носом. Никому бы в голову не пришло ругаться при виде такого славного паренька. Однако дядя Эйнар разразился целым потоком бранни.

Вскоре Сикстен вернулся обратно. В одной руке он держал большой кулек. Отдав сигареты дяде Эйнару, он крикнул Алым, сидевшим на чердаке:

— Я купил у папы Евы Лотты булочек на целую корону, а уж он никогда не скучится! Еды нам теперь хватит на целый день, незачем и домой идти!

Тут дядя Эйнар тихонько выругался про себя, разразившись еще более длинным потоком бранни, и ушел крупными шагами.

Алые же читали про «Мандраку», играли в пинг-понг, ели булочки, съезжали по веревке вниз, и их ничуть не трогало, что Белые Розы блистали своим отсутствием.

— Не кажется ли вам, что этот хмырь совсем свихнулся? — удивился Сикстен, когда дядя Эйнар в четвертый раз вынырнул у дверей пекарни. — Чего он бегает взад-вперед, как курица с яйцом? Неужели у него никаких дел нет?

Часы шли. Алые все играли и играли в пинг-понг, читали про «Мандраку», без конца съезжали вниз по веревке, без конца ели булочки, и их ни капельки не трогало, что Белые Розы блистали своим отсутствием.

15

Мрак, повсюду мрак! И лишь то тут, то там сквозь какую-нибудь щель пробивается полоска света. Но пока еще горит карманный фонарик, а им это просто необходимо. Так трудно пробиваться вперед. Иногда путь в подземных переходах преграждают огромные валу-

ны. Сыро, скользко и холодно. Подумать только, вдруг придется провести здесь целую ночь?! Много ночей!

Андерс, Калле и Ева Лотта держатся за руки. Калле освещает стены, покрытые пятнами сырости и плесени.

— Подумать только, как несчастны были те, кто сидел здесь под замком в старые времена, — говорит Ева Лотта. — И сидел, быть может, много долгих лет!

— Но их, по крайней мере, кормили, — говорит Андерс.

Маленькой булочки хватает ненадолго, и он страшно голоден. А дома у них как раз обедают...

— Сегодня у нас на обед котлетки, — вздыхая, говорит Ева Лотта.

Калле ничего не говорит, он только бродит по подземелью, он страшно зол на самого себя: и зачем он полез в эту криминалку? Сидели бы теперь дома, на чердаке пекарни, и вели войну с Алыми, и катались на велосипеде, и купались, и ели на обед котлетки и много чего другого... Вместо того чтобы бродить во мраке и не сметь даже думать о том, что случится с ними дальше в их страшной беде...

— Лучше нам вернуться обратно, туда, откуда мы пришли, — говорит Ева Лотта, — хватит, насмотрелись. Видели все, что можно увидеть, а всюду одно и то же. Все одинаково мрачно и мерзко повсюду и везде.

— Давайте только пройдем до конца этого прохода, — предлагает Андерс. — А потом вернемся.

Ева Лотта ошиблась. В подземелье, оказывается, не всюду одно и то же. Этот ход кончается лестницей. А лестница означает связь между двумя этажами. Это — маленькая узкая винтовая лестница, ступеньки которой стерты множеством ног. Андерс, Калле и Ева Лотта стоят, не произнося ни слова. Они не верят глазам своим. Калле неудержимо мчится вверх, освещая ступеньки карманным фонариком. Но лестница крепко-накрепко заколочена. Она вовсе не предназначена для того, чтобы кто-то спускался вниз, в подземелье.

И явно не предназначена для того, чтобы кто-то поднимался оттуда наверх... Калле хочется прошибить головой эти деревянные стены, так чтобы обломки закружились во мраке.

— Мы должны выйти! Мы должны выйти отсюда, говорю я! — Голос Андерса звучит дико и безумно. — Я не выдержу больше ни минуты.

Он хватает огромный камень. Калле помогает ему.

— Раз, два, три — давай!.. — командует Андерс.

Дерево трещит.

— Еще разок!

— Вот увидишь, Калле, мы прорвемся! — Андерс чуть не всхлипывает от волнения.

Последний раз изо всех сил... Трах! Деревянные обломки разлетаются во все стороны. Мусор этот убрать легко. Андерс высовывает голову в дыру и просто воет от радости. Лестница ведет в нижний этаж развалин.

— Калле и Ева Лотта, сюда! — орет он.

Но Калле и Ева Лотта уже там. Они стоят и смотрят на свет, на солнце, словно на великое чудо. Ева Лотта кидается к оконной отдушине. Внизу под ними раскинулся маленький городок. Она различает реку, водонапорную башню и церковь. А там, вдали, — красная крыша пекарни! И тогда, прислонившись к стене, она разражается громким плачем.

«До чего чудные они — эти девчонки, — думают Калле и Андерс. — Раньше, когда были внизу, в подземелье, она не плакала, а теперь, когда опасность миновала, из глаз ее, как фонтан, брызжут слезы!»

Алые же между тем начитались про «Мандраку» и до потери сил наигрались в пинг-понг. И вообще, через час в Прерии начнется футбольный матч.

— Да ну их! Ждать больше не будем, — говорит Сикстен. — Думаю, они эмигрировали в Америку. Бежим!!

Они съезжают вниз по веревке — Сикстен, Бенка и Юнте, — переправляются через реку по доске, полу-

женной Евой Лоттой. Наконец-то дяде Эйнару представляется случай, которого он ждал уже несколько часов.

Черный лакированный «вольво» стоит припаркованный в нескольких сотнях метров от дома пекаря. В машине сидят двое мужчин, двое нетерпеливых, нервозных мужчин. Они просидели тут так долго, изнывая от жары. Часы медленно ползли вперед, и время от времени, через определенные промежутки, появлялся их старый друг Эйнар и докладывал:

— Щенки все еще там торчат! А что, по-вашему, я должен делать? Не могу же я свернуть им всем шеи, как бы мне этого ни хотелось!

Но вот Эйнар появляется снова, почти бегом. И он что-то несет под курткой.

— Все в порядке! — шепчет он и прыгает в машину.

Мордоворот дает полный газ, и «вольво» на страшной скорости мчится к северной заставе города.

Тroe в автомобиле думают лишь о том, чтобы как можно скорее покинуть город. Они смотрят вперед и видят только дорогу, которая приведет их к богатству, свободе и независимости. Если б они бросили хоть беглый взгляд в сторону, то увидели бы, возможно, троих ребят — Андерса, Калле и Еву Лотту, которые, только-только вынырнув из-за угла, с удивлением и ужасом смотрели вслед своим врагам, исчезающим вдали.

16

— Несчастный мальчишка, где ты болтаешься? — спросил бакалейщик Блумквист. — И чем занимался? Снова бил стекла?

Ведь пapa Калле Блумквиста уже, наверное, раз сто выходил на крыльцо, высматривая своего отпрыска. И вдруг увидел его на углу улицы вместе с Андерсом и Евой Лоттой.

— Папа, пусти меня! — закричал Калле, когда отец схватил его. — Мне нужно немедленно бежать в полицию.

— Знаю, — сказал папа. — Полицейские сидят у нас в саду и ждут тебя. Это плохо кончится, Калле!

Калле не мог понять, почему полицейские сидят и ждут его. Но ему было вполне достаточно, что они ждут. Он помчался так, как никогда не бегал в своей короткой жизни. Андерс и Ева Лотта понеслись следом.

Там на зеленых качелях сидели — Боже, благослови! — Бьёрк, а рядом двое других полицейских.

— Арестуйте их, арестуйте! — дико закричал Калле. — Скорее!

Бьёрк и двое полицейских вскочили.

— Арестуйте похитителей драгоценностей! — Калле был так возбужден, что еле мог говорить. — Они только что умчались на машине! Ой, скорее!

Ему не пришлось повторять свои слова дважды. Бакалейщик Блумквист, семенивший на улицу за ним, увидел лишь, как Калле и его обоих соратников затолкнули в полицейскую машину, куда сели и трое полицейских, следовавших за ними по пятам. Господин Блумквист схватился за голову. Его сына засадили в тюрьму в такие молодые годы! Ужасно!

Единственное утешение, что девчонка пекаря, видать, ничуть не лучше! Да и сапожников парень тоже ни в чем не уступает своим дружкам!

Полицейский автомобиль мчался на север со скоростью, заставлявшей законопослушных граждан городка негодующе качать головами. Калле, Андерс и Ева Лотта сидели сзади, рядом с комиссаром Стенбергом. На поворотах их швыряло то в одну, то в другую сторону. Ева Лотта только удивлялась, сколько можно выдержать в один и тот же день и ни разу не упасть в обморок. Калле и Андерс непрерывно трещали, перебивая друг друга, пока комиссар не сказал, что хочет выслушать их по очереди. Калле дико размахивал руками и пронзительно кричал:

— Один из них бледный, а другой мерзкий, а третий дядя Эйнар! Но Бледнолицый, собственно говоря, еще хуже, чем Мордоворот, да и дядя Эйнар тоже такой же мерзкий! Бледнолицый называет себя Ивар Редиг, но его наверняка зовут Артур, а того урода они называли Горбоносый, но, может, зовут его Крук, а фамилия дяди Эйнара и Линдеберг, и Бране. И спит он с револьвером под подушкой, и зарыл драгоценности в развалинах замка под лестницей, а стоило взять у него отпечаток пальца, как горшок с цветами упал, вот невезуха, и тогда он стал целиться в меня из револьвера... А потом я сидел на развилке клена и слышал, как Горбоносый и Редиг угрожали ему смертью, а потом они связали его и бросили в подземелье в развалинах замка... дядя Эйнар — дурак, что пошел туда с ними, но драгоценности уже исчезли, потому что мы спрятали их на чердаке пекарни, но теперь, к несчастью, они, наверное, забрали их с собой, потому что нас заперли в подземелье, и, Боже мой, сколько там всяких ходов, но мы вышли оттуда, да, а теперь, дяденька, вы все знаете, так что езжайте, ради Бога, как можно быстрее!

По лицу комиссара нельзя было сказать, что он все знает, но он подумал, что устроит позже специальный допрос и выяснит все детали.

Полицейский криминальной службы взглянул на спидометр: более ста километров в час, повышать скорость больше нельзя. А Калле считал, что машина движется слишком медленно.

— Перекресток, комиссар, нам налево или направо?

Полицейский так резко затормозил, что машину занесло в сторону.

Андерс, Калле и Ева Лотта, нервничая из-за задержки, кусали себе пальцы.

— Досадно! — произнес комиссар. — Полицейский Бьёрк, вы ведь знаете все дороги, как по-вашему, куда они подались?

— Трудно сказать, — ответил Бьёрк. — Они могут выехать на автостраду, которая ведет к границе, любым путем.

— Минуточку! — произнес Калле и вылез из автомобиля.

Вытащив из кармана брюк записную книжку, он, подойдя к дороге, ведущей налево, стал внимательно разглядывать землю.

— Они поехали этой дорогой! — пылко воскликнул он.

Бьёрк и комиссар тоже вылезли из машины.

— Откуда ты знаешь? — спросил комиссар.

— У их машины новая покрышка на правом заднем колесе, вот тут я срисовал ее узор. И посмотрите сюда, на дорогу!

Он показал отчетливый отпечаток на широкой проезжей части.

— Точь-в-точь такой же узор!

— А знаешь, ты — здорово башковитый... — высказался комиссар, пока они бежали к машине.

— О, это самая обыкновенная рутинная работа! — произнес суперсыщик Блумквист, но тут же вспомнил, что гораздо больше хотел быть просто Калле. — Это случайно пришло мне в голову, — абсолютно скромно добавил он.

Скорость, с которой они мчались, была теперь просто опасна для жизни. Никто не произносил ни слова. Все глаза были прикованы к ветровому стеклу. Крутой поворот... Машину занесло в сторону...

— Вот он! — воскликнул Бьёрк.

В ста метрах от них виднелся автомобиль.

— Это он, — определил Калле. — Черный, лакированный, марки «вольво».

Полицейский криминальной службы Сантессон делал все, что мог, чтобы выжать из машины еще большую скорость. Но черный «вольво» несся вперед, опережая своих преследователей. Чье-то лицо мелькнуло

у заднего стекла. Грабители поняли, что за ними гонятся по пятам.

«Еще несколько минут, и я упаду в обморок, — подумала Ева Лотта. — Никогда раньше я сознания не теряла...»

Скорость — сто десять километров! Во всяком случае, полицейский автомобиль медленно, но верно нагонял черный «вольво».

— Ложитесь, ребята! — внезапно скомандовал комиссар. — Они стреляют.

Он столкнул детей на пол машины. Самое время! Через ветровое стекло просвистела, пробив его, пуля.

— Бьёрк! Вы сидите удобнее, чем я. Возьмите мой револьвер и пошлите этим подонкам ответный выстрел. Пусть заткнутся.

Комиссар протянул револьвер коллеге, сидевшему впереди.

— Они стреляют, черт побери, как они стреляют! — прошептал лежавший на полу автомобиля Калле.

Полицейский Бьёрк высунул руку в боковое окно. Он был не только отличный гимнаст, но и классный стрелок. Он тщательно прицелился в правое заднее колесо «вольво». Оно находилось теперь на расстоянии не более 25 метров. Раздался выстрел, и секунду спустя черный «вольво», забуксовав, съехал вниз, в придорожную канаву. Полицейский автомобиль уже поравнялся с ним.

— Теперь быстрее, прежде чем они выскочат из тачки! Малышне оставаться в машине, на полу!

Миг, и полицейские окружили помятый «вольво»... Ничто на свете не могло бы заставить Калле лежать в машине. Ему нужно было встать. Чтобы все видеть!

— Дядя Бьёрк и этот полицейский криминальной службы, который ведет машину, держат револьверы наготове! — докладывал он Андерсу и Еве Лотте. — А толстый комиссар рывком открывает дверцу; ой, как

они дерутся! А вот Редиг, и у него, похоже, револьвер! Бах! Дядя Бьёрк как дал ему, он даже револьвер уронил! Слышите, о, до чего же здорово! А вот и дядя Эйнар, но у него револьвера нет, он просто дерется. А теперь... вы даже не поверите... теперь они надевают наручники этому подлецу и Редигу тоже. А где же Горбоносый? Они вытаскивают его из машины. Он наверняка потерял сознание. Ой, ну до чего здорово! А теперь, вы не поверите...

— Прекрати! — оборвал его Андерс. — Мы тоже не слепые и сами можем кое-что увидеть!

Сражение кончилось. Перед комиссаром стояли дядя Эйнар и Бледнолицый. Горбоносый лежал рядом на земле.

— Кого я вижу! — развеселился комиссар. — Нет, ужели это Артур Берг? Вот уж в самом деле приятный сюрприз! Какая радость!

— Радоваться надо вам, — сказал Бледнолицый.

Что-то мерзкое сверкнуло в его глазах.

— Признаюсь, это так! — подтвердил комиссар. — Что скажешь, Сантессон, мы схватили самого Артура Берга!

«Какая память, все имена помнит», — подумал Калле.

— Послушай, Калле! — закричал комиссар. — Пойдёди на секунду сюда! Тебе, может быть, приятно будет услышать, что благодаря тебе мы поймали одного из самых-самых опасных преступников в стране.

Даже Артур Берг слегка приподнял брови при виде Калле, Андерса и Евы Лотты.

— Мне нужно было последовать моему первому порыву и пристрелить этого пащенка, — спокойно сказал он. — Никогда не стоит проявлять человеколюбие, от этого одни беды!

Мордоворот открыл глаза.

— А вот еще один старый знакомый и постоянный клиент полиции! Как же так получилось, Крук? Разве вы не собирались завязать, став честным малым? Ка-

жется, вы так говорили, когда мы встречались в последний раз!

— Да, — подтвердил Горбоносый. — Но я решил раздобыть небольшой капиталец для старта. Должен заметить, комиссар, чтобы стать порядочным, нужны деньги!

— А вы? — Комиссар обратился к дяде Эйнару. — Вы впервые встали на этот путь?

— Да! — ответил тот, злобно взглянув на Калле. — Во всяком случае, раньше я не попадался! Я и теперь вышел бы сухим из воды, если бы не этот суперсыщик! Суперсыщик Калле Блумквист!

Он выдавил на губах некое подобие улыбки.

— А теперь посмотрим, где похищенное. Сантессон, взгляни в машину! Надеюсь, оно там.

Да, «оно» лежало там, в жестяной коробке.

— У кого ключ? — спросил комиссар.

Дядя Эйнар неохотно протянул ему ключ. Все застыли в напряженном ожидании.

— Ну-с, посмотрим! — сказал комиссар и повернул ключ. Крышка коробки откинулась.

Сверху лежал листок бумаги, а на нем крупными буквами стояла надпись «Секретный архив Белой Розы». Комиссар разинул от удивления рот. С другими произошло то же самое, и в не меньшей степени — с дядей Эйнаром и его подельщиками. Ненавидящим взглядом окинул дядю Эйнара Артур Берг.

Комиссар порылся в коробке, но там ничего, кроме бумаг и камешков, а также разной другой чепуховины, не было.

Первой захихикала Ева Лотта. Ее громкое озорное хихиканье послужило сигналом для Андерса и Калле. Их буквально распирало от смеха. Они хотели так, что согнулись почти вдвое. Они хотели втроем до тех пор, пока, застонав, не схватились за животы.

— Ради всех святых, что это с ребятами? — смущенно спросил комиссар. Затем, повернувшись к Артуру

Бергу, сказал: — Вот как, вы уже успели сплавить крашеное? Но полагаю, нам удастся вытрясти из вас все.

— Не надо... вовсе не надо все вытряхивать, — с трудом выдавил из себя Андерс, икая от хохота. — Я знаю, где оно. Оно в самом нижнем ящике комода на чердаке пекарни.

— Ну а где ж они взяли это? — спросил комиссар, указав на жестянную коробку.

— *В самом верхнем ящике комода!*

Ева Лотта внезапно перестала смеяться и упала на край канавы.

— Мне кажется, девчушка потеряла сознание, — сказал полицейский Бьёрк, поднимая Еву Лотту. — Да и не удивительно!

Тут Ева Лотта с трудом открыла свои голубые глаза.

— Нет, это вовсе не удивительно, — прошептала она. — Ведь я сегодня ничего не ела, кроме одной единственной булочки.

17

Суперсыщик Блумквист лежал на спине под грушевым деревом. Да-да, теперь он и вправду был суперсыщиком, а не только просто Калле! Это было написано даже в газете, и он держал ее в руках. «Суперсыщик Блумквист» — гласил заголовок, затем следовала фотография. На фотографии, разумеется, был изображен вовсе не тот зрелый человек с резко очерченными чертами лица и проницательным взглядом, как можно было ожидать, судя по заголовку. Однако лицо, выглядывавшее из газеты, было поразительно похоже на лицо Калле, но тут уж ничего не поделаешь! Фотографии Евы Лотты и Андерса также красовались в газете, хотя и немного ниже.

— Заметили ли вы, молодой человек, — спросил господин Блумквист своего воображаемого собеседни-

ка, — что вся первая страница посвящена лишь этому незначительному случаю с похищенными драгоценностями, делу, которое мне удалось недавно распутать, когда у меня нашелся часок свободного времени!

О да, его воображаемый собеседник, разумеется, это заметил и не находил слов, чтобы выразить свое восхищение.

— Верно, вы получили солидное вознаграждение, господин Блумквист? — предположил он.

— Да как сказать! — воскликнул господин Блумквист. — Разумеется, мне достался изрядный куш. Гм, я имею в виду, что я получил значительную сумму денег, но я тут же поделил их с фрё肯 Лисандер и господином Бенгтссоном, оказавшими мне немалую помощь в выслеживании преступников. Короче говоря, мы поделили десять тысяч крон, которые банкир Эстберг предоставил в наше распоряжение.

Его воображаемый собеседник всплеснул руками от удивления.

— Ну да, — сказал господин Блумквист и с видом небрежного превосходства выдернул травинку, — видите ли, десять тысяч крон — тоже деньги. Но должен сказать вам, молодой человек, я работаю не ради презренного металла. Единственная моя цель — искоренение преступности в нашем обществе. Эркюль Пуаро, лорд Питер Уимси и ваш покорный слуга... Да, нас все еще несколько человек на свете, не желающих допустить, чтобы уголовный мир одержал верх!

Воображаемый собеседник чрезвычайно верно подметил, что общество в большом долгу перед господами Пуаро, Уимси и Блумквистом за их самоотверженный труд на службе Добра.

— Прежде чем расстаться, молодой человек, — сказал суперсыщик, вынув трубку изо рта, — я хочу сказать вам еще одну вещь! В преступлении нет смысла. «Честность — превыше всего» — это однажды сказал мне Артур Берг. И надеюсь, он осознает это, в какой

бы тюрьме он сейчас ни сидел! Во всяком случае, у него много лет впереди, чтобы разобраться в этом вопросе. И подумать только, дядя Эйнар, гм... Эйнар Линдеберг, такой еще молодой человек — и уже вступил на преступное поприще! Да послужит эта кара к его же благу! Потому что, как я уже говорил: «В преступлении нет смысла».

— Калле!

Ева Лотта просунула голову через дыру в заборе.

— Калле, чего ты тут валяешься и пялишь глаза на небо? Перелезай к нам в сад, а? Мы с Андерсом собираемся в город!

— Прощайте, молодой человек! — произнес суперсыщик Блумквист. — Меня зовет фрё肯 Лисандер, и, кстати, она именно та молодая дама, с которой я намереваюсь вступить в брак.

Воображаемый собеседник поздравил фрё肯 Лисандер с таким выбором супруга.

— Да, но фрёken Лисандер, разумеется, об этом еще не знает, — признался суперсыщик и поскакал на одной ножке к забору, где его ждали вышеуказанная фрёken вместе с господином Бенгтссоном.

Был субботний вечер. Все дышало глубочайшим покоем, когда Калле, Андерс и Ева Лотта медленно брали по Стургатан. Каштаны уже давно отцвели, однако в маленьких садиках щеголяли своей красотой розы, и левкои, и львиный зев. Дети выбрали дорогу вниз, к кожевенному заводу.

Хромой Фредрик был уже пьян и стоял там в ожидании полицейского Бьёрка. Калле, Андерс и Ева Лотта немного задержались, чтобы послушать рассказы Фредрика о его жизни. Но потом они двинулись дальше, к Прерии.

— Смотрите-ка, вон Сикстен, и Бенка, и Юнте, — внезапно сказал Андерс, и глаза его заблестели. Калле и Ева Лотта придвинулись ближе к своему предво-

дителю. И таким образом Белые Розы прошествовали прямо навстречу Алым.

И они встретились. Согласно мирному договору, предводитель Белой Розы должен был три раза поклониться Алым и произнести: «Знаю, что нога моя недостойна ступить по той же самой земле, по которойступаешь ты, о господин!»

И предводитель Алых уже крайне требовательным взглядом взирал на предводителя Белой Розы.

Тогда Андерс, открыв рот, сказал:

— Сопливый мальчишка!

Предводитель Алых, похоже, остался доволен. Но, сделав шаг назад, сказал:

— Это означает войну!

— Да, — согласился предводитель Белой Розы и, драматическим жестом ударив себя в грудь, сказал: — Теперь снова начнется война Алой и Белой Розы и тысячи тысяч душ пойдут на смерть во мраке ночи!..

Суперсашек
Капе Бумквисій
рискует жизнью

ы не в своем уме, —
сказал Андерс. — Ты абсолютно не в своем уме! Опять
размечтался? Валяешься тут!..

Тот, кто был абсолютно не в своем уме, быстро вскочил с зеленой лужайки и оскорбленно уставился на парочку у забора. Светлая, как лен, челка свисала ему на лоб.

— Миленький, добренький, славный Калле, — сказала Ева Лотта. — У тебя будут пролежни, если ты не прекратишь изо дня в день валяться под грушей и глязеть в газеты, вытаращив глаза. Лето ведь длинное-предлинное!

— Я вовсе не валяюсь тут изо дня в день, да и не глазею, — сердито возразил Калле.

— Да, Ева Лотта, не преувеличивай, пожалуйста! — сказал Андерс. — Разве ты не помнишь воскресенье в начале июня? В тот день Калле ни разу не прилег под грушей и ни разу за весь день не был сыщиком! Воры и убийцы могли тогда бесчинствовать вовсю!

— Да, вспомнила, — подыграла ему Ева Лотта. — У воров и убийц в начале июня и в самом деле было счастливое воскресенье, настоящий праздничный день!

— Убирайтесь к дьяволу! — послал их Калле.

— Да, как раз туда мы и собирались, — сознался Андерс. — Но мы хотели и тебя взять с собой. Если только воры и убийцы смогут хоть часок, или около того, обойтись без твоего присмотра.

— Ой, что ты! Они никак не смогут! — радостно и бессердечно дразнила приятеля Ева Лотта. — Их надо пасти, как маленьких детей.

Калле вздохнул. Безнадежно, абсолютно безнадежно. Суперсыщик Блумквист! Вот он кто! И он требует уважения к своей профессии! Но где оно — это уважение? Ни от Андерса, ни от Евы Лотты он его не видит. А ведь прошлым летом он, абсолютно один, что легко доказать, выследил трех похитителей драгоценностей! Да, конечно, Андерс и Ева Лотта помогли ему, но все-таки это он, Калле, благодаря своей проницательности и умению наблюдать напал на след мошенников.

В тот раз Андерс и Ева Лотта поняли, что он в самом деле сыщик, знающий свое дело. А теперь дразнят его так, словно этого никогда и не было. Словно вообще на свете нет никаких преступников, за которыми нужен глаз да глаз. Словно Калле какой-то болван-мечтатель, голова которого набита глупыми бреднями.

— Прошлым летом вы не очень-то важничали и задирались, — сказал он, возмущенно сплюнув на лужайку. — Когда мы захватили воров, никто не жаловался на суперсыщика Блумквиста!

— Да и сейчас никто на тебя не жалуется, — возразил Андерс. — Но неужели ты не понимаешь, что такое случается раз в жизни! Этот город тихо стоит тут с четырнадцатого века, и до сих пор, насколько мне известно, здесь не нашлось ни одного преступника, кроме все тех же похитителей драгоценностей. С тех пор прошел год, а ты по-прежнему валяешься под грушей и решаешь разные криминальные загадки. Калле,

миленький, прекрати это! Поверь мне: куча мошенников не может появиться так сразу.

— И всему есть свое время, ты это знаешь, — добавила Ева Лотта. — Когда-то надо охотиться на мошенников, а когда-то и делать отбивные из Алых.

— Отбивные из Алых — вот это да! — воскликнул с энтузиазмом Андерс. — Алье Розы снова объявили нам войну. Час тому назад явился Бенка и принес грамоту, в которой нам объявляют войну. Читай сам!

Вытащив из кармана большой плакат, он протянул его Калле. И Калле прочитал:

«ВОЙНА! ВОЙНА!

*Спящему предводителю преступного клана,
именующего себя Белой Розой.*

Тем самым становится в известность, что во всем государстве Швеции не найдется ни одного крестьянина, у которого был бы поросенок хотя бы приблизительно такой же глупый, как предводитель Белой Розы. Свидетельством этого является следующее: встретив вчера высочайшего из Алых и всеми почитаемого их предводителя посреди большой площади, вышеуказанный подонок не соблаговолил уступить ему дорогу, а в своей неизмеримой дурости позволил себе толкнуть нашего благороднейшего и высокочтимого предводителя и разразиться мерзкими оскорблениеми в его адрес. Этот позор может быть смыт только кровью.

Теперь снова начинается война между Алой и Белой Розами. И тысячи тысяч душ пойдут на смерть во мраке ночи.

Сикстен, дворянин и предводитель Алой Розы».

— А теперь дадим им по кумполу! — сказал Андерс. — Идешь с нами?

Калле усмехнулся, он был доволен. От войны с Алыми, которая с недолгими промежутками бушева-

ла уже много лет, добровольно не отказываются. Она вносила напряженный интерес и увлекательность в их летние каникулы, которые иначе могли бы показаться чуть однообразными. Кататься на велосипеде и плавать, поливать клубнику, исполнять разные поручения в отцовской бакалейной лавке, сидеть на берегу реки и удить рыбу, торчать в саду у Евы Лотты и гонять мяч — этим время не заполнишь! Ведь летние каникулы такие длинные!

Да, летние каникулы, к счастью, были длинными. И, по мнению Калле, это было самое лучшее изобретение на свете. Правда, невозможно даже представить, чтобы такое придумали взрослые! Фактически они позволяли тебе два с половиной месяца болтаться на солнышке, ничуть не беспокоясь ни о Тридцатилетней войне, ни о чем-либо другом в этом же роде. Ну просто нисколечки! Вместо зубрежки можно было посвятить себя войне Роз, что куда приятней!

— Еще бы не пойти! — ответил Калле. — Спрашивашь!

Учитывая, что с преступниками в последнее время было туговато, великий сыщик Блумквист был даже рад ненадолго освободиться и посвятить себя более благородной войне, которую снова развязали Алье. Интересно поглядеть, какую кашу заварили они на этот раз.

— Отправлюсь-ка я в небольшую разведку, — сказал Андерс.

— Давай! — согласилась Ева Лотта. — Стартуем через полчаса. А я пока что наточу кинжалы.

В словах ее им послышалась внушительность и угроза. Андерс и Калле одобрительно кивнули. Ева Лотта — настоящая воительница, на которую можно положиться!

Кинжалы, которые предстояло наточить, были все-го-навсего ножами для хлеба пекаря Лисандера, но все-таки! Ева Лотта обещала папе, прежде чем уйти, по-

вертеть для него точильный камень. Стоять на жгучем июльском солнцепеке и врететь тяжелый точильный камень — дело трудное. Но если представить себе, что ты делаешь эту адскую работу потому, что точишь необходимое оружие против Алых, то становится гораздо легче.

— Тысячи тысяч душ пойдут на смерть во мраке ночи, — бормотала про себя Ева Лотта, стоя у точильного камня; она так усердно вретела его, что пот выступил у нее на лбу, а светлые волосы завились колечками у висков.

— Что ты сказала? — спросил пекарь Лисандер, поднимая глаза от ножей.

— Ничего.

— Но ведь я что-то такое слышал, — произнес пекарь, пробуя пальцем острие ножа. — Ну ладно, тогда беги!

И Ева Лотта помчалась. Она быстро пролезла в дырку забора, отделявшего ее сад от сада Калле. Там в одном месте не хватало доски. Никто и вспомнить не мог, когда она была, и, несомненно, ее не будет до тех пор, пока Ева Лотта и Калле этого не захотят. Им очень нужен был этот обходной путь.

Случалось так, что бакалейщик Блумквист, человек аккуратный, время от времени говорил пекарю Лисандеру, когда они вместе сиживали в беседке пекаря по вечерам:

— Послушай-ка, братец, может, заделаем этот забор? По-моему, дыра эта придает забору какой-то неряшливый вид...

И всякий раз пекарь отвечал:

— О, подождем, пожалуй, пока ребята вырастут так, что застрянут в этой дыре.

Несмотря на то что Ева Лотта усердно поглощала булочки, она по-прежнему оставалась худой как щепка, и для нее не составляло ни малейшего труда пролезать через узкую дыру в заборе...

С дороги послышался свист: Андерс, предводитель Белой Розы, вернулся из разведки.

— Они сидят в своей штаб-квартире! — крикнул он. — Вперед! На битву! К победе!!!

Когда Ева Лотта убежала вертеть точильный камень, а Андерс ушел в разведку, Калле снова занял свое прежнее место под грушей. Прежде чем разразится война Роз, он решил использовать короткую передышку перед битвой для важной беседы.

Да, он вел беседу, хотя поблизости не было ни одной живой души.

Сыщик Блумквист разговаривал со своим воображаемым собеседником. Это был дорогой его сердцу спутник жизни, существовавший уже много лет. О, какой удивительный человек был этот собеседник! Он относился к выдающемуся детективу с глубоким уважением, которое тот, видимо, заслуживал и которое столь редко выказывали ему другие, а меньше всего Андерс и Ева Лотта. И как раз в ту минуту собеседник сидел у ног выдающегося сыщика, благоговейно внимая каждому его слову.

— Господин Бенгтссон и фрё肯 Лисандер проявляют достойную сожаления nonchalans¹ к преступности в нашем обществе, — заявил господин Блумквист, серьезно глядя в глаза своему воображаемому собеседнику. — Временное затишье существует, очевидно, для того, чтобы заставить их утратить всю свою бдительность. Они не понимают, сколь обманчиво подобное спокойствие!

— Неужели? — спросил воображаемый собеседник, в голосе которого прозвучал неподдельный испуг.

— Да, подобное спокойствие обманчиво, — настойчиво повторил суперсыщик Блумквист. — Этот очаровательный мирный городок, это сверкающее летнее солнце, этот идиллический покой — бац! В любую мину-

¹ Небрежность (фр.).

ту все может перемениться, а преступление в любую минуту бросит свою устрашающую тень на всех нас.

Воображаемый собеседник задохнулся от ужаса.

— Господин Блумквист, вы пугаете меня, — сказал он, бросая вокруг испуганные взгляды, словно для того, чтобы увидеть, не подстерегает ли их за углом какое-либо преступление.

— Предоставьте все это мне, — предложил ему сыщик. — Не беспокойтесь! Я — на страже.

Воображаемый собеседник был так растроган, так благодарен, что едва мог говорить; от волнения он даже начал заикаться. К тому же его бессвязные изъявления благодарности были внезапно прерваны боевым кличем Андерса, стоявшего у калитки:

— Вперед! На битву! К победе! — И суперсыщик Блумквист вскочил, словно его ужалила оса. Нельзя, чтобы его вновь обнаружили под грушей.

— Прощайте! — сказал он воображаемому собеседнику.

Калле чувствовал, что прощается с ним на довольно долгий срок. Война Роз не оставит ему много времени для того, чтобы он, полеживая на зеленой лужайке, рассуждал о преступности. Да это и хорошо. Откровенно говоря — пустое дело ловить преступников в этом городе. Подумать только! Целый год прошел с тех пор, как поймали грабителей!.. Воистину, добро пожаловать, война Алой и Белой Розы!

Однако воображаемый собеседник долго и тревожно смотрел ему вслед.

— Прощайте, — снова повторил суперсыщик. — Я призван на военную службу. Но вы не беспокойтесь. Я не склонен думать, будто именно сейчас может случиться что-нибудь серьезное.

Не склонен думать! Не склонен думать! Вот бежит суперсыщик, которому следует охранять безопасность общества, вот он бежит, весело насвистывая, и его

босые загорелые ноги усердно топчут садовую дорожку, когда он мчится к Андерсу и Еве Лотте.

Не склонен думать! На этот раз вы ошиблись, господин суперсыщик!

2

— В нашем городе всего две улицы — одна центральная, а другая задворки, — так объявлял, бывало, пекарь Лисандер всем, кто приезжал в их город из других мест. И пекарь был прав. Стургатан и Лильгатан — вот все, что там было, да еще площадь Стура-Торьет¹. Остальную часть города составляли маленькие, вымощенные булыжником переулки и тупички, расположенные на холмах и ведущие вниз, к реке. Или вдруг неожиданно оканчивающиеся у какого-то старого обветшалого дома, который по праву своего почтенного возраста упрямо стоял, загораживая дорогу и сопротивляясь всяким попыткам современной перепланировки города. На окраинах можно было, вероятно, найти одну или две спланированные по-современному одноэтажные виллы, утопавшие в великолепных садах, но это было исключением. Большинство садов, как и у пекаря, изрядно заросло старыми шишковатыми яблонями и грушами или же было покрыто отслужившими свой век лужайками, которые никогда не подстригались. Большинство домов тоже было того типа, что и у пекаря, — большие деревянные строения, которые архитектор прежних времен, одержимый безумной страстью к красоте, разукрасил совершенно неожиданными балкончиками, зубцами и башнями. Красивым этот город, строго говоря, не был, но отличался каким-то старинным домашним уютом и покоем. А возможно, в известном смысле и какой-то прелестью. Во всяком случае

¹ Большая площадь (*швед.*).

в такой вот теплый июльский день, когда розы, и левкои, и пионы цвели во всех садах, а пышные кроны лип на Лильгатан отражались в реке, которая медленно и задумчиво текла по своему руслу.

Когда Калле, и Андерс, и Ева Лотта бежали вдоль берега реки по дороге в штаб-квартиру Алых, они вовсе не задавались вопросом: красив их город или нет? Они знали лишь, что он замечательно хорош как поле военных действий Алых и Белых Роз. Там было столько закоулков, чтобы прятаться, заборов, чтобы перелезать через них, маленьких извилистых переулочков, чтобы отвязаться от преследователей, крыш, чтобы туда взбираться, а также дровяников и разных служб в усадьбах, чтобы забаррикадироваться изнутри. И до тех пор пока город обладал такими исключительными преимуществами, ему вовсе не нужна была красота. Достаточно того, что солнце светит, а на булыжниках, которыми вымощены улицы, так тепло и приятно ступать босыми ногами. Ощущение было такое, словно в каждой клеточке вашего тела поселилось лето. Чуть гнилостный запах реки, который то тут, то там смешивался со случайными ароматами роз, доносившимися из какого-нибудь ближайшего сада, был приятен, и от него также веяло летом. А киоск на углу улицы, где продавалось мороженое, по мнению Калле, Андерса и Евы Лотты, очень украшал город. Большой красоты здесь и не требовалось.

Они купили себе по порции мороженого за двадцать пять эре каждая и снова двинулись в путь. Чуть дальше, у речного моста, медленно шел патрулировавший улицу полицейский Бьёрк. Пуговицы его мундира сверкали.

— Привет, дядя Бьёрк! — закричала Ева Лотта.

— И вам привет! — поздоровался полицейский. — Привет, суперсыщик! — добавил он, дружески потрепав Калле по затылку. — Нет ли сегодня каких-нибудь новых преступлений?

По лицу мальчика было видно, что он оскорблен. Ведь дядя-то Бьёрк прошлым летом был вместе с ними и пожинал плоды охоты Калле за преступниками. Так что ему-то уж, в самом деле, так шутить не пристало.

— Нет, сегодня никаких новых преступлений не было, — ответил вместо Калле Андерс. — Все воры и убийцы получили приказ прекратить свою деятельность до завтрашнего дня, потому что сегодня у Калле времени для них нет.

— Не-а, сегодня мы отрежем уши Алым, — сказала Ева Лотта, чарующе улыбаясь полицейскому Бьёрку.

Он ей очень нравился.

— Ева Лотта, иногда мне кажется, что тебе следовало бы стать чуточку более женственной, — заметил Бьёрк, огорченно глядя сверху вниз на тоненькую загорелую амазонку, которая, стоя у водостока, пытаясь, играя, поймать на согнутый большой палец ноги пустую коробку из-под сигарет. Ей это удалось. Бах! Сильный удар ноги — и коробка из-под сигарет летит вниз, в реку.

— Женственной, о да, но только по понедельникам — непременно, — заверила его Ева Лотта и мило улыбнулась всем своим прелестным лицом. — Привет, дядя Бьёрк, а теперь нам пора отчаливать.

Бьёрк покачал головой и пошел дальше.

Мост через реку представлял собой большое искушение всякий раз, когда надо было переходить через него. Разумеется, его можно было пересечь в обычном порядке. Но там были перила, совсем узенькие перила. И если перебираться через мост, балансируя на этих перилах, то где-то в животе приятно замирает... Потому что ведь *может статься*, что плюхнешься вниз, прямо в реку. Само собой, это ни разу еще не случалось, несмотря на многочисленные длительные упражнения на перилах моста. Но кто его знает, никогда ни в чем нельзя быть уверенным. И хотя они очень спе-

шили отрезать уши Алым — дело-то было абсолютно неотложное, — они все — и Калле, и Андерс, и Ева Лотта — сочли, что у них есть еще время для небольшого циркового номера... Разумеется, это было строго запрещено, но полицейский Бьёрк исчез, и больше не видно было ни души.

Да нет, одна душа была. Именно в этот момент, когда они целеустремленно карабкались на перила и у них в животе появился леденящий холодок, на противоположной стороне моста показался, ковыляя, старик Грен. На старика Гrena никто не обращал внимания. Остановившись перед ребятами, он вздохнул и сказал со своим обычным отсутствующим видом:

— Да-да, веселые забавы у деток! Веселые, невинные забавы у деток, да-да!

Старик постоянно повторял эти слова. Иногда дети передразнивали его. Но разумеется, он никогда этого не слышал. Когда же Калле по ошибке попадал футбольным мячом прямо в витрину папы Блумквиста или когда Андерс сваливался с велосипеда, угодив лицом прямо в куст крапивы, случалось, что Ева Лотта, вздыхая, говорила:

— Да-да, веселые забавы у деток, да-да!

Они удачно добрались до передней части моста. И на этот раз никто из них не свалился. Андерс оглянулся, не заметил ли кто-нибудь их фокусы. Но Лильгатан по-прежнему была пуста. Только где-то вдали шел старик Грен. Его ковыляющую походку нельзя было спутать ни с какой другой.

— Никто так странно не ходит, как Грен, — сказал Андерс.

— Грен вообще чудной, — заметил Калле. — Но может, и станешь чудным, если ты так одинок на свете.

— Бедняга, — пожалела Грена Ева Лотта. — Помнить только: жить в такой жуткой лачуге и никто у тебя не уберет, не сварит еду и вообще ничего тебе не сделает.

— Чепуха, с уборкой, верно, можно и самому справиться, — после зрелого размышления сказал Андерс. — И я ничего не имел бы против того, чтобы побить немногому одному. По крайней мере тогда оставят в покое модель, которую ты изготовил.

Андерс вынужден был ютиться со множеством маленьких братьев и сестер в крошечной квартирке, и сама мысль о том, чтобы иметь целый дом в собственном распоряжении, была для него не так уж отвратительна.

— О, ты бы стал от такой жизни чудным через неделю, — сказал Калле. — Я имею в виду — еще более чудным, чем ты есть. Таким же чудным, как Грен.

— Папа недолюбливает этого Гrena, — сообщила Ева Лотта. — Он говорит, будто Грен ростовщик, процентщик.

Ни Андерс, ни Калле не знали, что такое ростовщик, но Ева Лотта объяснила им:

— Папа говорит, что это такой человек, который одолживает деньги людям, которым они нужны.

— Да, но это, верно, здорово с его стороны, — сказал Андерс.

— Нет, вовсе нет! — возразила Ева Лотта. — Понимаешь, это происходит так. Предположим, тебе необходимо одолжить двадцать пять эре, тебе эти двадцать пять эре до зарезу нужны для чего-нибудь...

— На мороженое, — предположил Калле.

— Попал в точку, — сказал Андерс. — Я уже чувствую, что мне оно необходимо.

— Да, так вот, тогда ты идешь к Грену, — продолжала Ева Лотта, — или к какому-нибудь другому ростовщику. И он дает тебе эти двадцать пять эре...

— Правда? — воскликнул Андерс, радостно удивленный такой возможностью.

— Да. Но ты должен обещать вернуть эти деньги через месяц, — объяснила Ева Лотта. — Но тогда двадцать пять эре будет уже недостаточно. Тебе придется заплатить ему пятьдесят эре.

— Ни за что! — возмутился Андерс. — С какой стати я это сделаю?

— Ребенок! — сказала Ева Лотта. — Ты что, никогда не решал в школе такие вот задачи на проценты? А Грен хочет получить проценты на свои деньги, понимаешь?

— Да, но он же может брать умеренные проценты, — произнес Калле, который не хотел, чтобы бюджет Андерса был окончательно подорван.

— А вот этого ростовщики и не делают, — сказала Ева Лотта. — Умеренно они не берут. Они берут слишком высокие проценты. А по закону это нельзя. Потому папа и недолюбливает Гrena.

— Да, но почему же люди такие глупые как пробки, что одолживают деньги у ростовщиков? — удивился Калле. — Ведь они могли бы одолжить на мороженое у кого-нибудь другого.

— Дурачишка! — сказала Ева Лотта. — Тут речь идет не о двадцати пяти эре, а о тысячах крон. Может, есть люди, которым необходимо, необходимо, ну *просто необходимо получить* пять тысяч крон сию же минуту. И может, нет никого, кто бы им одолжил эту сумму. Никого, кроме таких ростовщиков, как Грен.

— Пошли этого Гrena подальше, — заявил Андерс, предводитель Белой Розы. — Вперед, на битву! К победе!

Перед ними стоял дом почтмейстера, а за ним в саду одна из служб — длинное строение под одной крышей, которое использовалось как гараж. Как гараж и штаб-квартира Алой Розы. Потому что сын почтмейстера Сикстен был предводителем этой воинственной банды. Сейчас гараж казался пустым и заброшенным. Издалека можно было увидеть, что к его двери прибит большой плакат. Казалось бы, проще простого пройти через садовую калитку, затем к гаражу и прочитать, что там

написано, но так войну Роз не ведут. Это могла быть ловушка. Алые Розы, быть может, лежали в засаде в своей запертой штаб-квартире, готовые броситься на доверчивых недругов, осмелившихся подойти столь близко.

Предводитель Белой Розы инструктировал свои войска:

— Калле, проберись тайком вдоль живой изгороди, пока не очутишься за штаб-квартирой вне поля зрения врага. Заберись на крышу. Живой или мертвый, но добудь этот плакат.

— Плакат — живой или мертвый... Что ты хочешь сказать? — спросил Калле.

— Заткнись! — разозлился Андерс. — Это ты, живой или мертвый, должен добыть плакат, понятно? Ева Лотта, ты тихонько лежишь здесь и наблюдаешь сквозь живую изгородь за происходящим. Если увидишь, что Калле грозит опасность, просвисти нам сигнал.

— А ты, что будешь делать ты? — спросила Ева Лотта.

— Я спрошу мамашу Сикстена, не знает ли она, где он, — ответил Андерс.

Все принялись за дело. Калле вскоре добрался до штаб-квартиры. Чтобы подняться на крышу, большого искусства не требовалось. Калле и прежде проделывал это не раз. Нужно было лишь протиснуться сквозь живую изгородь и взобраться на бак с мусором за гаражом.

Он полз по крыше бесконечно тихо, чтобы враг не услышал его. В самой глубине души он очень хорошо знал, что гараж пустой. Знала это и Ева Лотта, а прежде всего — Андерс, который пошел к почтмейстерше узнать, где ее сынок. Но война Роз имела свои особые правила. И поэтому Калле продвигался вперед так, словно речь шла о рискованной попытке, которая могла стоить ему жизни. А Ева Лотта лежала за живой изгородью и напряженно следила за каждым движением,

готовая по-капитански свистнуть, если это, против ожидания, вдруг понадобится...

Наконец вернулся Андерс. Мама Сикстена не знала, где обретается ее любимый ребенок.

Калле осторожно перегнулся через край крыши и, как следует вытянувшись, снял плакат, висевший на двери. Затем он тихо и спокойно вернулся назад тем же путем. Ева Лотта по-прежнему была в дозоре.

— Здорово, о храбрец! — одобрительно произнес Андерс, когда Калле передал ему плакат. — А теперь — почитаем.

«Сикстен — благородный дворянин и предводитель Алых Роз» — вот кто написал эту примечательную грамоту. Но приходится мириться с тем, что для благородного воина дворянского происхождения язык этого послания был на редкость сочным. От дворянина, пожалуй, можно было бы ожидать несколько более утонченных выражений.

«Вы, мерзкие блохастые пудели, да, именно вы, Белые Розы, вы отправляете весь город своим зловонным присутствием. Настоящим извещаем, что мы, благородные дворяне ордена Алои Розы, двинули наши силы на поле битвы в Прерию. Приходите туда как можно скорее, чтобы мы вырвали с корнем отвратительные сорняки, именующие себя Белыми Розами, и развеяли их прах над навозной кучей Юханссона, где ему и место.

Приходите, блохастые пудели!!!»

Ни один человек, прочитавший эти «теплые» слова, не мог бы, пожалуй, догадаться, что на самом деле Алые и Белые Розы были закадычными друзьями. Если не считать Калле и Евы Лотты, Андерс не знал ни одного более верного товарища, чем Сикстен; возможно, такими же были и Бенка с Юнте, тоже великолепные Алые Розы. А если и жил кто-то в этом городе, кого бы Сикстен, Бенка и Юнте ценили так высоко и

от чистого сердца, то только этих «мерзких блохастых пуделей» — Андерса, Калле и Еву Лотту.

— Вот оно, — произнес, закончив чтение, Андерс. — В Прерию! Вперед, на битву! К победе!

3

Как хорошо, что на свете существует Прерия! Хорошо для всех поколений детей, которые играли там с незапамятных времен. У старых закаленных отцов семейств становилось тепло на сердце, когда они вспоминали свои детские игры в индейцев в Прерии. Дети более поздних поколений умели извлекать из этого пользу. Если вечером Калле возвращался домой после какой-нибудь особенно оживленной баталии в разорванной рубашке, бакалейщик Блумквист не очень-то высказывался по этому поводу, потому что вспоминал рубашку, разорванную однажды весенним вечером в Прерии примерно лет тридцать назад. А если даже фру Лисандер очень хотелось, чтобы ее юная дочь несколько больше вращалась в обществе девочек, своих сестерниц, вместо того чтобы носиться с мальчишками в Прерии, то ей не стоило и выступать с какими-либо возражениями, потому что пекарь смотрел на нее тогда таким лукавым взглядом и говорил:

— Послушай-ка, Миа, когда ты была малышкой, кто из девчонок в нашем городе усердней всех болтался в Прерии?

Прерия, как известно, была большой общинной степью, расположенной на самой окраине города. Она заросла короткой травой, по которой ходить босиком было одно удовольствие. Весной Прерия поражала свежей зеленью и была сплошным холмистым зеленым морем с желтыми вкраплениями пышнорастущей мать-и-мачехи. Но летнее солнце сделало свое дело, и теперь Прерия, бурая и засохшая, широко раскинулась вокруг.

Калле, Андерс и Ева Лотта, поспешив последовать дружескому приглашению Сикстена, не спускали ослепленных солнцем глаз с поля битвы, пытаясь обнаружить врагов. Однако Алые не показывались. Правда, значительная часть Прерии была покрыта орешником и кустами можжевельника, среди которых легко мог укрыться пробирающийся тайком рыцарь Алой Розы.

Белые Розы, издав свой устрашающий боевой клич, прорвались, теснясь, в заросли. Они осматривали каждый кустик, они сновали в зарослях и искали, но ни одного недруга там не было. Они продолжали искать, пока не добрались до окраины Прерии, до самой Господской усадьбы, но и это им не помогло.

— Что за дурацкая шутка? — спросил Андерс. — Их же нигде нет.

Тогда тишину Прерии разрезал презрительный хохот, исторгаемый тремя мощными глотками.

— Нет, теперь... — начала было Ева Лотта и беспокойно оглянулась по сторонам. — Я думаю, не забрались ли они в Господскую усадьбу?

— Да, они на самом деле в Господской усадьбе, — восхищенно произнес Калле.

Там, на окраине Прерии, среди трепещущих осин стоял старинный дом, благородный старинный дом восемнадцатого века, видавший лучшие дни. Его-то и называли Господской усадьбой. А теперь из окна с задней стороны дома высовывались три торжествующие мальчишечки физиономии.

— Горе тому, кто приблизится к новой штаб-квартире Алых Роз, — вскричал Сикстен.

— Вот так штука, как это вы... — начал было Андерс.

— Да! Все-то вы хотите знать! — закричал Сикстен. — Очень просто! Двери были открыты настежь!

Господская усадьба, необитаемая уже много лет, пришла в страшный упадок. Считалось, что ее нужно

реставрировать и перевезти в городской парк, чтобы превратить в краеведческий музей; такое решение было уже давно принято членами городского муниципалитета. Но деньги для этого собирались путем добровольных пожертвований, и дело шло тугу. Тем временем дом все больше и больше приходил в упадок. До недавнего времени запертый, он тем самым оставался недоступным и для городских юнцов. Если сгнившая дверь не могла больше устоять перед захватчиками, то, вероятно, членам городского муниципалитета необходимо было быстренько вмешаться, пока еще существовали какие-то останки для краеведческого музея. Потому что, судя по доносившемуся из дома шуму, прыжки Алых Роз среди панелей восемнадцатого века были не очень-то преисполнены почтения. Старые половицы боязливо стонали от жизнерадостного топота ног, так быстро и неосторожно совершивших дикие прыжки радости по поводу новой штаб-квартиры.

— Мы возьмем этих блохастых пуделей в плен, запрем их здесь и пусть подыхают с голоду! — восторженно прокричал Сикстен.

Предполагаемые жертвы, преисполненные надежд, промчались навстречу своей судьбе, и Алые ничего не сделали, чтобы им помешать. Дело в том, что Сикстен принял решение: во что бы то ни стало ценою жизни и крови удержать второй этаж, который было легче защищать, ибо туда вела великолепная лестница, а посередине ее уже стояли Алые, которые с помощью воинственных жестов дали понять, что для них на свете нет ничего приятнее, чем обрушиться на врага.

Белые Розы неудержимо кинулись в атаку. И когда обе сражающиеся стороны встретились, поднялся такой шум и гам, который, услышь его члены краеведческого общества, заставил бы их всех рвать на себе волосы. Их будущий музей трясся до основания, а изящные деревянные перила лестницы скрипели и выгибались. Дикий вой поднимался к старинному, гипсовой лепки

потолку, а предводитель Белой Розы летел с лестницы задом наперед с таким грохотом, который заставил бы всех призраков минувших времен, если таковые здесь существовали, еще больше побледнеть и испуганной толпой попрятаться по углам.

Военное счастье переменчиво. То Белые Розы гнали своих противников почти по всей лестнице вверх, то они, не выдерживая ужасающего натиска, беспорядочно отступали на самый нижний этаж. Когда волны битвы уже полчаса перекатывались то туда, то обратно, обе стороны пожелали некоторого разнообразия. Белые Розы на какой-то момент оттянули свои войска, чтобы подготовиться к последней яростной атаке. Тогда Сикстен тихо отдал своим войскам быстрый приказ. Секунду спустя Алые без предупреждения оставили свои позиции на лестнице и с быстротою молнии ретировались на верхний этаж. Сикстен и его верные соратники, основательно изучившие весь дом в этот же день еще раньше, знали, что здесь есть масса возможностей укрыться в комнатах верхнего этажа и в шкафах. И когда Андерс, Калле и Ева Лотта, стремительно взяв штурмом лестницу, взбежали наверх, Алых словно ветром сдуло. Они сумели использовать свое преимущество в несколько секунд. И сейчас как раз стояли, окопавшись за дверцей прекрасно расположенного шкафа, и наблюдали сквозь щелку, как Белые Розы прямо у них на глазах держали торопливый совет.

— Рассеяться! — приказал предводитель Белой Розы. — Отыскать неприятеля, в какую бы щель, дрожа за свою жизнь, он ни забился! А когда мы найдем его, суд и расправа будут короткими.

Алые, притаившиеся в шкафу, с удовлетворением услышали эти слова. Глаз чрезвычайно довольного Сикстена поблескивал в дверной щели, но Белые ничего об этом не знали.

«Рассеяться!» — приказал их предводитель. Глупее ничего не придумаешь. Это и решило его судьбу. Он

первым занялся непосредственно тем, чтобы рассеяться, и исчез за углом.

Как только он оказался вне поля зрения, Калле и Ева Лотта осторожно двинулись в противоположную сторону. Там была дверь, и они открыли ее. За дверью оказалась красивая, залитая солнцем комната, и, хотя они прекрасно видели, что комната эта свободна от врагов, они все равно вошли туда и позволили себе небольшую передышку в военных действиях, чтобы выглядеть в окно. Но это, как выяснилось, было серьезной тактической ошибкой. Они вернулись к двери как раз для того, чтобы услышать, как с наружной стороны в замке поворачивается ключ. И услыхать также грубый смех и страшные ликующие крики предводителя Алых:

— Ха, блохастые пудели! Ну, теперь вы в западне! Отсюда вам живыми не выйти!

И еще услыхали они пронзительный голос Бенки:

— Нет уж! Будете сидеть там, пока мхом не порастете! Но мы ведь можем прийти сюда и навестить вас... ну, например, вечером в Сочельник.

И еще голос Юнте:

— Да, не беспокойтесь. Мы придем сюда в Сочельник вечером. Что вам принести в подарок?

— Ваши головы на блюде! — крикнула Ева Лотта.

— С гарниром, как и все поросячы головы, — поддержал ее Калле.

— Бессовестные до ужаса, — печально сказал предводитель Алых своим соратникам по оружию. Затем, повысив голос, крикнул пленникам: — Есть ли у вас какое-нибудь последнее желание, которое вы хотели бы передать дорогим вашему сердцу дома?

— Да, попроси папу позвонить в воспитательное заведение и сказать, что тебя можно забрать туда, — сказала Ева Лотта.

— Прощайте, блохастые пудели! — сказал Сикстен. — Крикните, когда проголодаетесь, мы нарвем вам немного травы.

Затем, повернувшись к Бенке и Юнте, он стал удовлетворенно потирать руки:

— Мои доблестные братья по оружию! Где-то в этом доме пребывает в настоящий момент маленький жалкий крысенок, именующий себя предводителем Белой Розы. Одинокий и беззащитный! Ищите его! Ищите его, говорю я вам!

Алые не жалели сил. На цыпочках прокрались они вдоль длинного коридора, тянувшегося через весь верхний этаж. Они осторожно заглядывали во все комнаты. Устраивали засаду у дверей шкафов. И знали: где бы ни находился предводитель Белой Розы, он сознает, какая ужасная опасность ему угрожает. Его соратники уже заперты. Он один против троих. Троих, горевших желанием схватить его. Потому что такой подвиг, как пленение предводителя противников, был в войне Роз единственным в своем роде. Примерно таким же, как если бы американцам во время прошлой мировой войны удалось упечь Гитлера в тюрьму Синг-Синг.

Однако предводитель Белой Розы спрятался очень хорошо. Как ни вынюхивали, как ни искали Алые, они и следа его не нашли. До тех пор пока Сикстен не услышал внезапно слабого потрескивания над головой.

— Он наверху, на чердаке, — шепнул Сикстен.

— А здесь есть чердак? — удивленно спросил Юнте.

Чердак Алые не заметили, хотя основательно обшарили весь дом. Но возможно, ничего удивительного в этом не было, потому что дверь, выходящая на узенькую винтовую лестницу, была обыкновенной, оклеенной обоями дверью, которую едва ли можно было заметить, если не знать, что она существует. Поиски ее отняли немало времени.

Но потом все пошло быстро. Разумеется, Андерс стоял уже в полной боевой готовности наверху, на чердаке,

и громогласно предупреждал, чтобы каждый, кто не составил приличного завещания, к нему не приближался. Но это не помогло.

Сикстен, не по возрасту рослый и сильный, шел во главе воинства. Бенка и Юнте ассирировали ему, когда это было необходимо. И вот дико барахтавшегося Андерса поволокли вниз по лестнице и дальше — на встречу неизведанной судьбе.

Калле и Ева Лотта кричали ему слова утешения через запертую дверь:

— Мом-ы, сос-кок-о-рор-о поп-рор-и-дод-е-мом и сос-поп-а-сос-е-мом тот-е-боб-я!

На тайном языке Белых Роз это означало: «Мы скоро придем и спасем тебя!» Перейти на тайный язык — был самый верный способ разозлить Алых. Они уже давно тщетно пытались изучить этот странный язык, которым Белые Розы владели в совершенстве и на котором могли болтать с такой безумной быстротой, что для непосвященного их речи звучали как абсолютная абракадабра. Ни Сикстен, ни Бенка, ни Юнте не видели ни одного из слов этого языка написанным на бумаге, иначе у них не было бы никаких трудностей с разгадкой его тайны. Потому что каждый согласный удваивался и между ними вставлялось «о». Так, например, имя Калле звучало на тайном языке так: «Кок-а-лол-лол-е», Андерс же — «А-нон-дод-е-рор-о-сос».

Язык этот, так называемый воровской жаргон, перешел к Еве Лотте по наследству от ее отца. Однажды вечером пекарь чисто случайно рассказал ей, как он и его товарищи-мальчишки имели обыкновение разговаривать таким образом, когда не хотели, чтобы кто-нибудь понял, о чем они говорят. Безумный интерес Евы Лотты к воровскому жаргону изумил в какой-то мере ее отца, который никогда не замечал у нее сколько-нибудь похожего энтузиазма, когда речь шла о спряжении неправильных глаголов в немецком языке и тому

подобном. Но добрый отец послушно просидел с ней весь вечер, тренируя ее, а назавтра она передала все свои знания Андерсу и Калле.

Выжать из Белых Роз ключ к их тайному языку было одной из главных военных целей Альх. Другой — еще более важной — считалось отвоевать у них Великого Мумрика. Великий Мумрик — таково было внушающее почтение название совершенно незначительного предмета, представлявшего собой попросту камешек, своеобразной формы камешек, который некогда нашел Бенка. Обладая даже незначительной фантазией, можно было внушить себе, что он похож на какого-то небольшого задумчивого стариичка, который, подобно Будде, сидит и созерцает свой пуп. Алье немедленно превратили его в особый талисман, которому приписывали ряд исключительных свойств. Большего и не требовалось, чтобы Белые Розы считали своим священным долгом добраться до него. Самые жестокие битвы бушевали из-за Великого Мумрика. Может показаться странным, что маленькому камешку придавалось такое огромное значение. Но почему бы Альм и не почитать столь же сильно своего Великого Мумрика, как шотландцы, например, свой бриллиант в короне, и не волноваться столь же сильно, когда Белые Розы захватили его, как волновались шотландцы, когда англичане поместили этот бриллиант в Вестминстерское аббатство?

Печально, но факт, что Белые Розы в настоящий момент владели Великим Мумриком и прятали его в неизвестном месте. Вообще-то не составляло труда хранить камешек там, где никому было бы не под силу найти его. Но в неписаные правила ведения войны Роз входило, что тот, в чьих руках случайно оказывался Великий Мумрик, оставлял противнику хоть какую-то путеводную нить, намек, где искать сокровище. Путеводная нить могла существовать в виде карты, которую очень трудно было расшифровать, а частично и сбиваю-

щей с толку. Или же в виде ребуса, нацарапанного на клочке бумаги, который темной ночью подбрасывался в почтовый ящик врага и из которого, применив всю проницательность, можно было вызнать, что Великий Мумрик спрятан в пустом вороньем гнезде на верхушке вяза, который растет в самом северном углу кладбища, или под одной из черепиц на дровянном сарае сапожника Бенгтссона.

Но как раз сейчас ни в одном из этих тайников его не было. Камешек как раз был в другом месте. И одним из главных поводов для того, чтобы в этот теплый июльский день снова вспыхнула война Роз, было как раз то, что Алые хотели бы узнать поточнее, где находится этот тайник сейчас. Взяв предводителя Белых Роз в качестве заложника, было, очевидно, не так уж сложно это узнать.

— Мы скоро придем и спасем тебя, — крикнули Ева Лотта и Калле.

И их предводитель действительно нуждался в том, чтобы его чуточку подбодрили. Так как в этот момент сильные руки вели его на мучительный допрос, чтобы дозваться, где Великий Мумрик и каков ключ к их тайному языку.

— Я нон-и-чоч-е-гог-о нон-е сос-кок-а-жож-у! — героически и громогласно заверил Андерс, проходя мимо двери, за которой томились в пленау его товарищи по оружию.

— Ну погоди! Ты скоро перестанешь чочокать, — пригрозил Сикстен, еще сильнее сжав его руку. — Не беспокойся, мы из тебя вытрясем, что это значит.

— Будь сильным! Будь стойким! — кричал Калле.

— Держись, держись, мы скоро придем! — кричала Ева Лотта.

И сквозь запертую дверь услыхали они последние слова своего предводителя:

— Да здравствует Белая Роза!

А следом за этим:

— Отпусти мою руку! Я следую за вами добровольно. Я готов, господа!

Потом они больше ничего не слышали. Великая тишина воцарилась над их тюрьмой. Неприятель покинул дом, захватив с собой предводителя Белой Розы.

4

Разумеется, Алые намекнули, что Калле и Ева Лотта останутся там, куда их посадили, пока мхом не порастут. Но это, вероятно, сказано было не слишком буквально. Даже в войне Роз ребята вынуждены были принимать во внимание весьма обременительный и постоянно мешающий элемент, именуемый родителями. Конечно, в глубине души благородным воителям бывало досадно, когда в разгар самых жарких сражений приходилось прекращать боевые действия, отправляясь домой и есть жаркое и кисель из ревеня. Но родители раз и навсегда решили, что дети, как бы там ни было, должны соблюдать время трапез. И неписанным правилом войны Роз являлось, что нужно смириться с этими дурацкими родительскими требованиями. А не сделав этого, рискуешь очень серьезным перерывом в военных действиях!

Ведь родители обладают таким безграничным отсутствием такта, что спокойненько могут запретить тебе выходить из дома в тот самый вечер, который станет решающим в битве за Великого Мумрика. Да и вообще родители прискорбно мало разбираются во всех этих великих мумриках, даже если в их собственных детских воспоминаниях о Прерии, словно случайная полоска света, брезжит иногда искра их былого, ныне померкнувшего разума.

Когда Алые ушли вместе с Андерсоном, оставив Калле и Еву Лотту запертymi в пустой комнате необитаемого дома умирать с голоду, то это, следовательно, означало лишь то, что они будут умирать примерно два часа,

или, другими словами, до семи часов вечера. В семь часов как у бакалейщика Блумквиста, так и у пекаря Лисандера, да и в других домах городка обильно и питательно обедали. За некоторое время до рокового удара часов Сикстен пошлет Бенку или Юнте крайне тихо открыть дверь пленникам. Поэтому Калле и Ева Лотта с непоколебимым спокойствием смотрели в глаза голодной смерти. Но быть запертыми таким гнусным образом казалось им оскорбительным. Кроме того, это означало окончательную, сокрушительную победу Алых. Их превосходство именно сейчас, когда они взяли в плен и увезли с собой предводителя Белых Роз, было, по правде говоря, катастрофическим. И даже то, что Великим Мумриком владели теперь Белые Розы, не могло уравновесить этот позор.

Ева Лотта с горечью смотрела в окно вслед уходившим врагам. Они шли, окружив со всех сторон предводителя Белой Розы. Они шагали вперед боевым шагом по земле, поджариваемой солнцем Прерии, по дороге к городу. И вскоре исчезли вдали.

— Интересно, куда они его поведут? — спросила Ева Лотта.

— Ясное дело, в гараж Сикстена, — сказал Калле и огорченно добавил: — Будь у нас хотя бы газета или еще что-нибудь!

— Газета! — раздраженно сказала Ева Лотта. — Читать газету, когда надо попытаться выбраться отсюда!

— Ты абсолютно права, — согласился с ней Калле. — Нам надо выбраться отсюда. Поэтому мне и нужна газета.

— Думаешь, там будет что-нибудь про то, как лучше спускаться по стенам домов?

Ева Лотта свесилась из окна, чтобы смерить взглядом расстояние, отделявшее их от земли.

— Ясное дело, прыгнем — разобьемся, — продолжала она. — Но тут уж ничего не поделаешь!

Калле вдруг удовлетворенно свистнул:

— Обои! О них я и не подумал. Они сгодятся.

Он быстро сорвал большой кусок отклеивавшихся обоев. Ева Лотта удивленно смотрела на него.

— В восемнадцатом веке это были, верно, очень красивые обои! — сказал Калле.

Наклонившись вниз, он просунул большой кусок обоев в щель под дверью.

— Азбука сыскного дела, — заявил он, вытаскивая из кармана складной перочинный нож.

Выбрав самое маленькое и самое тонкое лезвие, он осторожно сунул его в замочную скважину. С наружной стороны двери послышалось легкое звяканье. Это упал на пол ключ.

Калле снова втянул обои в комнату, и действительно, на них лежал ключ. Он упал туда, куда надо.

— Как говорится, азбука сыскного дела, — сказал суперсыщик Блумквист, намекая тем самым Еве Лотте на то, что его деятельность сыщика вынуждает его ежедневно открывать запертые двери тем или иным хитротумным способом.

— О, Калле, мы победим! — восхищенно воскликнула Ева Лотта.

Калле отпер дверь. Они были свободны.

— Но мы не можем двинуться в путь, не попросив извинения у Алых, — сказал Калле.

Он выудил огрызок карандаша из неистощимого кармана своих брюк и протянул его Еве Лотте. И она написала на обратной стороне обоев:

*«Упрямые черепушки, именуемые Алыми Розами!
Ваши попытки заняться выращиванием лха позорно
провалились. Примерно пять минут и тридцать се-
кунд мы ждали, что лох начнет расти, но нам надое-
ло, и мы уходим. Жалкие сопляки, разве вы не знаете,
что Белые Розы умеют проходить сквозь стены?»*

Тщательно закрыв окно, они набросили крючки, затем заперли дверь снаружи, оставив ключ в замоч-

ной скважине. На ручку двери повесили прощальное письмо.

— Придется им поломать голову. Окно закрыто изнутри, а дверь заперта снаружи — ну и удивятся же они, как мы выбрались оттуда, — сказала Ева Лотта, замурлыкав от удовольствия.

— Очко в пользу Белой Розы, — воскликнул Калле.

В гараже Сикстена Андерса не оказалось. Калле и Ева Лотта чрезвычайно осторожно провели рекогносцировку, чтобы узнать, как освободить оттуда Андерса. Но гараж стоял все такой же тихий и пустой, как всегда.

Мама Сикстена развешивала в саду выстиранное белье.

— Не знаете ли вы, тетушка, где Сикстен? — спросила ее Ева Лотта.

— Да нет, но он был здесь недавно, — ответила почтмейстерша. — Вместе с Бенкой, Андерсом и Юнте.

Алые явно увеличили своего пленника в более надежное место, но куда?

Ответ находился совсем рядом с ними. Калле увидел его первым. В зеленую лужайку был ввинчен перочинный ножик, и на его острие торчал маленький кусочек бумаги. Это был ножик Андерса, и Калле, и Ева Лотта тотчас узнали его. А на кусочке было написано единственное слово: «Юнте».

Предводителю Белых Роз удалось в какой-то миг, когда за ним не наблюдали, оставить это лаконичное сообщение своим соратникам.

Калле глубокомысленно наморщил лоб.

— Юнте! — сказал он. — Это означает только одно: Андерс сидит в плена — у Юнте дома.

— Да ты что? — спросила Ева Лотта. — Если он сейчас у Юнте, то куда хитрее было бы написать «Бенка», а вовсе не «Юнте».

Калле не ответил на это ни слова.

Юнте жил в той части города, которая называлась Плутовская горка. Там в небольших лачугах ютились не самые сливки общества в этом городе. Но Юнте и не претендовал на то, чтобы принадлежать к ним. Он вполне довольствовался покосившейся лачугой, где жила его семья, лачугой, вмещавшей комнату с кухней в нижнем этаже и маленькую мансарду наверху. Мансарда была обитаемой только летом. Зимой там было слишком холодно. Но сейчас на дворе стоял июль, и в мансарде было жарко, словно в свинцовых тюремных камерах Венеции, и, следовательно, она очень подходила для мучительного допроса. Юнте имел единоличное право на мансарду. Здесь он спал на простой походной кровати, здесь была его модельная полка, сбитая из ящиков из-под сахара, здесь он хранил свой склад детективов, и коллекцию марок, и все самое дорогое, чем владел в этой жизни. И ни один король не мог бы быть более доволен своим дворцом, чем Юнте своей маленькой каморкой, где неподвижно застыл теплый воздух, а на потолке жужжали мухи.

Вот туда-то Алые и привели Андерса. Потому что, к их счастью, папа и мама Юнте были сегодня на принадлежавшем им маленьком участке земли сразу за городом. Юнте должен был хозяйствовать один и сам поджаривать себе колбасу и картошку, если проголодается.

А поскольку мама Сикстена развешивала в саду белье прямо против штаб-квартиры Алых в гараже и поскольку дома у Юнте было так замечательно благодаря отсутствию родителей, Сикстен счел великолепной выдумкой перенести мучительный допрос подальше, в каморку Юнте на Плутовской горке.

Калле и Ева Лотта держали совет. Конечно, они могли начать свою спасательную экспедицию немедленно, но, немного поразмыслив, решили, что разумнее подождать. Глупо показаться Алым прямо сейчас. Скоро обед. Скоро Сикстен пошлет Бенку или Юнте в Господскую усадьбу, скоро Бенка или Юнте застынут в без-

молвном удивлении по случаю бегства Калле и Евы Лотты. Мысль об этом была глубоко сладостной. Жалко было бы уничтожить такое прекрасное очко в их пользу.

Калле и Ева Лотта решили перенести свою спасательную экспедицию на время после обеда. Кроме того, они очень хорошо знали, что Андерс получит отпуск под честное слово, чтобы пойти домой и тоже пообедать. И вероятно, ничего не может быть унизительней для спасательной экспедиции, как прибыть как раз в тот момент, когда тот, кого надо спасти, самостоятельно отправляется домой поесть.

— А вообще, — сказал Калле, — если собираешься кого-нибудь выслеживать, кто сидит дома, то нужно подгадать, когда стемнеет и люди зажгут свет, но не успеют еще опустить штору. Это знает всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в технике криминального дела.

— У Юнте нет никакой шторы, — сказала Ева Лотта.

— Тем лучше, — произнес Калле.

— Ну а как же мы сможем их выслеживать через окно мансарды? — недоумевала Ева Лотта. — Правда, я длинноногая, но...

— Видно, что ты ничего не читала по технике криминального дела. Как ты думаешь, что делают криминалисты в Стокгольме? Если им надо наблюдать за квартирой на четвертом этаже, где находятся мошенники, они ищут доступ в квартиру на другой стороне улицы, лучше всего на пятом этаже, чтобы подняться чуть выше этих негодяев. И вот полицейские стоят там с биноклем и смотрят прямо на них, пока они не опустят шторы.

— Будь я негодяйкой, я опустила бы штору прежде, чем зажечь свет, — сказала практичная Ева Лотта. — А вообще, в какую квартиру, ты думаешь, мы найдем доступ, чтобы наблюдать за Юнте?

Об этом Калле еще не думал. Криминалистам в Стокгольме, верно, куда легче добывать доступ в квартиры. Им достаточно показать свое удостоверение полицейско-

го. Мало вероятно, что так же хорошо пройдет этот номер для Калле и Евы Лотты. Кроме того, напротив дома Юнте никакого дома не было, так как там текла река. Но совсем рядом с домом Юнте стоял другой дом, да, другой. И это был дом старика Грена. Старая, полуразвалившаяся двухэтажная деревянная лачуга. Столярная старика Грена находилась в нижнем этаже, а сам он жил наверху. «Можно ли получить доступ в жилище Грена? — ломал себе голову Калле. — Заявиться к нему и учтиво спросить, нельзя ли расположиться в его окне, чтобы немножко понаблюдать?»

Калле и сам понимал, каким глупым было такое предложение. Кроме того, здесь была еще одна загвоздка. Дом Юнте и дом старика Грена были, конечно, обращены фронтонами друг к другу, но в доме старика Грена не было, к сожалению, окон против окон Юнте в верхнем этаже.

— Я знаю, — сказала Ева Лотта. — Мы влезем на крышу старика Грена, это единственный способ.

Калле восхищенно взглянул на нее.

— Если учесть, что ты вообще ничего не читала по криминалистике, ты в самом деле не так уж и глупа! — сказал он.

Да, крыша старика Грена — единственное, что им оставалось. Она была расположена чуть выше чердачной каморки Юнте. И на окне Юнте — никакой шторы. Просто бесподобный наблюдательный пункт.

С легким сердцем отправились Калле и Ева Лотта домой — обедать.

5

Было темно и тихо, когда они часа через два крались по Плутовской горке. Совершенно темно и тихо. Маленькие деревянные лачуги стояли там совсем рядом, тесня друг друга в борьбе за жизненное простран-

ство. Частица жаркого июльского дня еще витала среди домов. Было темно, вся Плутовская горка покоялась, окутанная теплым пущистым мраком. Порой из какого-нибудь маленького окошка или двери, открытой навстречу летнему вечеру, темноту прорезали лучи света. Мрак был напоен разными запахами. Запахи кошки, и жареной салаки, и кофе смешивались с одуряющими ароматами цветущего жасмина и таким же одуряющим благоуханием от какого-нибудь помойного ведра, которое уже давным-давно следовало опорожнить.

В тихих переулках не было ни души. Обитатели Плутовской горки не проводили ночи вне дома. Они все замкнулись в четырех стенах своего жилища и вкушали отдых и покой после дневных трудов в маленьких тесных кухоньках своих лачуг, где на плите ворчал кофейник, а на подоконниках цвела герань.

Тот, кто вышел бы прогуляться на Плутовскую горку, рисковал не встретить тут ни души.

— Тихо как в могиле, — сказал Калле.

И он был прав. Хотя то тут, то там слышался гул голосов за одним из освещенных окон. Где-то далеко залаяла собака, но вскоре смолкла. Где-то кто-то заиграл на гармошке какую-то нестройную мелодию, но это была просто попытка, а потом воцарилась еще более глубокая тишина.

Зато у Юнте было гораздо оживленнее. В его чердачной каморке горел свет, а через открытое окно доносились пронзительные звуки мальчишечьих голосов. Калле и Ева Лотта удовлетворенно констатировали, что допрос явно был в самом разгаре. Там в самом деле разыгрывалась потрясающая драма, и Калле с Евой Лоттой были полны твердой решимости насладиться спектаклем из первого ряда партера на крыше старика Гrena.

— Дело только за тем, чтобы взобраться на крышу, — смело заявила Ева Лотта.

Да, дело было только за этим. Калле обошел лачугу, чтобы узнать, как им быть. Вот досада: у старика Грена тоже горел свет! Почему это старые люди не спят по вечерам, когда это им, верно, просто необходимо? Чтобы можно было прогуляться по их крыше и никто бы тебе не мешал. Но тут уж ничего не поделаешь. Помешают или нет, но влезть на крышу необходимо.

Вообще-то, оказывается, все проще простого. Старику Грэн был настолько любезен, что у одного из фронтонов своего дома поставил лестницу. Разумеется, эта лестница стояла прямо против его окна. И в окне этом горел свет. Да и окно за наполовину опущенной шторой было открыто. И потом, разве можно быть уверенным, что Грэн придет в безумный восторг, если, внезапно высунув голову, увидит, как две Белые Розы с бешеною скоростью поднимаются вверх по лестнице? Люди редко склонны предоставлять свои крыши для народных гуляний. Но в войне Роз такие мелочи помешать не могли. Нужно лишь неуклонно следовать по пути общественного долга, даже если он пролегает по коньку крыши старика Грена.

— Иди ты первым, — ободряюще предложила Ева Лотта.

Калле так и сделал. Медленно-медленно начал он карабкаться вверх по лестнице. Ева Лотта быстро и молча следовала за ним. Положение их станет угрожающим лишь в тот момент, когда они окажутся вровень с окном второго этажа.

— У Грена гость, — осторожно прошептал Калле Еве Лотте. — Я слышу, как они болтают.

— Сунь в окно свою черепушку и попроси пряник, — удовлетворенно хихикнув, предложила Ева Лотта. Она была уверена, что это очень удачная мысль!

Однако Калле, ясное дело, не думал, что это так уж весело. Он продолжал как можно быстрее взбираться

на крышу. Ева Лотта тоже стала серьезней, когда настал ее черед миновать это опасное место.

Да, у Грена был гость, это было отчетливо слышно, но никаких пряников там, видимо, не подавали. Кто-то стоял спиной к окну, кто-то говоривший низким, взволнованным голосом. Ева Лотта не могла видеть всю эту личность целиком, ведь штора была наполовину опущена. Но она видела, что на госте Грена были надеты темно-зеленые габардиновые брюки. И еще она услыхала его голос.

— Да, да, да, — нетерпеливо сказал он. — Я попытаясь. Я заплачу, и покончим с этим делом.

Потом послышался дребезжащий старческий голос Грена:

— Это вы, господин, говорите уже давным-давно. Но теперь я больше ждать не желаю! Ведь вы, господин, понимаете, что я хочу получить мои деньги обратно?!

— Говорю вам: вы их получите, — снова заговорил незнакомец. — Мы встретимся в среду. В обычном месте. И возьмите с собой все мои векселя. Все до одного. Каждый чертов вексель! Я погашу их все сразу! И покончим с этим.

— Вам, господин, не надо принимать все так близко к сердцу, — кротко ответил ему Грэн. — Ведь вы, господин, понимаете: я хочу вернуть мои деньги.

— Кровопийца! — воскликнул незнакомец.

И было слышно: он говорит то, что думает.

Ева Лотта быстро полезла наверх. Калле ждал ее, сидя на коньке крыши.

— Там внизу они только и тявкают что про деньги, — сказала Ева Лотта.

— Чем они занимаются, это то самое ростовщичество и есть? — предположил Калле.

— Интересно, что такое «вексель»? — задумчиво спросила Ева Лотта. Но быстро оборвала саму себя: — Чепуха, не все ли равно! Пошли, Калле!

Им пришлось перелезть наискосок по крыше на противоположную сторону дома, куда выходило окошко Юнте. По-прежнему жутко было балансировать вдоль конька крыши под покровом темного неба, не озаренного блеском звезд, которые осветили бы их опасный путь. Кроме дымовой трубы, держаться было не за что, а труба послужила им лишь случайной поддержкой уже после того, как они, шатаясь, прошли полпути. Им очень не хотелось отпускать трубу и продолжать со страшным риском балансировать по крыше, но они обрели новые силы при виде зрелища, ожидавшего их в каморке Юнте. Там сидел на стуле их предводитель, окруженный Алыми, размахивающими руками и оравшими на него. Но он лишь гордо качал головой. Ева Лотта и Калле легли на живот и приготовились к удивительному зрелищу. Они могли и видеть, и слышать все, что происходило в мансарде. Какой триумф, какое превосходство над Алыми! О, если бы их предводитель знал, что спасение так близко! Всего лишь в двух метрах от него лежали его верные братья по оружию, готовые ради него отдать свою жизнь и свою кровь!

Оставалось только выяснить одну небольшую деталь! Как спасти Андерса? Наверное, это прекрасно — отдать свою жизнь и кровь за другого, но как это сделать? От пленика их отделяла пропасть шириной не менее двух метров.

— Мы наверняка что-нибудь придумаем, — с надеждой произнес Калле и, насколько позволяли обстоятельства, устроился поудобнее.

В каморке Юнте продолжался допрос.

— Пленник, — произнес Сикстен, немилосердно рванув Андерса за руку. — Тебе дается последний шанс спасти свою ничтожную жизнь. Куда вы спрятали Великого Мумрика?

— Ты вопрошаешь напрасно, — отвечал Андерс. — С незапамятных времен Белые Розы держат под своей могущественной рукой Великого Мумрика. Никогда вам

его не найти, можешь прыгать хоть до потолка, — несколько менее торжественно добавил он.

На своем наблюдательном пункте Калле и Ева Лотта молча кивнули в знак одобрения, но Сикстен, Бенка и Юнте, казалось, откровенно разозлились.

— Посадить его на ночь в мой гараж, чтоб он раскололся, — предложил Сикстен.

— Ха-ха! — воскликнул Андерс. — Как Калле и Еву Лотту, да? Насколько я слышал, они тоже удрали через пять минут. Точь-в-точь как это сделаю я.

Алые призадумались. Для них оставалось загадкой, как это Калле и Еве Лотте удалось выйти из заточения. Это производило впечатление чего-то почти сверхъестественного. Но ни в коем случае нельзя было выказывать свое восхищение Андерсу.

— Не воображай, что ты какой-то там король побегов из тюрьмы, — сказал Сикстен. — Мы уж, верно, запрем тебя так, что никуда не денешься. Но сначала я хочу услышать чуть подробнее об этом вашем тайном языке. Мы смягчим тебе наказание, если откроешь эту загадку.

— Черта с два! — заявил Андерс.

— Не будь таким упрямым, — уговаривал его Сикстен. — Мне кажется, ты мог бы *что-нибудь* произнести. Ты мог бы, например, произнести мое имя. Как меня зовут на вашем языке?

— Дод-у-рор-а-лол-е-й! — с готовностью ответил Андерс, демонически расхохотавшись, чтобы Сикстен понял: речь идет о грубом оскорблении.

Как это было ни заманчиво, он не осмеливался перевести произнесенное им слово, потому что тогда дал бы врагам ключ к воровскому жаргону. Он только еще раз демонически расхохотался, а наверху, на крыше, прямо напротив, ему от всего сердца вторили его соратники. Предводителя Белых Роз безусловно обрадовало бы, зной он про это. Но до поры до времени и он, и Алые Розы пребывали в неведении, что на крыше у них есть зрители.

Сикстен скрежетал зубами в бессильной злобе. Допрос становился все мучительнее для Алых, и все это додоканье и лолоканье, которое они не понимали, хоть кого могло довести до бешенства. Ну взяли они в плен предводителя Белых Роз, а теперь и сами едва ли знают, что с ним делать! Он ведь не желал выдавать никаких тайн, а рыцарственные Розы никогда, ни при каких обстоятельствах не унижатся до физического насилия, чтобы вынудить признание. Разумеется, они часто дрались, да так, что дым стоял коромыслом, но это было в честном бою на поле битвы. Никогда и речи быть не могло, чтобы наброситься на беззащитного пленника, да еще трое против одного.

Был ли пленник так уж беззащитен? Он и сам размышлял по этому поводу, а наразмышлявшись вволю, неожиданно вскочил со стула и совершил дикий прыжок к двери в безрассудной попытке обрести свободу. Но это кончилось самым жалким образом. Секунда, и три пары крепких мальчишеских рук обвились вокруг него и довольно бесцеремонно отвели Андерса назад.

— Э, нет, — сказал Сикстен. — Так легко не отделешься. Получишь свободу, когда я этого захочу, и ни минутой раньше. А может, через несколько лет. Кстати, куда вы спрятали Великого Мумрика?

— Да, куда вы спрятали, например, Великого Мумрика? — спросил Юнте, требовательно ткнув Андерса в бок.

Андерс хмыкнул и стал извиваться, словно червь. Дело в том, что он ужасно боялся щекотки. Но когда Сикстен увидел это, улыбка озарения мелькнула на его лице. Он был рыцарем ордена Алой Розы и не истязал своих пленников. Но кто сказал, что их нельзя щекотать?

Он играющи сунул указательный палец прямо в живот Андерса. Какая удача, просто сверх ожидания! Андерс зафыркал, словно бегемот, и стал извиваться еще сильнее.

Ну и оживились же Алые! И все втроем набросились на свою жертву! А несчастный предводитель Белых Роз застонал, запищал, заикаясь от смеха.

— Куда вы спрятали Великого Мумрика? — спросил Сикстен, проведя на ощупь пальцем по его ребру.

— О!.. О!.. О!.. — задыхался от смеха Андерс.

— Куда вы спрятали Великого Мумрика? — спросил Бенка, целеустремленно щекоча ему пятки.

В ответ — лишь новый взрыв хохота.

— Куда вы спрятали Великого Мумрика? — спросил Юнте и вопросительно ткнул указательным пальцем под коленку узника.

— Я... Я... больше не могу, — пролепетал Андерс. — Там в Прерии... чуть подальше... за Господской усадьбой... идите по той самой узенькой тропке...

— А потом? — спросил Сикстен, угрожающе держа наготове указательный палец.

Но никакого «потом» не последовало. Произошло нечто совершенно неожиданное. Послышался резкий щелчок — бац! — и каморка Юнте в секунду погрузилась во тьму египетскую. Маленькая простенькая лампочка на потолке, единственное освещение комнаты, разлетелась на тысячи осколков.

Предводитель Белой Розы был так же ошарашен, как и Алые. Но быстрее их обрел самообладание. Под покровом темноты он, словно угорь, скользнул к двери и исчез в летней ночи. Он был свободен.

Наверху, на крыше, прямо напротив мансарды, Калле задумчиво засовывал рогатку в карман брюк.

— Возьму деньги из копилки и куплю новую лампочку для Юнте, — в раскаянии сказал он.

Посягательство на чужую собственность совершенно не подобало благородному рыцарю Белой Розы, и для Калле само собой разумеющейся необходимостью было возместить потери.

— Но ты-то ведь понимаешь, что это было крайне необходимо, — сказал он Еве Лотте.

Ева Лотта согласно кивнула.

— Да! Крайне необходимо, — сказала она. — Наш предводитель находился в опасности. И Великий Мумрик — тоже. Это в самом деле было необходимо.

В своей каморке Юнте уже вытащил откуда-то карманный фонарик. В его неверном свете Алые могли с горечью констатировать, что пленник бежал.

— Он удрал! — закричал Сикстен, ринувшись к окну.

— Какой проклятый блохастый пудель разбил лампочку?

Но спрашивать было излишне. Виновники стояли прямо напротив, на крыше. Два узеньких черных силуэта, поспешно готовившихся к отступлению. Они только что услыхали условный свист Андерса и поняли: он на свободе.

И кинулись бежать по крыше с опасной для жизни быстротой. Речь шла о том, чтобы спуститься вниз и оказаться в безопасности прежде, чем Алые успеют подбежать и схватить их. Они бежали вдоль конька крыши во мраке, ничуть не колеблясь, и двигались с той легкостью и гибкостью, которой дикая счастливая жизнь одарила юные тела бесстрашных тринадцатилетних подростков.

Они добрались до лестницы и с устрашающей быстротой начали спускаться вниз. Первой — Ева Лотта, а за ней, буквально следом, — Калле. Теперь они не думали о Грене, они думали только об Алых. В окне Грена свет уже не горел. Незнакомец наверняка ушел.

— Быстрее, я тороплюсь, — настойчиво прошептал Калле Еве Лотте.

И тут штора Грена с треском взвилась вверх и старик выглянул в окно. Это произошло так неожиданно и так ужасно их испугало, что Калле внезапно выпустил лестницу из рук. С глухим шумом сорвался он на землю и чуть было не увлек за собой Еву Лотту.

— Неужели ты так торопишься? —sarкастически спросила Ева Лотта.

Она судорожно держалась за лестницу, чтобы не рухнуть вниз, и повернула свое умоляющее лицо к Грену. Но Грен смотрел своими печальными старческими глазами на Калле, лежавшего на земле и ловившего ртом воздух. И Грен произнес своим печальным старческим голосом:

— Да-да, веселые забавы у деток! Веселые, невинные забавы у деток!..

6

У Евы Лотты и Калле не было времени, чтобы подробнее объяснить Грену, зачем они оказались на его лестнице. Да и сам Грен, пожалуй, вообще не видел в этом ничего особенного, примечательного или неестественного. Он явно считал, что веселые невинные детские забавы требуют иногда, чтобы дети карабкались по лестницам — то тут, то там — по соседству. Калле и Ева Лотта быстренько сказали: «До свидания» — и пустились бежать со всех ног, но Грен, казалось, этого даже не заметил. Он только тихонько вздохнул про себя и опустил штору.

А в темном переулке за домом Грена воссоединились три рыцаря ордена Белой Розы. Они пожали друг другу руки, и их предводитель сказал:

— Благородный поступок, о храбрецы!

Но затем пришлось срочно удирать, потому что в дальнем конце переулка послышался шум, набирающий силу. Это были Алье, сознание которых наконец-то пробудилось и взвывало к мести.

В лачугах Плутовской горки люди в это время уже уснули. Теперь они вскочили, перепугавшись со сна на смерть. Была ли это дикая охота, проносившаяся мимо, или... Боже милосердный, что же это было? Ах, это были всего-навсего три благородных рыцаря ордена Белой Розы, которые гигантскими прыжками мчались по бу-

лыжной мостовой. А в пятидесяти метрах за ними неслось трое столь же благородных рыцарей ордена Алой Розы. Их прыжки были, разумеется, не менее гигантскими, а их пронзительные и ехидные голоса обладали таким диапазоном, который едва ли мог превзойти даже диапазон пожарной сирены, воющей во всю мощь.

Вначале преимущество было на стороне Белых Роз. Они неистово обегали углы домов, так что только ветер свистел в ушах, и удовлетворенно улыбались, слыша далеко за собой громогласные откровения Сикстена по поводу того, что произойдет, когда их схватят.

Калле мчался во мраке, чувствуя, как душу его охватывает безумный восторг. Вот это жизнь, по крайней мере, не менее интересная, чем охота за преступниками! Правда, охотиться за преступниками можно лишь в мечтах, на самом деле никаких преступников, похоже, нет! Но это вот есть на самом деле — топот ног преследователей за спиной, порывистое дыхание Андерса и Евы Лотты, неровные булыжники мостовой под ногами, темные маленькие переулки и темные, влекущие к себе проходы меж домами. Да и сами дворы, где можно спрятаться... О, как все это чудесно, как увлекательна сама погоня!

Прекрасней же всего — ощущать, как послушно твое тело, как быстры твои ноги и как легко дышится. Он мог бы бежать так всю ночь! Он чувствовал себя совершенно самостоятельным, готовым, если потребуется, справиться с целой сворой кровожадных псов. И вот, когда он так бежал, ему внезапно пришло в голову, что еще более увлекательно было бы, если бы гнались только за ним одним; тогда он мог бы дразнить своих преследователей совсем по-другому и быть куда более дерзким в своих маневрах.

— Спрячьтесь! — быстро сказал он Андерсу и Еве Лотте. — Я попробую их надуть!

Андерс счел это предложение разумным. Все выдумки, с помощью которых можно было бы надуть Алых,

только приветствовались. И, обогнув следующий угол, Андерс и Ева Лотта с быстротой молнии нырнули в темную подворотню и остались там, молчаливые и тихие, если не считать легкого приыхания.

Прошло несколько секунд, прежде чем из-за угла появились Алые.

Они пробежали так близко от Андерса и Евы Лотты, что те могли бы их схватить. Ева Лотта едва удержалась, чтобы, вытянув вперед руку, не дернуть за рыжий вихор Сикстена, когда он мчался мимо. Но Алые ничего не заметили и очертя голову пронеслись дальше.

— Их так же легко надуть, как малых деток, — сказал Андерс. — Видно, они никогда не были в кино и не видели, как это делается.

— Но Калле приходится довольно трудно, — сказала Ева Лотта, напряженно прислушиваясь к топоту бегущих ног, смолкавшему в темноте. — Трое мерзких лисов, которые гонятся за одним несчастным маленьким белым зайчиком, — добавила она, внезапно охваченная состраданием.

Прошло некоторое время, прежде чем Алым стало ясно, что часть добычи от них ускользнула, но поворачивать обратно было слишком поздно. Единственное, что они могли сделать, — это довести до конца погоню за Калле. И никто не посмеет утверждать, что они не сделали все, что в их силах. Сикстен несся как одержимый, произнося на бегу священную и страшную клятву, что если Калле на этот раз избегнет своей участи, то он, Сикстен, отпустит рыжую окладистую бороду как действенный знак горя и поражения. Он не задумывался над тем, что ему надо сделать для того, чтобы заставить вырасти бороду на его гладком мальчишеском лице; он просто бежал.

Так же мчался и Калле — то туда, то сюда, по всем переулкам Плутовской горки, совершая самые немыслимые зигзаги. Его преимущество перед преследователями никогда не было столь большим, чтобы он

мог избавиться от них, а может, он этого и не хотел. Они мчались за ним буквально по пятам, а он наслаждался, держа их все время примерно на таком расстоянии, чтобы ощущать опасность.

Повсюду стояла тишина, но внезапно сквозь тишину он услышал гул мотора — где-то поблизости заводили автомобиль. Это его удивило, потому что на Плутовской горке автомобиль был редкостью. Не будь великий сыщик в этот миг предельно занят войной Роз и не гонись за ним по пятам целая свора Алых, вполне вероятно, что он попытался бы бросить взгляд на эту машину. Ведь когда речь идет о необычных явлениях, даже самые большие предосторожности никогда не бывают излишними. Это он часто внушал своему воображаемому собеседнику. Но сейчас суперсыщик, как говорится, «был призван на военную службу», и он слепо ринулся дальше, проявив лишь слабый интерес к автомобилю, который явно удалялся, а потом и вовсе исчез.

Сикстен начал терять терпение. Он подстрекал Юнте, который держал рекорд школы в беге на сто метров, чтобы тот в какой-нибудь подходящий момент выскочил наперевес Калле и погнал бы его обратно в гостеприимные объятия Сикстена. И подходящий момент наступил. В одном месте был обход, и Юнте решил использовать этот шанс, надеясь, что Калле свернет именно в эту сторону. Так и случилось, Калле был внезапно остановлен в беге, так как Юнте вынырнул из пустоты прямо перед ним. Калле круто повернулся. Он не посмел сделать попытку прорваться, потому что, если бы ему это даже и удалось, это отняло бы столько драгоценных секунд, что Сикстен и Бенка успели бы прибежать на выручку Юнте. Нет, теперь речь могла идти только о том, чтобы пробиться хитростью! Он оказался между двух огней, и следовало быстро решить, что делать.

— Эй, ты! — торжествующе крикнул Сикстен, которого менее десяти шагов отделяло от Калле. — Ты все-таки влип! Теперь держись!

— Как бы не так! — сказал Калле и в последнюю долю секунды бросился через забор, огораживавший улицу с одной стороны. Он приземлился в темном дворе и тут же помчался, как ошпаренный кипятком тролль. Алые неслись за ним по пятам, он слышал глухие удары их ног о землю, когда они перепрыгивали через забор. Но он не остановился, чтобы прислушаться. Он был слишком занят попыткой выбраться как-то на улицу, чтобы не пришлось перелезать через следующий забор. Потому что, кем бы ни был владелец этого забора, у него было явно чрезвычайно нездоровое отношение к войне Алой и Белой Розы. Иначе зачем бы он стал опутывать забор колючей проволокой.

— Елки-палки, что теперь делать? — растерянно прошептал Калле.

Но времени на размышления не оставалось. Что бы теперь ни предпринимать, предпринимать нужно было мгновенно. Он быстро пополз и спрятался за мусорным баком. Сердце его колотилось. Может, есть еще тень надежды, что Алые его не обнаружат! Но они были уже совсем рядом. Они шептались вполголоса и искали, искали в темноте.

— Он не мог перелезть через забор, — заметил Юнте, — иначе застрял бы в колючей проволоке. Я это хорошо знаю, сам однажды пытался.

— Единственный выход со двора — через сени в тот дом, — сказал Сикстен.

— Сени эти — старухи Карлссон, не забывайте, — пояснил Юнте, знавший Плутовскую горку и ее обитателей как свои пять пальцев. — Старуха Карлссон злая, как паучиха, не забывайте...

«Что хуже, — думал Калле, сидя за мусорным бачком, — быть пойманным Алыми или старухой Карлссон?»

Алые продолжали поиски.

— По-моему, он все еще где-то здесь, во дворе, — упрямо заявил Бенка.

Он буквально вынюхивал все вокруг и под конец обнаружил Калле, притаившегося, словно темная тень, за мусорным баком.

Его ликующий вой, хотя и приглушенный, пробудил к новой жизни Сикстена и Юнте. Более того, он пробудил к жизни и фру Карлссон. Вышеуказанная дама была уже долгое время обеспокоена таинственным шумом на заднем дворе. А она была не из тех, кто допускает таинственный шум на заднем дворе, если только можно этому помешать.

И тогда Калле решил: все что угодно, только не попасть в плен к Алым. Лучше даже нарушить мир дома самой грозной личности на Плутовской горке. Избежав в последнюю секунду кулаков Сикстена, он спикировал прямо в сени фру Карлссон, чтобы таким путем выбраться на улицу. Но кто-то уже шел в темноте ему навстречу. И это был не кто иной, как фру Карлссон собственной персоной. Она спешила с определенной целью — покончить с таинственным шумом, кто бы ни был его причиной: крысы ли, взломщики или даже сам его величество король, ведь фру Карлссон полагала, что никто, кроме нее самой, не имеет права шуметь на этом заднем дворе.

Тем не менее, когда Калле промчался, как испуганный зайчонок, фру Карлссон была так ошарашена, что от неожиданности пропустила его мимо. Но за ним по пятам неслась Сикстен, и Бенка, и Юнте, и все трое очутились в ее распростертых объятиях. Она крепко прижала их к себе и заорала унтер-офицерским басом:

— Вот как, значит, это вы хулиганите! На моем дворе! Нет, это уж слишком! Теперь уж, в самом деле, слишком!

— Простите! — сказал Сикстен. — Мы только...

— Что вы только?.. — кричала фру Карлссон. — Что вы только... на моем дворе, а?

С некоторым трудом им удалось вырваться из ее цепких объятий.

— Нам нужно было только... — заикался Сикстен, — нам нужно было только... мы заблудились, было так темно!

И они ринулись дальше, не попрощавшись.

— Вот как?! Попробуйте еще хоть раз заблудиться на моем дворе, — вопила вслед им фру Карлссон, — я напущу на вас полицию! Узнаете тогда!

Но Алые Розы не слышали ее криков. Они были уже далеко на улице. А в какую сторону побежал Калле? Они остановились, прислушиваясь, и, услыхав издалека легкое прищепывание его ног, живо кинулись следом.

А Калле слишком поздно понял, что попал в новый тупик, откуда выхода нет. Ведь эта маленькая уличка кончалась внизу у реки — как он об этом забыл? Конечно, можно броситься в воду и переплыть на другой берег. Но это означает множество ненужного шума из-за промокшей одежды, когда он вернется домой... Во всяком случае, он хотел бы сначала испробовать другие возможные выходы из положения.

«Хромой Фредрик, — подумал Калле. — Хромой Фредрик живет в этом маленьком доме. Он наверняка спрячет меня, если я его попрошу».

Хромой Фредрик был жизнерадостным городским хулиганом и большим почитателем Белых Роз. Так же как и прочие более или менее опустившиеся личности, он жил здесь, наверху, на Плутовской горке, и явно еще не спал, поскольку в окне горел свет. Перед домом стоял автомобиль. «Удивительно, что нынче за нашествие автомобилей на Плутовскую горку? Может, это тот, который мы слышали недавно?» — недоумевал Калле.

Но у него не было больше времени недоумевать и удивляться, потому что он услыхал, как по улице галопом мчатся его враги. Не раздумывая больше, он быстро распахнул дверь Фредрика и ворвался в дом.

— Добрый вечер, Фредрик, — поспешно начал было он, но тут же осекся.

Фредрик был не один. Фредрик лежал в своей кро-
вати, а рядом сидел доктор Форсберг и щупал его
пульс. А доктор Форсберг, городской врач, был не кто
иной, как отец Бенки.

— Твой покорный слуга, Калле, — мягко сказал
Хромой Фредрик. — Да, но тут лежит совсем другой
человек. Ему так больно и худо, что он, верно, скоро
помрет. Послушай только, как бурчит у меня в животе.

При других обстоятельствах послушать, как у Фред-
рика бурчит в животе, было бы для Калле сплош-
ным удовольствием, но не сейчас. Доктор Форсберг,
казалось, был несколько раздражен его вторжением, и
Калле понял: когда доктор выслушивает Фредрика и
щупает его пульс, им надо оставаться наедине! Так что
ничего другого не оставалось, как снова броситься на-
встречу опасностям, подстерегавшим его на улице.

Однако Калле недооценил интеллекта Алых. Они
быстро вычислили, что он, должно быть, причалил
у Фредрика, и помчались как угорелые следом. Бенка
ворвался в дом первым.

— Наконец-то ты, блохастый пудель, застигнут на
месте преступления! — заорал он.

Доктор Форсберг обернулся и посмотрел прямо в
разгоряченное лицо своего сына.

— Это ты мне? — спросил он.

У Бенки от изумления отвис подбородок, и он не
ответил ни слова.

— Что, сегодня большая эстафета проходит через
комнату больного Фредрика? — продолжал доктор
Форсберг. — А вообще-то почему ты не дома и носишь-
ся так поздно?

— Я... я только хотел посмотреть, не навещаешь ли
ты больного, — сказал Бенка.

— Да, я не дома и навещаю больного, — заверил
Бенку отец. — Как ты сказал, ты в самом деле застал
блохастого пуделя на месте преступления. Но я уже
осмотрел больного, и мы немедленно отправимся домой.

— Да нет же, папа! — в полном отчаяния завопил Бенка.

Но доктор Форсберг решительно закрыл свою медицинскую сумку и мягко, но крепко схватил Бенку за светлые всклокоченные волосы.

— А теперь пошли, мой малыш! — сказал он. — Спокойной ночи, Фредрикссон. Обещаю, что вы умрете еще не скоро!

Во время этой беседы Калле стоял немного в стороне, и на лице его начала расплыватьсь улыбка, которая становилась все шире. Какой конфуз для Бенки, какой колossalный конфуз! Попасть прямо в объятия отца. Чтобы папочка повел его домой, как маменькиного со-сунка! И как раз в ту самую минуту, когда Бенка хотел наложить свои лапы на Калле. Придется тебе, Бенка, не раз съесть это во время войны Роз! «А теперь пошли, мой малыш!» Больше ничего и говорить не надо!

И когда сильная отцовская рука непреклонно повела Бенку к двери, тот внезапно узрел все происходящее во всей его жуткой неприглядности. О, ему просто необходимо написать статью в местную газету: «Нужны ли родители?». Разумеется, он высокой и чистой любовью любил отца и мать. Но та просто невероятная точность, с которой родители возникают в самые неподходящие моменты, она ведь может привести в отчаяние самого терпеливого ребенка.

Сикстен и Юнте, запыхавшись, появились на улице, и Бенка, проходя мимо, успел им шепнуть:

— Он там, в доме.

Затем Бенку отвели к ожидавшему их автомобилю — почему, ах, почему он не обратил на него внимания раньше? А Сикстен и Юнте провожали его взглядами, полными безграничного сострадания.

— Бедный парень! — глубоко вздохнув, произнес Юнте.

Но потом времени на вздохи и сострадание больше не было. Трижды горе Белым Розам, которые снова

обманули их! Калле нужно поймать, и как можно скорее.

Сикстен и Юнте ворвались к Фредрику. Но никакого Калле там не было.

— К твоим услугам, Сикстен, и ты, малыш Юнте, — слабым голосом сказал Фредрик. — Послушали бы вы, как бурчит у меня в животе... До чего же больно и худо!..

— Фредрик, ты видел Калле Блумквиста? — прервал его Сикстен.

— Калле? Да, он был здесь недавно. Он выпрыгнул в окно, — сообщил Фредрик, лукаво улыбаясь.

Вот как? Значит, этот негодяй выпрыгнул в окно? Да, окна Фредрика были открыты, оба, потому что доктор Форсберг считал, что комнату необходимо проветрить. А замызганные, некогда белые занавески колыхались на вечернем ветру.

— Идем, Юнте! — закричал Сикстен. — Бежим за ним, дорога каждая секунда.

И они не долго думая выпрыгнули — каждый в свое окно. Сказано же: дорога каждая секунда.

Миг — и послышался громкий плеск воды и страшные вопли. Подумать только: даже Юнте, который родился на Плутовской горке, и тот не вспомнил, что задняя часть лачуги Фредрика выходила прямо на реку.

— Теперь, Калле, путь свободен, — слабым голосом сказал Фредрик. — Вылезай и послушай, как бурчит у меня в животе.

И Калле вылез из шкафа, прыгая от восторга. Подбежав к окну, он высунулся наружу.

— А вы точно умеете плавать? — закричал он. — Может, мне сбегать за пробковым поясом?

— Достаточно, если ты бросишь сюда свою собственную черепушку, глупую как пробка. На ней хоть кто выплынет! — злобно заорал в ответ Сикстен, плеснув изрядную горсть воды в улыбающееся лицо Калле.

Калле, беззаботно стерев с лица большую часть воды, сказал:

— До чего же тепла и прекрасна эта вода! Мне кажется, вам нужен длительный, укрепляющий здоровье заплыв.

— Да нет — приходите-ка ко мне, — вяло воскликнул Фредрик. — Приходите, послушайте, как у меня бурчит в животе!

— Привет, я убегаю! — сказал Калле.

— Да-да, проваливай! — горько пожелал Юнте, устремившись к ближайшим мосткам, где стирали белье.

Охота была окончена. Сикстен и Юнте понимали это.

Калле пожелал Фредрику спокойной ночи и легко и радостно помчался домой к Еве Лотте. В саду у нее, как известно, была пекарня, где пекарь Лисандер каждый день выпекал те самые караваи хлеба, а также французские и венские булочки, что поддерживали ровное и спокойное настроение горожан. Наверху, на чердаке пекарни, рыцари Белой Розы устроили свою знаменитую штаб-квартиру. Чтобы попасть туда, надо было взобраться наверх по веревке, свисавшей из чердачного люка на фронтоне. Разумеется, существовала еще и лестница, ведущая на чердак, но какой же доблестный рыцарь ордена Белой Розы станет, соблюшая приличия, использовать такой тривиальный способ? Калле, верный долгу, также влез вверх по веревке. И когда Андерс и Ева Лотта услыхали, что он поднимается наверх, они живо высунули головы в открытый люк.

— Вот как, ты вернулся? — удовлетворенно спросил Андерс.

— Да, погодите немного, я вам такое расскажу, — пообещал Калле.

Карманный фонарик отбрасывал свет на штаб-квартиру, где всевозможный хлам теснился вдоль стен. В свете фонарика было видно, как все три Белые Розы

сидят скрестив ноги и слушают рассказ Калле о его удивительном спасении.

— Здорово, о храбрец! — сказал Андерс, когда Калле закончил свой рассказ.

— Да, если учесть, что это — первый день военных действий, то Белые Розы, думаю, справились с ним отлично! — согласилась Ева Лотта.

Тут послышался женский голос, прорезавший вечернюю тишину:

— Ева Лотта, если ты сейчас же не ляжешь спать, я пошлю за тобой папу!

— Да-да, мама, иду! — закричала Ева Лотта.

Ее верные спутники тоже поднялись, чтобы идти.

— Привет! Увидимся завтра! — попрощалась Ева Лотта и удовлетворенно рассмеялась. — Алье думали, что захватят Великого Мумрика — ха, ха-ха!

— Но тут-то они и просчитались, — заявил Калле.

— Нынче ночью они ничего не добились! — сказал Андерс, с достоинством спускаясь вниз по веревке.

7

«Неужели есть на свете место более спокойное и бедное сенсациями, нежели этот маленький городок, — думала фру Лисандер. — Да и как вообще может случиться хоть что-нибудь в такую жару!»

Она медленно прогуливалась между палатками на рыночной площади и рассеянно выбирала товары, выставленные для всеобщего обозрения.

День был ярмарочный, и на рыночной площади было полным-полно людей. Казалось бы, во всем городе жизнь должна бить ключом. Но не тут-то было! Все было таким же вялым, как всегда. Вода в маленьком фонтане перед ратушей тихонько и сонно бурлила, выливаясь из пастей бронзовых львов. Да и у бронзовых львов был такой же сонный вид. Музыка в Кондитер-

ском саду у самой реки тоже играла тихо и сонно. Помимо солнечного дня оркестр играл вальс «Спокойной ночи!». Воробы, клевавшие хлебные крошки на земле между столами, время от времени мелко и судорожно подпрыгивали, но, по правде говоря, вид у них был также совершенно сонный, да-да, и у них...

«Все и всё спят», — думала фру Лисандер.

Люди почти не в силах были стоять группками на площади и вяло беседовали друг с другом, а если им приходилось делать хотя бы несколько шагов, то они ступали медленно и с большими колебаниями. Виной всему, разумеется, была жара.

Потому что в эту последнюю среду июля было в самом деле жарко. Фру Лисандер навсегда запомнит этот день как один из самых жарких, какие ей только довелось пережить. Весь месяц стояла удушливая жара и засуха, и казалось, будто июль решился именно сегодня побить свой собственный рекорд, пока не истек до конца его срок.

— Похоже, будет гроза, — говорили друг другу люди.

А многие из сельских жителей, приехавших в город, запрягали лошадей раньше обычного, чтобы не рисковать стать жертвами непогоды.

Фру Лисандер купила остаток крупной черешни у крестьянина, который торопился поскорее уехать. Довольная дешевой покупкой, она сунула мешочек в сумку. И только собралась двинуться дальше, как появилась, подпрыгвая, Ева Лотта и загородила ей дорогу.

«Наконец-то хоть кто-то не засыпает на ходу», — подумала фру Лисандер.

Она нежно разглядывала свою маленькую дочку, отмечая взглядом все детали: веселое лицико, живые голубые глаза, белокурые пышные волосы и длинные загорелые ноги, торчащие из-под светлого свежевыглаженного летнего платьица.

— Я вижу, вы, фру Лисандер, купили черешню? — спросила Ева Лотта. — Нельзя ли фрёken Лисандер взять хотя бы горсточку этой черешни?

— Разумеется, фрёken Лисандер, вы можете ее взять, — ответила мама.

Она раскрыла сумку, и Ева Лотта набрала полные горсти желто-красных благоухающих ягод.

— А куда вообще-то ты собираешься? — спросила фру Лисандер.

— Тебе этого знать нельзя, — сказала, выплюнув косточку, Ева Лотта. — Секретное задание! *Жутко* секретное задание!!

— Вот как? Ладно, только *смотри* не опаздывай к обеду!

— За кого ты меня принимаешь? — возмутилась Ева Лотта. — Я, кажется, ни разу не опаздывала ни к завтраку, ни к обеду, ни к ужину. С тех самых пор, как прозевала кашку в день моих крестин.

Фру Лисандер улыбнулась.

— Я люблю тебя! — сказала она.

Ева Лотта утвердительно кивнула в знак согласия с этим само собой разумеющимся фактом. И продолжала путь, каждый шаг которого был отмечен косточкой от съеденной черешни.

Мать Евы Лотты минутку постояла, глядя ей вслед. И внезапно какое-то боязливое предчувствие закралось ей в сердце. Боже мой, какая ее девочка со спины узенькая, какая она маленькая и беззащитная с виду! Вообще-то не так уж много времени прошло с тех пор, как эта малышка ела кашку. А теперь она, как дикарка, носится вокруг с «секретными заданиями» — хорошо ли это, не следует ли получше приглядывать за нею?

Вздохнув, фру Лисандер медленно пошла домой. Она чувствовала, что скоро сойдет с ума от жары, и тогда лучше уж сидеть дома.

Зато Ева Лотта ничуть не тяготилась жарой. Она наслаждалась ею так же, как шумом и суетой на ули-

цах и соком чудесных черешен, который стекал ей на подбородок. День был ярмарочный, а она обожала ярмарочные дни. Да и вообще-то, если подумать хорошенько, она обожала *все* дни на свете, кроме тех, когда в школе бывали уроки ручного труда. Но ведь сейчас были летние каникулы.

Она медленно брела по рыночной площади и затем продолжила свой путь по Лильгатан мимо Кондитерского сада и дальше к речному мосту. Собственно говоря, у нее не было ни малейшего желания удаляться от центра событий, но ведь у нее было секретное задание и она должна была его выполнить. А именно: предводитель Белых Роз приказал ей взять Великого Мумрика и перенести его в более надежное место. Во время мучительного допроса он ведь *почти* выдал, где находится камешек. И можно поклясться, что Алые с тех пор изрыли каждый квадратный сантиметр земли вдоль маленькой тропинки за Господской усадьбой. Но поскольку пока еще не раздались ликующие вопли Алых, Великий Мумрик, скорее всего, еще лежал там, куда поместили его рыцари Белой Розы, — на верхушке огромного валуна рядом с тропинкой. Он лежал, абсолютно обозримый со всех сторон, в маленьком углублении на вершине валуна. Андерс утверждал, что, собственно говоря, найти его до смешного просто. И когда это драгоценное сокровище попадет в лапы Алых, было всего лишь вопросом времени. Но сегодня ярмарка, и можно надеяться, что Сикстен, Бенка и Юнте болтаются как приkleенные возле карусели и тироv, вокруг парка Тиволи¹ за железнодорожной станцией. И сегодня у Евы Лотты есть шанс без всяких помех изъять Великого Мумрика из его ставшего ненадежным убежища. Предводитель определил новый тайник для хранения сокровища: наверху в развалинах, рядом с наве-

¹ Общее в Швеции и Дании название парков с аттракционами, ресторарами и т. п.

сом во внутреннем дворе замка. Это означало, что Ева Лотта должна проделать в гнетущую предгрозовую жару сначала весь долгий путь через Прерию, а затем плестись обратно через весь город. А потом карабкаться на крутую тропинку, ведущую наверх к развалинам, расположенным на значительной высоте над городом в совершенно противоположном конце от Господской усадьбы. Воистину надо быть бесконечно преданным рыцарем Белой Розы, чтобы подвергнуться чему-либо подобному, не ворча и не злясь. А Ева Лотта *была* таким преданным... Возможно, кто-то и подумал бы, что достаточно взять Великого Мумрика и запросто сунуть его в свой собственный карман — по крайней мере, пока не станет чуточку попрохладнее. Но если кто-то так и думал, то это лишь доказывает, что он или она ничего не смыслят ни в великих мумриках, ни в войне Алой и Белой Розы.

Почему вообще такое задание было доверено именно Еве Лотте? Разве предводитель не мог послать Калле? Нет, не мог, так как неразумный отец определил Калле посыльным и продавцом в бакалейной лавке в этот суматошный день, когда сельские жители приезжали в город пополнить запасы сахара, кофе и соли. Ну а разве не мог в таком случае пойти сам предводитель? Нет, так как предводитель Белых Роз должен был сидеть в сапожной мастерской своего отца. Сапожник Бенгтссон не любил работать в дни ярмарок и в тому подобные дни. В эти дни он «расслаблялся и праздновал». Но все-таки не мог по этой причине закрыть мастерскую. Несмотря на ярмарку, кто-то мог прийти и оставить в починку обувь; кто-то мог прийти забрать обувь. И потому он торжественно обещал наставить сыну синяков, если тот посмеет отлучиться из мастерской хотя бы на пару минут.

Ева Лотта — преданный рыцарь ордена Белой Розы; вот кому доверили это задание, секретное и святое:

перенести достопочтенного Великого Мумрика из одного тайника в другой. Но это не просто какое-то задание, это — ритуальное действие, миссия. И не все ли равно, что солнце испепеляющее светит над Прерией, а черносиние тучи начинают скопляться на горизонте? Не все ли равно, что она не увидит ярмарку, так как покинет «центр событий», свернув на мост, и, перейдя его, устремится в Прерию?

Неужели она это сделала? Нет, центр событий не всегда находится там, где ярмарка. Центр событий в этот день был совсем в другом месте.

И босые загорелые ноги Евы Лотты несут ее прямо туда, прямо сейчас.

Тучи начинают в самом деле приобретать угрожающий вид. Иссиня-черные, они чуточку пугают. Ева Лотта медленно идет по Прерии, потому что там так жарко, что почти колеблется воздух.

Да, Прерия так велика, так беспредельна! Требуется целая вечность, чтобы ее перейти. Но оказывается, Ева Лотта не в одиночестве бредет там по солнцепеку. И она почти рада, когда обнаруживает, что далеко впереди бредет старик Грен. Ошибиться тут совершенно невозможно. Никто у них в городе не ковыляет так, как он. Кажется, Грен тоже держит путь в Господскую усадьбу.

Ну вот, а теперь он сворачивает на узенькую тропку меж кустов орешника и исчезает из поля зрения Евы Лотты. О великий Навуходоносор! Неужели Грен тоже охотится за Великим Мумриком? Ева Лотта ухмыляется про себя. Но быстро обрывает себя и щурится, глядываясь в солнечную дымку. Кто-то приближается со всем с другой стороны, кто-то совсем не из их города... он неожиданно возникает на извилистой дороге, которая тянется мимо Господской усадьбы в пригород. Смотрите! Тот самый парень в зеленых габардиновых брюках! Ясное дело, сегодня же среда! Ведь это сего-

дня он должен был «погасить свои векселя», или как он там говорил... нет, все-таки «векселя» — вот как это называется! Ева Лотта не понимает, что делают, когда «гасят векселя». Чепуха! Ростовщичество это и все прочее в том же роде... должно быть, все это сложно! Ну и дураки же эти взрослые! «Встретимся в обычном месте», — сказал этот парень в габардиновых штанах. Вот как, значит, это здесь! И обязательно рядом с Великим Мумриком? Ха!.. Разве нет других густых зарослей, где можно встретиться из-за этих дурацких процентов? Нет, ясное дело, нет! И вот габардиновые брюки возникают уже на тропке, пересекающей орешник, да и парень этот — тоже.

Ева Лотта по-прежнему идет, чуть замедляя шаг. Спешить ей особенно некуда, и, пожалуй, лучше, если этот парень погасит свои векселя в тишине и покое прежде, чем она заберет Великого Мумрика. В ожидании она заходит ненадолго в Господскую усадьбу и пытается сориентироваться во всех здешних тайниках. Господская усадьба, возможно, снова вскоре станет ареной военных действий, и тогда не мешает знать каждый уголок.

Она выглядывает из окна. О! За домом все небо черное. Солнце скрылось, а издали доносится угрожающий грохот. У Прерии со всех сторон такой жуткий и пустынный вид! Надо спешить! Быстрее забрать Великого Мумрика и уходить отсюда! И она выбегает в дверь, она бежит во всю прыть, бежит по тропке, пересекающей орешник, и непрерывно слышит угрожающие раскаты грома... Она бежит дальше, бежит... о нет, внезапно она останавливается в растерянности. Она влетает прямо в объятия кого-то, кто идет по тропке ей навстречу и так же торопится, как и она. Сначала она видит только темно-зеленые габардиновые брюки и белую рубашку, но потом поднимает глаза и видит его лицо. О, какое у него лицо — такое бледное, такое искаженное страхом! Неужели взрослый парень

так боится грозы? Ева Лотта испытывает почти сострадание к нему.

Но похоже, Ева Лотта его совсем не интересует. Он бросил на нее быстрый взгляд, а вид у него при этом испуганный и вместе с тем злой. И вот он снова торопится пройти мимо девочки по узкой тропке...

Ева Лотта терпеть не может, когда на нее так смотрят... словно на какую-то гадость. Она привыкла, что при встрече с ней лица людей озаряются светом. И она не желает, чтобы этот парень испарился, не отметив каким-то образом для себя, что она — особа дружелюбно настроенная и хочет, чтобы с ней соответственно обращались.

— Вы не знаете, который час? — вежливо спрашивает она. Ей просто надо *что-то* сказать, продемонстрировать, что они ведь, во всяком случае, люди цивилизованные, хотя их и угораздило столкнуться в кустах.

Парень вздрагивает и неохотно останавливается. Сперва, похоже, он и не думает отвечать на вопрос, но в конце концов он смотрит на наручные часы и невнятно бормочет:

— Без четверти два.

Затем бросается бежать. Ева Лотта глядит ему вслед. Она видит, что целая кипа бумаг торчит из кармана его брюк. Его единственных зеленых габардиновых брюк.

И вот он исчезает. Но на тропке остается белая мягкая бумажка, потерянная им в спешке.

Ева Лотта поднимает ее и с любопытством рассматривает. «Вексель» — озаглавлена эта бумажка. Вот, значит, как выглядят эти векселя! Хо-хо — ну и ну! Есть из-за чего подымать шум.

И вдруг раздается грохот, ужасающий грохот. Ева Лотта подпрыгивает от испуга. Вообще-то она не боится грозы, но как раз теперь, именно теперь, в Прерии!.. Внезапно все кажется ей таким неуютным. Как темно

здесь, среди кустов. Даже в самом воздухе витает нечто зловещее и ужасное. О, если бы очутиться вдруг дома. Надо спешить, спешить изо всех сил!

Но сначала надо взять Великого Мумрика! Воительница ордена Белой Розы выполняет свой долг до конца, даже если сердце уходит в пятки. Всего лишь несколько шагов отделяет ее от того валуна. Миновать бы только кусты. Ева Лотта бежит во всю прыть...

* * *

Сначала с ее губ срываются нечто похожее на стон. Она молча застывает на месте и тихонько всхлипывает. Быть может, о, быть может, ей это только снится! Быть может, быть может... Возле валуна вовсе ничего не лежит... вовсе никто не лежит скрючившись...

Закрыв лицо руками, она поворачивается и бежит, а из горла ее вылетают какие-то странные, ужасные звуки. Она бежит, хотя ноги не перестают дрожать. Она не слышит раскатов грома, не чувствует, как ее поливает дождь, не ощущает, как ветки орешника хлещут ее по лицу. Она бежит так, как можно бежать только во сне от подстерегающих тебя неведомых опасностей.

Бегом через Прерию. Бегом через речной мост. По хорошо знакомым улицам, которые кажутся внезапно опустевшими и покинутыми под проливным дождем.

Наконец-то! Она дома! Дома! Она толкает калитку дома. Папа в пекарне. Огромный, как всегда надежный, в белоснежном костюме пекаря стоит он у своих противней. И если приблизиться к нему, будешь весь в муке. Папа такой же, как всегда, хотя вообще-то мир перевернулся; мир ужасен, и жить в нем больше невозможно... Ева Лотта дико кидается в объятия отца, прижимается к нему, крепко-крепко обвивает руками его шею, зарывается мокрым от слез лицом в его плечо и тихо лепечет:

- Папа! Помоги мне! Старик Грен...
- Детка моя, что случилось со стариком Греном?
- И она еще тише, еще сильнее дрожа, лепечет:
- Он лежит мертвый в Прерии.

8

Неужто это тот самый город, такой сонный, спокойный и тихий?

Теперь уже не такой. В течение часа все переменилось. Весь город жужжал, словно пчелиный улей, приезжали и уезжали полицейские машины. Звонили телефоны, люди болтали, и строили догадки, и волновались, и удивлялись, и расспрашивали без конца полицейского Бьёрка, правда ли, что убийца уже схвачен. И огорченно кивали, говоря: «Подумать только, как все худо обернулось для бедного старика Гrena.. да-да... но ведь отчасти понятно было, чем он занимался, так что, может, ничего удивительного в этом нет... хотя, все-таки... черт подери, до чего ж ужасно!» А колоссальные толпы любопытных стекались в Прерию. Между тем, однако, все окрестности вокруг Господской усадьбы были оцеплены полицией и никто не мог пробраться сквозь оцепление. С достойной удивления быстротой полиция перебросила туда своих людей. Оперативно велось обследование места преступления: все фотографировалось, тщательно просматривался каждый клочок земли, протоколировались наблюдения, не оставалось ли каких-нибудь следов убийцы, отпечатка ноги или чего-нибудь в этом роде. Нет, ничего! Если какие и были, то их смыв проливной дождь. Не осталось ровно ничего, даже брошенного окурка сигареты в качестве улики. Врач, производивший судебную экспертизу, констатировал, что Грен был убит выстрелом в спину. Записная книжечка и часы старика остались при нем. Видимо, причиной смерти было не ограбление.

Полицейский комиссар хотел допросить маленькую девочку, обнаружившую злодеяние, но доктор Форсберг не разрешил. У девочки шоковое состояние, и она нуждается в покое. Комиссару пришлось отступиться, но, похоже, он был огорчен этой проволочкой. Правда, доктор Форсберг рассказал ему, что девочка плакала и все время повторяла: «На нем были зеленые габардиновые брюки!» Она явно имела в виду убийцу. Но нельзя же разослать по всей стране приметы, где самой главной будет пара зеленых габардиновых брюк. И если девочка на самом деле видела убийцу, в чем комиссар, со своей стороны, не был уверен, то тот, по всей вероятности, уже сменил свои зеленые брюки на какие-нибудь другие. Но на всякий случай комиссар, вопреки всему, послал телеграфное уведомление во все полицейские участки с требованием обратить внимание на все зеленые габардиновые брюки, которые почему-либо покажутся подозрительными. А вообще, в ожидании момента, когда девочка придет в себя настолько, что можно будет допросить ее подробнее, ему оставалось лишь заняться всеми мыслимыми и немыслимыми расследованиями.

* * *

Ева Лотта лежала в маминой кровати — самом надежном, как она считала, месте на свете. Доктор Форсберг, побывавший у девочки, дал ей порошок, чтобы она заснула без дурных снов. Кроме того, мама и папа обещали всю ночь сидеть по обе стороны кровати.

Но все же, все же... настойчивые мысли неустанно перегоняли друг друга в ее голове. О, зачем только она пошла в эту Господскую усадьбу! Теперь все кончено! Никогда больше ничего радостного в мире не будет. Да и что может быть радостного, если люди так поступают друг с другом? Конечно, она и раньше знала, что такое случается, но знала совсем иначе, чем сейчас. Подумать только, а они-то с Андерсон дразнили Калле и болтали

об убийцах как о веселом предмете шуток! Сейчас невыносимо было даже вспоминать об этом. Никогда в жизни не станет она смеяться над подобными вещами. Нельзя даже в шутку произносить такое. Ведь можно накликать на себя зло, и тогда и вправду случится беда. О, подумать только: а если она виновата в том, что Грен... что Грен... нет, она не желает думать об этом. Но теперь она станет совсем другой, да-да, совсем другой! Она станет чуточку более женственной, кажется, так называл это дядя Бьёрк. Никогда больше не станет она участвовать в войне Алой и Белой Розы. Разве не эта война причиной тому, что она впуталась в страшное дело... в то, о чем стоит только подумать, и черепушка лопается.

Нет, для нее с войной покончено! Никогда больше не станет она играть в войну. Никогда! О, как ей будет скучно!

— Мама, я чувствую себя такой старой, — сказала она и заплакала. — Я чувствую себя, как будто мне почти пятнадцать лет!

Затем она уснула. Но прежде, чем погрузиться в милосердное бессознание, она чуточку подумала: «Интересно, что говорит сейчас обо всем этом Калле? Калле, который столько лет гонялся за убийцами! Каково ему, когда один из них в самом деле вынырнул у нас в городе?»

Суперсыщик Блумквист узнал об этом происшествии, стоя за прилавком в бакалейной лавке своего отца, и как раз в ту минуту, когда заворачивал покупателю в газетную бумагу две соленые селедки. И тут в дверь лавки вплыла фру Карлссон с Плутовской горки; ее просто распирало от новостей и жажды сенсаций. Через две минуты лавка уже превратилась в кипящий котел вопросов, восклицаний и потрясений. Торговля приостановилась, поскольку многие из находившихся в лавке покупателей сгрудились вокруг фру Карлссон.

А она без конца болтала, захлебываясь слюной, рассказывая все, что знала, и гораздо более того.

Великий сыщик Калле Блумквист, он, призванный охранять безопасность общества, стоял за прилавком и слушал. Он не произнес ни слова, он ни о чем не спрашивал. Он был в совершенном остоянении. Выслушав большую часть рассказа, он незаметно прокрался на склад и опустился на пустой ящик из-под сахара.

Он просидел там долго. Быть может, он разговаривал с воображаемым собеседником? Вероятно, и момент для этого был как раз подходящим! Но — нет! Он вообще ничего не говорил. Он только думал о том о сем.

«Калле Блумквист, — думал он, — ты просто кляча. Настоящая жалкая клячонка, вот ты кто! Ты суперсыщик? Ха! Да не более, чем мой старый ботинок! В городе происходят самые мерзкие преступления, а ты спокойно стоишь за прилавком и заворачиваешь в газетную бумагу селедку. Продолжай в том же духе, продолжай, по крайней мере от тебя будет хоть какая-нибудь польза!»

Он сидел, обхватив голову руками, и мрачно размышлял о происшедшем! О, почему ему пришлось торговаться в лавке именно сегодня!

Иначе бы Андерс послал на задание вместо Евы Лотты — его. И тогда бы он преступление раскрыл. Или — кто его знает? — может, он подоспел бы вовремя и предотвратил злодеяние? И засадил преступника за решетку со множеством назидательных комментариев. Так, как он обычно это делал.

Но тут, глубоко вздохнув, он вспомнил, что сажал преступников за решетку только в собственных фантазиях. И вот тогда наконец Калле понял по-настоящему, что произошло. Он понял это, испытав страшный шок, разом отбивший у него охоту быть великим сыщиком. На этот раз преступление совершилось не как плод его фантазии, когда элегантноправляешься с ним, а потом сидишь и бахвалишься перед воображаемым собе-

седником. Это свершилось в страшной, отвратительной и отталкивающей действительности, от которой он почти заболел. Он презирал за это самого себя, но факт тот, что он был рад, откровенно рад, что сегодня не был на месте Евы Лотты. Бедняжка Ева Лотта!

Не спрашивая разрешения, он ушел из лавки. Он почувствовал, что необходимо переговорить с Андерсоном. Он понимал: пытаться побеседовать с Евой Лоттой бессмысленно, ведь фру Карлссон считала, что «пекарева девчонка пошли что при смерти и у нее дохтур!». Так что это знал весь город.

Но Андерс, Андерс не знал ничего. Он сидел в сапожной мастерской и читал «Остров сокровищ»¹. Ни одной живой души не было в мастерской с самого раннего утра, и Андерсу повезло, что благодаря этому именно теперь он пребывал на острове в Средиземном море в окружении злобных пиратов и не испытывал ни малейшего интереса к сапожным набойкам. Когда Калле, не спросив, рванул дверь, Андерс посмотрел на него так, словно боялся увидеть, как в мастерскую входит одногодий Джон Сильвер. Он был приятно удивлен, обнаружив, что это всего-навсего Калле.

Вскочив с трехногой табуретки, он безмятежно загорланил:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца!
Йо-хо-хо, и бутылка рома!

Калле вздрогнул.

— Замолчи, — сказал он. — Сейчас же замолчи!

— То же самое говорит всегда учительница пения, стоит мне взять хоть одну ноту, — охотно признался Андерс.

Похоже, Калле пытался что-то произнести, но Андерс опередил его:

¹ Приключенческая книга (1883) английского писателя Роберта Льюиса Стивенсона (1850–1894).

— Ты, случайно, не слышал, принесла Ева Лотта Великого Мумрика или нет?

Калле с упреком посмотрел на него. Собственно говоря, сколько еще глупостей успеет выдать Андерс, прежде чем Калле расскажет ему о случившемся? Он попытался было снова вставить слово, но Андерс и тут перебил его. Андерс так долго просидел, не говоря ни слова, что сейчас его просто распирало от желания поболтать. Взяв «Остров сокровищ», он ткнул книгу прямо под нос Калле.

— Мировая книга! — воскликнул он. — С ума сойти, какая увлекательная! Вот бы жить в те времена! Какие приключения! Теперь ведь ничего не случается.

— Разве? — спросил Калле. — Сам не знаешь, о чём говоришь.

И он рассказал Андерсу о том, что случается теперь.

Темные глаза Андерса потемнели еще больше, когда он услыхал, что натворил его приказ о перемещении Великого Мумрика. Он хотел в тот же час ринуться к Еве Лотте и если не утешить ее хоть немного, то, по крайней мере, как бы показать, что он уже сам считает себя блохастым пуделем, пославшим ее с таким поручением.

— Но откуда мне было знать, что там будут лежать трупы, — подавленно сказал он Калле.

Калле сидел напротив, задумчиво вколачивая деревянные гвоздики в сапожный верстак.

— Нет, откуда тебе было это знать, — сказал он. — Ведь это не так часто случается.

— Что случается?

— А то, что у Господской усадьбы лежат трупы.

— Вот именно, — согласился Андерс. — И вообще, заруби себе на носу: Ева Лотта с этим справится. Другая девчонка бы — бац! — и в обморок, но только не она. Вот увидишь, она наведет полицию на множество следов.

Калле кивнул:

— Может, она видела кого-нибудь, кто... мог это сделать.

Андерс вздрогнул. Он был далеко не так сильно захвачен происшествием, как Калле. Он был веселый, открытый и чрезвычайно активный малый, и необычайные происшествия пробуждали в нем жажду деятельности, даже если и отпугивали. Он хотел сразу же приступить к делу, тут же с головой уйти в поиски преступника и в течение часа по меньшей мере посадить убийцу за решетку. Он не был таким мечтателем, как Калле. Но было бы несправедливо утверждать, что Калле, несмотря на свои мечтания, не мог быть столь же деятелен, как и Андерс. Были, разумеется, такие, кто испытал это на своей шкуре, но деятельности Калле всегда предшествовали длительнейшие размышления. Калле придумывал разные ходы, и надо признать, иногда самые замысловатые, но чаще всего это были, пожалуй, лишенные всякой почвы плоды его фантазии.

Андерс же ничуть не фантазировал. Он не тратил время на размышления. Он был преисполнен такой энергии, что для него было чистым мучением долго пребывать на одном месте. И вовсе не случай уготовил ему роль предводителя Белой Розы. Он был создан для этого. Жизнерадостный, и красноречивый, и находчивый, и всегда готовый стать во главе любого начинания — таков был Андерс. Он лишь сколько мог держался подальше от дома и контры с отцом воспринимал с величайшим самообладанием. Все неразумное стекало с него как с гуся вода, и через пять минут после самой основательной взбучки Андерс был уже на улице и мчался вперед, такой же радостный, как всегда.

Ему казалось немыслимым сидеть сложа руки, когда другие, более важные дела требовали его вмешательства.

— Идем, Калле! — позвал он. — Я закрою мастерскую, а папаша пусть говорит что хочет.

— И ты на самом деле посмеешь это сделать? — спросил Калле, хорошо знавший сапожника.

— Ш-ш-ш! — прошептал Андерс.

Конечно посмеет, ему нужно лишь как-то объяснить постоянным клиентам причину того, что мастерская закрыта среди бела дня в будни. Взяв синий карандаш, он изобразил на клочке бумаги объявление:

ЗАКРЫТО ПО ПРИЧИНЕ УБИЙСТВА

Потом, прикрепив клочок бумаги кнопкой к двери мастерской, он закрыл ее на ключ.

— Вот это да! Ты не спятил? — спросил Калле, увидев объявление. — Так писать нельзя.

— Нельзя... — заколебался Андерс.

Склонив голову набок, он погрузился в раздумье. Может, Калле и прав! Кто его знает! Может, эту записку неправильно истолкуют. Разорвав ее в клочки, он вбежал в мастерскую и изготовил новую. Затем, крепко-накрепко прибив ее к двери, Андерс быстро пошел прочь. Калле последовал за своим предводителем.

Фру Магнуссон, как раз пересекавшая улицу, подошла вслед за ними, чтобы забрать свои туфли с новыми набойками; и она круглыми от удивления глазами прочитала:

ПО СЛУЧАЮ ПОДХОДЯЩЕЙ ПОГОДЫ ЭТА МАСТЕРСКАЯ ЗАКРЫТА

Фру Магнуссон покачала головой. По правде говоря, этому сапожнику никогда не хватало винтиков, но теперь, как видно, он и вовсе спятил!

«По случаю подходящей погоды...» — слыханное ли дело!

Андерс поспешил в Прерию. Калле крайне неохотно последовал за ним. У него не было ни малейшего желания идти туда. Но Андерс был абсолютно уверен в том, что полицейские пребывают в нетерпеливом ожи-

дании помохи Калле. Конечно, Андерс постоянно дразнил суперсыщика за его причуды, однако он совершенно забыл об этом теперь. В самом деле, произошел настоящий криминальный случай. Тут Андерс вспомнил, какой замечательный вклад в криминалистику внес Калле в прошлом году. То, что похитителей драгоценностей арестовали, было всецело заслугой Калле. Андерс был уверен, что и полиция этого не забыла. Да, Калле был выдающимся сыщиком, и Андерс признавал его превосходство.

— Неужели ты не понимаешь, что они только обращаются, получив тебя в свое распоряжение, — сказал он. — Ты раскроешь это преступление — чихнуть не успеют. А я могу быть твоим помощником.

Калле попал в затруднительное положение. Он не мог решиться объяснить Андерсу, что разоблачал до конца только им же выдуманные убийства. И думал, что очень уж неприятно иметь дело с убийством настоящим. Он так медленно тащился сзади, что Андерс в конце концов потерял терпение.

— Быстрее, — сказал он. — В таком случае дорога каждая секунда! Уж тебе это известно лучше, чем кому-нибудь другому!

— Думаю, пусть полицейские сами с этим справляются, — сказал Калле, чтобы выйти из затруднения.

— И это говоришь ты! — взбешенно воскликнул Андерс. — Ты-то знаешь, как они умеют расследовать, ты сам не раз об этом говорил. Не глупи иди сюда.

Взяв сопротивлявшегося суперсыщика под руку, Андерс повел его за собой.

Мало-помалу они приблизились к оцеплению.

— Эй! — воскликнул Андерс. — А ты не подумал?..

— Нет, о чём? — спросил Калле.

— Великий Мумрик в оцеплении. Если Алые захотят схватить его, им придется прорываться сквозь полицейский кордон.

Калле задумчиво кивнул. Многие приключения выпадали на долю Великого Мумрика, но полиция его охраняла впервые.

Полицейский Бьёрк нес патрульную службу рядом с оцеплением, и Андерс вынырнул прямо на него. Он тащил за собой Калле и поставил его перед Бьёрком, ну точно пес, который приволок хозяину какой-то предмет и ждет за это похвалы.

— Дядя Бьёрк, вот Калле, — многозначительно произнес он.

— Вижу, — ответил Бьёрк. — А что надо Калле?

— Впусти его туда, чтобы он мог начать расследование. Изучать место преступления.

Но дядя Бьёрк необычайно серьезно покачал головой.

— Уходите, ребята, — сказал он. — Отправляйтесь домой! И скажите спасибо за то, что вы еще так малы и не понимаете, что происходит.

Калле покраснел. Он прекрасно все понял. Он ясно и отчетливо понял: здесь не место для великого сыщика Калле Блумквиста, того самого, с резкими чертами лица и громкими словами. Только бы ему удалось застать и Андерса это понять!

— Типичная история! — с горечью произнес Андерс, когда они брали назад, в город. — Если бы тебе даже удалось расследовать каждое убийство с тех пор, как Каин уничтожил Авеля¹, полиция никогда бы не признала, что частный сыщик на что-нибудь годен.

Калле стало очень не по себе, и он поежился. Много раз прежде он говорил примерно те же слова. От всего сердца хотелось ему, чтобы Андерс переменил тему разговора. Но Андерс продолжал:

— Они все равно раньше или позже обратятся к тебе. Обещай, что не возьмешься за это дело, пока они на колени перед тобой не встанут.

¹ Старший сын прародителей Адама и Евы — Каин — убил своего младшего брата Авеля из зависти. Их имена стали нарицательными.

Калле с готовностью пообещал.

Повсюду стояли молчаливые группки людей. Они стояли, неотрывно глядя на кусты, где эксперты как раз пытались найти ключ к разыгравшейся здесь драме, стоявшей человеку жизни. Сегодня в Прерии было на удивление тихо. Калле чувствовал себя подавленным. И даже у Андерса наконец стало мрачно на душе. Быть может, дядя Бьёрк прав. Это дело, вероятно, Калле не по зубам. Хоть он и искусный сыщик.

Они печально пошли домой.

Сикстен, и Бенка, и Юнте тоже направлялись домой из Прерии. Сегодня они, как и вычислил Андерс, устроили себе выходной и не предавались войне Алой и Белой Розы. Зато они провели много счастливых часов, катаясь на карусели и стреляя в цель в Тиволи. Но час тому назад ужасная весть дошла и до Тиволи; парк быстро опустел. Сикстен, Бенка и Юнте тоже ринулись в Прерию — только чтобы убедиться: с таким же успехом они могут отправиться домой. И как только они пришли к этому выводу, им встретились Андерс и Калле.

Сегодня Алые и Белые Розы не обменялись ни единой колкостью. Они были на редкость молчаливы и бледны, все эти отважные воители. Сплененной стайкой — все пятеро — брели они обратно в город и на этом пути думали о смерти гораздо больше, чем за всю свою юную мальчишескую жизнь.

И испытывали глубокое сострадание к Еве Лотте.

— По правде говоря, жаль ее, — сказал Сикстен. — Говорят, она совсем плоха. Лежит и плачет.

Андерса эти слова поразили больше, чем все беды, вместе взятые. Несколько раз проглотил он ком в горле. Ведь это он виноват в том, что Ева Лотта лежит и плачет.

— Может, надо проявить к ней какое ни на есть внимание, — сказал он под конец. — Послать какой-нибудь цветок или что-нибудь в этом роде.

Четверо остальных посмотрели на него так, словно не поверили ушам своим. Неужели дела обстоят *так* скверно? Послать цветы девчонке — значит признаться в том, что Ева Лотта уже в некотором роде на ладан дышит.

Но чем больше думали они об этом предложении, тем благородней оно им казалось. Ева Лотта получит в подарок цветок — она его честно заслужила. Глубоко взволнованный Сикстен отправился домой, стащил у мамы одну из ее красных гераней, и, держа горшок с цветком, все пятеро продефирировали к дому пекаря.

Ева Лотта спала, и ее нельзя было будить. Но мама девочки приняла их герань и поставила ее к изголовью Евы Лотты, чтобы она увидела цветок, как только проснется.

Однако подарок этот был не последним из тех, которые предстояло получить Еве Лотте за ее участие в разыгравшейся драме.

9

Они сидели на веранде и ждали — дружелюбный комиссар криминальной службы, и полицейский Бьёрк, и еще один полицейский.

— Только бы девочка не разнервничалась на допросе, — говорил комиссар. — Это чрезвычайно важно!

Во всяком случае, не разнервничалась бы больше, чем сейчас. Поэтому хорошо, что полицейский Бьёрк тоже с ними. Ведь он из местной полиции и знает девочку! А чтобы придать допросу характер обычной не-принужденной беседы, он должен был состояться именно здесь, в доме родителей девочки, на залитой солнцем веранде, а вовсе не в полицейском участке. Незнакомая обстановка, как объяснил комиссар, всегда тревожит детей. Свидетельские же показания девочки будут записаны на магнитофон, так что еще раз затруднить ее не придется. Рассказав все, что ей известно, она

должна это забыть. Забыть существующее на свете зло. Так утверждал комиссар.

А пока они сидели и ждали, когда она выйдет на веранду. Происходило все это ранним утром, и она, конечно, еще не была готова. Пока они ждали, фру Лисандер предложила им по чашечке кофе со свежеиспеченными венскими булочками, которые им, этим беднягам полицейским, были в самом деле просто необходимы. Ведь они работали всю ночь без еды и без сна!

Утро вообще-то было чудесное. Вчерашняя гроза сделала воздух чистым и прозрачным, розы и пионы в саду пекаря казались чисто вымытыми, а на старой яблоне у самого угла дома весело щебетали зяблики и синицы. Запах хорошего кофе витал над верандой. Все выглядело так уютно! С трудом можно было представить, что трое мужчин, сидевших на веранде, распивавших кофе, макавших в него булочки и с аппетитом уплетавших их, — полицейские при исполнении служебных обязанностей. И что они расследуют убийство. Благодатным летним утром не хотелось верить, что такое существует на свете.

Взяв третью венскую булочку, комиссар сказал:

— Откровенно говоря, сомневаюсь, что нам удастся так уж существенно продвинуться вперед. Дети не способны к основательным наблюдениям. Они только выдумывают.

— Но Ева Лотта вполне основательна, — заверил комиссара полицейский Бьёрк.

На веранду вышел пекарь Лисандер. На лбу у него обозначилась морщинка, которой прежде не было. Морщинка означала, что он беспокоится из-за своей единственной любимой дочери и у него болит душа, что он вынужден позволить этим полицейским мучить ее вопросами.

— Сейчас она выйдет, — коротко сказал он. — Могу я присутствовать на допросе?

После некоторого колебания комиссар согласился при условии, что пекарь будет молчать и не станет вмешиваться.

— Да-да, может, это к лучшему для Евы Лотты, что папа будет с ней, — сказал комиссар. — Она будет увереннее. Возможно, она меня боится.

— Почему это я должна бояться? — раздался с порога спокойный голос, и на солнечном свету появилась Ева Лотта.

Она обратила серьезный взор своих глаз на комиссара. Почему она должна его бояться? Ева Лотта не боялась людей! Согласно ее жизненному опыту, большинство из них были добрыми, дружелюбными и желали другим добра. И только вчера она всерьез поняла, что среди людей встречаются и злые. Но она не видела причин причислять к ним этого комиссара криминальной полиции. Она знала, что он здесь по долгу службы. Знала, что должна рассказать ему все о том страшном, что увидела в Прерии, и готова была это сделать. Зачем же ей бояться?

Голова у нее была тяжелой после всех пролитых ею слез и после глубокого ночного сна. Веселой она тоже не была. Но была спокойной, совершенно спокойной.

— Доброе утро, малютка Лиса Лотта, — поспешил поздороваться комиссар.

— Ева Лотта, — поправила его Ева Лотта. — Доброе утро.

— Ну конечно же... Ева Лотта! Подойди ко мне и садись, малютка Ева Лотта, поговорим немножко. Это не займет много времени, а потом сможешь уйти и снова поиграть в куклы.

И это он сказал Еве Лотте, чувствовавшей себя такой старой, почти пятнадцатилетней.

— Я перестала играть в куклы десять лет тому назад, — разъяснила комиссару Ева Лотта.

Полицейский Бьёрк был прав: эта девочка явно была основательным ребенком! Комиссар понял, что надо переменить тон и обращаться с Евой Лоттой как со взрослой.

— Расскажи мне теперь все, что знаешь, — попросил он. — Так, стало быть, ты присутствовала при этом

убийстве... была в Прерии вчера после обеда? Как случилось, что ты пошла туда и притом совсем одна?

Ева Лотта сжала губы.

— Об этом... об этом я говорить не могу, — сказала она. — Это — абсолютная тайна. Я была там с секретным заданием.

— Детка, — сказал комиссар, — мы пытаемся расследовать убийство. И в этом случае ничего секретного быть не может! Что тебе понадобилось вчера в Господской усадьбе?

— Мне нужно было взять Великого Мумрика, — угрюмо заметила Ева Лотта.

Потребовалось довольно подробное объяснение, прежде чем комиссар уяснил себе, что за штука такая Великий Мумрик. В полицейском рапорте, составленном после допроса, было коротко обозначено: «О себе Лисандер сообщила, что 28 июля после полудня отправилась на пустырь, намереваясь забрать там так называемого Великого Мумрика».

— Видела ты там кого-нибудь? — спросил комиссар после того, как была раскрыта тайна Великого Мумрика.

— Да, — ответила Ева Лотта. — Я видела... Грен... и еще одного человека.

Комиссар оживился.

— Расскажи поточнее, как ты их видела, — сказал он.

И Ева Лотта рассказала. Как она видела спину Гrena примерно на расстоянии ста метров...

— Стоп! — остановил ее комиссар. — Как на таком далеком расстоянии ты могла видеть, что это — Грен?

— Заметно, что вы, господин комиссар, не из нашего города, — сказала Ева Лотта. — В этом городе каждый узнал бы Гrena по походке. Я правду говорю, дядя Бьёрк?

Бьёрк подтвердил, что она говорит правду.

И Ева Лотта продолжила свой рассказ. О том, как она увидела, что Грен свернул на узенькую тропку и исчез

среди кустов. И как тот, в темно-зеленых брюках, явился с другой стороны и исчез на той же самой тропке...

— Ты представляешь себе, в котором часу это могло быть? — спросил комиссар, хотя ему ведь было известно, что дети редко могут указать точное время.

— В половине второго, — ответила Ева Лотта.

— Откуда ты знаешь — ты смотрела на часы?

— Нет, — сказала Ева Лотта и неожиданно побледнела. — Но я спросила о времени уби... убийцу примерно через четверть часа после этого.

Комиссар взглянул на своих коллег. Доводилось ли им когда-нибудь слышать нечто подобное? Да, этот допрос явно окажется более продуктивным, чем он представлял себе.

Наклонившись к Еве Лотте, он проницательно посмотрел ей в глаза.

— Говоришь, ты спросила убийцу? Ты в самом деле берешься утверждать, кто убил Грена? Может, ты даже видела, как это случилось?

— Нет, — ответила Ева Лотта, — но если я вижу, как человек исчезает в густых зарослях, а другой кидается туда сразу же следом за ним, а через несколько минут я обнаруживаю первого мертвым, то тут уж ничего не поделаешь: я подозреваю второго. Грэн, понятно, мог упасть и разбиться насмерть, но в этом случае пусть меня сначала убедят.

Бёёрк был прав. Ева Лотта и в самом деле была очень основательным ребенком.

Затем Ева Лотта рассказала о том, как она, увидев, что те двое исчезли на тропке, ведущей к Великому Мумрику, пошла в Господскую усадьбу, чтобы переждать их там. И оставалась там самое большее четверть часа.

— А потом? — спросил комиссар.

Глаза девочки потемнели. Настал самый тяжелый момент ее рассказа.

— Я налетела прямо на него на этой узенькой тропке, — с измученным видом тихо сказала она. — Я спро-

сила его, который час, а он ответил: «Без четверти два».

Комиссар, видимо, был доволен. Судебный врач установил время убийства где-то между двенадцатью и тремя, однако показания этой девочки сделали возможным конкретизировать время где-то между половиной второго и без четверти два. Такой поворот дела мог оказаться чрезвычайно значимым. В самом деле, Ева Лотта оказалась бесценным свидетелем.

Он продолжал допрос:

— Как выглядел *этот человек*? Расскажи все, что помнишь. Все детали.

Ева Лотта снова вытащила на свет темно-зеленые габардиновые брюки.

— Еще на нем была белая рубашка. Темно-красныйгалстук. Часы на руке. Целая поросьль густых черных волос на руках.

— А какое у него лицо? — живо спросил комиссар.

— У него усы, — вспомнила Ева Лотта. — И длинные черные волосы, которые падали ему на лоб. И не такой уж жутко старый. Выглядел довольно хорошо. Но испуганный и злой. Он убежал от меня со всех ног. Он так торопился, что даже потерял вексель и не заметил этого.

Комиссар глубоко перевел дух:

— Боже мой, что ты говоришь? Что он потерял?

— Вексель, — гордо ответила Ева Лотта. — Разве вы, господин комиссар, не знаете, что это такое? Это маленький клочок бумаги, где на самом верху написано «Вексель». Уверяю вас, это не что иное, как клочок бумаги! Но из-за этих векселей рисуются жизнью, уж поверьте мне!

Комиссар снова оглядел своих коллег. Вчерашний опрос соседей старика на Плутовской горке позволил составить ясное представление о том, что для Грена ростовщичество составляло как бы небольшой побочный заработок. Многие заметили, что по вечерам он принимал у себя дома таинственных посетителей, однако же не так часто. Он явно предпочитал встречаться

с каждым из своих клиентов в окрестностях городка. При домашнем обыске у него было найдено множество векселей с обозначенными в них разными фамилиями. Все фамилии были внесены в каталог, и полицейские готовились отыскать каждого из таинственных клиентов Грена. Кто-то из них мог оказаться убийцей. Комиссару же с самого начала было ясно, что убийство произошло как раз из-за того, что некий клиент Грена хотел выбраться из денежных затруднений, в которых, предположительно, запутался. Это, должно быть, и послужило мотивом убийства. На такое дело идут, лишь будучи уверенными, что смогут отнять все документы, способные выдать преступника.

А теперь девочка рассказывает, что убийца потерял в кустах вексель. Вексель, в котором обозначена фамилия. Вексель с фамилией убийцы. Дрожащий голос комиссара, когда он склонился к Еве Лотте, выдавал волнение:

- И ты подняла этот вексель?
- Ясное дело, — ответила Ева Лотта.
- И что ты с ним сделала? — затаив дыхание, спросил он.

Ева Лотта немного подумала.

Пока она думала, стояла мертвая тишина. И только на яблоне по-прежнему чирикал зяблик.

— Не помню, — в конце концов сказала Ева Лотта.

Комиссар слабо застонал.

— Но уверяю вас, это был всего-навсего маленький клочок бумаги, — повторила девочка, желая утешить его.

Тогда комиссар, взяв ее за руку, медленно и отчетливо объяснил ей, что вексель — очень важный документ, по которому можно узнать, что у кого-то одолжили деньги и что обязуются эти деньги вернуть. И подтверждают свои слова подписью. Человек, убивший Грена, сделал это, так как у него, очевидно, не было денег вернуть долг. Он хладнокровно застрелил человека, чтобы получить обратно свои векселя. А Ева Лотта считает их столь незначительными! Ведь на клочке

бумаги, потеряном убийцей на тропке, должна стоять его фамилия. Понятно ли теперь Еве Лотте: она абсолютно обязана вспомнить, что она сделала с векселем?

Ева Лотта понимала это. И она в самом деле напряглась, пытаясь вспомнить... Она помнила, как стояла там с векселем в руке. Помнила, что именно в эту минуту раздался ужасающий удар грома. А больше ничего не помнила. Да, разумеется, еще то страшное, что случилось вслед за этим. Но о векселе она нуничего-шеньки не могла больше вспомнить. Грустно призналась она в этом комиссару.

— А ты, случайно, не прочитала на бумажке его фамилию? — спросил комиссар.

— Нет, не прочитала, — ответила Ева Лотта.

Комиссар вздохнул. Но тут же сказал самому себе, что *такой* легкой сыскной работа быть не должна. Допрос девочки и так многое дал. И нельзя требовать, чтобы фамилию преступника тебе преподнесли на блюдечке. Прежде чем продолжить допрос Евы Лотты, он отдал по телефону приказ в полицейский участок, чтобы прочесали каждый клочок земли в Прерии. Разумеется, само место преступления было тщательно осмотрено, но бумажку могло занести ветром очень далеко. А вексель необходимо найти.

Затем Еве Лотте пришлось рассказать, как она наткнулась на Грена. Теперь она, время от времени глотая комок в горле, говорила очень тихо. И папа ее закрыл лицо руками, чтобы не видеть испуганных глаз девочки.

Но теперь, вероятно, допрос скоро кончится. У комиссара осталось всего несколько вопросов.

Ева Лотта уверяла, что убийца абсолютно не из их города, потому что она бы узнала его. И вот тут комиссар спросил ее:

— Как по-твоему, ты смогла бы узнать его, если бы снова увидела?

— Да, — тихо ответила Ева Лотта. — Я узнала бы его среди тысячи других...

— А ты никогда не видела его раньше?

— Нет, — сказала Ева Лотта.

Но тут на мгновение заколебалась.

— Да... частично, — добавила она.

Комиссар широко открыл глаза. Этот допрос был полон неожиданностей.

— Что ты имеешь в виду под словом «частично»?

— Я видела его брюки, — нехотя произнесла Ева Лотта.

— Объясни подробнее, — велел комиссар.

Ева Лотта поежилась.

— Я должна?.. — спросила она.

— Ты сама хорошо знаешь, что должна. Где висели его брюки?

— Они не висели, — сказала Ева Лотта. — Они торчали из-под шторы. В них был одет убийца.

Комиссар быстро схватил оставшуюся на блюдечке булочку. Он чувствовал необходимость подкрепиться. И засомневался, в самом ли деле Ева Лотта так серьезна, как он думал. Не начинает ли она фантазировать?

— Итак, — сказал он. — Брюки убийцы торчали из-под шторы. Чьей шторы?

— Ясное дело, шторы Грена, — ответила Ева Лотта.

— А ты, где была ты?

— Я сидела на приставной лестнице снаружи. Я сидела там с Калле в понедельник, около десяти часов вечера.

У комиссара детей не было, и он, страшно обрадованный, возблагодарил за это небо.

— Ради всех святых! Что вы делали на лестнице Грена в понедельник вечером? — спросил он.

И, вооруженный новыми сведениями, добавил:

— О, понимаю, разумеется, это был какой-нибудь другой Великий Мумрик, за которым вы охотились?

Ева Лотта почти презрительно посмотрела на него.

— Вы что, комиссар, считаете, будто великие мумрики растут на деревьях? — спросила она его. — В мире есть только один Великий Мумрик на веки вечные. Аминь!

И тут Ева Лотта поведала о ночном марше по крыше Грена. Услыхав ее рассказ, бедный пекарь только огорченно покачал головой. А еще говорят, что с девочками спокойней!

— Откуда ты узнала, что видела брюки убийцы? — удивился комиссар.

— Я этого не знала, — ответила Ева Лотта. — Знай я это, я бы вошла в дом и арестовала его.

— Да, но ведь ты говорила, — раздраженно возразил комиссар.

— Нет, это я вычислила позднее, — сказала девочка. — Потому что на убийце были такие же темно-зеленые габардиновые брюки, как те, что я видела, сидя на лестнице.

— Здесь возможна случайность, — сказал комиссар. — Нельзя делать поспешные выводы.

— А я вовсе не спешила, — заверила его Ева Лотта. — Я ведь слышала, как они шумели там, в комнате, из-за векселей, а тот, что в брюках, сказал: «Встретимся в среду на обычном месте! Возьмите с собой все мои векселя!» И сколько же надо наготовить зеленых габардиновых брюк, чтобы Грен успел встретиться с ними в единственную несчастную среду?

Комиссар был убежден в том, что Ева Лотта права. Головоломка решена. Все было ясно! Мотив убийства. Время. Способ действия. Осталось только одно — схватить убийцу.

Комиссар поднялся и погладил Еву Лотту по щеке.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Ты очень толковая. Ты и сама не понимаешь, как нам помогла. А теперь — забудь всю эту историю!

— Да, спасибо! — поблагодарила его Ева Лотта.

Комиссар обратился к Бьёрку:

— А теперь надо связаться с этим Калле, пусть подтвердит рассказ Евы Лотты о том, что произошло в понедельник вечером. Где его найти?

— Здесь, — произнес уверенный голос с балкона над верандой.

Комиссар удивленно глянул наверх и увидел, что над перилами балкона торчат две головы — одна светлая, а другая темная.

Рыцари Белой Розы не бросают друг друга на произвол судьбы во время полицейских допросов и других испытаний. Так же как пекарь, Калле и Андерс пожелали присутствовать на допросе. Но на всякий случай решили, что разумней не спрашивать на это позво-ления.

10

Первые страницы всех газет страны пестрели сообщениями об убийстве. Много писалось о свидетельнице Еве Лотте. Ее имя не называлось, но довольно много говорилось о «толковой тринадцатилетней девочке», которая так трезво сделала свои наблюдения на месте преступления и смогла сообщить полиции исключи-тельно ценные сведения.

Местные газеты оказались не столь тактичны, когда дело касалось имен. Ведь в маленьком городке каждому было известно, что «толковая тринадцатилетняя девочка» — не кто иная, как Ева Лотта Лисандер. И редактор не видел никаких причин для того, чтобы утаить это и в своей газете. Такого великолепного материала уже давно в газете не было, и он выжал из него все, что мог. Он написал длинную трепетную статью о «маленькой прелестной Еве Лотте, которая сегодня играет среди цветов в саду своих родителей и, похоже, совсем позабыла ужасающее событие, которое случилось в среду в обдуваемой всеми ветрами Прерии».

И в экстазе продолжал: «Да, где еще могла бы она позабыть, где, как не здесь, дома у своих родителей, могла бы она почувствовать себя в безопасности. Здесь,

в хорошо знакомой ей с детства среде, где запах свежеиспеченного пшеничного хлеба из отцовской пекарни, кажется, служит залогом того, что в здешней жизни все же существует уверенность в надежности будней. И эту уверенность не могут поколебать никакие кровавые покушения из мира преступлений».

Редактор был крайне доволен своим вступлением. И далее он распространялся о том, какой толковой оказалась Ева Лотта и какие точные приметы убийцы она передала в полицию. Вернее, редактор на самом деле не употребил слово «убийца», он заменил его целым выражением: «человек, к которому, надеемся, сходятся все нити разгадки этого преступления». Он упомянул также, что Ева Лотта заявила, будто она легко узнает подозреваемого, если снова увидит его. И особо отметил, что маленькая Ева Лотта Лисандер, быть может, в конце концов станет тем орудием, которое приведет наглого преступника к справедливой каре.

Да, редактор написал все то, что писать как раз и не следовало.

Страшно огорченный, полицейский Бьёрк был именно тем, кто сунул еще мокрую от типографской краски газету в руки комиссара криминальной полиции. Ожидавший в полицейском участке комиссар, прочитав статью, зарычал от гнева.

— Это просто непорядочно так писать! — кричал он. — Это абсолютно непорядочно!

Пекарь Лисандер употребил еще более крепкие выражения, когда через некоторое время в бешенстве ворвался в редакцию газеты. Жилы на его висках набухли от бешенства, и он изо всех сил грохнул кулаком по столу редактора.

— Ты что — не понимаешь? Это преступно — так писать! — закричал он. — Ты что, не понимаешь, какой опасностью грозит это моей девочке?

Нет, редактор об этом даже и не подумал. Какой еще опасностью?

— Не представляйся большим дураком, чем ты есть на самом деле! Этого, видишь ли, не требуется, — сказал пекарь, и был совершенно прав. — Разве ты не понимаешь, что парень, который может один раз убить, прекрасно может повторить это еще раз, если сочтет необходимым. И в этом случае, должен сказать, весьма предусмотрительно с твоей стороны дать ему фамилию и адрес Евы Лотты. Ты что — не мог указать заодно и номер телефона, чтобы он позвонил и заранее назначил время?

Ева Лотта тоже считала, что статья преступна, по крайней мере отдельные ее части.

Сидя на чердаке пекарни вместе с Андерсоном и Калле, она читала газету:

— «Маленькая прелестная Ева Лотта играет сегодня среди цветов в саду своих родителей...» — ну и ну, катись ты... Разве можно быть таким дураком, если пишешь в газетах?

Взяв у нее газету, Калле прочитал статью и огорчен но покачал головой. Настолько-то он еще продолжал оставаться суперсыщиком, чтобы понять, как безумна эта статья. Но другим он не сказал об этом ни слова.

Редактор между тем был прав, когда написал, что Ева Лотта, похоже, забыла это ужасающее событие. Конечно, она ведь почувствовала себя такой старой, почти пятнадцатилетней. Но к счастью, она обладала способностью юной души забывать почти на следующий день то, что доставило неприятность. И только когда наступал вечер и она лежала в постели, ее мыслям было трудно оторваться от того, что ей не хотелось вспоминать. Первые ночи она спала совсем беспокойно, а иногда кричала во сне так, что маме приходилось будить ее.

Но днем, при ярком свете солнца, Ева Лотта была спокойна и весела, как прежде. Ее решения стать более женственной и отказаться от участия в войне Розхватило всего на два дня. А потом она больше не выдергала. Она сама чувствовала, что чем безумней были

игры, в которые она бросалась очертя голову, тем скорее то ужасное могло исчезнуть из ее сознания.

Полицейский пост у Господской усадьбы был уже снят. Но еще до этого Великий Мумрик был доставлен оттуда. Дяде Бьёрку выпало почетное поручение вызволить его из-за полицейского кордона. Ведь после допроса Евы Лотты на веранде, когда ей пришлось выдать тайну существования Великого Мумрика, Андерс отвел в сторону дядю Бьёрка и спросил, не будет ли он столь любезен освободить Великого Мумрика из заточения? Дядя Бьёрк охотно это сделал. Откровенно говоря, он был искренне заинтересован в том, чтобы посмотреть, как выглядит Великий Мумрик. Так и получилось, что Великий Мумрик, сопровождаемый полицейским эскортом, был вынесен из своего неуютного убежища и передан представителю Белой Розы. И вот сейчас он лежал в одном из ящиков самого старого комода на чердаке пекарни, где рыцари Белой Розы обыкновенно хранили свои реликвии. Но это было сугубо случайно. Вскоре его должны были перенести в другое место.

Поразмыслив, Андерс счел, что идея спрятать Великого Мумрика в развалинах замка рядом с насосом не очень удачна.

— Я бы хотел поместить его в какой-нибудь более интересный тайник, — сказал он.

— Бедный Великий Мумрик, — пожалела камешек Ева Лотта. — Думаю, хватит с него всяких там интересных тайников.

— Я имею в виду интересный тайник совсем иного рода, — пояснил Андерс.

Выдвинув ящик комода, он с нежностью рассматривал Великого Мумрика, лежавшего в коробке из-под сигар на ложе из розового хлопка.

— Немало узрели твои мудрые очи, о Великий Мумрик! — сказал он, чувствуя себя более чем когда-либо уверенным в магической силе камешка.

— Я знаю! — решил Калле. — Спрячем его у кого-нибудь из Алых!

— Что ты имеешь в виду? — спросила Ева Лотта. — По-твоему, мы добровольно отдадим его Алым?

— Нет, — пояснил Калле. — Но они на время получат его, даже не подозревая об этом. А если они не будут знать об этом, то можно считать, что его у них нет. И подумать только, как они разозлятся потом, когда мы им об этом расскажем!

Андерс и Ева Лотта сочли, что это — гениальная идея. После увлекательнейших обсуждений различных возможностей было определено, что Великого Мумрика спрятут в комнате Сикстена. Они решили мгновенно отправиться туда и приглядеть какое-нибудь подходящее место. Быстро съехав по веревке вниз, ребята решительно помчались к реке и перебрались на другой берег по небольшому мостку из досок, проложенному Евой Лоттой во время войны Роз. Это был кратчайший путь к штаб-квартире Алых в гараже Сикстена.

Совершенно запыхавшись, подбежали они к вилле почтмейстера и ворвались в сад. Сикстен, Бенка и Юнте, сидя на скамейке, попивали сок. Андерс принес радостную весть, что Ева Лотта больше не отказывается носить оружие и что, следовательно, война Роз может вспыхнуть снова. Алые выслушали это с искреннейшим удовлетворением. Решение Евы Лотты стать чуточку более женственной вызвало у всех глубокое недовольство, а таких скучных и длинных дней, как эти последние, им никогда еще не доводилось переживать.

Сикстен гостеприимно предложил недругам присесть и выпить сок. Недруги не заставили его повторять эти слова дважды, однако Андерс, хитрый, словно змей, спросил:

— А мы не можем, Сикстен, выпить его наверху, в твоей комнате?

— Что с тобой? Уж не хватил ли тебя солнечный удар? — вежливо спросил хозяин. — Сидеть в комнате в такую великолепную погоду?

Они пили сок в саду, и погода была действительно великолепна.

— Я бы хотел взглянуть на твоё американское ружье, — присовокупил тут же Калле.

Это ружье, висевшее на стене в комнате Сикстена, было самым драгоценным его имуществом, и он демонстрировал его без конца, так что всем надоел. А Калле это ружье Сикстена осточертело больше всего на свете. Но сейчас речь шла о добром деле.

Сикстен вскочил.

— Хочешь поглядеть на мое ружье? — спросил он. — Да пожалуйста!

Поспешно пройдя в гараж, он принес оттуда ружье.

— Вот как! — недовольно воскликнул Калле. — Теперь ты хранишь свое американское ружье в гараже?

— Да, какое счастье, что оно у меня так близко, — сказал Сикстен, демонстрируя свое сокровище Калле.

Андерс и Ева Лотта захочотали так, что у них даже в горле запершило. И Ева Лотта сочла, что, если они хотят попасть сегодня в комнату Сикстена, необходимо пустить в ход чуточку женской хитрости.

Взглянув наверх, на окошко Сикстена, она невинно спросила:

— Прекрасный вид, должно быть, из твоей комнаты, а?

— Да, будь уверена, — гордо ответил Сикстен.

— Понятно, — сказала Ева Лотта. — Не будь эти деревья так высоки, ты бы, пожалуй, увидел оттуда водонапорную башню.

— Я и так, черт побери, вижу из окна водонапорную башню.

— Да, конечно, черт побери, он видит из окна водонапорную башню, — сказал справедливый, как всегда, Бенка.

— Неужели?! — возразила Ева Лотта. — И не пытаешься вбить мне это в голову.

— Чушь! — с пламенной уверенностью поддержали ее Андерс и Калле. — Да не может он видеть из окна водонапорную башню.

— Дурацкая болтовня! — возмутился Сикстен. — Пойшли со мной, я покажу вам водонапорную башню так, что вы, недоумки, ахнете.

Все шестеро во главе с Сикстеном прошествовали в дом. На полу в прихожей лежал пес Сикстена, колли. Когда они вошли туда, он, вскочив, залаял.

— Так-так, Беппо, — произнес Сикстен. — Вот несколько менее одаренных идиотов, которые желают видеть водонапорную башню.

Они поднялись по лестнице в комнату Сикстена, и он торжественно подвел их к окну.

— Вот! — гордо воскликнул он. — Вот это называется водонапорной башней, хотя потом вы можете назвать это колокольней или как вам вздумается.

— Ну что, съели? — спросил Юнте.

— Вот как? В самом деле! — с презрительной улыбкой произнесла Ева Лотта. — Ты можешь видеть водонапорную башню. Ты рад этому?

— Что ты имеешь в виду? — сердито спросил Сикстен.

— Я имею в виду лишь... надо же, до чего здорово, целиком водонапорную башню видно, — издевательски смеясь, сказала Ева Лотта.

Андерса и Калле поразительно мало интересовал вид из окна. Зато глаза их так и стреляли вокруг, напряженно высматривая подходящий тайник для Великого Мумрика.

— Уютная у тебя комнатка, — говорили они Сикстену, словно видели ее впервые и не бывали там сотни раз прежде.

Они кружили вдоль стен, пробовали на ощупь кровать Сикстена и, как бы в рассеянности, выдвигали ящики его письменного стола.

Ева Лотта же упорно старалась удержать остальных у окна. Она показывала пальцем на все, что только

много было увидеть из этого окна. А увидеть можно было немало.

На комоде стоял глобус Сикстена. При виде его Андерсу и Калле одновременно пришла в голову одна и та же идея. Конечно же глобус! Взглянув друг другу в глаза, они утвердительно кивнули.

Бывая в гостях у Сикстена раньше, они узнали, что глобус развинчивается на две половинки. Сикстен иногда развлекался, свинчивая и развинчивая его, и потому глобус был немного потерт вокруг экватора. Судя по глобусу Сикстена, огромные территории Экваториальной Африки были еще не исследованы, так как там виднелись сплошные белые пятна.

Разумеется, существовал известный риск, что Сикстен вдруг развинтит свой глобус и найдет там Великого Мумрика, — так думали и Андерс, и Калле. Но чем была бы война Роз, если бы не риск?

— Думаю, основное мы уже видели, — выразительно произнес Андерс, обращаясь к Еве Лотте.

И она с облегчением покинула свой пост у окна.

— Да, спасибо, — сказал Калле с довольной ухмылкой, — навидались разных видов, сколько нам нужно... А теперь — бежим!

— Кок-у-дод-а? — с любопытством спросила Ева Лотта.

— Вов-гог-лол-о-боб-у-сос! — ответил Калле.

— Зоз-дод-о-рор-о-вов-о! — обрадовалась Ева Лотта.

Сикстен в бешенстве уставился на них, когда они начали лолокать. Так называл он их тайный язык.

— Заглядывайте, когда захотите увидеть еще какие-нибудь водонапорные башни, — только и сказал он.

— Да, пожалуйста, — пригласил их и Юнте, бросив на Белых Роз насмешливый и высокомерный взгляд своих карих, похожих на перчинки глаз.

— Блохастые пудели! — словно подводя итог их визиту, произнес в заключение Бенка.

Белые Розы проследовали за дверь, которая жалобно проскрипела, когда они открыли ее.

— А дома у тебя дверь скрипит,
и это не глупо, если она не ворчит, —

запел Андерс. — Что, если тебе взять и немножко сма-
зать ее, чтобы она не визжала?

— А что, если тебе пойти домой и накрыться с го-
ловой одеялом? — спросил Сикстен.

Белые Розы вернулись в свою штаб-квартиру. Тай-
ник был выбран, теперь осталось только решить, когда
и как засунуть в глобус Великого Мумрика.

— Когда полная луна воссияет в полночь, — самым
загробным голосом произнес Андерс, — Великий Мумрик
будет препровожден в новое место своего отдохновения.
А вот рыцарь и муж, коему предначертан этот подвиг.

Ева Лотта и Калле одобрительно кивнули. Ясное де-
ло, это был бы блестящий заключительный аккорд —
пробраться в комнату Сикстена, пока он спит.

— Вот будет здорово! — сказала Ева Лотта, угожая
друзей шоколадками из коробки, которую достала из
ящика комода. Теперь она просто купалась в лакомст-
вах, которыми в последнее время еесыпали со всех
сторон. Как абсолютно справедливо писал об этом сре-
ди прочего в своей статье тот самый редактор: «Ма-
ленькой популярной Еве Лотте приходится в эти дни
сталкиваться с доказательствами того, сколь высоко
оценили ее подвиг со всех сторон. Знакомые и незна-
комые посыпают ей подарки. Карамельки, шоколад, иг-
рушек и книги можно увидеть в сумке любезного поч-
тальона Петерссона, которые он доставляет от всех ее
многочисленных друзей, охотно проявляющих к ней
участие в тот момент, когда она столь незаслуженно
оказалась замешанной в этой мрачной трагедии».

— А что ты станешь делать, если Сикстен проснет-
ся? — спросил Калле.

Андерса, похоже, это ничуть не задело.

— Скажу, что пришел спеть ему колыбельную и присмотреть, чтобы он не сбросил с себя одеяло...

— Хи-хи, — хихикнул Калле. — Послушай-ка, маленькая популярная Ева Лотта, дай-ка мне еще одну шоколадку, и ты станешь по меньшей мере популярной вдвойне.

Сидя на своем захламленном, по-домашнему уютном чердаке, они ели шоколад, пока коробка не опустела, и строили планы до самого вечера. Они радовались новому походу против Алых. Ах, какое все же замечательное изобретение эта война Роз! В конце концов они покинули штаб-квартиру. Им пора было «на поле битвы», как выражался Андерс. Быть может, вынырнет что-нибудь подходящее. А если не найдется ничего другого, то всегда будет возможность пойти и спровоцировать небольшую стычку с Алыми. Они спустились вниз по веревке, и Ева Лотта бездумно сказала:

— Да-да, веселые забавы деток, веселые невин...

Но тут она осеклась и совершенно побелела. Рыдание сорвалось с ее губ, и она быстро убежала прочь.

В тот день она больше не играла.

11

— Это случится сегодня ночью, — несколько дней спустя сказал Андерс.

Попытку перенести Великого Мумрика в глобус Сикстена по разным причинам пришлось несколько раз откладывать. Во-первых, нужно было дождаться полнолуния. Полнолуние было просто необходимо: при свете луны все волшебно и прекрасно, к тому же полнолуние имеет то преимущество, что позволяет ориентироваться в комнате, не требуя специального освещения. А во-вторых, в семье почтмейстера гостили в эти дни две молодые тетки Сикстена.

— Разве можно забраться в дом, где в каждом углу торчит молоденькая тетушка? — ответил Андерс, когда Калле спросил его напрямик, выйдет ли когда-нибудь что-либо из их затеи или нет. — Понимаешь, чем больше людей в доме, тем более велик риск, что кто-то из них проснется и все испортит. Понимаешь?

— Да, тетки иногда ужасно чутко спят, — согласился с ним Калле.

Итак, Сикстена, к его великому удивлению, начали непрерывно спрашивать, как поживают его тетки и сколько времени они еще останутся... В конце концов Сикстен пришел в ярость.

— И что вы вечно привязываетесь ко мне с моими тетками! — возмутился он, когда Андерс в десятый раз завел о них разговор. — Что они, мешают тебе?

— Нет, конечно нет, — кротко ответил Андерс.

— Ну, тогда ладно, — успокоился Сикстен. — Думаю, они уедут в понедельник. Вообще-то жалко, я люблю их, особенно тетю Аду. И до тех пор, пока они сидят у нас дома, а не бегают как оглашенные по всему городу, я не считаю, что они причиняют кому-то зло.

После таких слов Андерс не стал больше задавать вопросы — это означало бы возбудить подозрение.

Но теперь настал уже понедельник, и Андерс видел, как почтмейстерша провожала своих сестер к утреннему поезду. А ночью должно было наступить полнолуние.

— Это случится сегодня ночью! — решительно заявил Андерс.

Они сидели в беседке пекаря и ели свежие булочки, которые Ева Лотта недавно получила внизу, в пекарне, от своего мягкоксердечного отца.

Час тому назад мимо продефилировали Алые. Они направлялись в свою новую штаб-квартиру в Господской усадьбе. Ведь никаких полицейских там уже не было. Прерия раскинулась такая тихая, словно ее покой никогда не нарушало ничто более серьезное, нежели война Роз. Господская усадьба была слишком хорошим

убежищем, чтобы им пренебрегать, и Алые уже совсем не думали о том, что некогда случилось с ней рядом.

— Если почувствуете, что вам необходима трепка, приходите в Господскую усадьбу! — крикнул Сикстен, проходя мимо сада пекаря.

Ева Лотта вздрогнула. В Господскую усадьбу ей идти не хотелось, ни за что не хотелось!

— Ой, до чего же я наелся, — сказал Калле, когда Алые исчезли из виду, а он уничтожил свою шестую булочку.

— До меня тебе далеко! — похвастался Андерс, похлопывая себя по животу. — Но это хорошо, поскольку на обед у нас отварная треска.

— От рыбы становятся такими интеллигентными, — напомнила Ева Лотта. — Тебе, пожалуй, надо есть побольше отварной трески, Андерс!

— Ну вот еще! — возразил Андерс. — Сперва я хочу узнать, насколько интеллигентнее я стану и сколько рыбы мне надо съесть для этого.

— Ведь все зависит от того, насколько ты был интеллигентен до начала этой кампании, — вставил слово Калле. — Пожалуй, одного в меру упитанного кита один раз в неделю тебе, Андерс, достаточно.

Когда Андерс три раза прогнал Калле вокруг беседки и мир был восстановлен, Ева Лотта сказала:

— Интересно, есть сегодня в почтовом ящике какие-нибудь новые подарки? Не понимаю, что люди думают? За последние дни я получила всего лишь три килограмма шоколада. Ни грамма больше! Придется позвонить на почту и пожаловаться!

— Не говори мне о шоколаде, — с отвращением произнес Андерс.

И Калле полностью с ним согласился. Они храбро сражались с лавиной сладостей, обрушившейся на Еву Лотту. Но силы их уже истощились.

Однако Ева Лотта вернулась от почтового ящика на калитке с толстым конвертом в руках. Она разорвала

его, и там в самом деле лежала плитка шоколада — большая плитка великолепного молочного шоколада.

Калле и Андерс посмотрели на плитку шоколада так, словно это была кастрюка.

— Черт! — ругнулись они.

— Эх вы, — с досадой сказала Ева Лотта. — Могут наступить дни, когда вам придется подмешивать в шоколад древесную кору.

Разломив плитку надвое, она заставила каждого взять половину. Они приняли шоколад без малейшего следа энтузиазма, только чтобы доставить ей удовольствие. И равнодушно сунули куски шоколада в свои и без того туго набитые карманы брюк.

— Правильно, — сказала Ева Лотта. — Поберегите на черный день.

Смяв в маленький комок конверт, она перебросила его через забор на улицу.

— Послушайте, давайте покатаемся на велосипедах и выкупаемся, — сказал Калле. — Сегодня нам, пожалуй, заняться больше нечем.

— Ты абсолютно прав, — поддержал его Андерс — Сегодня вечером мы можем с таким же успехом объявить перемирие, но тогда...

Две минуты спустя явился Бенка, посланный Сикстеном, чтобы с помощью подобающих слушаю оскорблений подстrekнуть Белых Роз к битве, но беседка была уже пуста. И только маленькая белая трясогузка, сидевшая на качелях, клевала оставшиеся от булочек крошки.

Когда в полночь взошла на небо полная луна, Калле и Ева Лотта спокойно спали в своих кроватях. Но Андерс бодрствовал. Он тоже лег в постель, как обычно. И самым замысловатым образом хрюпал, чтобы родители думали, будто он спит. Это привело лишь к тому, что мама вошла и беспокойно спросила:

— Что с тобой, мальчик, тебе худо?

— Да нет, — ответил Андерс.

И в дальнейшем храпел уж не так свирепо.

Заметив по тихому посапыванию маленьких братьев и сестер и по глубокому дыханию родителей, что все заснули, он осторожно прокрался в кухню. Его одежда лежала на стуле. Он быстро сорвал с себя ночную рубашку и остался, освещенный лунным светом, без единой нитки на тонком, костлявом мальчишеском теле. Он тревожно вслушивался в тишину каморки, но все было спокойно, и он быстро облачился в брюки и фуфайку. Потом тихо и молча прокрался вниз по лестнице. Пробраться на чердак пекаря и взять Великого Мумрика — это отняло у него совсем немного времени.

— О Великий Мумрик, — шептал он, выдвигая ящик комода, — охрани своей могучей дланью эту акцию, потому что мне, видишь ли, кажется, что это нам понадобится.

Ночной воздух был прохладен, и он чуть дрожал в своей тонкой одежонке. Напряжение, пожалуй, тоже вызывало дрожь. Странным казалось находиться вне дома посреди ночи, когда все люди спят.

Крепко зажав в руке Великого Мумрика, он переправился через мостки, проложенные Евой Лоттой. Ольха на прибрежной полосе казалась в темноте совсем черной, однако речная вода блестела, озаренная лунным светом.

— Скоро мы будем у цели, о Великий Мумрик, — прошептал Андерс, чтобы Великий Мумрик не тревожился.

Да, вскоре они были у цели. Вилла почтмейстера стояла тихая, темная и молчаливая, словно спала. Стрекотали сверчки, а в остальном все было тихо.

Андерс рассчитывал, что по крайней мере хоть одно окно виллы будет открыто, и надежды не подвели его. Окно кухни было распахнуто настежь. Для хорошо тренированного гимнаста, каким был Андерс, не составляло труда перемахнуть через подоконник прямо в кухню. Чтобы освободить обе руки, Андерс сунул Великого

Мумрика в карман. Разумеется, место было недостойно Великого Мумрика, но такова была суровая необходимость.

— Прости, о Великий Мумрик! — произнес Андерс.

Пальцы его лихорадочно ощупали содержимое кармана, и он испытал глубокое удовлетворение, наткнувшись на что-то липкое, бывшее прежде плиткой шоколада. Теперь Андерс был не так привередлив, как утром, и ему показалось, что эта липкая жижа пришла бы ему по вкусу. Но он съест ее в награду за хорошо выполненную работу. Сначала надо сделать то, ради чего он пришел сюда. Переместив Великого Мумрика в другой карман брюк, он дочиста вылизал пальцы и решительно махнул на подоконник.

Глухое рычание испугало его чуть не до потери сознания. Беппо! Ни секунды не подумал он о Беппо! И все-таки ему следовало знать, что это окно специально было открыто для того, чтобы Беппо мог выскочить ночью в сад, если ему захочется.

— Беппо! — умоляюще прошептал Андерс. — Беппо, это всего-навсего я.

Когда Беппо увидел, что это всего лишь один из весельчаков мальчишек, которых притаскивал с собой хозяин, его рычание сменилось восторженным гавканьем.

— О милый, маленький, славный Беппо, ты можешь чуть-чуть помолчать? — молил песика Андерс.

Но Беппо считал, что когда радуешься, то это необходимо показывать, лая и виляя хвостом, и он усердно проделывал и то и другое.

Не зная, как спастись от беды, Андерс вытащил шоколад и сунул его Беппо под нос.

— Это тебе, только замолчи! — прошептал он.

Беппо обнюхал шоколад, и, поскольку счел, что церемония приветствия продолжалась ровно столько, сколько требовали приличия, честь и достоинство этого дома, он прекратил лаять и удовлетворенно улегся на

пол. Ему хотелось насладиться этой дивной липкой жижей, которую дал ему гость скорее всего в благодарность за столь дружественный и громогласный прием.

Андерс издал вздох облегчения и как можно тише открыл дверь в прихожую, откуда лестница вела на второй этаж. Теперь ему оставалось только...

Но тут кто-то появился наверху. Кто-то тяжелыми шагами спускался по лестнице. Это был почтмейстер собственной персоной — в широкой ночной рубахе до пят. Его разбудил лай Беппо, и он собирался выяснить, чего хотел песик.

На мгновение Андерс словно осталбенел. Но тут же, собрав все свои душевые силы, быстро спрятался за двумя большого размера плащами, висевшими каждый на своем крючке в углу прихожей.

— Если после этого я не стану психом, значит, я просто железный, — сказал он самому себе.

Только сейчас пришло ему в голову: а вдруг семейству почтмейстера не понравится, что в их окна лазают по ночам? То, что Сикстен примет это за обычное и вполне житейское дело, было ясно как день. Но он-то уже привык к войне Алой и Белой Роз! Да, он-то привык! Чего нельзя было сказать о почтмейстере! Андерс затрясся от одной мысли о том, что сделает с ним почтмейстер, если вдруг его обнаружит. И он, зажмурясь, тихонько молился, когда почтмейстер, злобно ворча, проходил мимо совсем рядом с плащами, за которыми он прятался.

Почтмейстер открыл дверь на кухню. Там лежал Беппо и смотрел на него при свете луны.

— Ну, мальчик мой, — ласково произнес почтмейстер, — что ты лаешь посреди ночи?

Беппо не отвечал. Он осторожно прикрыл лапой чудесное липкое лакомство. Потому что у папы хозяина бывали иногда такие странные идеи! Вот не далее чем вчера он отобрал у Беппо чудную тухлую косточку, с

которой Беппо как раз так уютно пристроился на ковре гостиной. И кто его знает, как он отнесется к такой вот липучке. На всякий случай Беппо зевнул и притворился совершенно неподвижным. Почтмейстер успокоился. Но все-таки для порядка выглянулся в окно.

— Есть там кто-нибудь? — крикнул он.

Но в ответ послышался лишь шелест ветра. Не мог же почтмейстер расслышать бормотание Андерса, скрытого за плащами:

— Нет-нет, здесь никого нет. Уверяю вас, что здесь даже блохи и то нет.

Андерс долгоостоял в своем углу. Он не посмел шевельнуться, прежде чем не убедился, что почтмейстер снова уснул. Ему смертельно надоело там стоять. И вскоре ему уже казалось, будто лучшее время своей юности он провел за этими плащами, шерстяной ворс которых щекотал ему нос. Он был натурой деятельной, и ждать было для него всего тяжелее. Под конец он не выдержал, выбрался из своей тюрьмы и стал тихонько пробираться по лестнице. На каждом шагу он останавливался, прислушиваясь, но ни малейшего звука слышно не было.

— Все идет как надо, — произнес Андерс, преисполненный, как всегда, оптимизма.

Единственное, что его чуточку беспокоило, — это скрипучая дверь Сикстена. Нажав на ручку, он тихонько двинул ее. Видели такое! Дверь даже не скрипнула. Она открылась так беззвучно и спокойно, что сразу стало ясно: ее только что смазали.

Андерсу стало смешно: Сикстен смазал дверь на собственную погибель! Хорошо иметь таких сознательных врагов! Укажешь им на какое-нибудь маленькое неудобство, и враги уже — бац! — помогают его тут же устраниить, чтобы можно было забраться к ним когда угодно.

«Спасибо тебе, Сикстен», — подумал Андерс, бросив взгляд на кровать недруга. Он спал там, несчаст-

ный, даже не подозревая, что нынче ночью Великий Мумрик обретет прибежище в его доме.

Глобус по-прежнему стоял на комоде, залитый лунным светом. Ловкие пальцы Андерса быстро развинтили его на две половинки.

О, какое великолепное хранилище для Великого Мумрика! Андерс быстро вытащил реликвию из кармана брюк и поместил ее в новое место хранения.

— Совсем ненадолго, о Великий Мумрик, — сказал он, закончив работу. — Придется тебе некоторое время побывать среди язычников, не почитающих законы. Но скоро орден Белой Розы снова предоставит тебе убежище среди христиан и порядочных людей.

Рядом с глобусом на столе лежали ножницы. И когда Андерс увидел их, его словно молнией осенило. В стародавние времена существовал такой обычай: когда доблестный муж попадал в жилище спящего врага, он отрезал клочок от плаща недруга в знак того, что был там. По крайней мере так писали в книгах. То был прекрасный способ показать, что враг был в твоей власти, но ты благородно отказался причинить ему какое-либо зло. А потом, на другой день, можно было помахать клошком плаща перед носом своего недруга и сказать: «На коленях благодари меня за то, что остался жив, о мерзкий остолоп!»

Именно это собирался сотворить и Андерс. Ясное дело, сейчас у Сикстена никакого плаща не было, но у него были волосы — великолепные рыжие вихры. И один вихор от его пышной шевелюры Андерс собирался оттряпать. Ведь настанет же день, когда Великий Мумрик будет в целости и сохранности где-нибудь в другом месте, и тогда Алые узнают все! Они услышат горькую правду о том, что Великий Мумрик пребывал в глобусе! И увидят рыжий вихор, который предводитель Белой Розы срезал с темени предводителя Алых в полнолуние. Какой двойной триумф!

Меж тем полная луна вовсе не озаряла кровать Сикстена, стоявшую у самой стены, там, где было аб-

сolutno темно. Но Андерс держал ножницы в одной руке, а другой осторожно нащупывал клок волос.

Голова беззащитного предводителя Алых! Вот она, покоится на подушке!

Андерс нежно, но вместе с тем крепко обхватил рукой рыжий вихор Сикстена у корня волос и... оттяпал его. Тогда ночную тишину прорезал громкий крик. Но не ломающийся крик подростка, а резкий, пронзительный, женский! Андерс почувствовал, как кровь стынет у него в жилах. Его охватило чувство незнакомого ему дотоле ужаса, и он беспомощно бросился к двери... Кинувшись на перила, он съехал вниз, затем рванул кухонную дверь, два сильных прыжка, и он уже выскакивает из окна, да так быстро, словно целая свора злых духов гонится за ним по пятам. Он не останавливался, пока не добежал до речного моста. Тут он вынужден был немного перевести дух. Клок волос был по-прежнему зажат у него в кулаке — он так и не осмелился выбросить его.

Он стоял там, залитый лунным светом и тяжело дыша; безумными глазами смотрел он на то отвратительное, что держал в руках. Эта белокурая прядь волос, вне сомнения, принадлежала какой-то из тетушек Сикстена. Значит, утренним поездом уехала лишь одна из них. Это никому даже в голову прийти не могло. Не он ли сам, Андерс, говорил, что это опасно для жизни — забираться в дом, где в каждом углу торчит молоденькая тетушка. Какой позор, какой неслыханный позор! Охотиться за скальпом рыжего предводителя Алых, а вернуться домой с прядью волос молоденькой белокурой тетки! Стоя у моста, Андерс неслыханно страдал. В такую ужасную историю он попал впервые. И не собирался рассказывать о ней ни единой живой душе. До конца жизни это останется самой страшной его тайной, которую он унесет с собой в могилу!

Но от волос он хотел избавиться как можно скорее. Подняв руку над перилами моста, он тут же опустил

ее. И темная вода молча приняла его дар. Она лишь совсем тихонько бурлила под аркой моста — точь-в-точь так, как делала это всегда.

На почтмейстерской же вилле царил великий переверх. Почтмейстер с женой в страхе прибежали к тетушке Аде, и даже Сикстен примчался из каморки на чердаке, куда перебрался на время визита теток.

Почтмейстеру очень хотелось узнать, отчего так дико кричала посреди ночи тетя Ада. Оттого, что в дом проник вор-взломщик, — утверждала она. Почтмейстер зажег свет во всем доме, и они обыскали каждый уголок, но нигде никакого взломщика не оказалось. И столовое серебро было на месте — ни одна вещь не пропала. Ах да, где Беппо? Ну, он, вероятно, ушел ненадолго, по своему обыкновению, в сад. Неужели тетя Ада не понимает: если бы это в самом деле был вор-взломщик, то Беппо уж, верно, залаял бы и поднял шум. Ей приснился дурной сон, вот и все! И они стали утешать ее и говорить, чтобы она ложилась и спала спокойно.

Однако, оставшись одна, тетя Ада все равно не могла заснуть — так сильно была она взволнована. Как они смеют говорить, что у нее в комнате никого не было! Она зажгла сигарету, чтобы успокоиться, и взяла зеркальце, чтобы посмотреть, не оставил ли перенесенный страх каких-либо следов на ее красивом лице.

И тут она увидела... Ночной визит оставил след на ее прическе: большой клок волос был отрезан, и, откуда ни возьмись, появилась коротенькая, пикантная получелка.

Она ошарашенно смотрела на свое отражение в зеркале, но мало-помалу лицо ее озарилось светлой улыбкой. Кто-то, кто бы он ни был, оказался достаточно дурашливым и проник в дом посреди ночи только для того, чтобы раздобыть ее локон.

Мужчины и раньше совершили безумства ради тетушки Ады, к этому она уже привыкла, но сегодняшняя выходка показалась ей самой идиотской. Некоторое время она ломала голову над тем, кто бы мог быть этим незнакомым воздыхателем, но так и не решила эту загадку. Кто бы он ни был, тетушка решила простить его. И она даже не выдаст его. Пусть думают, что все это ей приснилось.

Вздохнув, тетушка Ада снова забралась в постель. Утром она зайдет к парикмахеру, чтобы немного подровнять эту получелку.

12

Наступил новый день, и уже с самого утра Калле и Ева Лотта бродили в саду пекаря, нетерпеливо ожидая, когда появится Андерс и доложит им оочной вылазке. Но часы шли, а об Андерсе — ни слуху ни духу.

— Чуднó, — удивился Калле. — Не может быть, чтобы его снова взяли в плен.

Они только собирались пойти поискать его, как он внезапно явился сам. Он не мчался, как обычно, а еле плелся, и лицо его было каким-то необычайно бледным.

— Чего у тебя такой несчастный вид? — спросила Ева Лотта. — Ты что, «жертва жары», как обычно пишут в газетах?

— Я — жертва отварной трески, — ответил Андерс. — Я уж не знаю, сколько раз говорил маме, что терпеть не могу треску. И вот пожалуйста, доказательства налицо.

— Каким образом? — спросил Калле.

— Меня рвало всю ночь, я только и делал, что вставал и ложился.

— Ну а Великий Мумрик? — спросил Калле. — Он, как видно, по-прежнему лежит в комоде?

— С этим я как раз справился. Мальчишка! — ответил Андерс. — Все, что нужно, я делаю, какая бы чума ни свирепствовала в моем теле! Великий Мумрик лежит в глобусе Сикстена!

Глаза Калле и Евы Лотты засверкали от восторга.

— Шикарно! — заявил Калле. — Расскажи, как все было! Сикстен не проснулся?

— Спокойно, сейчас услышите, — сказал Андерс.

Втроем уселись они на доски мостков, проложенных Евой Лоттой. Здесь, внизу у реки, было прохладно, и заросли ольхи отбрасывали приятную тень. Дети болтали ногами в теплой воде. Андерс сказал, что это оказывает благотворное влияние на треску в его желудке.

— Если подумать, то, может, виновата не только треска, — сказал он. — Может, и нервы тоже. Потому что нынче ночью я был в доме ужасов.

— Расскажи все с самого начала, — потребовала Ева Лотта.

Андерс так и сделал. Он драматично расписал свою встречу с Беппо и как он заставил его замолчать. Калле и Ева Лотта и содрогались, и радовались вперемешку, они были просто идеальными слушателями, и Андерс наслаждался своим собственным рассказом.

— Понимаете, не дай я Беппо шоколад, я бы пропал, — заявил он.

Затем он красочно расписал еще более страшную встречу с почтмейстером.

— А ты не мог бы заткнуть и ему рот кусочком шоколада? — спросил Калле.

— Не-а, я все отдал Беппо, — объяснил Андерс.

— А что было потом? — спросила Ева Лотта.

Андерс стал рассказывать. Он рассказал все: и о двери Сикстена, которая не скрипела, и о тетушке Сикстена, которая не то что скрипела, а еще хуже... И о том, как кровь застыла в его жилах, когда она заорала, и как он должен был сломя голову выбежать ночью из

дома. Единственное, о чем он не упомянул, была теткина прядь волос, которую он утопил в озере.

Калле и Ева Лотта ловили каждое его слово еще более увлеченно, чем какую-либо приключенческую повесть. И не уставали выслушивать все новые и новые детали.

— Класс! — сказала Ева Лотта, когда он наконец закончил свой рассказ.

— Да, ничего удивительного, если меня раньше времени начинает подводить здоровье, — заметил Андерс. — Но главное — Великий Мумрик там, где он должен находиться.

Калле буйно забил ногами по воде.

— Да, Великий Мумрик в глобусе Сикстена, — сказал он. — Можете вы придумать что-нибудь похлеще этого?

Нет, ни Андерс, ни Ева Лотта ничего подобного придумать не могли. А когда они увидели, что Сикстен, Бенка и Юнте бредут вдоль кромки реки, их восторгу не было предела.

— Ну и ну, какие прекрасные Белые Розы сидят на этом насесте, — сказал Сикстен, когда Алые подошли к настилу из досок.

Бенка предусмотрительно попытался опрокинуть Белых Роз в воду, однако Сикстен остановил его. Алые пришли не для того, чтобы драться, а для того, чтобы пожаловаться.

Согласно законам и правилам войны Роз, тот, у кого в данный момент находился Великий Мумрик, обязан был дать по крайней мере легкий намек, где найти эту реликвию. Но сделали ли это на сей раз Белые Розы? Нет! Разумеется, их предводитель, когда его слегка пощекотали, кое-что выдавил сквозь зубы об узенькой тропке за Господской усадьбой. На всякий случай Алые весь вчерашний день еще раз обыскали там всю окрестность. Но теперь они были уверены, что Белые Розы поместили Великого Мумрика в новое место, и

они дружески, но решительно потребовали, чтобы им предоставили надежную путеводную нить.

Андерс влез в воду. Она доходила ему только до колен. Он стоял в воде, широко расставив ноги, уперев руки в бока, и его темные глаза весело блестели.

— Да, — сказал он. — Вы получите путеводную нить! Ищите в недрах земли!

— Спасибо! Очень любезно с твоей стороны, —sarкастически усмехнулся Сикстен. — Нам начать искать здесь или в северном Хэльсингланде?

— В самом деле, какая надежная путеводная нить! — заметил Юнте. — Посмотрим, найдут ли наши внуки Великого Мумрика до того, как сойдут в могилу?

— Да, но тогда у них все руки будут в мозолях, — подхватил Бенка.

— Призовите на помощь весь свой разум, Алые ничтожества, если у вас есть хоть какой-то, — посоветовал Андерс.

И театрально добавил:

— Если предводитель Алых пойдет к себе домой и поищет в недрах земли, то все обнаружится.

Калле и Ева Лотта с видом превосходства брызгали ногами в воде и весело фыркали.

— Правильно! Ищите в недрах земли, — с таинственным видом советовали они.

— Блохастые пудели! — обозвал их Сикстен.

Затем Алые отправились домой и занялись обширными земляными работами в саду почтмейстера. Все послеобеденное время они рыли землю в разных местах, которые казались им хоть чуть-чуть подозрительными и могли скрывать Великого Мумрика. Но в конце концов появился почтмейстер и удивленно спросил, неужели так уж необходимо уничтожать именно его лужайки. И не сочтут ли они возможным доставить ему удовольствие, обыскав какой-либо другой сад.

— А вообще-то, Сикстен, тебе не мешало бы найти Беппо, — сказал он под конец.

— Разве Беппо еще не вернулся? — обесценно спросил Сикстен и выпустил лопату из рук. — Где же он может быть?

— Именно это я и хотел, чтобы ты выяснил, — сказал его отец.

Сикстен рванулся на поиски.

— Пошли со мной! — скомандовал он Бенке и Юнте.

Ясно, что Бенка и Юнте пошли с ним. Однако нашлось еще немало желающих помочь найти Беппо. Андерс, Калле и Ева Лотта, которые уже целый час лежали, спрятавшись за кустами, и восторгались упорством Альх, рывших землю, вылезли из своего убежища и предложили помочь. В час нужды вражда исчезала.

В глубочайшем согласии все боевые силы двинулись в поход.

— Он никогда никуда не уходил, — огорченно поведал Сикстен. — По крайней мере, никогда не уходил больше чем на несколько часов.

— Но в этот раз он исчез вчера вечером, после одиннадцати...

— Не-а, примерно после двенадцати, — поправил его Андерс, — потому что...

Он внезапно смолк и страшно покраснел.

— Ну да, пусть будет после двенадцати, — бездумно сказал Сикстен.

Но тут же подозрительно взглянул на Андерса:

— А откуда тебе это, вообще-то говоря, известно?

— Я же ясновидящий, ты знаешь, — поспешил ответил Андерс.

Он надеялся, что Сикстен не будет особенно вдаваться в этот вопрос. Ведь не мог же он рассказать о том, что видел Беппо на кухне около двенадцати ночи, когда проник в дом вместе с Великим Мумриком, и что пес исчез примерно через час, когда он высакивал из окна.

— Вот как, везет же, что у нас мало-помалу появился ясновидящий, — заметил Сикстен. — Будь добр, всмотрись хорошенъко, не скажешь ли ты, где сейчас Беппо?

Но Андерс сказал, что он ясновидящий только тогда, когда речь идет о времени, а не о местопребывании.

— Ну тогда скажи хотя бы, в котором часу мы отыщем Беппо, — заинтересовался Сикстен.

— Мы найдем его примерно через час, — уверенно заявил Андерс.

Но тут ясновидящий ошибся. Правильно предсказать оказалось не так-то легко.

Они искали повсюду. Они рыскали по всему городу. Они болтались в тех местах, где обретаются собаки, с которыми имел обыкновение общаться Беппо. Они расспрашивали о нем всех встречных. Но никто не видел Беппо. Пес исчез.

Сикстен совсем сник. Он шел и тихонько плакал про себя от беспокойства, но старался ни под каким видом этого не показывать. Обращало на себя внимание лишь то, что он достаточно часто сморкался.

— Наверное, с ним что-то случилось, — время от времени повторял он. — Он никогда не пропадал так надолго.

Ребята пытались утешить его.

— Не-а, ничего с ним не случилось, — говорили они.

Но и они были далеко не так уверены в этом, как пытались показать.

Они долго шли молча.

— Это был такой славный пес, — в конце концов хриплым голосом произнес Сикстен. — Он понимал все, что ему говорили.

Затем ему пришлось снова высыпать.

— Перестань, не говори так, будто ты думаешь, что его нет в живых.

Сикстен не ответил ни слова, он только слегка шмыгнул носом.

— У него были такие преданные глаза, — сказал Калле. — Я имею в виду, что у него *вообще* преданные глаза, — поспешил поправиться он.

Затем еще долгое время стояла тишина. Когда она стала совсем гнетущей, Юнте сказал:

— Да, собаки — славные животные.

Искать Беппо было бессмысленно, и они возвращались домой. Сикстен шел на полметра впереди других ребят и гнал перед собой какой-то камень. А они прекрасно понимали, как он опечален.

— Подумай, Сикстен, а вдруг, пока мы ходили и так долго искали его, Беппо вернулся домой, — с надеждой сказала Ева Лотта.

Сикстен остановился посреди улицы.

— Если это так, если Беппо вернулся домой, я стану гораздо лучшим человеком, чем сейчас. О, каким хорошим я стану! Каждый день буду мыть уши и...

В нем вновь пробудилась надежда, и он пустился бежать. Остальные последовали за ним, и все вместе, подходя к почтмейстерской вилле, они горячо желали увидеть, как Беппо стоит у калитки и лает...

Но никакого Беппо там не было. Великодушное обещание Сикстена каждый день мыть уши не оказалось ни малейшего воздействия на силы, управляющие жизнью и неисповедимыми путями собак. И голосом, в котором уже исчезла надежда, Сикстен крикнул маме, сидевшей на веранде:

— Беппо вернулся?

Она отрицательно покачала головой.

Сикстен не произнес ни слова, а лишь отошел прочь и уселся на лужайке. Остальные ребята, чуть поколебавшись, последовали его примеру. Они совершенно молча стайкой окружили его, потому что не было таких слов, которые могли бы его утешить. Хотя они усердно пытались найти эти слова.

— Он жил у меня с тех пор, как был маленьким щенком, — глухим голосом объяснил им Сикстен.

Ведь ребята должны понять, что если пес жил у тебя с тех пор, как был маленьким щенком, то, когда он исчезает, ты имеешь право на красные от слез глаза.

— И знаете, что он сделал однажды, — продолжал Сикстен, словно сознательно мучая себя. — Это случилось, когда я вернулся из больницы после операции аппендицита. Беппо встретил меня возле калитки и так радовался, что толкал меня со всех сторон и швы разошлись...

Все были тронуты таким рассказом. Может ли быть большее доказательство преданности пса своему хозяину? Ведь он так толкал его, что швы разошлись!

— Да, собаки — славные животные, — еще раз подтвердил свои слова Юнте.

— В особенности Беппо, — сказал Сикстен и высморкался.

Никогда потом Калле не мог понять, что на него нашло, что заставило его пойти заглянуть в дровяной сарай почтмейстера. Он и сам думал, что это получилось по-дурацки, потому что, если бы Беппо угораздило очутиться взаперти, он лаял бы до тех пор, пока кто-нибудь не пришел и не открыл ему дверь.

И все-таки, несмотря на то что никакой разумной причины заглядывать в сарай не было, Калле это сделал. Он широко распахнул дверь — так, что свет проник в сарай. И там, в дальнем углу, лежал Беппо. Он лежал совсем тихо, и в какой-то момент крайнего отчаяния Калле уверился в том, что пес мертв. Но когда Калле подошел ближе, пес, с трудом приподняв голову, тихонько заскулил. Тогда Калле выскочил из сарая и закричал во всю силу легких:

— Сикстен! Сикстен! Он здесь! Он лежит в сарае!

— Мой Беппо! Мой бедный маленький Беппо! — дрожащим голосом говорил Сикстен.

Он стоял на коленях рядом с песиком, и Беппо смотрел на него, словно желая спросить, почему хозяин не пришел к нему раньше. Ведь он лежал тут так бесконечно долго и был так болен, что не в силах был даже лаять. О, как он был болен! Он пытался обо всем рассказать хозяину, и рассказ его был неописуемо жалобным.

— Послушайте, ведь он плачет, — сказала Ева Лотта и сама заплакала.

Да, Беппо был болен, ошибиться в этом было невозможно. Он лежал в целом море рвоты и экскрементов — такой слабый, что не мог шевельнуться. Он только тихонько лизал руку Сикстена. Он словно благодарили за то, что его не оставили одного в беде.

— Я должен бежать за ветеринаром, и немедленно, — заявил Сикстен.

Но когда он поднялся, Беппо затяжал — отчаянно и вместе с тем боязливо.

— Он боится, что ты уйдешь от него, — сказал Калле. — Я сбегаю вместо тебя.

— Скажи ему, чтобы шел поскорее, — попросил Сикстен. — И скажи, что речь идет о собаке, которая отравилась крысиным ядом.

— Откуда ты знаешь? — спросил Бенка.

— Знаю, — ответил Сикстен. — Я это вижу. Это все та самая дьявольская бойня, которая разбрасывает повсюду морской лук, чтобы уничтожить всех крыс. Беппо обычно бегает туда, чтобы подцепить иногда косточку.

— А Беппо может... а может собака умереть от крысиного яда? — спросил Андерс.

Глаза его были широко открыты от ужаса.

— Заткнись! — зло воскликнул Сикстен. — Только не Беппо! Беппо не умрет! Он жил у меня с тех пор, как был маленьким щенком. О Беппо, зачем ты бегал на бойню и нюхал крысиный яд?

Беппо преданно лизнул руку, но не ответил.

13

Ночью Калле спал беспокойно. Ему снилось, что он снова рыщет по городу в поисках Беппо. Он бродил в одиночестве по мрачным пустынным дорогам, расстилавшимся перед ним в жуткой бесконечности и пугаю-

щей темноте далеко-далеко вдали. Он ждал, что встретит кого-нибудь, у кого можно будет спросить о Беппо, но никто не появлялся. Весь мир был безлюден, мрачен и совершенно пустынен. И внезапно оказалось, что ищет он вовсе не Беппо, а нечто совсем иное, нечто гораздо более важное, но что — он так и не мог вспомнить. Он чувствовал, что *необходимо* воскресить это в памяти, казалось, от этого зависит вся его жизнь. Оно было где-то в темноте, перед ним, но найти его он не мог. И он так мучился во сне, что проснулся.

Слава Богу, это был только сон! Он посмотрел на часы. Было не больше пяти утра. Тогда лучше заснуть снова. Зарывшись головой в подушку, он попытался это сделать. Но странно, увиденный сон не желал покидать его. Даже бодрствуя, он чувствовал необходимость что-то вспомнить. Где-то в глубине его мозга притаилось нечто ждавшее своего часа, чтобы выйти наружу. В каком-то маленьком-премаленьком уголке, в самой глубине его мозга было известно то, что ему необходимо вспомнить. Задумчиво шлепнув себя по лбу, он гневно пробормотал:

— Ну, давай выкладывай, что там такое!

Но ничего так и не всплыло в его памяти, и Калле устал. Ему хотелось спать.

И вот мало-помалу он почувствовал, как подкрадывается к нему приятная дурманящая сонливость, означавшая, что он вот-вот уснет.

Но тут, как раз когда он уже наполовину заснул, крошечный уголок его мозга выпустил наконец то, что бесконечно перемалывал в своей глубине. И это было всего лишь одно-единственное предложение. А произнесли его голосом Андерса:

— *Не дай я Беппо шоколад, я бы пропал!*

Калле усился на кровати. Внезапно он совершенно проснулся.

— Не дай я Беппо шоколад, я бы пропал! — тихонько повторил он.

Что удивительного было в этой фразе? Почему так необходимо было ее вспомнить?

Да потому... потому что... существовала ужасающая возможность...

Зайдя так далеко в своих мыслях, он лег и тщательно натянул одеяло на голову.

— Калле Блумквист, — сказал он, как бы предупреждая самого себя, — не начинай все сначала! Не возникай еще раз со своими детективными причудами! Поглаю, мы пришли к согласию в том, что... с такого рода глупостями мы уже распрашались!

А теперь он уснет! Он *должен* уснуть!

— Я — жертва отварной трески!

Он снова услышал голос Андерса. Черт побери, почему его не оставят в покое? Почему появляется Андерс и долдонит, долдонит? Что он, не может лежать дома и развлекать самого себя, если он так отчаянно болтлив?

Но теперь уже ничем не поможешь. Эти ужасные мысли прорвались наружу. И их невозможно удержать.

Подумать только, а что, если Андерса рвало не из-за рыбы?! Отварная треска — невкусно, в этом Калле был согласен с Андерсом, но разве от нее может рвать всю ночь? И подумать только: а что, если Беппо отравился не морским луком? Подумать только, а что, если это был... подумать только, если это был... отравленный шоколад!

Калле снова попытался остановить самого себя.

— Заметно, что суперсыщик начитался газет, — иронизировал он. — И мне кажется, именно о преступлениях последних лет! Но если раньше случалось, что кого-то уничтожали с помощью отравленного шоколада, то это не значит, что каждая чертовская плитка шоколада битком набита мышьяком.

Некоторое время он тихо лежал и думал. И мысли его внушали ему страх.

«Но ведь не только я читал газеты и изучал разные преступные версии, — думал он. — Это мог сделать кто-то еще. Например, некто в зеленых габардиновых брюках. Тот, кто боится. Он тоже мог прочитать статью о Еве Лотте, где говорится о том, как много шоколада и карамелек она получила по почте. Ту самую статью, где написано, что, быть может, Ева Лотта Лисандер станет тем орудием, которое приведет наглого убийцу, или как там его, к заслуженной каре. О ты, великий Навуходоносор, подумать только, если бы это было так!»

Калле выскочил из кровати. Ведь вторая половина плитки шоколада досталась ему! Он совершенно забыл о ней. Где же она?

Конечно, она по-прежнему лежала в кармане брюк. Тех самых, в которых он был в тот день. Он не надевал их с тех пор. Какая удача, какая сказочная удача, если все в самом деле так, как он подозревал.

Но когда лежишь в кровати и бодрствуешь в предрассветные часы, можно внушить себе все что угодно. Самое невероятное становится вероятным.

Калле поднялся на ноги и стоял в одной пижаме в гардеробной, и, когда солнце проникло сквозь оконшко, он снова подумал, что смешон.

Разумеется, все это он внушил себе — точь-в-точь как всегда.

— Хотя, во всяком случае, — сказал он, — маленькое рутинное исследование никогда не помешает!

Его воображаемый собеседник, который столько времени держался в тени, явно ждал этого решающего слова. Он поспешил подбежать, чтобы увидеть, чем занимается сейчас великий сыщик.

— Что вы собираетесь делать, господин Блумкинст? — затаив дыхание спросил он.

— Как я уже говорил — маленькое исследование.

Ничего не поделаешь! Калле снова внезапно стал суперсыщиком. Ведь он так давно им не был, да и желал-

ние быть им у него пропало. Когда дело действительно приобретало серьезный характер, быть сыщиком ему не хотелось. Но ведь именно сейчас он сам довольно сильно заколебался: есть ли какие-либо основания у его подозрений, если он, Калле, в беспомощности своей не устоял перед искушением вернуться к старому.

Вытащив из кармана брюк полплитки шоколада, он показал ее воображаемому собеседнику:

— По известным причинам подозреваю, что она отправлена мышьяком.

Воображаемый собеседник в ужасе съежился.

— Вам известно, что такое случалось и раньше, — безжалостно продолжал суперсыщик. — И есть нечто, квалифицируемое как имитация преступления. Это весьма обычное явление, когда преступник заимствует идею из какого-нибудь более раннего криминального случая.

— Но как можно узнать, в самом ли деле там содержится мышьяк? — спросил воображаемый собеседник, беспомощно и растерянно глядя на плитку шоколада.

— Делают небольшую пробу, — спокойно объяснил великий сынщик. — Пробу на мышьяк. Вот это я и собираюсь сейчас сделать.

Его воображаемый собеседник восхищенным взглядом осмотрел гардеробную.

— Знатная у вас лаборатория, господин Блумквист, — сказал он. — Насколько я понимаю, вы, господин Блумквист, искусный химик?

— М-да, искусный... Я посвятил большую часть моей долгой жизни изучению химии, — признался великий сынщик. — Понимаете, мой юный друг, химия и техника криминального дела должны шагать рука об руку!

Если бы его несчастные родители присутствовали при этом разговоре, они могли бы подтвердить, что значительная часть долгой жизни суперсыщика действительно была посвящена химическим опытам в этой самой гардеробной. Хотя они, по всей вероятности, выразились бы несколько иначе. Они, верно, полагали,

что будет ближе к истине, если удостоверят: Калле бес- счетное количество раз пытался взорвать самого себя и весь дом, чтобы удовлетворить свою любознательность исследователя, не всегда соответствовавшую его реальным познаниям.

Но у воображаемого собеседника не было и малой доли скептицизма, отличающего обычно родителей. Он с большим интересом наблюдал за тем, как суперсыщик снял с полки целый ряд каких-то приборов, спиртовку и различные пробирки и жестянки.

— А как делают пробу, о которой говорил господин Блумквист? — любознательно спросил он.

Великому сыщику большего и не требовалось, он с удовольствием стал поучать его.

— Что нам требуется прежде всего, это увлажняющий газовый аппарат, — в назидательном тоне сказал он. — Он у меня есть. Это — просто жестяная коробка, и в ней я растворяю в серной кислоте несколько кусочков цинка. Понимаете, при этом образуется сульфат. И если мы введем туда, безразлично в какой форме, мышьяк, образуется газ, который именуется мышьяковистый водород AsH_3 . Мы вводим газ через эту вот стеклянную трубочку, пропускаем его дальше и высушиваем в трубочке с обезвоженным хлоридом кальция, а затем пропускаем через эту еще более узкую трубочку. На спиртовке мы подогреваем газ. И тогда, понятно, газ разделяется на водород и свободно выделившийся мышьяк. Мышьяк оседает на стенках стеклянной пробирки в виде зеркального серо-черного налета — так называемого конденсата — мышьякового зеркала, о котором, надеюсь, вы слышали, мой юный друг?

Его юный друг вообще ни о чем не слышал, но с напряженным вниманием следил за всеми приготовлениями великого сыщика.

— Вспомните, — сказал суперсыщик, когда под конец зажег спиртовку, — что я ни в коем случае не утверждал, будто в шоколаде действительно содержится мышьяк.

Я делаю лишь обычное рутинное исследование и искренне надеюсь, что все мои подозрения беспочвенны.

Затем в залитой солнцем гардеробной воцарилась тишина. Великий сыщик был так занят своим опытом, что совсем позабыл про юного друга. Пробирка нагрелась. Кусочек шоколада Калле превратил в порошок и с помощью стеклянной трубочки ввел его в увлажняющий газовый аппарат.

Они ждали затаив дыхание.

— Боже, вот оно! Конденсат на стенках пробирки!

Ужасное доказательство того, что он был прав! Калле смотрел на пробирку, словно не веря глазам своим. В глубине души он все время сомневался. Теперь сомнений быть не могло. Это означало... нечто ужасное.

Весь дрожа, погасил он спиртовку. Его воображаемый собеседник скрылся. Он исчез в тот самый миг, когда суперсыщик превратился в маленького испуганного Калле.

Андерс проснулся через час — оттого что под его окном прозвучал сигнал Белой Розы. Он просунул свою сонную физиономию среди гераней и фикусов, чтобы посмотреть, кто это. У сапожной мастерской стоял Калле и кивал ему.

— Пожар, что ли? — спросил Андерс. — Зачем ты будишь людей ни свет ни заря?

— Не болтай, а спускайся вниз, — сказал Калле.

И когда Андерс наконец явился к нему, Калле, впивив в него взгляд своих серьезных глаз, спросил:

— Ты сам пробовал шоколад, прежде чем дать его Беппо?

Андерс удивленно уставился на него.

— Ты примчался сюда в семь утра только для того, чтобы спросить меня об этом? — воскликнул он.

— Да, потому что в нем был мышьяк, — спокойно и тихо сказал Калле.

Лицо Андерса сразу как-то сузилось и побледнело.

— Не помню, — прошептал он. — А, да, я вылизал пальцы... я сунул Великого Мумрика прямо в растаяв-

ший шоколад, который был у меня в кармане. Ты абсолютно уверен в...

— Да, — твердо сказал Калле. — А теперь идем в полицию.

Он поспешил рассказать Андерсу о пробе, которую сделал, и ужасной правде, которую разоблачил. Оба мальчики подумали о Еве Лотте, и им стало во много раз страшнее, чем когда-либо прежде в их недолгой жизни. Ева Лотта не должна об этом узнать, пусть и в дальнейшем остается в неведении — к такому мнению пришли они оба.

Андерс подумал о Беппо.

— Это я отравил его, — в отчаянии произнес он. — Если Беппо сдохнет, я никогда не смогу смотреть в глаза Сикстену.

— Беппо не сдохнет. Ты ведь знаешь, что сказал ветеринар, — утешил его Калле. — Ему столько раз промывали желудок и он получил столько лекарств! Сделали все возможное, чтобы спасти его жизнь. И пожалуй, лучше, что шоколад проглотил Беппо, чем его съели бы ты или Ева Лотта.

— Или ты, — добавил Андерс.

Они оба содрогнулись.

— Одно, во всяком случае, ясно, — сказал Андерс, когда они направлялись в полицейский участок.

— Что именно? — спросил Калле.

— Этим преступлением должен заняться ты, Калле. А то никакого толка не будет. Я ведь все время твердил это.

14

— Это убийство должно быть расследовано, — заявил комиссар криминальной службы, ударив своим тяжелым кулаком по столу.

Две недели занимался он этим на редкость запущенным делом. Теперь ему предстояло покинуть город.

Сфера деятельности государственной полиции была велика, и его ждали новые расследования других преступлений. Тем не менее здесь, в городе, оставались трое из его людей, и он пригласил их на раннюю утреннюю встречу в полицейском участке с местными полицейскими.

— Насколько я могу видеть, единственным результатом этой двухнедельной работы является лишь то, что ни один человек не осмеливается надеть темно-зеленые габардиновые брюки.

Он недовольно покачал головой. Они работали, и работали упорно. Они проследили все возможные версии. Однако разрешение загадки этого преступленияказалось теперь столь же отдаленным, как и в самом начале. Преступник вынырнул из ниоткуда и исчез так же в никуда. Никто его больше не видел, кроме одного-единственного человека — Евы Лотты Лисандер.

Окрестное население сделало все возможное, чтобы помочь расследованию. Поступило множество заявлений о личностях, которые имели обыкновение ходить в темно-зеленых габардиновых брюках. А кое-кто на всякий случай сообщил и о всех синих и коричневых габардиновых брюках, которые ему были известны. А вчера комиссар получил анонимное письмо, в котором было написано, что у «Портного Андерссона есть мальчишка — олух, и у этого мальчишки есть черные брюки, да, они у него точно есть. Так что остается только засадить его в тюрягу».

— И если они требуют, чтобы людей арестовывали только за то, что у них есть черные брюки, то ничего удивительного нет в том, что все темно-зеленые габардиновые брюки исчезли словно по мановению волшебной палочки, — сказал комиссар и расхохотался.

Еву Лотту несколько раз вызывали для опознания целого ряда личностей, с которыми комиссар счел необходимым познакомиться поближе. Подозреваемых выстраивали в один ряд со множеством других, одетых

примерно так же, особ. И затем Еве Лотте задавали вопрос: нет ли среди них человека, встреченного ею в Прерии. И Ева Лотта неизменно всякий раз отвечала:

— Нет, никого нет!

В полиции ей также давали просматривать множество фотографий, но среди запечатленных на них лиц не было ни одного, которое она узнала бы.

— Да, и все они с виду такие добрые, — говорила она, испытующе глядя на фотографии насилиников и воров.

Каждого обитателя Плутовской горки допросили и сняли показания, касающиеся частной жизни Грена. Полиция была особенно заинтересована в том, чтобы узнать, не заметили ли они чего-либо необычного в понедельник, в вечер перед убийством, когда человек в габардиновых брюках, что было доказано, посетил Грену. Да, почти все заметили нечто колоссально необычное именно в этот вечер. На Плутовской горке был такой шум и переполох, словно по меньшей мере десяток убийц истребляли друг друга. Это было интересно. Но комиссар быстро выяснил, что весь переполох был вызван войной Роз. Многие лица, а среди них также Калле Блумквист, между тем заявили, что слышали, как там затормозил автомобиль и уехал затем в самый критический момент. Было доказано также, что это не был автомобиль доктора Форсберга, которым он воспользовался при посещении Хромого Фредрика в тот же самый вечер.

Дядя Бьёрк шутливо дразнил Калле за то, что он чуть поподробнее не узнал про этот автомобиль.

— Ты же суперсыщик, — сказал он. — Как это ты не сбежал туда и не записал его номер! Что ты, собственно говоря, себе позволяешь?

— За мной ведь гнались трое злых Алых, — пристыженно сказал в свою защиту Калле.

Полицейские интенсивно работали, вступая в контакт с клиентами Грена. Большинство имен удалось вы-

яснить из векселей, найденных в жилище Грена. Оказалось, что это были люди, обитающие в самых разных концах страны.

— Человек с автомобилем — похоже на правду, — сказал комиссар криминальной службы, отряхиваясь, словно злющий терьер. — С таким же успехом он может жить и в ста милях отсюда. Он мог припарковать автомобиль вблизи от Господской усадьбы, а потом прямо прибежать туда и уехать, оказавшись за много миль отсюда прежде, чем мы даже узнали, что случилось.

— Да, лучшего места для встречи, чем в Прерии у Господской усадьбы, не выбрать, — сказал полицейский Бьёрк. — Дороги вокруг совершенно пустынны. Там никто не живет и вообще нет людей, которые увидели бы его и его машину.

— Это, бесспорно, свидетельство того, что убийца хорошо знаком со здешними местами, или нет... — заметил комиссар.

— Возможно, — согласился полицейский Бьёрк. — Разумеется, это могло быть и случайностью, что убийство произошло именно здесь.

После убийства тщательно и настойчиво искали по всем дорогам вокруг усадьбы следы автомобиля. Но, по всей вероятности, сильный дождь оказал недостойную помощь преступнику.

А как искали этот потерянный вексель! Обшарили буквально каждый куст, каждый камень, каждую кочку. Но судьбоносная бумага так и не была найдена.

— Исчезла бесследно, как и сам убийца, — со вздохом произнес комиссар. — Подумать только: этот парень не подает ни малейшего признака жизни!

И как раз в эту минуту в приемной послышались возбужденные мальчишеские голоса. Они явно требовали встречи с комиссаром, так как слышно было, что молодой дежурный полицейский уверял их: комиссар, мол, занят на совещании, ему нельзя мешать.

Мальчишеские голоса становились все более настойчивыми:

— Говорю вам, мы *должны* увидеться с ним!

Полицейский Бьёрк узнал голос Андерса; он поднялся и вышел к ребятам.

— Дядя Бьёрк, — сказал Андерс, как только увидел его, — мы тут по поводу убийства... Калле занялся этим теперь...

— Разумеется, я ничего *специально* не делал, — с досадой запротестовал Калле.

Дядя Бьёрк неодобрительно посмотрел на них:

— По-моему, я уже говорил, что маленьким мальчикам и суперсыщикам здесь делать нечего. Вы можете полностью доверить это дело государственной полиции. Идите-ка домой.

Но тут Андерс рассердился даже на дядю Бьёрка, которого он вообще-то любил высокой и чистой любовью.

— Идти домой! — закричал он. — Идти домой и ждать, пока убийца отправит мышьяком весь город! Да!

Тут Калле пришел к нему на помощь. Вытащив хорошо завернутую половину плитки шоколада, он серьезно сказал:

— Дядя Бьёрк, кто-то послал отравленный шоколад Еве Лотте.

Он умоляюще смотрел на рослого полицейского, который хотел ему помешать. Но дядя Бьёрк не стал больше ему мешать.

— Войдите, — сказал он, подтолкнув мальчиков перед собой в комнату.

Когда Калле и Андерс кончили свой рассказ, в комнате воцарилась тишина. Долго длившаяся тишина. А затем комиссар сказал:

— Неужели это я хотел, чтобы преступник подал хоть какие-нибудь признаки жизни?

Он взвесил шоколад в руке. Нет уж! Ему хотелось вовсе не такого признака жизни.

Затем он испытующе глянул на Андерса и Калле. Разумеется, существовала возможность того, что эти юнцы пошли по ложному следу. Ведь комиссар не знал, насколько можно было положиться на Калле как на химика и можно ли верить его данным о конденсате. Фантазия сыщика, возможно, увела его слишком далеко. Ну ладно, лабораторное химическое исследование ответит на этот вопрос. Несомненно, история с собакой очень своеобразна. Ценно было бы получить анализ и другой половины плитки шоколада, доставшейся Беппо. Но оба мальчика заверили, что вчера вечером помогли тщательно убрать следы болезни собаки. Таким образом все, что могло помочь расследованию, было уничтожено, в довершение всего Ева Лотта выбросила конверт, в котором прислали шоколад. Так утверждали мальчики. «Да, эта малышка прямо-таки швыряется ценностями бумагами, разбрасывая их по всей округе. Но откуда ей вообще было знать, что конверт имеет какое-либо значение? Как бы то ни было, придется его, ясное дело, поискать, но мало вероятно, что его найдут». Он повернулся к Андерсу.

— А ты, случайно, не сохранил хоть крошечный кусочек от твоей половины шоколада? — спросил он.

Андерс покачал головой.

— Нет, Беппо получил все целиком. Я только вылизал то, что было у меня на пальцах.

— Ну а в кармане брюк? Ничего не могло там прилипнуть?

— Брюки мама выстирала еще вчера, — ответил Андерс.

— Жаль, — сказал комиссар.

Помолчав немного, он вновь вперил взгляд в Андерса:

— Есть еще одно, о чем я все время думаю. Ты говорил, что забрался вчера ночью в кухню почтмейстера и что у тебя там было дело. Ты влез в окно, когда все спали. У старого полицейского это вызывает очень

большое беспокойство. Нельзя ли поточнее узнать, что тебе там понадобилось?

— М-да... стало быть... — сказал, поеживаясь, Андерс.

— Ну? — подбодрил его комиссар.

— Стало быть, Великого Мумрика надо...

— Нет-нет, не вздумай говорить, что он и здесь снова замешан, — взмолился комиссар. — Мне кажется, этот Великий Мумрик уже основательно скомпрометирован. Ведь он возникает всякий раз, когда что-нибудь случается.

— Мне нужно было только положить его в глобус Сикстена... — оправдываясь, сообщил Андерс.

— Великий Мумрик! — звывил Калле, прервав соратника по оружию. — Может, на нем сохранились остатки шоколада? Андерс сунул его прямо в липучку из растаявшего шоколада у себя в кармане.

На лице комиссара расплылась широкая улыбка.

— Мне кажется, настало время господину Великому Мумрику поступить в распоряжение полиции, — заявил он.

И таким образом, Великому Мумрику пришлось еще раз проследовать под эскортом полиции. Дядя Бьёрк быстро прошагал на почтмейстерскую виллу, а в его фарватере следовали Калле и Андерс.

— Ну и избалуется же теперь Великий Мумрик, — заметил Калле. — В следующий раз он потребует конный эскорт и спереди, и сзади, когда ему опять придется перемещаться с одного места на другое.

Несмотря на ужасный повод, который привел к тому, что пришлось изъять Великого Мумрика, и несмотря на тревогу, которую это должно было пробудить в их юных душах, ребята все же не могли не смотреть на эту акцию, хоть в некоторой степени, с точки зрения Белой Розы. Теперь Алым станет известно не только то, что Андерс, сам того не ведая, отравил Беппо, но и тайна пребывания Великого Мумрика в глобусе. Ведь

им все равно пришлось бы рассказать эту историю Сикстену, а он тут же наложил бы лапу на сокровище. Но теперь явился полицейский и взял Великого Мумрика под свое покровительство. И хотя оба они были сильно опечалены из-за Евы Лотты и Беппо, все же Андерс и Калле не могли не думать, что это было удачное разрешение проблемы.

— Вообще-то Великий Мумрик спас кое-кому жизнь, — сказал Калле. — Если бы ты, Андерс, не положил его в глобус, Беппо никогда не угостили бы шоколадом. А если бы Беппо не угостили шоколадом, то наверняка случилось бы кое-что похуже. Я не уверен, что все переносят мышьяк так же легко, как Беппо.

Дядя Бьёрк и Андерс согласились с ним.

— Великий Мумрик — особа, достойная всяческого уважения, — сказал дядя Бьёрк, открывая калитку почтмейстера.

Беппо лежал в корзине на веранде, по-прежнему слабый, но бесспорно живой. Сикстен сидел рядом и смотрел на него взглядом, полным любви и обожания. Ведь этот песик жил у него с тех самых пор, когда был маленьkim щенком, и Сикстен думал, что так будет продолжаться долго-долго.

Услыхав, что калитка отворяется, Сикстен поднял голову, и глаза его стали круглыми от удивления.

— Здравствуй, Сикстен, — сказал дядя Бьёрк. — Я пришел за Великим Мумриком.

15

Скоро ли забываеться убийство? Ах, о нем помнят не очень долго. Люди болтают некоторое время, болтают, гадают и волнуются, содрогаются от ужаса и злятся, что полиция ничего не делает. И вдруг это перестает всех интересовать. Люди начинают болтать о чем-то

другом, они содрогаются от ужаса и злятся, но уже совсем по другому поводу.

Быстрее всех забывают, разумеется, самые юные, те, что занимаются войной Алой и Белой Роз, завоеватели Великого Мумрика. Им о стольком надо думать, у них столько разных дел! Кто сказал, что каникулы тянутся долго? Неправда, совершеннейшая неправда! Летние каникулы так прискорбно, так немилосердно, просто до слез коротки! Золотые деньки бегут один за другим. И надо использовать каждую секунду. Нельзя, чтобы мысль о мрачном злодеянии омрачала последнюю, пылающую солнцем неделю летних каникул!

Их матери, однако, забывают не так быстро. Некоторое время они держат дома своих маленьких белокурых дочерей, они боятся выпустить их из виду. Беспокойно выглядывают они из окна, если вдруг не слышат поблизости, как галдят их сыновья. Время от времени они выбегают из дома, желая убедиться, что ничего дурного не приключилось с их любимыми детьми. И еще долго-долго боязливо просматривают они содержимое почтовых ящиков, чтобы увидеть, не скрывается ли там какая-нибудь новая опасность. Но в конце концов и они *не в силах* больше тревожиться. Однако им приходится думать о многом другом. И тогда их сыновья и дочери, ужасно тяготившиеся беспокойством мамаш, облегченно вздыхают и возвращаются к своим прежним полям битв и местам игр, которые некоторое время были ими заброшены.

Полицейские, однако, ничего не забывают, хотя, быть может, внешне это выглядит и не так. Они продолжают по-прежнему работать в тиши, несмотря на все трудности, несмотря на то что все версии приходится отбрасывать как непригодные, несмотря на то что многие важные бумаги вдруг исчезают и найти их невозможно... Несмотря на то что порой кажется: продолжать работу просто бессмысленно. Полицейские продолжают работать — они не забывают ничего.

И есть еще некто... и он тоже никогда не забывает. Это убийца. Он помнит, что он сделал. Он помнит, когда вечером ложится спать, и когда утром встает, и в долгие дневные часы. Он вспоминает об этом каждую минуту днем и ночью, и память об этом преследует убийцу во время беспокойного сна.

И он боится. Он боится, когда вечером ложится спать, и когда утром встает, и в долгие дневные часы. Он боится каждую минуту и днем и ночью, и ужас отравляет его сон.

Он знает: есть человек, видевший его лицо всего лишь миг, когда ему не следовало видеть его; и этого человека он боится. Он пытается, насколько это возможно, изменить свою внешность, он сбирает усы и коротко подстригает волосы, чтобы они стояли ежиком. Никогда больше не носит он свои зеленые габардиновые брюки, которые висят теперь в глубине его шкафа и от которых он не может избавиться, чтобы никто этому не удивился. Однако он все равно боится. А еще он боится, что кто-нибудь найдет тот самый вексель, что он потерял. Вексель, где стоит его имя. Каждый день он читает газеты, страшась прочесть, что теперь наконец-то бумага найдена и что теперь наконец-то убийца будет схвачен. Он так боится, что снова и снова устремляется на место преступления и ищет вексель в зарослях, хотя знает: это бесполезно. Но он должен снова и снова убеждать себя в том, что эта опасная бумажка не затерялась среди жухлой прошлогодней травы или за каким-нибудь валуном. И поэтому он садится в свою машину и с бешеною скоростью проезжает те шесть миль, которые отделяют его от хорошо известного ему места на окраине Прерии. Ибо что толку убрать человека с дороги ради того, чтобы избежать вечно повторяющихся денежных затруднений, если одна-единственная бумажка может все уничтожить? Он все поставил на карту и должен доиграть эту игру до конца. Если его разоблачат — все кончено! И тогда

собственное злодеяние, которое его ослепленным глазам виделось неизбежным, окажется самым глупым и наиболее безмозглым из всего, что он когда-либо совершил.

И ни разу не думает он о том, что убитый им человек ушел навсегда. Что из-за него старый человек никогда больше не увидит, как лето сменяется осенью. Он думает только о себе. Он думает спастись любой ценой. Но он боится. А человек всегда опасней, когда боится.

Великий Мумрик еще не вернулся из Стокгольма, где проходил судебно-химическую экспертизу. Но полиция уже получила извещение: на мельчайших частичках шоколада, застрявших на Великом Мумрике, в самом деле были обнаружены следы мышьяка. А половина плитки шоколада, оставшаяся у Калле, содержала столько яда, что могла запросто лишить жизни человека. Если бы Ева Лотта съела всю плитку, на что, вероятно, надеялся отравитель, у нее было бы очень мало шансов выжить.

Ева Лотта знала о покушении на ее жизнь. Невозможно было удержать ее в неведенье о деле, которому была посвящена каждая газета. Кроме того, комиссар криминальной службы счел своей обязанностью предупредить девочку. Разумеется, лавина подарков и лакомств после настойчивых призывов прессы полностью прекратилась, но Еве Лотте все равно необходимо было осторегаться. Для отчаявшегося человека, быть может, существовали другие возможности ей навредить. И хотя комиссар считался с тем, что бедная девочка снова может впасть в шоковое состояние, когда узнает жестокую правду, он все же отправился в дом пекаря, чтобы серьезно побеседовать с ней.

Но он ошибся. Ева Лотта не впала в шоковое состояние. Она разозлилась, разозлилась так, что только искры полетели!

— Ведь Беппо мог умереть! — кричала она. — Подумать только, чуть не убить бедного невинного пса, который никому не сделал зла!

В глазах Евы Лотты подобное преступление затмевало все остальные.

Но ее природная беззаботность помогла ей забыть все дурное. Через несколько дней к Еве Лотте снова вернулась ее жизнерадостность. Она больше не вспоминала, что на свете есть скверные люди, она знала только, что сейчас летние каникулы и жизнь неописуемо прекрасна.

Да, до конца каникул оставалась одна несчастная неделя. И все до единого рыцари Алой и Белой Роз считали, что оставшееся им короткое время нужно употребить на что-нибудь более интересное, чем печальные раздумья о том, что произошло и чего изменить нельзя.

Беппо уже совершенно выздоровел. И Сикстена, который до этого сидел как приклеенный рядом с ним, охватила новая жажда деятельности. Он снова созвал войска под свои знамена. Собравшись в его гараже, они строили козни. Ибо час отмщения пробил. Теперь Белые Розы получат и за Великого Мумрика в глобусе, и за другие злодеяния. То, что Андерса угораздило отправить Беппо, в счет не шло. Это Сикстен простил ему от всего сердца, и Андерс тоже самым трогательным образом принимал участие в лечении Беппо.

Битвы бушевали между Алыми и Белыми Розами еще задолго до времен Великого Мумрика. И даже если Великий Мумрик со всеми приписываемыми ему магическими свойствами был непревзойденным военным трофеем, то все же существовали и другие сокровища, которые можно было похитить у недруга. Например, у Белой Розы была жестяная шкатулка, битком набитая секретными бумагами. Андерс считал, что шкатулку эту без большого риска можно было хранить в ящике комода на чердаке пекарни. Вероятно, это бы-

ло бы возможно в обычных условиях. Но теперь, когда Великий Мумрик отсутствовал по делам службы, Сикстен пришел к выводу, что жестяная шкатулка Белой Розы — невероятная драгоценность, которую следует захватить, пусть даже Алым придется сражаться за нее до последнего воина. Бенка и Юнте тотчас же с этим согласились. Трудно представить себе двух юнцов, более готовых сражаться до последнего воина! После этого героического решения, подкрепленного страшными клятвами на сходке в гараже предводителя, Сикстен тихо и спокойно отправился вечером в штаб-квартиру Белой Розы на чердаке пекарни и забрал оттуда шкатулку.

Между тем ожидаемый вопль со стороны Белых Роз не состоялся по той простой причине, что они даже не заметили исчезновения шкатулки. Под конец терпение Сикстена лопнуло, и он послал Бенку с грамотой к Белым Розам, чтобы заставить их пробудиться и обратить внимание на то, что произошло.

Грамота звучала так:

*Где Белой Розы тайная шкатулка, ах,
Где все секретов письмена?
Там, где Прерия кончается, стоит дом,
А в том доме есть покой, а в одном из них —
Угол, в углу — бумаги лист,
На той бумаге — карта,
На той карте... да, вот именно, да-да!
О Белые блохи...
Ищите, ищите в этом доме
До последней крохи!*

— Никогда в жизни я туда не пойду, — сказала сперва Ева Лотта.

Но, подумав немного, она сказала самой себе, что ведь не может же она все оставшиеся ей дни жизни держаться подальше от Прерии — самого лучшего на свете места для игр. Весной или осенью, летом и зимой — Прерия всегда равна привлекательна, равно полна воз-

можностей! Если Еве Лотте нельзя никогда больше играть в Прерии, уж лучше идти в монастырь.

— Я пойду с вами, — сказала она после короткой борьбы с собой. — Лучше перестать бояться, пока это не превратилось в навязчивую идею.

И на следующее утро Белые Розы, поднявшись ни свет ни заря, чтобы не рисковать и не быть застигнутыми врагом во время своих поисков, отправились в Прерию. На всякий случай Ева Лотта не упомянула дома, куда направляется. Она тихонько выбралась за калитку сада и присоединилась к Андерсу и Калле, которые уже ждали ее некоторое время.

И Прерия вовсе не нагоняла ужасный страх, как думала Ева Лотта. Она раскинулась перед детьми, тихая и мирная, как всегда, а ласточки с веселым свистом быстро проносились в воздухе; бояться было нечего. И Господская усадьба выглядела почти гостеприимно, словно и не была бедной, заброшенной, необитаемой, а была настоящим домом, где люди еще как следует не проснулись. Вскоре они, вероятно, широко распахнут окна, а утренний ветерок будет колыхать шторы. В комнатах зазвучат веселые голоса, а из кухни послышится уютный звон посуды, и это будет означать, что пора завтракать. Здесь в самом деле нечего было бояться.

Но когда они вошли в двери, их встретил лишь мертвый дом. Дом с паутиной по углам, оборванными обоями и разбитыми оконными стеклами. И слышались здесь, разумеется, только их собственные голоса.

«О Белые блохи... ищите в этом доме до последней крохи!» — приглашал их предводитель Альых, и они сделали все, что в их силах. Искать им пришлось долго, потому что дом был большой, комнат много, много и углов, но в конце концов поиски их увенчались успехом — почти так, как и рассчитывали Альые. Потому что теперь Белых Роз надо было оставить с носом: так решил Сикстен.

Бумага действительно представляла собой карту, и нетрудно было понять, что изображает она сад почтмейстера. Там был жилой дом, и гараж, и дровяник, и уборная, и все-все; а одно небольшое место было обведено кружком и стояла надпись: «Копать здесь!»

— Вот уж не скажешь об Алых, что они очень находчивы, — заметил Андерс после того, как некоторое время изучал карту.

— Нет, ясное дело, это все кажется каким-то дурацким, — согласился Калле. — Все это так по-детски просто, что почти стыдно за них. Думаю, мы, вероятно, все же отправимся туда и будем копать.

Да, им нужно было пойти туда и копать, но сначала надо было сделать кое-что другое. Ни Андерс, ни Калле не были здесь с той достопамятной среды. Тогда их прогнал отсюда дядя Бьёрк. Не пойти ли им на всякий случай и не взглянуть ли на то самое место, раз уж они все равно здесь?

— Только не я, — выразительно произнесла Ева Лотта.

Она лучше умрет, чем пойдет еще раз по тропке, по той узкой тропке в орешнике. Но если Андерсу и Калле хочется, пожалуйста, она не будет им мешать. Сама же останется здесь. Только они придут потом за ней.

— Да, мы вернемся через десять минут, — обещал Калле.

И они пошли.

Оставшись одна, Ева Лотта начала обследовать комнаты. В своей фантазии она обставила весь дом и населила его большой многодетной семьей. Ведь у самой Евы Лотты ни братьев, ни сестер не было, а лучше маленьких детей, по ее мнению, ничего на свете нет.

— Вот здесь будет столовая, — думала Ева Лотта. — Здесь — стол. И их так много, и все теснятся вокруг стола. А Кристер и Кристина дерутся, и их выставляют в детскую. Бертиль такой маленький и сидит

на высоком детском стульчике. Мама кормит его, однако, ой, как он весь перемазался. Взрослая сестрица Лилиан, она так красива, у нее иссиня-черные волосы и черные глаза, а вечером ей предстоит бал. Здесь, в гостиной. Она будет стоять здесь под хрустальной люстрой в белом шелковом платье, с сияющими глазами.

Глаза у Евы Лотты засияли, и она вообразила себя взрослой, сестрицей Лилиан...

Старший братец Клас как раз сегодня возвращается из Упсалы¹, где сдал экзамен. Отец семейства, заводчик, так радуется его приезду, он выглядывает из окна в ожидании сына.

Ева Лотта величественно надула живот и вообразила себя заводчиком, который стоит у окна в ожидании сына.

Ой, смотрите, вот он как раз и идет! Как хорошо он выглядит, хотя мог бы быть чуточку помоложе! Прошло несколько секунд, прежде чем Ева Лотта вернулась из своего воображаемого мира и поняла, что это вовсе не старший братец Клас приближается к дому большими быстрыми шагами, а настоящий человек из плоти и крови. Она чуточку смущенно засмеялась про себя. Подумать только: а что, если бы она закричала ему: «Привет, Клас!» Он поднял голову и увидел ее в окне. Он вздрогнул, этот старший братец Клас; казалось, он вовсе и не подозревает, что это заводчик стоит в окне и смотрит на него. И он заторопился. Он так заторопился...

Но, внезапно остановившись, он повернул назад! Да, он повернул назад! Ева Лотта, во всяком случае, не хотела его смущать. Она снова направилась в столовую, чтобы посмотреть, съел ли Бертиль свою кашку. Он еще не съел ее, и взрослой сестрице Лилиан пришлось немного помочь ему! Она была так занята этим, что даже не заметила, не слышала, как открылась дверь. И гром-

¹ Старинный университетский город в Швеции.

ко вскрикнула от удивления, когда увидела, что в комнату вошел старший братец Клас.

— Добрый день! — сказал братец Клас, или как там его звали.

— Добрый день! — ответила Ева Лотта.

— А мне показалось, что я увидел здесь старую знакомую, — сказал старший братец Клас.

— Нет, это всего-навсего я, — возразила ему Ева Лотта.

Он испытующе посмотрел на нее.

— А мы разве раньше не встречались, ты и я? — спросил он.

Ева Лотта покачала головой.

— Нет, думаю, нет, — сказала она. — Не помню, чтобы мы встречались.

«Среди тысяч других я бы узнала его», — сказала она однажды. Но тогда она не знала, что внешность человека может так неузнаваемо измениться, если сбрить усы, а длинные развевающиеся волосы превратить в короткий торчащий ежик. Кроме того, человек, которого она однажды встретила на узенькой тропке и образ которого навечно запечатлся в ее памяти, был одет в зеленые габардиновые брюки, а ей не хватало воображения представить его себе одетым как-то по-другому. Старший же братец Клас был в сером костюме в мелкую клетку.

Посмотрев на нее беспокойным взглядом, он спросил:

— Ну и как же тебя звать, маленькая фрё肯?

— Ева Лотта Лисандер, — ответила Ева Лотта.

Старший братец Клас кивнул.

— Ева Лотта Лисандер, — повторил он.

Ева Лотта представления не имела, какое это счастье, что она не узнала старшего братца Класса. Даже злодей не станет без крайней необходимости причинять зло ребенку. Но этот человек решил спастись любой

ценой. Он знал, что некая девочка по имени Ева Лотта Лисандер может уничтожить его, и готов был сделать почти все что угодно, только бы помешать ей. Но вот она стоит здесь, эта Ева Лотта Лисандер, которую он, казалось, узнал, лишь только увидел в окне ее белокурые волосы, стоит здесь и совершенно спокойно говорит, что никогда прежде не видела его. И он почувствовал облегчение, такое великое облегчение, что готов был закричать. Ему не надо стремиться заставить навсегда замолчать этот маленький болтливый ротик, причинивший ему столько забот. И не надо жить в постоянном страхе, что он встретит однажды в соседнем городке, где он жил, внезапно вынырнувшую Еву Лотту Лисандер, которой вполне могло вздуматься посетить этот городок. И которая вполне могла указать на него пальцем и сказать: «Вот убийца!» Но она не узнала его, она больше не была свидетельницей, она никогда больше не сможет выдать его. Он испытал такое облегчение, что даже обрадовался. Как хорошо, что не удалось его покушение на ее жизнь с помощью отравленной плитки шоколада, о котором столько писали в газетах.

Старший братец Клас решил уйти. Он решил уйти, чтобы никогда больше не возвращаться на это проклятое место. Но когда он уже взялся за ручку двери, его подозрения пробудились вновь. Может быть, она проженная актриса, эта малышка, игравшая в сплошную невинность и только притворявшаяся, что не узнала его? Он бросил на нее испытующий взгляд, но она стояла у окна с легкой дружеской улыбкой на губах, и ее детский взгляд был открыт и доверчив. В нем не было никакого наигрыша, это он понимал, хотя вообще-то не был очень близко знаком с коварством. Но все-таки он на всякий случай спросил:

— Что ты здесь делаешь одна?

— Я не одна, — весело ответила Ева Лотта. — Андерс и Калле тоже здесь. Это мои друзья, понимаешь?

— Вы что — играете здесь? — спросил старший братец Клас.

— Не-а, — ответила Ева Лотта. — Мы только искали здесь одну бумажку.

— Бумажку? — спросил старший братец Клас, и взгляд его стал суровым. — Так, значит, вы искали какую-то бумажку?

— Да, — ответила Ева Лотта, — мы искали ее *долго-предолго...* (Ей казалось, что час — это целая уйма времени, когда речь идет о том, чтобы найти дурацкую карту Алых.) Вы не можете даже представить себе, как мы ее искали! Но теперь наконец-то нашли!

Старший братец Клас перевел дыхание и так крепко уцепился за ручку двери, что косточки его пальцев побелели. Он погиб! Троє детей нашли вексель, который он сам искал здесь снова и снова и сегодня явился попробовать в последний раз его отыскать. Он погиб как раз тогда, когда почувствовал себя в полной безопасности! О! Его охватило безумное желание сокрушить и уничтожить все, что стояло на его пути. Разве не почувствовал он облегчение оттого, что эта девчонка спаслась от своей судьбы, когда он послал ей плитку шоколада? Теперь чувства облегчения больше не было, а лишь холодное бешенство, напоминавшее то, что охватило его в ту последнюю среду июля!

Но он вынудил себя держаться спокойно. Еще не вся надежда утрачена. Ему необходимо получить ту бумагу, просто *необходимо!*

— Где же теперь Андерс и Калле? — как можно равнодушнее спросил он.

— Они скоро придут, — ответила Ева Лотта.

Она выглянула в окно и сказала:

— Ага, вот и они!

Старший братец Клас встал за ее спиной, чтобы тоже посмотреть. Он стоял совсем рядом с ней, и, когда она, повернув голову, случайно посмотрела вниз, она увидела его руку.

И она узнала его руку. Его руку она узнала! Рука довольно крепкая — вся поросшая темными густыми волосами! Да, теперь она узнала старшего брата Класа! И страх, охвативший ее, был так велик, что почти прижал ее к полу. Кровь отлила от ее лица, чтобы через секунду снова прихлынуть с такой силой, что у нее зазвенело в ушах. Хорошо, что она стояла спиной к нему и он не мог увидеть безумный страх в ее глазах и рот, задрожавший от плача. Но самое ужасное вместе с тем было как раз то, что он стоял за ее спиной и она не знала, что он делает. Однако... О, там, за окном, шли Андерс и Калле. Да благословит их Господь! Она не одинока в этом мире. Эти две фигуры в выгоревших синих брюках, и в не безукоризненно чистых рубашках, и с плачевно нечесанными волосами показались ей посланцами небес. Рыцари Белой Розы, да благословит вас Господь!

Но она тоже была воительницей Белой Розы и не должна терять мужество. Ее мозг так лихорадочно работал, что человек за ее спиной, казалось, должен был это услышать. Главное: он не должен понять, что она узнала его. Что бы ни случилось, она должна оставаться невозмутимой.

Открыв окно, она высунулась наружу, и все ее отчаяние отразилось в ее глазах, но те двое за окном этого не заметили.

— Берегись, скоро они придут! — закричал при виде ее Андерс.

Старший братец Клас вздрогнул. Неужели полиция уже в пути, чтобы наложить лапу на вексель, который они нашли? У кого из сосунков он может быть? О, надо спешить! Времени мало, и то, что нужно сделать, надо сделать как можно быстрее.

Он подошел к окну. Все в нем восставало против того, чтобы играть в открытую, но у него не оставалось выбора. Он ласково улыбнулся мальчикам за окном.

— Привет! — сказал он.

Они недоуменно взглянули на него.

— Неужели вы оставите маленькую даму в одиночестве? — спросил он. Но слова его не прозвучали шутливо, как ему хотелось. — Я был вынужден войти в дом и побеседовать немного с Евой Лоттой, пока вы были заняты поисками бумаг или чем-то там еще.

На его речи едва ли можно было что-нибудь ответить, и Андерс с Калле настороженно молчали.

— Поднимайтесь сюда, ребята! — продолжал человек, стоявший за спиной Евы Лотты. — У меня есть предложение. Хорошее предложение, на нем можно подзаработать!

Андерс и Калле чрезвычайно оживились. Если речь шла о том, чтобы заработать деньги, они готовы были бежать в ту же минуту.

Однако Ева Лотта, сидя на подоконнике, так чудно посмотрела на них. А потом подала тайный знак Белой Розы, знак, означающий опасность. Обескураженные Андерс и Калле остановились.

И тогда Ева Лотта запела.

— Какое солнце, какое солнце! — пела она, хотя голос ее чуточку дрожал.

И она продолжала петь песню на ту же веселую мелодию, но теперь текст ее был чуточку другой:

— Тот-о-тот сос-а-мом-ый у-боб-ий-цоц-а! — пела она.

Это звучало как бессмысленный стишок, что так часто придумывают дети. Но Андерс и Калле застыли от страха, услышав его. Они стояли, точно пригвожденные к месту. Но потом, собравшись с духом, как бы в рассеянности ущипнули себя за мочку уха. То был тайный знак Белой Розы: сообщение принято к сведению.

— Давайте быстрее! — нетерпеливо произнес человек в окне.

Они стояли, не зная, что делать. Внезапно Калле обернулся и быстро зашагал в ближайшие заросли.

— Ты куда? — злобно заорал мужчина из окна. — Не хочешь подняться сюда и заработать?

— Ясное дело, хочу, но, по-моему, сперва надо спрятать нужду.

Человек в окне закусил губу.

— Поторопись! — закричал он.

— Да-да, я быстро, — заверил его Калле.

Через некоторое время он вернулся, демонстративно застегивая брюки. Андерс стоял на прежнем месте. Ему и в голову не приходило бросить Еву Лотту в беде, ему нужно было войти в дом, где находился убийца, но он хотел войти туда вместе с Калле.

И вот они вошли. В гостиную, где у взрослой сестрицы Лилиан должен был состояться вечером бал. Андерс подошел к Еве Лотте и обнял ее за плечи. Посмотрев на ее наручные часики, он сказал:

— О Боже, как поздно! Нам пора домой, и немедленно.

Взяв Еву Лотту за руку, он побежал с ней к двери.

— Да, мы заработаем эти деньги в другой раз! — сказал Калле. — Нам пора бежать.

Но если они думали, что старший братец Клас согласится с этим, они ошибались. Внезапно он встал в дверях и преградил им путь.

— Стоп! — сказал он. — Что за спешка?

Он ощупал рукой задний карман брюк. Да, револьвер был там. С той последней среды июля он всегда носил его при себе. На всякий случай.

Мысли в его голове обгоняли одна другую. Страх и ярость лишали его разума. Да, разумеется, он испытывал страх перед тем, что собирался сделать. Но он не испытывал колебаний. Он все поставил на карту и должен был довести игру до конца, даже если это будет стоить ему еще нескольких человеческих жизней.

Он посмотрел на троих ребят, стоявших перед ним. Он ненавидел их за то, что должен был сделать. Но он должен был это сделать. Зачем ему трое свидетелей, которые расскажут, как выглядит человек, силой заставивший их отдать ему вексель?

Нет, им никогда не представится случай рассказать об этом. Он не будет горевать из-за этого, даже если и испытывает чувство удушающего страха. Но сначала ему нужно узнать, у кого из них бумага, чтобы не терять времени на поиски в их карманах, — потом...

— Послушайте-ка, — сказал он. Хрипло и грубо прозвучал его голос. — Эта бумага, которую вы нашли некоторое время тому назад... выкладывайте ее! Да быстрее! Мне она нужна!

Трое ребят от удивления разинули рты. Пожалуй, они не меньше удивились бы, если бы он попросил их спеть: «Белый ягненочек, бэ-бэ...» Они не верили своим ушам! Конечно, они не раз слышали об убийцах, которые были настоящими психами, но даже сумасшедшему вряд ли доставила бы удовольствие географическая карта Алых Роз с призывом: «Копайте здесь!»

«Хотя, пожалуйста, он может получить эту карту, если она ему нужна», — подумал Андерс, у которого бумага лежала в кармане.

Но в настоящих критических ситуациях быстрее всех работала мысль суперсыщика Калле Блумквиста. Секунда, и его осенило, какая именно бумажка нужна этому парню... Он думает, что вексель у них! И тут же Калле стало ясно и многое другое. Казалось, он мог читать мысли убийцы. Этот парень хладнокровно застрелил человека и, похоже, вооружен и сейчас. Свидетельницу Еву Лотту он пытался убрать, прислав ей отправленный шоколад. Калле понял, как малы их шансы выбраться живыми отсюда. Если даже Андерс предъявит ему сейчас эту бумагу и если даже им удастся убедить убийцу, что они и следа его векселя в глаза не видели, они все равно погибли. Убийца, должно быть, понял, что выдал себя своим вопросом, и Калле стало ясно: если этот парень пытался раньше избавиться от одного свидетеля, то вряд ли он допустит, чтобы *трое* ходили тут целы и невредимы и могли в любой момент его опознать. Калле не мог бы все это отчетливо сфор-

мулировать. Все эти мысли просто роились в его мозгу. При мысли об этом он чуть не потерял сознание от страха, но сердито уговаривал самого себя: «Бояться становишься потом, если оно еще будет — это *потом*».

Лишь бы выиграть время, о, лишь бы выиграть время!

Андерс только собрался было вытащить карту из кармана, как вдруг Калле сильно толкнул его.

— Нон-е-тот, — прошипел Калле, — нон-е дод-е-лол-ай э-тот-о-гог-о!

— Вы не слышите, что я говорю? — спросил старший братец Клас. — У кого из вас бумага?

— У нас ее с собой нет, — ответил Калле.

Андерс, пожалуй, считал, что лучше отдать этому парню бумагу и, может, потом уйти. Но он ведь знал, что Калле больше привык общаться со всякими там преступными элементами, и поэтому молчал.

От слов Калле человек, стоявший у двери, пришел в совершеннейшее бешенство.

— Где бумага? — разъярился он. — Выкладывайте ее! Быстрее! Быстрее!

Калле думал изо всех сил. Если он скажет, что бумага в полицейском участке, или дома у Евы Лотты, или где-нибудь далеко в Прерии, то, вероятно, с ними тут же покончат. Он понимал, что они могут чувствовать себя в безопасности только до тех пор, пока убийца еще лелеет надежду в скором времени получить эту бумагу.

— Мы спрятали ее на верхнем этаже, — чуть помешкав, сказал он.

Старший братец Клас задрожал всем телом от нетерпения. Он вытащил револьвер из заднего кармана брюк, и Ева Лотта зажмурила глаза.

— Быстрее! — орал он. — Может, хоть это заставит быстрее двигаться ваши ноги!

И он погнал их перед собой из гостиной, где у взрослой сестрицы Лилиан должен был сегодня вечером состояться бал.

— И-дод-и-тот-е мом-е-дод-лол-е-нон-нон-о, сос-кок-о-рор-о я-вов-и-тот-сос-я поп-о-лол-и-цоц-ия, — тихо произнес Калле.

Андерс и Калле с удивлением посмотрели на него. Как это «скоро явится полиция»! Неужели Калле думает, что может передавать мысли на расстоянии и вызывать их сюда? Но они последовали его призыву идти медленно. Они еле тащились, они спотыкались на порогах, а Андерс, оступившись, растянулся на лестнице так, как сделал это однажды тысячу лет назад, когда на этом самом месте они сражались с Алыми.

Их медлительность выводила старшего братца Класа из себя. Его способность выдерживать весь этот ужас была близка к пределу. И он почти поддался искущению покончить со всеми ребятами сейчас же — сделать то, что должен был сделать. Но сначала ему нужно было получить вексель. Ох эти сосунки, как он их не навидел. Они, казалось, даже и не знали, куда спрятали эту бумажку. Они медленно плелись из одной комнаты в другую и задумчиво повторяли:

— Не-а, это не здесь!

Легче было бы гнать перед собой заблудившееся стадо. Проклятые детеныши все время останавливались: то высморкаться, то почесаться, то поплакать. Да, разумеется, плакала большей частью девчонка. В конце концов они вошли в маленькую комнатку с развевающимися обоями восемнадцатого века. И Ева Лотта всхлипнула, вспомнив, как они с Калле оказались здесь взаперти в тот раз, давным-давно, когда были молодыми и счастливыми.

Калле вопрошающим взглядом осмотрел стены.

— Не-а, думаю, это, верно, было не здесь, — сказал он.

— Не-а, здесь, я думаю, нет, — поддержал его Андерс.

Но это была последняя комната во всем верхнем этаже, и старший братец Клас издал какой-то нечленораздельный крик.

— Думаете, вам удастся надуть меня! — кричал он. — Думаете, я не понимаю, что вы хотите лишь надуть меня? А теперь послушайте! Теперь вы выкладываете бумагу! Сию же минуту! Если вы забыли, где она, это только хуже для вас самих. Если через пять секунд я не получу бумагу, я застрелю вас всех троих.

Стоя спиной к окну, он целился в них. Калле понял, что говорит он серьезно и что прежняя их тактика уже не годится. Он кивнул Андерсу.

Андерс подошел к стене, где клочьями висели обои. Вытащив руку, которую он держал в кармане брюк, Андерс сунул ее на миг за обои. Когда он снова вытащил руку, в кулаке у него была зажата бумага.

— Вот! — сказал он.

— Хорошо, — похвалил старший братец Клас. — Стойте рядом друг с другом, все трое. А ты протянешь мне руку и отдашь бумагу.

— Боб-роп-о-сос-ай-тот-е-сос нон-а поп-о-лол, кок-о-гог-дод-а я чоч-и-хоч-нон-у! — предупредил друзей Калле.

Андерс и Ева Лотта коснулись мочки уха в знак того, что поняли.

Старший братец Клас слышал, что один из сосунков несет какую-то несусветную тарабарщину, но его ничуть не интересовало, что это был за язык. Он знал: скоро всему этому наступит конец. Это случится, как только у него в руках окажется бумага.

Вытянув руку, он принял бумагу, протянутую Андерсом. И все время держал револьвер наготове. Но пальцы его дрожали, когда он пытался одной рукой развернуть смятый вексель.

Это вексель? Какой вексель? «Копайте здесь» — да, не совсем то, что обычно пишут в векселях. Его разум молчал не более полусекунды, но тут-то и послышался громкий чих Калле.

И в тот же миг трое ребят бросились на пол. Калле и Андерс, упав, схватили за ноги старшего братца

Класа. Он беспомощно повалился на пол и, падая, закричал. Пистолет выпал из его руки, и Калле схватил пистолет, на ничтожную долю секунды опередив своего противника.

Итак, это был тот самый случай, когда суперсыщик Калле Блумквист обезоружил убийцу. Ведь он так часто проделывал это — и как элегантно! Он имел обыкновение, повернув оружие дулом к противнику, говорить: «Легче на поворотах, приятель!»

Что ж, вероятно, на сей раз он сделал то же самое? Нет, отнюдь нет. Схватив в полной панике ужасный черный предмет, он выбросил его через окно так, что стекло посыпалось градом осколков... Вот что он сделал! И скорее всего для суперсыщика поступок этот был не слишком продуманным. Именно сейчас хорошо было бы иметь револьвер. Но, по правде говоря, суперсыщик Блумквист, кроме своей собственной рогатки, смертельно боялся всего, что стреляло. И вообще говоря, он, возможно, был прав. Револьвер в руках дрожащего от страха мальчишки, быть может, не очень реальная угроза отчаявшемуся убийце. Роли, пожалуй, вскоре снова переменились бы. И потому лучше всего, чтобы револьвер находился вне пределов досягаемости обоих. Однако же старший братец Клас в ярости рванулся к окну и в растерянности пытался рассмотреть, куда упал револьвер. В этом была его великкая и серьезная ошибка, и трое рыцарей Белой Розы не преминули ею воспользоваться. Изо всех сил кинулись они к двери, единственной двери во всем доме, которая, как им было известно по собственному горькому опыту, действительно запиралась.

Старший братец Клас помчался за ними по пятам, но в самый последний момент они успели захлопнуть дверь и прижать ее тремя парами крепких ног так, что Калле смог повернуть ключ. Из комнаты послышался дикий вой и стук в дверь. Калле вынул ключ из скважины. А вдруг старший братец Клас тоже случайно знает, как открывают дверь, закрытую снаружи?

А потом, по-прежнему задыхаясь от страха и дрожа всем телом, они кинулись вниз по вычурной лестнице восемнадцатого века. Все вместе, разом, протиснулись они через входную дверь и помчались очертя голову. Но Калле чуть не плакал:

— Надо пойти взять револьвер.

Он понимал, что надо обезвредить орудие смерти. Но в тот самый миг, когда они огибали угол дома, случилось... Что-то выбросилось из открытого окна и упало на землю прямо перед ними. Это выпрыгнул старший братец Клас. Там было пять метров высоты, но убийца находился в состоянии такого отчаяния, что подобная мелочь не остановила его. Справившись с прыжком из окна, он жадно схватился за револьвер. На этот раз он не станет рассуждать, а будет действовать.

Трое детей успели ретироваться за угол в тот краткий миг, пока он поднимал револьвер. Ну, погодите, погодите! Скоро настанет ваш час! Скоро он...

И тут он услышал голос, в котором боролись плач и торжество. Кричала девочка:

— Полиция! Они идут. О, быстрее! Идите сюда! Дядя Бьёрк! Идите сюда!

Он взглянул в сторону Прерии. О силы ада, они шли там огромной толпой! С детьми теперь ничего не сделаешь, слишком поздно. Но быть может, не поздно бежать. Он всхлипнул от страха. Да, надо бежать. Бежать к машине. Броситься в автомобиль, мчаться как сумасшедшему, далеко-далеко, бежать в другую страну!

Он бежал в ту сторону, где был припаркован его автомобиль. Бежал, напрягая все силы. Потому что к нему мчались полицейские, точь-в-точь как это бывало в его самых дурных снах.

Но им его не схватить! У него было прекрасное преимущество, и, если он только успеет подбежать к машине, пусть попытаются схватить его, если угодно. О, вот

он, его дорогой автомобильчик, его спасение! Пробегая последние метры, отделявшие его от автомобиля, он почувствовал прилив дикого торжества. Он надеялся спасти и повторял это себе все время.

Вставив ключ зажигания, он дал газ. Прощайте все, кто надеялся ему помешать, навеки прощайте!

Но его автомобиль, его дорогой автомобильчик, который обычно мчался так быстро и так легко, двигался теперь еле-еле, ковыляя и с трудом подскакивая. Убийца выругался сквозь зубы и заплакал от бешенства. А высунувшись из окна, увидел, что все четыре шины проколоты. Преследователи приближались. Неуклонно, но осторожно. Они явно считались с тем, что он вооружен, и, укрываясь за кустами и валунами, бежали зигзагами... Но все-таки приближались...

Он выскочил из машины. Ему следовало разрядить в них свой пистолет, но этого он не сделал. Они все равно схватят его, теперь он это знал. Неподалеку были густые заросли, а сразу же за ними — лужа, которая, несмотря на засушливое лето, была полна стоячей воды. Он знал об этом — ведь сколько раз он приходил сюда! Туда-то он и помчался. И в скользкую глубину лужи он опустил револьвер. Смертельное оружие им не найти и не употребить как доказательство против него.

И, сделав большой круг, он вернулся обратно на дорогу. Остановившись там, он стал ждать. Теперь он готов. Пускай его арестовывают.

16

Комиссар криминальной полиции, наклонившись, пристально разглядывал бледного молодого человека, из-за которого ему так спешно пришлось вернуться обратно.

— Не лучше ли сознаться, — мягко говорил он. — Нам известно, что это вы убили Грена. Нам известно,

что это вы послали плитку отравленного шоколада Еве Лотте Лисандер. Не лучше ли положить конец длительным допросам и самому рассказать мне обо всем?

Но молодой человек в очень высокомерном тоне ответил, что к убийству Грена, которого вообще не знал, ни малейшего отношения не имеет и шоколада Еве Лотте вовсе не посыпал.

Тогда комиссар снова задал ему вопрос, почему же он пустился в бегство, когда в Прерии появились полицейские? Если у него такая чистая совесть?

Молодой человек был весьма раздражен, что приходилось еще раз объяснять все это. Он бежал, потому что эти сосунки орали так, словно он сделал им что-то дурное. Они явно совершенно не поняли, что он попросту затеял с ними игру. Да, разумеется, с его стороны было глупо бежать, но комиссар, верно, и сам знает, как невыносимо, когда тебя обвиняют в том, что ты причинил какое-то зло детям. Ведь он к тому же остановился и поджидал полицию. Может, он немного глупо играл с детьми, он не станет этого отрицать. Маленькая девочка рассказала ему о бумаге, о карте, которую они нашли, и он развлекался, пугая их слегка, будто он недруг, который хочет заполучить эту карту и тоже участвовать в поисках зарытых сокровищ. Да ведь комиссар и сам видел эту карту и знает, что он говорит правду. Он действительно, как говорили дети, целился в них из револьвера, но револьвер-то был не заряжен, любезный господин комиссар.

Комиссар хотел бы знать, где револьвер сейчас.

Да, молодой человек тоже хотел бы это знать, потому что это хороший револьвер, который достался ему от отца. Но один из детенышей выбросил револьвер из окна. В самом деле смешно, до чего ж серьезно восприняли они эту игру! А потом и следов оружия он не видел. Наверное, его взял какой-нибудь другой проклятый мальчишка, возможно, тот же самый, что прошколол его шины.

Комиссар покачал головой.

— Молодой человек, — сказал он. — Вы великолепно лжете, но вы не должны забывать одно: Ева Лотта Лисандер определенно утверждает, что вы и есть тот самый человек, которого она встретила в Прерии через несколько минут после того, как застрелили Грена.

Молодой человек высокомерно засмеялся.

— Крайне удивительно, — сказал он. — Крайне удивительно, что она в таком случае беседовала со мной, словно мы самые лучшие друзья, и порассказала мне о карте, и о своих товарищах, и еще бог знает о чем. Должно быть, ей показалось, что разговаривать с убийцей жутко приятно.

Помолчав немного, комиссар сказал:

— Ваша экономка рассказала, что вы совсем недавно сбрили усы. Если быть точным, то на следующий день после убийства. Как это получилось?

Молодой человек взглянул на гладко выбритое лицо комиссара:

— А вы, господин комиссар, никогда не развлекались, сначала отращивая маленькие усики, а потом сбивая их, когда они вам надоедали? Вот и я сбрел мои усики, когда они мне надоели. В чем я виноват, если бедного старичка подстрелили за день до этого?

— Вот как! — воскликнул комиссар. — Я должен вам, пожалуй, сказать и о том, что вчера мы сделали у вас дома обыск. И в самой глубине шкафа у вас висят зеленые габардиновые брюки. А вам, быть может, известно, что полиция уже целых две недели разыскивает «человека, у которого есть зеленые габардиновые брюки»?

Молодой человек, сидевший прямо против комиссара, чуточку побледнел. Но он был все так же высокомерен, когда ответил:

— Да, только среди моих знакомых я берусь насчитать вам по меньшей мере пятерых, у кого есть зеленые

габардиновые брюки. И мне никогда не приходилось слышать, чтобы каре подвергались те, у кого есть такие габардиновые брюки.

Комиссар покачал головой.

— Молодой человек, — сказал он. — И как вы только можете?..

Но молодой человек мог. Он лгал так долго, что комиссар в конце концов потерял терпение, которым славился в кругу всей государственной полиции. Старший братец Клас оказался твердым орешком. Да, по странной случайности имя его и в самом деле оказалось Клас. Ева Лотта правильно окрестила его.

Драматические события в Господской усадьбе нарушили ход войны Алой и Белой Роз. Страх снова охватил матерей, и детям строго-настрого было приказано сидеть дома. Да они и сами были так захвачены всем случившимся, что ничем другим и заниматься не хотели. Сидя в саду пекаря, и Алые, и Белые Розы восстанавливали в памяти ужасные минуты, пережитые в Прерии. На долю Калле снова выпали похвальные слова за его находчивость. До чего же здорово и ловко придумал он эту историю с «естественной нуждой». Он знал, что Алые вот-вот появятся, ведь Андерс и он видели, как они жались в кустах, и он помчался к ним туда со всех ног и коротко и четко приказал:

— Убийца в Господской усадьбе. Бегите за полицией! А один из вас пусть проколет шины его автомобиля, который стоит внизу, у перекрестка!

Допрос старшего братца Класа продолжался с короткими перерывами еще сутки, и терпение комиссара все сильнее истощалось. И вот однажды в полдень, когда шел дождь, Бенка сидел дома и занимался своей коллекцией марок. Вообще-то Бенка был тихий и не очень воинственный подросток, однако у него был кумир погрубее и посильнее, кумир, за которым он последовал бы и в огонь, и в воду. И звали его Сикстен.

Пример Сикстена сделал Бенку чрезвычайно доблестным рыцарем Алой Розы. Но в этот дождливый полдень безо всяких зазрений совести можно было посвятить себя мирным домашним радостям, и Бенка всецело предался своей коллекции марок. Он любовно разглядывал их чуть близорукими глазами. У него была полная серия шведских марок, и он как раз собирался вклеивать в альбом несколько новоприобретенных, когда взгляд его случайно упал на какой-то смятый конверт. Ну конечно же! Этот конверт он нашел на улице перед домом Лисандеров некоторое время назад. Бенка выудил его из канавы, потому что там была совсем недавно изданная марка; именно такой ему прежде видеть не доводилось.

Он развернул конверт, чего раньше не делал. Ибо, принеся его, только бросил конверт в коробку, в которой хранил ненаклеенные марки.

«Фрё肯 Еве Лотте Лисандер» — гласила машинописная надпись на конверте. Да, ведь у нее, у Евы Лотты, была в последнее время очень обширная почта. Он заглянул в конверт. Разумеется, пустой! Он еще раз взглянул на марку и обрадовался: марка была красивая. Он не мог разглядеть, откуда пришло письмо, — там стоял лишь штемпель почтового вагона. Но дату отправления можно было различить.

И внезапно его словно молнией ударило! Подумать только, а что, если это тот самый конверт, из-за которого подняли столько шума? Тот, что так усердно искала полиция? Посмотрим — тот день, когда Белые Розы сидели в беседке и Сикстен послал его подразнить их, может, в тот самый день и послали плитку шоколаду. Конечно, черт побери, в тот самый! Тогда-то он и нашел конверт. Ну и дурак же он, что не разглядел конверт повнимательней!

Ему потребовалось две минуты, чтобы добежать до Сикстена, который сидел дома, играя в шахматы с Юнте. Еще две минуты потребовалось, чтобы добежать до

Евы Лотты, сидевшей с Андерсоном и Калле на чердаке пекарни. Они читали юмористические газеты и слушали, как дождь барабанит по крыше. И еще две минуты потребовалось им всем, чтобы примчаться в полицейский участок. Однако потребовалось по крайней мере целых десять минут, чтобы промокшая до нитки стайка ребят смогла объяснить дяде Бьёрку и комиссару криминальной службы, зачем они явились.

Комиссар полиции разглядывал конверт через увеличительное стекло. Буква «т» на этой машинке явно не совсем исправна. Она была с какой-то нашлепкой.

— Дети похожи на собак, — сказал комиссар, когда они ушли. — Они рыщут повсюду, роются в куче всевозможного хлама, но совершенно неожиданно возвращаются домой с чем-то съедобным.

Конверт оказался в высшей степени съедобным. У старшего братца Класа и в самом деле была пищущая машинка, и, когда было установлено, что в ней-то и есть та самая неисправная буква «т», что была отпечатана на конверте, комиссар счел, что настало время для решительных действий.

Но задержанный упорно и глупо продолжал отпираться. Ясно было, что придется арестовать его на основании косвенных улик.

Сикстен сделал новую карту с надписью «Копайте здесь!» и в один прекрасный вечер передал ее собравшимся в саду пекаря рыцарям Белой Розы.

— «Копайте здесь!» — прочитал Андерс, когда Сикстен сунул карту ему в руки. — Да, тебе легко говорить, но, как ты думаешь, что скажет твой отец, если мы тоже начнем уродовать его лужайки?

— А кто сказал, что это на лужайке? — возразил Сикстен. — Следуйте лишь указаниям карты, и я гарантирую, что папаша не станет скандалить. А мы с Бенкой и Юнте сходим пока искупаться.

Белые Розы прошествовали в сад почтмейстера. Они вымерили расстояние, сравнили с картой и в конце концов пришли к выводу, что шкатулка, должно быть, зарыта на старой, почти заросшей грядке с клубникой. Они рьяно взялись за работу и, наткнувшись на какой-либо камешек, издавали громкие вопли, думая, что это и есть шкатулка. Но, испытав разочарование, рыли снова, так что пот лил с них градом. Когда они перервали почти всю грядку с клубникой, Калле внезапно сказал:

— Вот она, наконец-то!

Сунув пальцы в землю, он извлек запачканную шкатулку, которая столь коварно была помещена в самом дальнем углу.

Андерс и Ева Лотта побросали лопаты и поспешили к нему. Ева Лотта аккуратно вытерла драгоценную шкатулку с их реликвиями носовым платком, а Андерс достал ключ, который носил на шее. Шкатулка казалась подозрительно легкой. Подумать только, а что, если Алые воспользовались фальшивым ключом и сперли какие-либо реликвии?! Чтобы увидеть, как обстоят дела, они открыли шкатулку.

Но там не было древних грамот и реликвий. Там лежала лишь бумажка, исписанная отвратительным почерком Сикстена. А на бумаге был следующий призыв:

«Копайте дальше. Продолжайте в том же духе. Вам надо прорыть еще всего лишь несколько тысяч миль, и вы попадете в Новую Зеландию!»

Можете там и оставаться!»

Белые Розы издали горестный крик. А за живой изгородью послышался восторженный кудахтающий смех.

Появились Сикстен, Бенка и Юнте.

— Охухи! Что вы сделали с нашими грамотами? — закричал Андерс.

Опустившись на колени, Сикстен долго хохотал, прежде чем ответить.

— Недоумки! — воскликнул он. — На фиг нам ваши поганые грамоты. Они валяются среди прочего хлама в ящике вашего комода. Но вы ведь ничего не видите и не слышите.

— Не, вы только копаете и копаете без конца! — удовлетворенно сказал Юнте.

— Да, копаете вы в самом деле здорово, — подтвердил Сикстен. — Ну и обрадуется же папаша, что не надо орать на меня. Отстанет наконец с этой старой клубничной грядкой. Ну не было у меня желания копаться там в такую жару!

— Но ты так прилежно копал землю в поисках Великого Мумрика, что у тебя, верно, и сейчас еще руки в волдырях! — с надеждой сказал Калле.

— Это вам дорого обойдется, господа, — сказал Андерс.

— Да уж, не сомневайтесь! — добавила Ева Лотта.

Отряхнув землю с платка, она сунула его обратно в карман.

В глубине кармана что-то лежало. Какая-то бумажка. Вытащив ее, она взглянула и увидела, что сверху было написано: «Вексель». Ева Лотта засмеялась.

— Нет, подумать только, — сказала она. — Здесь лежит этот старый вексель. Он все время валялся в моем шкафу, пока люди ползали вокруг в кустах Прерии и искали его. Я всегда говорила: в этих векселях есть что-то жутко дурацкое.

Она повнимательнее поглядела на бумажку.

— «Клас», — сказала она. — Точно, совпадает. А вообще-то он очень красиво расписывается.

Скомкав бумажку в шарик, она бросила ее на лужайку, где ее подхватил летний ветерок.

— Ведь он все равно арестован, — сказала она, — так что какая разница, его ли это подпись или нет.

Со страшным воплем Калле сломя голову кинулся за драгоценной бумагой.

И с упреком посмотрел на Еву Лотту:

— Должен сказать тебе одну вещь, Ева Лотта. Ты плохо кончишишь, если будешь по-прежнему так вот швыряться бумагами.

— Дод-а зоз-дод-пор-а-вов-сос-тот-вов-у-е-тот А-лол-а-я Пор-о-зоз-а! — с некоторым усилием произнес Сикстен. — Вообще-то, если подумать хорошенько, жутко простой язык!

— Да, теперь ты можешь так говорить, когда знаешь ключ к нему, — сказал Андерс.

— Но вы должны научиться говорить гораздо-гораздо быстрее! — сказал Калле.

— Да, нельзя так, чтобы один слог сегодня, а другой завтра, — сказала Ева Лотта. — Вы должны строчить как из пулемета.

Они сидели на чердаке пекарни — все рыцари ордена Белой и Алой Розы, и Алые только что получили первый урок воровского жаргона. Поразмыслив, Белые Розы поняли, что их гражданский долг — посвятить Алых в тайны своего языка. Учителя всегда проповедовали в школе, что пользу знаний переоценить нельзя. Ах, как они были правы! Как справились бы со своей бедой Андерс, Калле и Ева Лотта в Господской усадьбе, не знай они воровского жаргона? Калле думал об этом несколько дней, а под конец сказал Андерсу и Еве Лотте:

— Мы отвечаем за то, что Алые прозябают в таком беспросветном невежестве. Им конец, если они когда-нибудь встретятся с убийцей!

И потому Белые Розы учредили теперь курсы воровского жаргона на чердаке пекарни. У Сикстена были устойчиво низкие оценки по английскому языку, и ему бы следовало брать штурмом английскую грамматику, так как в ближайшие дни предстояла переэкзаменовка. Но он считал, что гораздо важнее посвятить себя воровскому жаргону!

— Английский каждый убийца знает, — говорил он, — так что польза от него невелика, а без воровского — крышка.

И потому он вместе с Бенкой и Юнте часами просиживал среди мусора на чердаке пекаря и тренировался с трогательным упорством.

Урок языка прервал папа Евы Лотты, поднявшийся по лестнице из пекарни. Протянув Еве Лотте тарелку со свежеиспеченными булочками, он сказал:

— Звонил дядя Бьёрк. Он сказал, что Великий Мумрик вернулся!

— Зоз-дод-о-роп-о-вов-о! — восхищенно воскликнула Ева Лотта, взяв булочку. — Бежим в полицию!

— Зоз-дод-о-роп-о-вов-о! Пожалуйста, — подтвердил пекарь. — Но давайте теперь спокойнее с этим Великим Мумриком, а?

Рыцари ордена Белой и Алой Розы дали торжественную клятву, что будут спокойнее. *Bom!* И пекарь медленно стал спускаться по лестнице.

— Вообще-то могу вам сказать, что этот Клас во всем сознался, — сообщил он, прежде чем исчезнуть.

Да, старший братец Клас сознался. Свидетельства векселя он опровергнуть не смог. Вот он подошел к тому самому последнему часу, о котором думал с таким ужасом, часу, который представлял себе многими наполненными ужасом ночами. К тому моменту, когда ему доказали его вину и он должен был ответить за содеянное.

Старший братец Клас уже много лет назад лишился душевного покоя. Его постоянная потребность в деньгах, приведшая к сомнительным делам с Греном, превратила его в не знающего отдыха, затравленного человека, который ни на миг не мог обрести покой. А после той ужасной среды в конце июля его беспокойство превратилось в невыносимый страх, не оставлявший его ни днем ни ночью.

Каково было ему теперь, когда пришлось публично признать свое преступление и готовиться искупать его много-много долгих лет?

Нет, как это ни странно, старший братец Клас впервые за долгое время был спокоен. Когда он облегчил свою совесть, на него снизошло такое великое спокойствие, что никогда ничего похожего он не переживал. Правда, некоторое время он оплакивал свое ничтожество и хватал дрожащими руками большой, надежный кулак комиссара, словно ища поддержки, но не испытывал больше страха. И впал в глубокий сон без сновидений, который заставил его на некоторое время забыть зло, которое он совершил.

Он спал, когда рыцари Алой и Белой Розы ворвались в полицейский участок за Великим Мумриком. Он не слышал их напористые голоса, когда они втиснулись в комнату полицейского Бьёрка и потребовали, чтобы им выдали обратно их сокровище.

— Великий Мумрик? — медлил с ответом полицейский Бьёрк. — Великого Мумрика здесь нет. — Дядя Бьёрк серьезно посмотрел на них. — Ищите высоко над землей! — торжественно произнес он. — Пусть птицы небесные укажут вам путь! Спросите галок, не видели ли они достопочтенного Великого Мумрика?

Улыбка озарения осветила юные лица Роз. И Юнте, удовлетворенно кудахтая, сказал:

— Зоз-дод-о-рор-о-вов-о! Борьба продолжается!

— Борьба продолжается! — решительно заявил Бенка.

Ева Лотта одобрительно поглядела на Бьёрка, так прекрасно выглядевшего в своем мундире и с напряженными морщинками на своем мальчишеском и вместе с тем серьезном лице.

— Дядя Бьёрк, — сказала она, — если бы не были так ужасно стары, вы почти могли бы участвовать в войне Роз.

— Да! Дядя Бьёрк мог бы стать Алой Розой, — заявил Сикстен.

— Еще чего, — огрызнулся Андерс. — Белой!

— Нет, упаси меня Бог, — сказал полицейский Бьёрк. — На такие опасные для жизни дела я просто не рискну! Спокойная, надежная работа полицейского куда больше подходит такому старишке, как я.

— Ха, иногда приходится рисковать жизнью, — сказал Калле и выпятил грудь.

Несколько часов спустя он лежал на своем излюбленном месте под грушей и размышлял о том, что значит рисковать жизнью. Он размышлял, он так упорно смотрел на плывущие по небу летние тучи, что едва ли заметил, как осторожно появился его воображаемый собеседник и опустился рядом.

— Слышал, что вам, господин Блумквист, снова удалось схватить убийцу, — льстиво сказал он.

В Калле Блумквисте вдруг вскипела злоба.

— Неужели? — произнес он, сердито глядя на этого воображаемого собеседника, от которого никак не мог отвязаться. — Не говорите глупостей! Я не схватил убийцу. Его схватили полицейские, потому что это — их работа! Я думаю, что никогда в своей жизни не поймаю убийцу. Я думаю покончить с криминалистикой. Только попадаешь в разные неприятности!

— Но я думал, что вам, господин Блумквист, нравится рисковать жизнью, — сказал воображаемый собеседник, и, откровенно говоря, в голосе его звучал легкий упрек.

— Как будто я и без того не рискую, — сказал суперсыщик. — Если б вы знали, молодой человек, как бывает во время войны Роз!

Полет его мысли был прерван твердым недозрелым яблоком, стукнувшим его по голове. Со свойственной сыщику сметкой он быстро вычислил, что яблоко вряд ли могло упасть с грушевого дерева, и оглянулся в поисках злодеев.

Андерс и Ева Лотта стояли у забора.

— О, проснись тот, кто спит! — вопил Андерс. — Мы идем охотиться на Великого Мумрика!

— И знаешь, что мы думаем, — сказала Ева Лотта. — Мы думаем, что дядя Бьёрк спрятал его на наблюдательной вышке в городском парке. Ты ведь знаешь, сколько там всегда галок!

— Мом-о-лол-о-дод-цоц-ы! — восхищенно закричал Калле.

— Алые убьют нас, если мы первыми найдем его! — сказал Андерс.

— Ладно, — согласился Калле. — Иногда приходится рисковать жизнью!

Калле понимающие взглянули на воображаемого собеседника: понял ли тот, что можно рисковать жизнью, не будучи суперсыщиком? Украдкой помахал он этому приятному молодому человеку, смотревшему на него с большим восхищением, чем когда-либо.

Голые загорелые ноги Калле весело топтали садовую дорожку, когда он бежал к Андерсу и Еве Лотте. А его воображаемый собеседник исчез. Его не стало. Он исчез так тихо и неприметно, словно был унесен легким летним ветром.

Каше Блумквист и Распус

— й, Калле! Андерс! Ева
Лотта! Вы на чердаке?

Сикстен задрал голову, чтобы посмотреть, не высунется ли кто-нибудь из Белых Роз в чердачное оконце.

— Интересно, куда же они подевались? — воскликнул Юнте, убедившись, что в штабе Белых Роз не замечалось никаких признаков жизни.

— Их и в самом деле там нет? — нетерпеливо удивился Сикстен.

В чердачном оконце показалась белокурая голова Калле Блумkvista.

— Не-а, нас тут нет, — с серьезным видом заверил он. — Мы только притворяемся, что мы здесь.

Сикстен не удостоил внимания его язвительную реплику:

— Что вы делаете, хотелось бы знать.

— Хм! А как по-твоему? — спросил Калле. — По-твоему, мы в дочки-матери играем?

— С вас станется. А Ева Лотта с Андерсом тоже наверху? — поинтересовался Сикстен.

Рядом с Калле в чердачном оконце замаячили еще две головы.

— Не-а, нас здесь тоже нет, — ответила Ева Лотта. — А что вам, собственно говоря, надо, Алье?

— Всего-навсего дать вам слегка по шее, — ласково ответил Сикстен.

— И узнать, что все-таки будет с Великим Мумриком, — подхватил Бенка.

— Может, до конца летних каникул вы так ни на что и не решитесь? — поинтересовался Юнте. — Так вы спрятали его или нет?

Андерс проворно соскользнул вниз по канату, который позволял Белым Розам быстренько спускаться вниз из своего штаба на чердаке пекарни.

— А что, если мы и вправду спрятали Великого Мумрика? — спросил он.

Андерс подошел к предводителю Алых Роз, заглянул серьезно ему в глаза и, отчеканивая каждое слово, произнес:

— Черно-белая птица вьет гнездо у заброшенного замка. Ищите ночью!

— Чихал я... — Это было единственное, что смог ответить на вызов предводитель Алых Роз.

Однако он тут же вместе с преданными ему воинами удалился в укромное mestечко за кустами смородины, чтобы обсудить слова Андерса о «черно-белой птице».

— Чепуха! Это наверняка сорока! — заявил Юнте. — Великий Мумрик лежит в сорочьем гнезде. Это даже малый ребенок сообразит.

— Да-да, милый Юнте, это даже малый ребенок сообразит! — крикнула с чердака пекарни Ева Лотта. — Подумать только, даже такой малыш, как ты, кое-что соображает. Ты, верно, рад этому, милый Юнте.

— Можно я поколочу ее? — спросил Юнте своего предводителя.

Но Сикстен счел, что Великий Мумрик важнее всего, и Юнте отказался от карательной экспедиции.

— «У заброшенного замка», — повторил Бенка и осторожно, чтобы не услышала Ева Лотта, прошептал: — Это может быть только у развалин замка.

— В сорочьем гнезде у развалин замка, — удовлетворенно сказал Сикстен. — Побежали.

Садовая калитка пекарни захлопнулась за тремя рыцарями Алой Розы с оглушительным грохотом, заставившим кошку Евы Лотты, задрожав от страха, пробудиться от послеобеденного сна на веранде. А пекарь Лисандер, высунув из окна пекарни добродушное лицо, крикнул дочери:

— Как по-твоему, когда вы пекарню вверх дном перевернете?

— При чем тут мы? — оскорбленно возразила Ева Лотта. — Это Алые носятся сломя голову, как стадо бизонов. Мы-то так не хлопаем.

— Ладно, пусть так, — согласился пекарь, протягивая целый противень с соблазнительными венскими булочками вежливым и предупредительным рыцарям Белой Розы, которые не хлопают калитками.

Немного погодя три Белые Розы выпорхнули из калитки, снова хлопнув ею с таким шумом, что почти отцветшие на цветочной клумбе пионы с легким тоскливым вздохом осипали последние лепестки. Как это Ева Лотта сказала: стадо бизонов?!

Война Алой и Белой Розы вспыхнула два года назад, тихим летним вечером, и ни одна из воюющих сторон не желала уступать. Война бушевала уже третий год, и Андерс считал примером, достойным подражания, настоящую войну Алой и Белой Розы, которая длилась целых тридцать лет.

— Если они в старину могли держаться так долго, то мы и подавно сможем, — горячо заверял он.

Ева Лотта была настроена более трезво:

— Представь себе, ведь, если ты будешь воевать целых тридцать лет, ты станешь к концу войны жирнущим стариком лет сорока. И если ты по-прежнему будешь валяться в канавах и охотиться за Великим Мумриком, то-то радости будет малышам! Похихикают всласть.

Да, тут было над чем призадуматься! Невесело, если тебя станут высмеивать, а еще хуже — если тебе стукнет сорок, а другим счастливчикам будет не больше тринадцати-четырнадцати.

Андерс питал явную неприязнь к этим будущим юнцам, которые когда-нибудь захватят все места, где они играли, укромные уголки, где прятались, и еще станут вести войну Алой и Белой Розы. К тому же у них, может быть, хватит наглости насмехаться над ним, *над ним*, который был предводителем Белых Роз еще в те далекие времена, когда этой дерзкой малышни и на свете-то не было!

Андерс очень расстроился. Слова Евы Лотты заставили его задуматься о том, что жизнь коротка и что надо играть, пока не поздно.

— Во всяком случае, никому никогда не будет так весело, как нам, — утешил своего предводителя Калле. — А что до войны Алой и Белой Розы, так тем будущим соплякам ее вовек не придумать.

С этим Ева Лотта была целиком согласна. Ничто не могло сравниться с войной Роз. И когда они в будущем станут, как она предсказывала, достойными сожаления сорокалетними стариками, они всегда будут вспоминать свои удивительные летние игры. И ощущать, как здорово мчаться босиком по мягкой траве Прерии (так называли Алые и Белые Розы большой луг неподалеку от замка) вечерами, в самом начале лета. Вспомнят они и о том, как тепло и ласково булькала под ногами вода, когда они на пути к какой-нибудь решающей битве проирались по гати из хвороста, проложенной на болоте Евой Лоттой. И как ярко светило солнце в распахнутые чердачные оконца, когда даже от деревянного пола в штабе Белых Роз пахло летом.

Да, война Роз несомненно была игрой, навечно связанный с летними каникулами, овеянной теплыми ветрами и озаренной ясными лучами солнца. Осенний мрак и зимний холод означали решительное перемирие в борьбе за Великого Мумрика. Стоило начаться заня-

тиям в школе, как враждебные действия прекращались и начинались лишь тогда, когда на улице Стургатан зацветали каштаны, а школьные отметки, полученные в весеннем семестре, не подвергались придирчивой оценке строгих родительских глаз.

Теперь стояло лето, и война Роз расцветала вместе с настоящими живыми розами в саду пекаря. Полицейский Бьёрк, патрулировавший улицу Лильгатан, понял, что война разгорается, когда мимо него к развалинам замка пронеслись сперва Алье, а через несколько минут на той же дикой скорости промчались Белые Розы. Ева Лотта успела только крикнуть: «Привет, дядя Бьёрк!» — и ее светлая копна волос исчезла за ближайшим углом. Полицейский Бьёрк улыбнулся про себя. Подумать только, дался им этот Великий Мумрик! Как мало нужно таким молокососам для развлечения! Ведь Великий Мумрик был камешком, всего-навсего причудливым маленьkim камешком. Однако же этого камешка было достаточно, чтобы подогревать войну Роз! Да, да, ведь частенько так мало нужно, чтобы вспыхнула война! Полицейский Бьёрк вздохнул. Затем задумчиво перешел мост, чтобы взглянуть на автомобиль, поставленный на другом берегу реки, там, где стоянка была запрещена. Но на полпути он остановился и устремил глубокомысленный взгляд в воду, спокойно плескавшуюся под аркой моста. Там по течению плыла старая газета. Она тихонько покачивалась на волнах, возвещая большими буквами сенсационную новость, которая была свежей вчера или позавчера, а может, и на прошлой неделе. Полицейский Бьёрк рассеянно прочитал:

НЕПРОБИВАЕМЫЙ ЛЕГКИЙ МЕТАЛЛ –
РЕВОЛЮЦИЯ
В ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

*Шведский ученый разрешил проблему,
которая занимает исследователей всего мира.*

Бьёрк снова вздохнул. Подумать только, если бы люди воевали лишь из-за великих мумриков! Тогда и военная промышленность была бы не нужна!

Но ему надо было взглянуть на автомобиль, стоявший в неподложенном месте.

— В боярышнике за развалинами замка — там они станут искать прежде всего, — убеждал друзей Калле и, очень довольный своей догадкой, весело отпрыгнул в сторону.

— Точно, — подтвердила Ева Лотта. — Лучшего места для сорочьего гнезда и не придумаешь.

— Потому-то я и оставил там небольшое письмоцо для Алых, — сказал Андерс. — Они жутко рассердятся, когда его прочитают. По-моему, стоит здесь остановиться и подождать, пока они явятся.

Прямо перед ними на вершине холма вздыпал на встречу бледно-голубому летнему небу свои разрушенные арки старый замок. Он лежал там, всеми покинутый, недружелюбный старый замок, веками преданный забвению и упадку.

Прямо перед ним внизу раскинулись городские строения. И лишь немногие из них нерешительно вскарабкались наверх, приблизившись к могущественному соседу, стоявшему на самой вершине крутого обрыва. Подобно сторожевой заставе, расположился на полпути к развалинам старый дом, скрытый наполовину пышными зарослями боярышника, сирени и вишни. Полуразвалившийся забор из реек окружал эту идиллическую картину, и, прислонившись спиной к этому забору, Андерс решил дождаться здесь отступления Алых.

— «У заброшенного замка», — произнес Калле и бросился в траву рядом с Андерсом. — Это смотря откуда считать и с чем сравнивать. Если отсюда до Южного полюса, то это далеко. А если, к примеру, спрятать Великого Мумрика в окрестностях Хеслехольма, можно все же утверждать, что это «у заброшенного замка».

— Ты прав, — сказала Ева Лотта. — Разве мы говорили, что сорочье гнездо прямо-таки за углом старого замка? Но Алые слишком тупы, чтобы это понять.

— Они на коленях должны благодарить нас, — угрюмо буркнул Андерс. — Вместо того чтобы спрятать Великого Мумрика в окрестностях Хеслехольма, про который никак не скажешь, что он близко, мы спрятали Мумрика совсем рядом, недалеко от дома Эклунда. Это с нашей стороны весьма любезно.

— Точно, весьма любезно, — засмеялась довольная Ева Лотта. А потом неожиданно добавила: — Посмотрите-ка, на крыльце веранды сидит маленький мальчик.

Они посмотрели. На крыльце веранды действительно сидел маленький мальчик. И этого было достаточно, чтобы Ева Лотта разом забыла про Великого Мумрика. У живой и непосредственной Евы Лотты, этого испытанного и храброго воина, бывали минуты женской слабости. Тогда не помогало даже то, что предводитель Белых Роз пытался заставить ее понять: такое просто неуместно во время войны. Андерса и Калле всегда немного смущало и озадачивало поведение Евы Лотты, как только она сталкивалась с маленькими детьми. Насколько Андерс и Калле могли понять, все малыши были одинаково настырные, надоедливые, вечно мокрые и сопливые. Но Еве Лотте они казались маленьками очаровательными светлыми эльфами. Стоило ей попасть в волшебный круг таких вот светлых эльфов, как сердце этой маленькой, похожей на мальчишку амазонки смягчалось. И вела она себя так, что, по мнению Андерса, это было проявлением непозволительной слабости: она протягивала руки к малышу, а в голосе ее появлялись удивительнейшие, нежнейшие нотки, заставлявшие Калле и Андерса содрогаться от возмущения. В такие минуты дерзкой, задорной, сверхмужественной Евы Лотты, рыцаря Белой Розы, как не было! Ее словно ветром сдувало. Не хватало только, чтобы Алые застали ее врасплох в минуту подобной

женской слабости. Тогда на боевом щите Белых Роз появилось бы позорное пятно, которое трудно было бы смыть. Так считали Калле с Андерсом.

Малыш, сидевший на крыльце, конечно, заметил, что у калитки происходит нечто необычное, и медленно зашагал по садовой дорожке. А увидев Еву Лотту, остановился.

— Привет! — чуть нерешительно сказал он.

Ева Лотта стояла у калитки, и на лице ее блуждала «дурацкая», как говорил Андерс, улыбка.

— Привет! — ответила она. — Как тебя зовут?

Малыш рассматривал ее своими серьезными темносиними глазами и, казалось, не обращал внимания на ее «дурацкую» улыбку.

— Меня зовут Расмус, — сказал он, выводя узоры большим пальцем ноги на песке садовой дорожки.

Потом подошел ближе, просунул свою маленькую курносую веснушчатую мордочку сквозь рейки калитки и вдруг увидел сидевших на траве Калле и Андерса. Его серьезное лицико расплылось в широкую, восхищенную улыбку.

— Привет! — сказал он. — Меня зовут Расмус.

— Да, это мы уже слышали, — снисходительно отозвался Калле.

— Сколько тебе лет? — спросила Ева Лотта.

— Пять, — ответил Расмус. — А в будущем году исполнится шесть. А сколько исполнится тебе в будущем году?

Ева Лотта засмеялась.

— В будущем году я буду уже старой-престарой тетенькой, — сказала она. — А что ты тут делаешь, ты живешь у Эклунда?

— Нет, — ответил Расмус. — Я живу у своего папы.

— А он живет здесь, в этом доме?

— Ясное дело, он живет здесь, — оскорбился Расмус. — Иначе я не мог бы жить у него, понятно тебе?

— Железная логика, Ева Лотта, — сказал Андерс.

— Ее зовут Ева Лотта? — спросил Расмус, больши́м пальцем ноги указав на Еву Лотту.

— Да, ее зовут Ева Лотта, — ответила сама Ева Лотта. — И ей кажется, что ты — симпатяга.

Поскольку Алые еще не показывались, девочка быстренько перебралась через калитку к симпатичному ребенку из сада Эклунда.

Расмус не мог не заметить, что по крайней мере один человек из трех им очень заинтересовался, и решил ответить учтивостью на учтивость. Надо было только найти подходящую тему для беседы.

— Мой папа делает листовое железо, — подумав, сообщил он.

— Он делает жесть? — переспросила Ева Лотта. — Стало быть, он жестянщик?

— Никакой он не жестянщик, — рассердился Расмус. — Он профессор, который делает листовое железо.

— Ой, как здорово! Раз так, он сделает жестяной противень для моего папы, — обрадовалась Ева Лотта. — Понимаешь, он пекарь, и ему нужна целая уйма противней.

— Я попрошу папу, чтобы он сделал противень для твоего папы, — приветливо пообещал Расмус, сунув ручонку в руку Евы Лотты.

— Фу, Ева Лотта, какая чепуха! — пристыдил ее Андерс. — Плюнь ты на этого мальчишку, ведь в любую минуту могут появиться Алые.

— Успокойся! — сказала Ева Лотта. — Я же первая раскрою им всем черепушки.

Расмус с глубоким восхищением уставился на Еву Лотту.

— Кому ты раскроишь черепушки? — спросил он.

И Ева Лотта начала рассказывать. О войне Алой и Белой Розы. О диких погонях за врагом по улицам и переулкам городка, об опасных заданиях, таинственных приказах и захватывающих приключениях, когда они темными ночами тайком удирали из дома. О достопочтенном Великом Мумрике и о том, как вскоре сюда

налетят Алые, злые как шерши, и начнется великолепное сражение.

Расмус все понял. Наконец-то он понял, что смысл жизни в том, чтобы стать Белой Розой. Ничего прекраснее на свете нет. В самой глубине его пятилетней души зародилось в этот миг безумное стремление быть таким, как Ева Лотта, как Андерс и еще как этот — ну, как звать другого мальчика, ну, как его — Калле! Быть таким же рослым и сильным, раскраивать черепушки Алым, издавать воинственный клич и красться в ночи... Он поднял на Еву Лотту широко раскрытые глаза, в которых читалось это его страстное желание, и неуверенно спросил:

— Ева Лотта, а я не могу стать Белой Розой?

Ева Лотта слегка щелкнула его в шутку по веснушчатому носику и сказала:

— Нет, Расмус, ты еще слишком мал.

Ну и рассердился же Расмус! Его охватил праведный гнев, когда он услыхал эти презрительные слова: «Ты еще слишком мал». Вечно только это и слышишь! Он сердито посмотрел на Еву Лотту.

— Тогда, по-моему, ты — дура, — констатировал он.

И после этих слов решил бросить ее на произвол судьбы. Лучше он спросит этих мальчиков, не может ли он стать Белой Розой.

Они стояли у калитки и с интересом смотрели на дровянной сарай.

— Эй, Расмус, — спросил тот, которого звали Калле. — Чей этот мотоцикл?

— Ясное дело, папин, — ответил Расмус.

— Скажи пожалуйста?! — удивился Калле. — Ничего себе, видать, профессор, который ездит на мотоцикле! Наверно, борода у него путается в колесах.

— Какая еще борода?! — зло сказал Расмус. — У моего папы нет бороды.

— Разве? — усомнился Андерс. — Ведь борода есть у всех профессоров.

— А вот у него нет! — повторил Расмус и с чувством собственного достоинства зашагал обратно к веранде. Эти ребята — дураки, и он больше не собирается с ними разговаривать.

Очутившись в безопасности на веранде, он обернулся и закричал всей этой троице у калитки:

— Вы все — дураки! Мой папа делает листовое железо, и он — профессор без бороды!

Калле, Андерс и Ева Лотта, забавляясь, смотрели на сердитую маленькую фигурку на веранде. Они вовсе не собирались его дразнить. Ева Лотта сделала несколько быстрых шагов, чтобы броситься за ним и хоть чуточку его успокоить, но тут же остановилась. Потому что в тот самый миг дверь за спиной Расмуса отворилась и кто-то вышел на веранду.

Это был загорелый молодой мужчина лет тридцати. Крепко обхватив Расмуса, он перекинул его к себе на плечо.

— Ты абсолютно прав, Расмус, — сказал он. — Твой папа делает листовое железо, и он — профессор без бороды.

С Расмусом на плечах он зашагал по песчаной дорожке, а Ева Лотта чуточку испугалась: ведь она переступила порог частного владения.

— Теперь ты сам видишь, что у него нет бороды! — торжествующе закричал Расмус, обращаясь к Калле, который нерешительно топтался у калитки. — И еще он, ясное дело, умеет ездить на мотоцикле! — продолжал Расмус.

Потому что он уже мысленно представлял себе папу с длинной волнистой бородой, которая путалась бы в колесах, и зрелище это было просто невыносимым.

Калле и Андерс вежливо поклонились.

— Расмус говорит, что вы делаете листовое железо, — сказал Калле, желая замять разговор о злополучной бороде.

— Да, пожалуй, это можно так назвать, — засмеялся профессор. — Листовое железо... легкий металл... понимаете, я сделал небольшое изобретение.

— Какое изобретение? — заинтересовался Калле.

— Я нашел способ изготовить легкий непробиваемый металл, — начал рассказывать профессор.

И это-то Расмус называет «делать листовое железо»!

— Да, я читал об этом в газете, — оживился Андерс. — Тогда, выходит, вы — знаменитость, вот это да!

— Да, он знаменитость, — подтвердил с высоты отцовского плеча Расмус. — И бороды у него тоже нет. Понятно?

Профессор не стал распространяться о своей славе.

— А теперь, Расмус, пойдем завтракать, — сказал он. — Я поджарю тебе ветчину.

— Я и не знала, что вы живете в нашем городе, — удивилась Ева Лотта.

— Только летом, — объяснил профессор. — Я снял эту развалюху на лето.

— Потому что папа и я будем здесь купаться и загорать, пока мама лежит в больнице, — сказал Расмус. — Мы — вдвоем, совсем одни. Ясно?

2

Родители часто мешают, когда надо воевать. Они самыми разнообразными способами вмешиваются в ход событий. Иногда торговцу бакалейными товарами Блумкину приходило в голову, что сын мог бы помочь ему в лавке в часы «пик». И почтмейстер частенько приставал с глупыми предложениями насчет того, что Сикстену следовало бы убрать мусор с садовых дорожек и подстричь траву на лужайках. Сикстен напрасно пытался убедить отца в том, что заросший сад выглядит гораздо романтичнее. Почтмейстер только непонимающе качал

головой и молча показывал на машинку, которой подстригали садовую траву.

Еще более упрямым и требовательным был сапожник Бенгтссон. Ему пришлось зарабатывать себе на хлеб с тринадцати лет, а сын должен идти по стопам отца, считал сапожник. Поэтому он железной рукой пытался во время летних каникул засадить Андерса за сапожный верстак. Но Андерс со временем научился мастерски избегать любых покушений на его золотую свободу.

Оттого-то, когда сапожник спускался в свою мастерскую, чтобы посвятить старшего сына в тайны сапожного ремесла, скамеечка, на которой должен был сидеть Андерс, большей частью пустовала.

По-настоящему человечным оставался лишь пapa Евы Лотты.

— Только бы ты была веселой и доброй и не очень проказничала, и я оставлю тебя в покое, — говорил пекарь, нежно кладя отеческую руку на белокурую макушку Евы Лотты.

— Да, вот это пapa так пapa, — горько сетовал Сикстен, нарочито громко, чтобы заглушить стрекотание машинки, которой подстригали садовую траву.

Уже второй раз за короткое время безжалостный отец заставил сына посвятить себя садоводству.

Бенка и Юнте, повиснув на заборе, с участием смотрели на мучения Сикстена. Они пытались утешить его, живописуя яркими красками собственные бедствия. Бенка по меньшей мере целое утро собирал смородину, а Юнте пас маленьких братьев и сестер.

— Да, если так дело пойдет, — негодовал Сикстен, — придется сражаться с Белыми Розами по ночам. За весь день свободной минутки не найдется, чтобы сделать даже самое необходимое.

Юнте кивнул в знак согласия:

— Вот это речи настоящего мужчины! А не проучить ли нам Белых Роз нынче же ночью?

Сикстен немедленно отбросил в сторону машинку, которой подстригал траву.

— Ты не дурак, Юнте, миленький! Пошли соберемся в штабе на военный совет.

И в штабе Алых Роз, что находился в гараже Сикстена, был разработан план ночного нападения. После чего Бенку с ультиматумом предводителя Алых Роз послали к Белым Розам.

Андерс и Ева Лотта сидели в садовой беседке пекаря и ждали, когда закроется бакалейная лавка Блумквиста и Калле освободится. Чтобы скоротать время, они играли в шахматы и ели сливы. Согретый теплыми лучами июльского солнца, предводитель Белых Роз немного расслабился, и вид у него был не очень-то воинственный. Но, увидев, что по гати из хвороста, прохоженной на болоте Евой Лоттой, мчится Бенка, а вода так и брызжет из-под его босых ног, он приободрился. В руках Бенка держал бумагу, и эту бумагу он, холодно поклонившись, передал предводителю Белых Роз, после чего быстро исчез тем же путем, что и появился.

Выплевывая сливовые косточки, Андерс принялся громко читать:

*Этой ночью при свете луны в замке моих предков
будет задан тир.*

*Алые Розы собираются праздновать возвращение
славного и достопочтенного Великого Мумрика,
которого они отвоюют у язычников.*

*Предупреждаем!!! Не мешайте нам!!!
Ничтожные воображалы из банды Белых Роз,
которые попробуют сунуться к нам тайком,
будут беспощадно стерты с лица земли.
Все до одного!*

*Сикстен,
дворянин и предводитель Алых Роз.*

Внимание! В 12 часов ночи в развалинах замка.

Андерс и Ева Лотта посмотрели друг на друга и удовлетворенно ухмыльнулись.

— Пошли, предупредим Калле, — сказал Андерс, засовывая бумажку в карман брюк. — Запомни мои слова — наступает Ночь Длинных Мечей.

При свете луны маленький городок спал глубоким и беззаботным сном, ничуть не подозревая о Ночи Длинных Мечей. Полицейский Бьёрк медленно прохаживался по безлюдным улицам и тоже ничего не подозревал. Стояла тишина. Единственное, что он слышал, был стук его собственных каблуков о булыжную мостовую. Город спал, залитый потоками лунного света, и ясное сияние, озарявшее улицы и площадь, не выдавало тайну Ночи Длинных Мечей. Но вокруг спящих домов и садов лежали глубокие тени; будь полицейский Бьёрк чуть повнимательней, он бы заметил, что там, в темноте, царило оживление. Он бы заметил, как кто-то крадется неслышными шагами, пробирается тайком. Он услышал бы шепот, услышал бы, как осторожно отворяется окно в доме пекаря Лисандера, и увидел бы, как Ева Лотта вылезает из окна и спускается вниз по веревке. Он услышал бы, как за углом дома Блумквистов Калле тихонько насвистывает боевой сигнал Белых Роз, и увидел бы, как рядом с ним промелькнул Андерс и исчез в спасительной тени живой изгороди из кустов сирени.

Но полицейский Бьёрк очень хотел спать и мечтал только о том, чтобы обход его скорее кончился. Поэтому ему и в голову не пришло, что это была Ночь Длинных Мечей.

Бедные, ни о чем не подозревавшие родители Белых и Алых Роз спокойно спали в своих постелях. Никто и не подумал спросить детей, не собираются ли они продолжать военные действия ночью. Однако Ева Лотта на всякий случай оставила на подушке записку. Вдруг кто-нибудь заметит, что она исчезла. Прочи-

тав записку, родители должны были совершенно успокоиться.

*Привет! Не поднимайте шума!
Я только недолго вышла; немножко повоюю
и думаю, что скоро вернусь домой.*

Тра-ля-ля.

Ева Лотта.

— Это на всякий случай, — объяснила она Калле и Андерсу, когда они карабкались по крутому склону холма к развалинам замка.

Часы на ратуше как раз пробили двенадцать — они успели вовремя.

— «Замок моих предков» — ну и заливает, — сказал Калле. — Что Сикстен хочет этим сказать? Насколько мне известно, в замке никогда не жил ни один почтмейстер.

Развалины замка лежали перед ними, залитые лунным светом, и в самом деле не особенно походили на почтамт.

— Обычное хвастовство Алых, неужели не ясно? — заметил Андерс. — Их надо проучить. И к тому же Великий Мумрик наверняка у них в руках.

В глубине души Андерс был ничуть не огорчен тем, что Алые в конце концов нашли сорочье гнездо, где был спрятан Великий Мумрик, и захватили его. Ведь главным условием войны Роз было то, что сокровище время от времени меняло владельца.

Запыхавшись от трудного подъема на вершину холма, Калле, Ева Лотта и Андерс недолго задержались у входа в развалины. Они молча стояли, прислушиваясь к тишине, и думали о том, как опасно вступать под высокие сумрачные своды замка. И вдруг из темноты донесся страшный голос, который возвестил:

— Настал час битвы между Алыми и Белыми Розами и тысячи тысяч душ пойдут на смерть во мраке ночи!

Жуткий пронзительный хохот эхом отозвался в каменных стенах замка. И снова наступила тишина, ужасная, пугающая тишина. Казалось, хохотовшие сами были застигнуты врасплох собственным страхом перед какой-то неведомой опасностью, затаившейся во тьме.

— Сражаться и победить! — решительно воскликнул Андерс и ринулся стремглав в развалины замка. Калле и Ева Лотта последовали за ним.

При свете дня они бывали здесь бесчисленное число раз. Но никогда прежде не доводилось им приходить сюда ночью. Однажды — это был памятный случай — их даже заперли в подземелье замка. Тогда было довольно неприятно, но, помнится, не так ужасно, как сейчас. В полночь вступать в коварную тьму, где все, что угодно, могло подкрауливать их среди призрачных теней! И не только Алье. Нет, скорее вовсе не Алье, а души и привидения, которые, желая, быть может, отомстить за потревоженный ночной покой, высовывают из какой-нибудь пробоины в стене, там, где вы меньше всего ожидаете, костлявую руку скелета и душат вас.

— Сражаться и победить! — снова воскликнул Андерс, чтобы подбодрить своих соратников.

Но его голос так жутко прозвучал в тишине, что Ева Лотта, дрожа от страха, попросила его замолчать.

— И не отходите от меня, как всегда, — добавила она, — потому что я не очень-то хорошо уживаюсь с привидениями.

Калле успокаивающе похлопал ее по плечу, и они осторожно стали продвигаться вперед, на каждом шагу останавливаясь и прислушиваясь. Где-то в этом мраке притаились Алье; должно быть, это их крадущиеся таинственные шаги были слышны в ночи, — по крайней мере, хотелось надеяться, что это так. То тут, то там сквозь проломы свода светила ясная луна, и тогда все было видно почти как днем — шероховатые каменные стены, неровный пол, где надо следить за каждым своим

шагом, чтобы не споткнуться. Там же, куда не мог проникнуть лунный свет, были одни лишь угрожающие тени, пугающий мрак и глухая тишина. Но в этой тишине, если как следует прислушаться, можно было уловить слабый шепот, порхающий легкий шепоток, который заползал в уши и заставлял цепенеть от страха.

Еве Лотте стало жутко. Она замедлила шаги. Кто это шепчет? То ли это Алые, то ли это слабое эхо давным-давно умолкших голосов, сохранившееся в этих каменных стенах? Ева Лотта протянула руку, желая убедиться, что она не одна. Ей необходимо было потрогать кончиками пальцев штормовку Калле, как единственную защиту от охватившего ее страха. Но штормовки Калле не было; была лишь черная пустота. Ева Лотта заплакала от ужаса. Тогда из глубокой ниши в стене высунулась чья-то рука и крепко схватила ее. Ева Лотта закричала. Она закричала так, будто настал ее последний час.

— Заткнись! — сказал Юнте. — Ты воешь как сирена.

— Милый Юнте! — обрадовалась Ева Лотта. Вдруг он показался ей таким славным. И они молча, самозабвенно стали драться в темноте.

В глубине же души она обиженно спрашивала себя, куда исчезли Андерс и Калле. Но тут в отдалении послышался голос предводителя Белых Роз:

— Чего ты кричишь, Ева Лотта? И где, собственно говоря, Алые задают этот пир?

Юнте был не слишком силен, и крепкие кулачки Евы Лотты помогли ей вскоре освободиться. Она помчалась изо всех сил по темной галерее, а Юнте неотступно следовал за ней по пятам. Кто-то схватил ее с другой стороны, и Ева Лотта стала неистово драться, чтобы вырваться и проложить себе путь. Но этот враг был сильнее. Ева Лотта почувствовала, что руки ее стиснуты, точно кандалами. Это был, конечно, Сикстен, но Ева Лотта не собиралась легко уступать ему, ну уж нет!

Напрягая каждую мышцу, она изо всех сил толкнула его головой в подбородок.

— Ай! — произнес ее противник. И произнес это голосом Калле.

— Что с тобой? — спросила Ева Лотта. — Чего ты дерешься?

— А чего ты сама дерешься, когда тебе приходят на помощь? — спросил Калле.

Юнте в восторге захихикал и поспешил удалиться, так как не хотел оставаться в темной галерее наедине с двумя Белыми Розами. Он помчался изо всех сил по направлению к светлеющему во мраке выходу из развалин, чтобы выбраться во двор замка, и на прощание закричал:

— Вот здорово! Лупите друг друга хорошенъко, а мы пока удерем.

— Вперед, Ева Лотта! — воскликнул Калле, и оба они ринулись по галерее следом за Юнте.

А на внутреннем дворе замка встретились и сцепились в драке предводители Алой и Белой Розы. Озаренные лунным светом, они отмахивались друг от друга длинными деревянными мечами. Ева Лотта и Калле задрожали от нетерпения, увидев, как две черные тени гоняются друг за другом вдоль стен, окружающих двор. О, это была настоящая война Роз! Именно среди таких вот средневековых стен и должны были выходить на единоборство ночью воины. Разумеется, так оно и было, когда настоящая война бушевала между настоящей Алой и Белой Розой и тысячи тысяч душ вступали в роковую ночь и шли на смерть! Словно легкое дуновение холодного неприятного ветерка, пронеслось в их сознании смутное ощущение того, как это происходило в те времена, когда война Роз не была лишь веселой игрой. И единоборство при свете луны не показалось им больше игрой. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, борьба, которая могла кончиться только тем, что одна из черных теней, которые на их глазах носились взад-вперед вдоль стен замка, в конце

концов затихла бы и никогда бы больше не шевельнулась...

— Тысячи тысяч душ... — тихо прошептал Калле.

— Замолчи! — сказала Ева Лотта.

Глаза ее были прикованы к сражаящимся теням, и она просто дрожала от возбуждения. Неподалеку от нее стояли Бенка с Юнте и, точно так же затаив дыхание, следили за переменчивым ходом битвы. Тени делали выпады, отражали удары и переходили на рупорашный бой — отступали, снова шли в атаку. Все происходило в глубоком молчании, и, только когда скрещивались мечи, слышался ужасный треск.

— Склони их к вечному покою под колыбельную мечи, — продекламировал Бенка. — И дай ему так, чтобы лопнула голова, — посоветовал он, желая разрушить жуткое очарование, которое производили на него скользящие тени.

Тут Ева Лотта пришла в себя и облегченно вздохнула:

— Фу, ведь это всего-навсего Андерс и Сикстен бьются друг с другом!

— Гони предводителя Алых из замка его предков! — закричал Калле, подбадривая своего друга.

Андерс старался изо всех сил. Правда, ему не удалось выгнать Сикстена из замка предков, но он загнал его назад к насосу, стоявшему посередине двора. Рядом с насосом был обмелевший фонтан, наполненный мутной водой. И она не стала прозрачней оттого, что предводитель Алых, из-за неосторожного шага назад, свалился в фонтан.

Ликующий вопль Евы Лотты и Калле заглушил негодующие крики Алых. Но Сикстен уже поднялся из своей ванны. Ну и разозлился же он! Он налетел на Андерса, как разъяренный бык, и разнообразия ради Андерс решил бежать. Икая от смеха, он кинулся к стене, ограждающей двор замка, и начал карабкаться вверх. Но не успел он подняться, как подбежал Сикстен и начал карабкаться за ним следом.

— Ты куда? — рассердился Андерс, глядя вниз на своего преследователя. — Тебе, наверно, пора на пир в замке твоих предков?

— Я сначала надеру тебе уши, — пообещал ему Сикстен.

Андерс проворно помчался по общей крыше строений, составляющих стену замка, гадая, что было бы, если бы Сикстену удалось его схватить. Драться здесь наверху было опасно для жизни, потому что в одном месте внизу, по другую сторону стен, зияла пропасть. Стоит Сикстену отогнать Андерса метров на двадцать — и там вместо маленькой лужайки, поросшей мягкой травой, под ногами его развернется пугающая бездна. А глубина ее по крайней мере тридцать метров. Правда, ничто не мешало теперь Андерсу спуститься вниз с этой стены, пока еще внизу была лужайка. Но он даже не думал об этом. То, что опасно, интересно, а эта ночь создана была для риска. Может, на Андерса просто напала своего рода лунная горячка, потому что его одолевало дикое желание совершать необыкновенные подвиги. Ему хотелось сделать что-нибудь такое, от чего бы Алые просто задохнулись от злости и восторга.

— А ну иди, иди сюда, Сикстен, миленький, — поманил он. — Прогуляемся вместе под луной?

— Иду, иду, будь спокоен, — проворчал в ответ Сикстен.

Он понял, что намеревается сделать Андерс, но Сикстен был не из тех, кто тут же задыхается от восторга.

Стена была примерно двадцать сантиметров шириной — настоящая тропка для того, кто привык балансировать на узком гимнастическом бревне в школе.

Но тут Андерс добрался до восточного угла стены замка. Там была маленькая круглая площадка, в ста-рину — место для стрелка, охранявшего замок. Здесь стена поворачивала к югу и тянулась вдоль обрыва.

Андерс сделал несколько медленных шагов. В этот миг в душе его раздался голос разума, и еще не поздно было послушаться его.

Сикстен подобрался пугающе близко и, заметив колебания Андерса, язвительно улыбнулся от восторга:

— Сюда идет тот, кто видит тебя насквозь; он видит и кровь твоего сердца. Ты ведь не боишься, а?

— Боюсь?! — возмутился Андерс, не испытывая больше ни малейших сомнений. Несколько быстрых шагов — и он снова движется по стене. Путь к отступлению закрыт. Метров пятьдесят по крайней мере он должен балансировать над этой бездной. Он попытался не глядеть вниз, смотреть лишь прямо перед собой на стену, серебристой лентой протянувшуюся перед ним в лунном свете... Очень длинной серебристой лентой и такой узкой! Внезапно ставшей пугающе узкой! Не потому ли вдруг так ослабли его ноги? Ему захотелось обернуться, чтобы посмотреть, где сейчас Сикстен. Но он не смел, да это было и не нужно. Потому что буквально за спиной он слышал тяжелое дыхание Сикстена. И дыхание это было довольно неровным. Сикстен определенно боялся... и Сикстен тоже... Да и сам Андерс теперь смертельно боялся. Что правда, то правда... А там, у сторожевой стрелковой площадки, вскарабкались на стену все остальные Розы. Они стояли и с величайшим ужасом смотрели на безумство своих предводителей.

— Сюда идет тот... кто увидит... кровь сердца твоего, — бормотал Сикстен.

Но кровожадность его не казалась уже столь убедительной.

Андерс задумался в нерешительности. Конечно, можно было бы соскочить со стены во внутренний двор замка. Но это был бы прыжок с высоты трех метров на твердую каменную кладку. А медленно и осторожно спуститься вниз было никак нельзя. Потому что, прежде чем начать спускаться вниз, нужно было встать на колени. А у Андерса не было ни малейшего желания

вставать на колени даже рядом с грозной пропастью. Нет, единственное, что можно было сделать, — это продолжать идти вперед, не отрывая воспаленных глаз от сторожевой стрелковой площадки на другом, противоположном спасительном углу стены.

Быть может, Сикстен боялся чуточку меньше. Во всяком случае, у него сохранились еще остатки присущего ему мрачного юмора. Андерс услышал за спиной его голос.

— Я все ближе и ближе, — говорил он. — Я все ближе и ближе и скоро подставлю тебе ножку. Вот будет весело!

Он вовсе не думал всерьез угрожать предводителю Белых Роз. Но для Андерса эта угроза оказалась роковой. Один лишь намек, что кто-то сзади может подставить ему ножку, испугал его насмерть. Он полуобернулся к Сикстену и пошатнулся.

— Берегись! — отчаянно закричал Сикстен.

Тут Андерс еще раз пошатнулся... И в ту же минуту со стороны стрелковой площадки раздался страшный крик. Потому что, к своему ужасу, Розы увидели, как предводитель Белых Роз летит вниз головой в пропасть.

Ева Лотта закрыла глаза. Отчаянные мысли пронеслись у нее в голове... Неужели не найдется хоть кто-нибудь, кто бы им помог?.. А кто пойдет и сообщит фру Бенгтссон: «Андерс разбился насмерть»?.. И что скажут ей мама с папой?

Тут она услыхала голос Калле, пронзительно резкий от возбуждения:

— Смотрите, он висит на кусте!

Ева Лотта открыла глаза и с опаской поглядела вниз, в пропасть. И в самом деле там на кусте висел Андерс. Маленький кустик пустил корни на склоне холма, чуть ниже стены, и кустик этот предусмотрительно поймал предводителя Белых Роз, когда он летел на встречу верной смерти.

Сикстена Ева Лотта тоже не увидела. Он рухнул со стены от страха.

Но он успел свалиться на внутренний двор замка, где наверняка разбил в кровь колени и руки, но все-таки остался в живых.

А вот удастся ли спасти жизнь Андерса? Это еще вопрос. Кустик был таким маленьким и жалким и он так пугающе сгибался под тяжестью предводителя Белых Роз! Сколько он еще продержится, прежде чем сорвется в пропасть, захватив с собой Андерса в качестве пассажира?

Ева Лотта жалобно причитала.

— Что нам делать, что нам делать? — повторяла она, глядя на Калле своими черными от отчаяния глазами.

Как всегда, когда грозила опасность, знаменитому сыщику Калле Блумквисту пришлось взять руководство на себя.

— Держись, Андерс! — закричал он. — Я принесу веревку!

На прошлой неделе они тренировались, бросая лассо, здесь, наверху, возле развалин замка. И где-то тут должна была лежать веревка, она *должна была быть* здесь.

— Поторопись, Калле! — закричал Юнте, когда Калле сломя голову выскочил из ворот замка.

— Быстрее, быстрее! — кричали они все, хотя это было излишне. Калле и так спешил изо всех сил.

Они пытались поддержать мужество и в Андерсе.

— Только не волнуйся! — кричала Ева Лотта. — Калле скоро вернется с веревкой!

Андерс и в самом деле нуждался в утешении, потому что его положение было невесельм. Он медленно, осторожно забрался на куст и сидел теперь на нем верхом, как ведьма на метле. Он не смел заглянуть вниз, в пропасть, не смел кричать, не смел шевельнуться. Он ничего не смел. Он мог только ждать, в отчаянии глядя на куст. Куст сгибался под его тяжестью у самого корня, кора потрескалась и превратилась в мелкие полос-

ки, и он видел белые волоконца, которые гнулись и трещали. Если Калле не поторопится, веревка уже не понадобится.

— Почему он не возвращается? — всхлипнула Ева Лотта. — Почему он не торопится?

Если бы она только знала, как торопился Калле! Он летал вокруг, словно оса, и искал. Искал, искал, искал... но никакой веревки не было.

— Помогите! — в страхе шептал Калле.

— Помогите! — побелевшими губами шептал Андерс, сидя на кусте, которому оставалось так мало времени расти и зеленеть.

— Ой, ой, ой! — повторял поднявшийся на строежевую стрелковую площадку Сикстен. — Ой, ой, ой!

Но тут — наконец-то — появился Калле, и в руках он держал веревку.

— Ева Лотта останется здесь, наверху, и будет наблюдать! — скомандовал он. — Все остальные спускайтесь вниз!

Надо было спешить. Калле знал, что нужно делать. Отыскать камень и крепко привязать его к одному концу веревки. Перебросить камень через стену, желательно не ударив при этом Андерса по голове. Надеяться, что Андерс схватится за конец веревки, прежде чем будет слишком поздно.

Когда торопишься, когда дорога каждая секунда, руки становятся такими неловкими!..

А внизу ждет Андерс, глядя горящими глазами вверх, на стену замка. Неужели так и не придет спасение? Нет, оно приходит. Через стену перелетает веревка. Но падает она слишком далеко, его нетерпеливым рукам ее не достать.

— Правее! — кричит со своего наблюдательного пункта Ева Лотта.

Калле и все остальные, стоящие под стеной, изо всех сил тянут и дергают веревку, пытаясь приблизить ее поближе к Андерсу. Но ничего не получается. Видно,

веревка застяла, зацепилась за что-нибудь, за какой-нибудь маленький выступ на самом краю стены.

— Я не выдержу, — шепчет Ева Лотта, — не выдержу.

Она видит, как мальчики безуспешно тянут веревку. Она видит, что Андерс чуть ли не теряет сознание от страха... и видит куст, все ниже и ниже склоняющийся к пропасти... «О Андерс, белейшая из Белых Роз, наш предводитель!»

— Я больше не выдержу! Ни одной секунды!

Быстро и легко бежит она босиком с площадки к стене.

Держись, Ева Лотта! Не заглядывай вниз, в пропасть, беги, беги к этой веревке, нагнись, присядь, хотя ноги у тебя дрожат, отцепи веревку, подвинь ее, встань, повернишь на этой узенькой стене и беги обратно на сторожевую площадку!

Готово! Она начинает безудержно плакать.

Но Калле уже опускает веревку. Камень болтается перед Андерсом. Осторожно, осторожно протягивает он к нему руки. Куст клонится все ниже и ниже. Ева Лотта закрывает лицо руками. Но ей ведь надо вести наблюдение, она должна заставить себя смотреть... Но вот... вот... вот куст отрывается от склона холма, корни его не в силах больше держаться за расселину в скале. Ева Лотта видит, как что-то зеленое, медленно кружаось, падает вниз и исчезает. Но в самую последнюю секунду Андерс хватает веревку.

— Он поймал ее! — кричит Ева Лотта. — Он поймал ее!

Они столпились вокруг Андерса. Как они любят его, как радуются, что он не свалился вместе с кустом в пропасть! Калле незаметным, легким движением дотрагивается до руки Андерса. Он такой славный, Андерс, здорово, что он жив!

— Куст провалился в тартарары! — как бы подводит итог Ева Лотта, и все восхищенно смеются.

И в самом деле ужасно смешно, что куст провалился в тартарары.

— А что бы ты делал, сидя на этом кусте внизу? — спрашивает Сикстен. — Искал бы птичьи яйца?

— Да, тебе, верно, пригодилось бы несколько птичьих яиц на пиру в замке твоих предков, — отвечает Андерс.

— Но ты сам чуть не превратился в такое битое яйцо, — говорит Калле.

И все хохочут над его словами, ха-ха-ха, еще немножко — и Андерс стал бы битым яйцом!

Сикстен опускается на колени и хохочет громче всех остальных. Но внезапно он чувствует, как болят его раненые коленки и как ему холодно в мокрой насквозь одежде.

— Пошли, Бенка, Юнте! Побежали!

Сикстен рысью мчится к воротам, а его верные рыцари следуют за ним. В воротах он оборачивается, весело машет Андерсу, Калле и Еве Лотте. Он кричит:

— Привет вам, воображалы из ордена Белой Розы! Завтра мы сотрем вас с лица земли!

Но предводитель Алых ошибается. Пройдет немало времени, прежде чем Алые и Белые Розы снова сойдутся в битве.

3

Три Белые Розы, веселые и довольные, отправились домой. Ночь не прошла даром, а происшествие с Андерсом не вывело их из равновесия. Они обладали за-видной способностью юности воспринимать жизнь такой, какой она складывалась в данную минуту. Пока Андерс сидел верхом на кусте, они были вне себя от страха, но что пользы бояться после того, как все кончилось благополучно? Да и Андерс ни на йоту не был испуган. Он вовсе не желал видеть кошмарные сны об этом мелком нервном потрясении. Он собирался пойти

домой и спокойно выспаться, а потом с надеждой отправиться навстречу дню,льному новым опасностей.

Но никто не знал, что никому из Белых Роз не суждено было спать в эту ночь.

Они гуськом шли по узкой тропинке обратно в город. Они не чувствовали большой усталости, но вот Калле широко зевнул и сказал, что в некоторых кругах принято спать по ночам и что не мешало бы им самим проверить, хорошо это или плохо.

— Расмусу это наверняка бы понравилось, — ласково заметила Ева Лотта и остановилась возле дома Эклунда. — Какой же он, наверно, хорошенъкий, когда спит!

— Ну, ну, не надо, Ева Лотта! — взмолился Андерс. — Не начинай все сначала.

Да, разумеется, в это время и Расмус, и его папа преспокойно спали в своем уединенном жилище. На верхнем этаже было открыто окно, и ветерок шевелил белую занавеску, которая словно приветствовала трехочных путников, идущих мимо по дорожке. И приветствовала так тихо, так спокойно, что Андерс невольно понизил голос, чтобы не разбудить того, кто спал за этой чуть колыхавшейся занавеской.

Но кто-то был менее вежлив и не очень беспокоился, что кругом все спят; кто-то ехал в автомобиле, приближающееся фырканье которого нарушало тишину. Уже можно было слышать, как этот кто-то переключает скорости на подъеме, как тормозит с раздражающим скрежетом, — и потом снова наступила тишина.

— Интересно, кто так поздно ездит на машине? — сказал Калле.

— Какое тебе дело! — отрезал Андерс. — Пошли, чего мы тут ждем?

Но в глубине души Калле уже пробудился суперсыщик.

Было время, когда Калле, строго говоря, был вовсе не Калле, а господин Блумквист, знаменитый сыщик,

проницательный, непобедимый, охраняющий безопасность общества и разделяющий своих близких главным образом на две группы: «уже арестованных» и «еще не арестованных».

Но с годами он стал разумней и теперь лишь в отдельных случаях ощущал себя суперсыщиком.

Сейчас был именно такой случай. Именно такой случай.

Интересно, куда направится тот, кто приехал в автомобиле? На холме только один-единственный дом — Эклунда. Он расположен как передовой сторожевой пост, далеко от остальных городских домов. Но не похоже, чтобы профессор, живущий в этом доме, ожидал гостей, — дом спит. Может, в автомобиле сидят влюбленные, которые приехали сюда помечтать? Тогда это влюбленные, которые совершенно не знают здешних мест. Настоящие романтические места находятся в прямо противоположной стороне города. И нужно совсем помешаться от любви, чтобы выбрать эту петляющую по холмам дорогу дляочных мечтаний.

Так кто же раскатывает в этом автомобиле? Ни один настоящий суперсыщик не оставит такое дело нерасследованным. Этого допустить нельзя.

— Эй, послушайте, давайте подождем, посмотрим, кто это приехал, — сказал Калле.

— Зачем? — возразила ему Ева Лотта. — Ты думаешь, что это лунатики и они замышляют убийство?

Не успела она договорить, как возле самого дома, не более чем в двадцати пяти метрах от них, вынырнули двое мужчин. Слышно было, как слабо заскрипела на чугунных петлях калитка, когда эти двое тихонько отворили ее и вошли в сад. Да, они запросто вошли туда!

— А ну быстрей в канаву! — возбужденно прошептал Калле.

Секунда — и они уже лежали там, прижав носы к краю канавы, и могли видеть все, что творится в саду профессора.

— Чепуха, может, их просто пригласили в гости к профессору, — прошептал Андерс.

— Как бы не так! — сказал Калле.

Для гостей профессора эти люди вели себя довольно странно.

Если ты дорогой гость, то вряд ли станешь красться тайком, словно боишься, что тебя схватят. И не обходишь вокруг дома, проверяя, открыты ли двери и окна. Дорогой гость, обнаружив, что дом заперт, не приставляет лестницу к открытому окну на втором этаже и не взбирается туда.

Но именно так поступали ночные посетители.

— Ой, умираю! — задохнулась от ужаса Ева Лотта. — Смотрите, они в самом деле лезут наверх!

И если верить глазам, гости в самом деле поднялись по лестнице.

Дети лежали в канаве и испуганно смотрели на открытое окно с его тихо колыхавшейся занавеской. Прошла целая вечность. Вечность ожидания. Вечность молчания, нарушаемая лишь их беспокойным дыханием и слабым шелестом предрассветного ветра в верхушках вишневых деревьев.

Наконец один из тех двоих показался на лестнице. Он что-то нес в руках. Ради всего святого, что же он нес?

— Расмус, — прошептала Ева Лотта, и лицо ее побелело. — Смотрите, они похищают Расмуса.

«Нет, это просто чудовищно, — подумал Калле. — Такого у нас просто не может быть. В Америке это вполне возможно — об этом пишут в газетах, — но только не здесь, не у нас».

Но видно, это могло случиться и здесь, потому что незнакомый человек нес Расмуса. Он осторожно держал его в своих объятиях, и Расмус спал.

Когда незнакомец вышел со своей ношей из калитки и исчез, Ева Лотта разразилась бурными рыданиями. Повернув свое мертвенно-бледное лицо к Калле, она

жалобно запричитала точь-в-точь как тогда, когда Андерс висел на кусте:

— Что нам делать, Калле, что нам делать?

Но Калле был слишком потрясен, чтобы дать вразумительный ответ. Нервно проведя рукой по волосам, он, заикаясь, произнес:

— Н-не знаю... н-нам... н-нам н-надо сбегать з-за дяд-дей Бьёрком... н-нам н-надо...

Он изо всех сил старался преодолеть это противное оцепенение, мешавшее ему ясно и отчетливо думать. Здесь вскоре должно было что-то случиться. Но Калле никак не мог угадать, что именно. Поразмыслив, он понял, что им не успеть вызвать полицейского. Эти негодяи похитят дюжину малышей, прежде чем сюда подоспеет полицейский, да и кроме того...

Тот человек возвращался обратно. Но уже без Расмуса.

— Ясное дело, положил его в машину, — шепнул Андерс.

Ева Лотта ответила приглушенным рыданием.

Они провожали похитителя детей округлившимися от ужаса глазами. О, подумать только, какие есть на свете мерзкие люди... Какие негодяи!..

Но тут дверь веранды отворилась и на пороге показался сообщник преступника.

— Скорее, Никке, — тихо сказал он. — Надо быстрее закругляться!

Тот, кого звали Никке, быстрыми шагами поднялся на веранду, и оба снова скрылись в доме.

Тут Калле оживился.

— Пошли, — взволнованно прошептал он, — надо выкрасть Расмуса!

— Да, если успеем, — сказал Андерс.

— Да, да, если успеем, — повторил Калле. — Как по-вашему, где стоит машина?

Она стояла в стороне, у самой вершины холма. Белые Розы ринулись туда. Быстро и неслышно бежали

они по обочине вдоль рва, ликуя при мысли о том, что скоро вырвут Расмуса из когтей бандитов.

Внезапно они обнаружили, что машину охраняют. У противоположной обочины стоял человек. Но к счастью, повернувшись к ним спиной, он занимался сугубо личным делом, иначе бы он непременно их увидел. И тут они с быстротой молнии спрятались за спасительными кустами. Они едва успели спрятаться — в последнюю секунду. Дозорный, по-видимому, услыхал какие-то звуки и встревожился, потому что, быстро обернувшись, он перешел на их сторону дороги. Он стоял там, подозрительно глядя прямо в кусты, где они лежали. Неужели он не слышал, как колотятся их сердца и как они задыхаются от волнения?

Им показалось прямо чудом, что он и в самом деле не услышал этого. Постояв некоторое время, он повернулся, подошел к машине, заглянул внутрь через боковое стекло и стал беспокойно ходить взад-вперед по дороге. Иногда он останавливался и пристально смотрел в сторону дома. Быть может, ему казалось, что его друзья слишком долго копаются.

А в кустах царило глубокое отчаяние. Как можно помочь Расмусу, если этот тип расхаживает по дороге? Ева Лотта плакала так, что Калле пришлось резко толкнуть ее, чтобы заставить замолчать. Кроме того, это помогло ему чуточку заглушить собственный страх.

— Вопли и сопли, — сказал Андерс, — что же нам делать?

Тогда Ева Лотта, энергично справившись с рыданиями, сказала:

— Я пошла в машину, к Расмусу. Если его похищают, пусть и меня похитят вместе с ним. Когда он проснется, он не должен остаться один на один со своей мошенников.

— Да, но... — заикнулся было Калле.

— Не болтай, — сказала ему Ева Лотта. — Ступайте и поднимите легкий подозрительный шорох в кустах

чуть подальше, чтоб этот тип хоть ненадолго забыл про машину.

Андерс и Калле с ужасом смотрели на нее, но они видели, что решение ее твердо. А если Ева Лотта приняла решение, они по опыту знали, что тут уж ничего не поделаешь.

— Я пойду вместо тебя, — умоляюще произнес Калле, заранее зная, что это бесполезно.

— Бегите, — сказала Ева Лотта. — Быстрее, быстрее!

Они сделали, как она просила. Но прежде чем исчезнуть, услышали за спиной ее шепот:

— Я буду Расмусу вместо родной матери. И если смогу, буду оставлять за собой следы. Как Гензель и Гретель — ну, вы знаете.

— Здраво! — обрадовался Калле. — А мы будем бежать следом, как две ищейки.

Ободряюще помахав ей рукой, они беззвучно скрылись в кустах.

О, как хорошо уметь тихонько красться! Нет, не зря они так долго играли в войну Алой и Белой Розы. По крайней мере научились обманывать часовых. Например, того растяпу на дороге! Ведь он получил приказ стоять Расмуса. И так послушно прохаживался взад-вперед между машиной и домом. Взд-вперед! Взд-вперед! Но вот в кустах слышится подозрительный шорох. И тут ему, ясное дело, необходимо подойти туда — посмотреть, что там такое. Он решительно перепрыгивает через ров и ныряет в ореховые заросли. Он весь как натянутая струна и ужасно бдительный! Невероятно бдительный! Но ведь он должен был сторожить машину, вот шляпа! Покуда он шарит по кустам, с машиной может случиться все, что угодно. И рыщет он совершенно напрасно! Потому что ровно ничего там не находит, ровно ничего. Разумеется, за кустом лежат два скорчившихся мальчугана, но их он не видит. И по глупости своей, верно, думает, что ослышался или что это какое-то животное кралось в кустах. Да уж, он доказал, что ему можно до-

вериться, что он человек бдительный. Он возвращается назад, к машине, ужасно довольный самим собой.

Но вот и его приятели идут назад. Двое, те, что прятались в кустах, тоже видят их и решаются осторожно выбраться из орешника.

— Смотри, профессор! — шепчет Калле. — Смотри, они собираются похитить и профессора!

Неужели это правда, неужели это не сон? Неужели это и в самом деле профессор, которого они гонят перед собой к машине? Сопротивляющийся изо всех сил, злой, доведенный до отчаяния профессор со связанными за спиной руками и кляпом во рту!

Все это похоже на страшный сон, но, к сожалению, они не спят. Начинает светать, и все предстает перед ними с ужасающей ясностью. И пыль, которую поднимают своими упрямыми ногами профессор, — не сон. А грохот, когда за ним захлопывается дверца машины, тоже явь. Но вот машина рвется вперед, спускается с холма и исчезает. И дорога, озаренная ясным светом наступающего утра, пуста. Все это могло бы быть и сном, если бы в воздухе не остался слабый запах бензина. И если бы не лежал у обочины маленький, насквозь промокший от слез носовой платок. Носовой платок Евы Лотты.

Там, внизу, спит город, но скоро он проснется. Первые лучи солнца уже сверкают на позолоченном флюгерном петушке, примостившемся на башне ратуши.

— Ну, теперь держись! — обронил Калле.

— Чего ты ждешь, Калле? — спросил Андерс. — Разве ты не суперсыщик Блумквист или это, может, не ты?

4

Дорога все время вьется и мягко стелется, прорезая зеленый летний пейзаж. Она огибает маленькие шероховатые каменистые бугорки, сверкающие озерца, сосновые рощицы, бежит среди стволов белых берез,

мимо зеленых пастбищ и цветущих лугов, мимо колосьев, колышущихся на засеянных полях. Затейливо извиваясь, она прокладывает себе мало-помалу путь на побережье, к морю.

И туда же наверняка держал путь этим прекрасным летним утром большой черный автомобиль, который с бешеною скоростью лавировал на поворотах, окутывая тучами пыли мелкие желто-белые цветы и узкие листья подмаренника, растущего на обочине. Это был совершенно обычный автомобиль. Но внимательный наблюдатель все же заметил бы в нем нечто странное. Во-первых, он оставлял за собой отчетливые следы. Через открытое боковое стекло время от времени высовывается девчоночка рука, и затем на обочине дороги можно найти мелкие клочки красной бумаги, а иногда крошки белой булки. Да, именно крошки булки. Потому что Ева Лотта, как-никак, дочь пекаря с постоянным резервным запасом булочек в карманах платья. А клочки красной бумаги — обрывки афиши, сорванной с фонарного столба в тот момент, когда девочка шмыгнула в машину к спящему Расмусу. «Большой летний праздник» — значится на афише черными буквами. «Лотерея. Танцы. Кофе». Боже, благослови спортивное общество Лильчёпинга за эту афишу! Потому что поездка обещает быть долгой, а надолго ли хватит нескольких булочек? Вскоре Еве Лотте приходится экономить и булочки, и клочки бумаги. На каждой развилке должна лежать ярко-красная бумажка. А иначе как их спасители узнают, куда они поехали? И вообще, объявятся ли какие-нибудь спасители? И чем закончится это приключение?

Ева Лотта осматривается в машине и обдумывает со-здавшееся положение. Рядом с нею в машине, на заднем сиденье, профессор. Руки у него по-прежнему связаны, во рту — кляп, в глазах — отчаяние. С другой стороны рядом с ним — тот, кто так «самозабвенно» охранял машину. На переднем сиденье — тот, кого зо-

вут Никке, со спящим Расмусом на руках. Рядом с ним, за рулем, второй мошенник, который забирался по лестнице в окно, его зовут Блум — это Еве Лотте уже известно. Она охватывает взглядом всю эту картину и переводит взгляд дальше — она смотрит через переднее стекло. Летний пейзаж, окружающий их с обеих сторон, — шведский, никакого сомнения в этом нет. Поля спелой ржи с маргаритками и васильками — также такие шведские, какие только можно себе представить. Стволы белых берез — тоже. Только эта машина и ее необычные пассажиры нездешние, они прямо из американского гангстерского фильма. Сердце Евы Лотты бьется чуть сильнее, когда она думает о том, что эти двое мошенников на переднем сиденье — настоящие киднэпперы¹. Киднэпперы — это звучит так смешно на фоне такого вот солнечного шведского пейзажа! Киднэпперы должны въезжать под проливным дождем темным осенним вечером в Чикаго!

Никке ощущает, конечно, неодобрительный взгляд Евы Лотты на своем затылке; он оборачивается и недовольно глядит на нее злыми глазами.

— Какого черта понадобилось тебе встrevать в это дело? — спрашивает он. — Зачем ты влезла в машину, глупая девчонка?

Ева Лотта напугана. Но все же еще больше — озлоблена. И не хочет, чтобы этот негодяй заметил, как она встревожена.

— Обо мне не беспокойся, — говорит она. — Лучше подумай, что ты скажешь, когда явится полицейский и схватит тебя!

Глаза профессора становятся чуточку веселее, и это помогает ей собраться с духом. Она рада, что он здесь, хотя сейчас он совсем беспомощный. Все же он — взрослый, и он — на ее стороне.

¹ Киднэпперы (*англ.*) — похитители детей в целях вымогательства.

Никке угрожающе хмыкает, но, не говоря ни слова, отворачивается от девочки.

«У него здоровенный затылок и светлые волосы, которые не мешало бы подстричь, — думает Ева Лотта. — Шея у него обросла светлым пушком. А вообще-то как его описать? Какие у него приметы? Будь Калле здесь, он бы в одну секунду составил его словесный портрет. Придется это сделать за него, чтобы помочь полиции. Если когда-нибудь мне представится случай сообщить свои наблюдения полиции!»

У него, у этого Никке, голубые наивно-хитроватые глаза и полное, добродушное, красное, обветренное лицо. Да, лицо у него скорее добродушное, хотя сейчас он выглядит хмурым. «Он нешибко умен, — думает Ева Лотта, листя себя надеждой, что нарисованный ею портрет куда тоньше, чем у Калле, который только и говорит о цвете глаз и всяких там родинках, но ни слова о характере человека. — Ну а те, другие? Блум темноволосый и туповатый на вид, бледный и угреватый, этакий неряха, — думает Ева Лотта. — За деньги, видно, готов на все. А тот, что на заднем сиденье, больше других похож на идиота. Это — полное ничтожество. Волосы у него песочного цвета, подбородка почти нет, а умишко уместился бы в кончике мизинца. Что, в конце концов, могло заставить этих троих кретинов взяться за похищение людей? За всем этим кроется какая-то мысль, хотя не похоже, чтобы хоть один из них мог о чем-то думать. Но может быть, есть кто-то другой, который думает за них, кто-то подживающий их где-то в другом месте?»

Но вот машина неожиданно сворачивает на узкую, ухабистую лесную дорогу. Ева Лотта торопится разбросать побольше крошек и обрывков бумаги, потому что здесь их спасатели могут легко пойти по ложному следу. Дорога эта не совсем обычна и наверняка не предназначена для автомобильного движения, так что машина скакет и подпрыгивает на ухабах. И Расмус про-

сыпается. Сначала он чуть-чуть приоткрывает сонные темные глаза, но потом вдруг рывком садится и начинает пристально смотреть на Никке.

— Так это ты должен починить нашу кухонную плиту или... или...

Он беспомощно замолкает, не докончив фразы. Ева Лотта протягивает свою теплую руку и гладит его по щеке.

— Я здесь, Расмус, — говорит она. — Ты не рад, что я здесь? Твой папа тоже здесь, хотя...

— А куда мы едем, Ева Лотта? — спрашивает Расмус.

Вместо Евы Лотты отвечает Никке.

— Мы решили немного прогуляться, — говорит он, задорно смеясь, — просто немного прогуляться.

— Ты будешь чинить нашу кухонную плиту? — добивается Расмус. — Правда, папа?

Но папа не отвечает.

Никке вопрос Расмуса явно кажется забавным. Он смеется еще громче.

— Нет, мальчуган, плиту я починю в другой раз.

Видно, вопрос мальчика привел его в хорошее настроение.

Усадив поудобнее Расмуса к себе на колени, он вдруг запел:

— Был у графа верный пес, звали его Труль...

— А тебя как зовут? — полюбопытствовал Расмус.

— Меня зовут Никке, — ухмыляясь, говорит Никке и весело поет: — Звали меня Ник...

— По-моему, ты сможешь починить нашу кухонную плиту, — говорит Расмус. — Но ты, наверно, из тех, про кого папа говорит: обещать обещают, а ничего не выполняют.

Ева Лотта печально смотрит на профессора. Ему есть сейчас о чем подумать, кроме сломанной плиты. Она ободряющее гладит его по руке, а он взглядом благодарит ее.

Потом она осторожно выбрасывает последний клочок красной бумаги в окно. Бумажка резво порхает в лучах солнца, опускаясь на землю. Найдет ли ее кто-нибудь? И когда?

5

— Нет, нет, только не бежать за полицейским, — сказал Калле. — На это сейчас нет времени. Нам надо отправиться следом за ними и посмотреть, куда они едут.

— Здорово! — воскликнул Андерс. — Мчись сзади и ори во всю мочь! У этой машины нет ни единого шанса ускользнуть, если такой спринтер, как ты, побежжит на всех парах.

Калле оставил без ответа это дурацкое замечание. Ринувшись во двор, он подбежал к мотоциклу профессора.

— Иди сюда! — закричал он. — Возьмем этот мотоцикл!

Андерс посмотрел на него с восхищением, смешанным со страхом.

— Мы не можем, — начал было он, но Калле прервал его.

— Мы должны! — отрезал он. — Ведь у нас, как это говорят, чрезвычайное положение. Не время раздумывать о водительских правах, когда речь идет о человеческой жизни.

— А вообще-то ты ездишь даже лучше, чем твой отец, — сказал Андерс.

Они вывели мотоцикл на дорогу.

На песке было несколько едва заметных вмятин от автомобильных покрышек, но это были единственныеследы, которые оставили после себя киднэпперы. Чертная машина была уже далеко.

По какой дороге она поехала?

— Ева Лотта сказала, что будет делать так, как Гензель и Гретель.

— Они бросали крошки хлеба, — крикнул Андерс, — и мелкие камешки!

— Да, если Ева Лотта захватила с собой в машину мелкие камешки, значит, эта девчонка еще лучше, чем я думал, — сказал Калле. — Хотя на нее это похоже. Она всегда что-нибудь придумает.

Они подъехали к первой развилке, и Калле притормозил. По какой дороге они поехали? По какой дороге?

Там лежал клочок бумаги, застрявший в траве у обочины. На нем написано: «Танцы». Но ведь у обочин всегда валяется столько бумажного хлама, и они не обратили на бумажку особого внимания. Чуть подальше лежало кое-что другое — кусочек пшеничной булочки. Андерс с лицом, измазанным воском, указал на него. Ведь Ева Лотта поступила точь-в-точь как Гензель и Гретель. А через несколько метров лежал еще один клочок красной бумаги. Видно, эти клочки что-нибудь значили.

Приободрившись, Калле с Андерсом свернули на дорогу, которая, извиваясь, вела к морю. Об усталости они и думать забыли. Не то чтобы они были в хорошем настроении, но к их тревоге и страху примешивалась доля своеобразного бодрящего возбуждения. Мотоцикл мерно тарахтел, поглощая километр за километром дороги, которая должна привести их к неведомой цели, где ждали неведомые опасности. Азарт опасности и быстрая езда вызывали в них это странное возбуждение.

Они не спускали глаз с дороги. То тут, то там они видели клочок красной бумаги, словно маленький веселый привет от Евы Лотты.

Наконец они добрались до лесной дороги. Добрались до нее и чуть не проехали мимо. Потому что она была такая незначительная, едва заметная. Но в последнюю минуту Андерс обнаружил хорошо знакомый клочок красной бумаги, пламенеющий среди сосен.

— Стоп! — закричал он. — Мы едем не туда! Они отправились в лес.

Какая это была узенькая красивая дорога! Утреннее солнце играло между деревьями, освещая темно-зеленый мшистый лесной покров и нежные цветы линнеи¹. Недалеко от дороги, на верхушке ели сидел черный дрозд и выводил такие упоительные трели, словно в мире и не было никакого зла.

Но когда Калле и Андерс въехали в сосняк, им стало совершенно ясно, что черный дрозд ошибается. Всеми фибрами своей души они почувствовали: надвигается что-то злое и опасное, не имеющее ничего общего с цветами и птичьим пением.

Дорога вела вниз. Все вниз и вниз. Среди деревьев мелькнуло что-то голубое. Море! И старый ветхий причал в конце дороги. А на самом краю причала — последний привет от Евы Лотты: ее красная заколка для волос.

Они стояли, задумчиво глядя на морской залив. Легкий утренний туман только-только начал рассеиваться, и на водной глади, медленно покрывающейся рябью от утреннего ветерка, играли солнечные лучи. Здесь было так тихо! Так пустынно, как в первое утро сотворения мира, когда не было еще на свете людей.

Зеленые острова и голые шхеры закрывали горизонт. Казалось, этот неширокий морской залив был озером. В нескольких сотнях метров от причала лежал большой остров, заслонявший собой выходной фарватер в открытое море. Большой, гористый, поросший лесом остров казался совершенно необитаемым.

Нет, необитаемым он не был! Над верхушками деревьев к нему тянулся легкий, тонкий дымок.

¹ Линнея — растущая на севере трава с мелкими белыми цветочками, названная так в честь знаменитого шведского естествоиспытателя Карла Линнея (1707–1778).

- Вот оно где, это осиное гнездо, — сказал Калле.
- Ату их! — закричал Андерс.
- Как по-твоему, хватит у нас сил проплыть так далеко?
- Тс-с-с, — прошипел Андерс. — Ерундовое дело. А раз здесь нет ни одной лодки...

Возле самого причала стоял сарай. Калле подошел к нему и потрогал запертую дверь. «Может, там найдется какая-нибудь лодка? Во всяком случае, там найдется автомобиль», — внезапно подумал он, увидев примятую колесами, мокрую от росы траву. Черный автомобиль спрятан в сарае — теперь Калле это стало ясно. И он почувствовал глубокое удовлетворение от того, что им удалось выследить киднэпперов, по крайней мере вплоть до самого причала. Они правильно поступили, тут же начав их преследование, — теперь он это знал. Следы, оставленные Евой Лоттой, эти клочки бумаги и крошки булки, вскоре будут уничтожены ветром и птицами, а кому бы потом пришло в голову искать киднэпперов в этих пустынных, безлюдных шхерах?

Калле бросил испытующий взгляд на остров. Да, им придется плыть туда, но это не самое худшее. Только бы все было удачно. Но сначала надо спрятать мотоцикл в лесу.

Они чувствовали себя десантниками, высадившимися на вражеский остров, когда после долгого плавания, посиневшие от холода, с трудом выбрались на берег. А вторгаться на вражеский берег совершенно голыми было тоже рискованно. Без одежды чувствуешь себя еще более беспомощным и беззащитным.

Но враг не показывался, и они уселись на нагретый солнцем камень, чтобы высохнуть и чуточку согреться. Развязав свои узелки с одеждой, они убедились, что рубашки и брюки не настолько промокли, чтобы их нельзя было надеть.

— Интересно, что сказали бы Алье, если б узнали об этом, — сказал Калле, юркнув головой в рубашку.

— «Суперсыщик Блумквист в своем репертуаре», сказали бы они, — заверил его Андерс. — Стоит тебе куда-нибудь пойти, как ты тут же натыкаешься на мошенников и бандитов.

Наконец Калле натянул на себя рубашку. Он стоял перед Андерсом, задумчиво склонив голову набок. Из-под короткой маленькой рубашки виднелись длинные загорелые ноги, и вид у него был очень ребяческий — он вовсе не был похож на суперсыщика.

— Да, разве это не удивительно, — произнес он, — вечно мы вляпаемся в какую-нибудь историю, вечно...

— Верно, — согласился с ним Андерс, — то, что случается с нами, бывает только в книгах.

— А может, все это в самом деле написано в книге, — сказал Калле.

— Ты что, рехнулся? — удивился Андерс.

— Может, нас и нет вовсе, — мечтательно продолжал Калле. — Может, мы всего-навсего ребята из книги, которую кто-то придумал.

— Да, ты-то, может, и вправду из книги, — рассердился Андерс. — Меня бы не удивило, если бы ты в конце концов оказался опечаткой. Но только не я, прошу запомнить.

— Ты просто этого не знаешь, — стоял на своем Калле. — Может, ты герой книги, которую я сочинил...

— Катись-ка ты, — рассердился Андерс. — В таком случае ты — герой книги, которую сочинил я, и я начинаю раскаиваться, что однажды выдумал тебя.

— Вообще-то есть хочется, — признался Калле.

Они понимали, что сидеть здесь и сомневаться в собственном существовании было пустой трата времени. Их ожидали важные и рискованные задачи. Где-то там, за этими елями и соснами, должен быть дом с трубой, выпускающей тоненькую струйку дыма. Где-то там были Ева Лотта, Расмус и профессор. Необходимо было их найти.

— Мы пойдем вон туда, — заявил Калле, ткнув пальцем в сторону леса. — Туда, где мы видели дым.

Меж густых елей по поросшим мхом скалистым валунам, по топям с благоухающим багульником, через черничник, мимо муравейников и сквозь колючие заросли шиповника вилась узенькая тропка. Они шли по ней молча, настороженно, готовые к бегству при первой опасности. У них было такое ощущение, что опасность подстерегает их повсюду. Когда Калле, который шел впереди, внезапно кинулся к широкой ели и укрылся за ней, Андерс побледнел от испуга и, не тряся времени на вопросы, с быстротою молнии последовал его примеру.

— Вон там, — прошептал Калле, указывая на ель. — Глянь туда!

Но зрелище, которое представилось взгляду Андерса, когда он осторожно выглянул из-за ели, было вовсе не пугающим, напротив!

Он увидел загородный домик, настоящую хорошеньюю дачку, а перед ней открытую, залитую солнцем полянку среди скал, защищенную от суровых ветров густыми елями. Красивую полянку, поросшую мягкой, как бархат, травой. А на зеленой траве — профессора с Расмусом на коленях. Да, в самом деле, они сидели на траве! Расмус и профессор... и еще один человек.

6

— По-моему, вы поступаете неразумно, профессор Расмуссон, — сказал тот, другой человек.

Да, в этот момент профессор не производил впечатления разумного человека! Казалось, он вот-вот взорвется от злости. Ему явно больше всего на свете хотелось кинуться на человека, сидевшего напротив него. И только то, что он все еще был связан и на коленях у него сидел Расмус, мешало ему наброситься на противника.

— Ужасно неразумно, — продолжал тот, другой. — Да, да, признаюсь, мой образ действия несколько необычен, но я был вынужден поступить так. Это было просто необходимо. Ведь мне нужно было поговорить с вами.

— Убирайтесь к черту! — выругался профессор. — Либо вы переутомились от чтения скверных детективов, либо вы не в своем уме.

Тот, другой, рассмеялся сухим высокомерным коротким смешком и начал прогуливаться взад-вперед по траве. Это был высокий, статный мужчина лет сорока; лицо его было бы красиво, не будь оно таким устрашающе жестоким.

— В своем я уме или нет, это не ваше дело, — сказал он. — Единственное, что я хочу знать, — принимаете ли вы мое предложение или нет.

— А единственное, что хочу знать я, — это когда я смогу дать вам по физиономии! — воскликнул профессор.

— По мне, он должен был бы сделать это прямо сейчас, — прошептал, стоя за елью, Калле, и Андерс в знак согласия кивнул.

Однако незнакомец, посмотрев на профессора, словно тот был малое неразумное дитя, сказал:

— Зачем вам зря выбрасывать на ветер сто тысяч крон? Я предлагаю вам за эти формулы сто тысяч крон. Что, неплохая цена? Вам не нужно даже самому передавать мне бумаги, если совесть мешает вам это сделать. Вы можете только намекнуть, где они находятся.

— Послушайте, вы, инженер Петерс, или как вас там зовут, — возмутился профессор, — разве вам не ясно, что формулы эти — собственность Шведского государства?

Петерс нетерпеливо пожал плечами:

— Никому не надо знать, что ваше изобретение покинуло пределы Швеции. Непробиваемый легкий металл могут случайно изобрести и в других странах, — надеюсь, вы это понимаете. Это только вопрос времени.

Только ради того, чтобы выиграть время, я хочу купить ваши формулы.

— Убирайтесь к черту! — повторил профессор.

Прищутив глаза, Петерс сказал:

— Я должен их получить. Я должен получить ваши формулы.

Расмус, до сих пор сидевший молча, вмешался в разговор:

— «Должен получить», «должен получить» — разве так говорят? «Я хотел бы получить» — вот как говорят.

— Замолчи, Расмус! — сказал профессор и крепче прижал к себе сына.

Инженер Петерс задумчиво посмотрел на них обоих.

— Какой у вас славный малыш, — многозначительно произнес он. — С ним вы, вероятно, не желали бы расстаться?

Профессор молча и презрительно смотрел на человека, стоявшего перед ним.

— А может, мы все-таки заключим с вами небольшую сделку? — продолжал инженер Петерс. — Скажите мне, где находятся бумаги, и я пошлю верного человека забрать их. Вы останетесь здесь, пока я не удостоверюсь в подлинности этих документов. А затем вы будете свободны и, кроме того, на сто тысяч крон богаче.

— Заткнитесь! — вскипал профессор. — Я не в силах больше слушать.

— Как уже говорилось, на сто тысяч крон богаче, — невозмутимо продолжал Петерс. — В ваших собственных интересах я советую вам согласиться на мое предложение. Потому что, если вы этого не сделаете...

Последовала грозная пауза.

— Ну а что, если я этого *не сделаю*, — презрительно произнес профессор, — что тогда?

Подобие улыбки, недолгой злой улыбки, промелькнуло на лице Петерса.

— Тогда вы видите своего сына в последний раз, — сказал он.

— Вы глупее, чем я думал, — удивился профессор. — Уж не воображаете ли вы, что запугаете меня такими детскими угрозами?

— А это мы еще посмотрим. Лучше для вас, если бы вы уяснили себе, что мы не шутим.

— А для вас лучше уяснить себе, что я никогда не скажу, где храню свои бумаги.

Расмус выпрямился на коленях у папы и пристально посмотрел на инженера Петерса.

— Не-а, я тоже ничего не скажу, — ликующее заявило он. — Хотя я знаю, где они.

От этой неожиданной неприятности профессор вздрогнул.

— Не болтай глупости, — сказал он. — Откуда тебе знать?!

— Это я не знаю? — возмутился Расмус. — На что поспорим?

— Замолчи, ты даже не понимаешь, о чем мы говорим! — отрезал профессор.

— А вот и понимаю, — настаивал Расмус, которому не понравилось, что сомневаются в его способности следить за ходом беседы. — Вы болтаете о тех самых бумагах с маленькими красными цифрами. О тех, которые такие секретные, такие секретные, такие...

— Да, именно о них мы и болтаем, — горячо подхватил инженер Петерс. — Но ты, верно, не знаешь, где они, ведь ты такой маленький.

Профессор со злостью прервал его:

— Все это ни к чему! Вы разве не понимаете, что все документы я храню в надежном банковском сейфе!

Расмус неодобрительно взглянул на отца и строго сказал:

— А вот и врешь, папа. Они вовсе и не в этом, как его... сейфе.

— Замолчи, Расмус! — с неожиданной яростью прорычал профессор.

Но Расмус счел, что в это дело надо внести ясность, поскольку пapa, похоже, забыл, как все было.

— И вовсе они не в каком-то там сейфе, я точно знаю, — убежденно заявил мальчик. — Потому что я прокрался за тобой вечером, пapa, когда ты думал, что я сплю. А я стоял на лестнице в прихожей и видел, что ты клал...

— Замолчи, Расмус! — с еще большей яростью прорычал профессор.

— Чего ты рычишь? — обиделся Расмус. — Я *не стану* говорить, где они...

Взглянув с состраданием на инженера Петерса, он продолжал:

— Хотя я мог бы сказать «горячо» или «холодно», ведь так всегда делают!

Профессор грубо встряхнул его.

— Ты замолчишь или нет? — закричал он.

— Да, да, да, *замолчу*, — нетерпеливо произнес Расмус. — И я ведь вообще ничего не сказал.

Задумчиво состроив гримаску, он немного поразмышилял, а потом добавил:

— Хотя это во всяком случае не «горячо» и не «холодно» тоже.

7

Ева Лотта осмотрелась в своей тюрьме. По правде говоря, тюрьма была довольно уютной. Если бы этот Никке не прибил несколько толстых реек к оконной раме, Еве Лотте могло бы показаться, что она желанная гостья на этом острове. Разве ее не поместили в хорошенъком домике, где она могла хозяйничать, как ей заблагорассудится? Здесь было по-домашнему уютно: клетчатая хлопчатобумажная обивка на четырех диванах вдоль стен, нарядная ширма перед умывальником, у окна — маленький столик, на нем книги и газеты, что-

бы не скучать. «Изо всех берлог киднэпперов эта наверняка самая чудесная в мире», — подумала Ева Лотта. И в самом деле, не каждое логово киднэпперов может похвастаться таким чудесным видом из распахнутого окна, откуда, несмотря на прибитые рейки, открывался летний пейзаж удивительной красоты. Внизу, сверкая в лучах солнца, лежал залив, заключив в свои голубые объятия мелкие зеленеющие острова. Ева Лотта тяжко вздохнула. Спуститься бы по этой усыпанной опавшими еловыми иголками тропинке в ельнике к причалу, нырнуть вниз головой в прозрачную воду, а после лежать на мостках, загорать, дремать и слушать тихий плеск волны, покачивающей пришвартованные лодки.

Кстати, о лодках! У киднэпперов их было немало. Ева Лотта могла разглядеть моторку, которая перевезла их через пролив. Три весельные шлюпки стояли совсем близко от берега, покачиваясь на слабой мертвый зыби. Кроме того, на длинном причале лежало вытащенное из воды большое канадское каноэ.

«Этот остров слишком комфортабелен для киднэпперов, — подумала Ева Лотта. — И в случае нужды здесь хватило бы места на целый эскадрон. По крайней мере ему не было бы тесно».

На почтительном расстоянии от большого дома, где жил главарь шайки, было причудливо разбросано по всему острову множество маленьких домиков. Может быть, во всех этих маленьких домиках жили киднэпперы. Каждый в своем собственном маленьком осином гнезде. И если постучать в дверь, оттуда, быть может, тут же вылетит маленький ядовитый киднэппер и запугает тебя насмерть.

Тут Ева Лотта с решительным видом вскинула голову. Она не даст себя запугать. Никто не посмеет сесть на голову Еве Лотте Лисандер! Этот Никке еще узнает, почем фунт лиха.

Сжав кулаки, она решительно двинулась к запертой двери.

— Никке! — закричала она. — Никке, иди сюда! Я хочу есть! А не то я переверну весь дом!

Андерс и Калле, лежавшие под елкой и прислушивавшиеся к тому, что Петерс говорил профессору, с удовольствием услыхали эти вопли.

Стало быть, Ева Лотта жива и сломить ее никому не удалось.

Никке тоже услыхал вопли, хотя с гораздо меньшим удовольствием. Злобно ворча, он подошел к двери, чтобы заставить девчонку замолчать.

Услыхав, как ключ поворачивается в замочной скважине, Ева Лотта стихла, и Никке вошел в комнату, собираясь дать ей хорошую взбучку. Но он был тугодум, и Ева Лотта опередила его.

— Никакого сервиса в этом отеле, — сказала она.

Никке тут же забыл все, что собирался ей сказать. Удивленный и почти оскорбленный, он молча таращил глаза на Еву Лотту.

— По-о...слушай-ка, — произнес он. — По-о...слушай-ка, ты...

— Ты сам послушай, — сказала Ева Лотта, — никакудышний сервис в здешнем отеле. Я хочу есть! Есть, понятно тебе?

— Ты досталась нам за грехи наши, — ответил Никке. — И все по вине этого безмозглого Сванберга, который не смог как следует покаруить машину. *Интересно* будет послушать, что думает обо всем этом шеф.

— Я же для вас просто находка, — съехидничала Ева Лотта. — Для киднэппера ведь просто здорово за получить двоих детей вместо одного.

— По-о...слушай-ка, ты... — повторил Никке. — Эта болтовня мне не нравится. Я тебе не киднэппер!

— Разве? Нет, ты именно киднэппер и есть, киднэппер Никке. Тот, кто похищает детей, и есть киднэппер, ты что, не знаешь?

Никке снова принял раздосадованный и оскорблённый вид. Он явно не рассматривал это дело с такой

точки зрения, и у него не было охоты задумываться об этом сейчас.

— Я тебе не киднэппер, — уже неуверенно сказал он. — И вообще прекрати безобразничать! — охваченный внезапной яростью, взревел он. Схватив Еву Лотту за руки, он как следует встряхнул ее. — Слышишь, прекрати скандалить, не то получишь такую трепку, что своих не узнаешь!

Ева Лотта смело посмотрела ему в глаза. У нее было смутное представление о том, что именно так и нужно укрощать диких зверей.

— Я хочу есть, — твердо сказала она. — Если меня не накормят, я закричу, как целый школьный класс.

Выругавшись, Никке отпустил ее руки и пошел к двери.

— Да, да, тебя накормят, — сказал он. — Может быть, ваша милость желает чего-нибудь особенного?

— Пожалуй, яичницу с ветчиной. Это мой любимый завтрак, — ответила Ева Лотта. — Яичницу поджарить с обеих сторон — спасибо! И если можно, побыстрее!

Никке громко захлопнул за собой дверь. Ева Лотта услыхала, как в замочной скважине поворачивается ключ, а Никке бранится за дверью.

Но вскоре она услыхала кое-что еще. То, что привело ее в восторг. Она услыхала за окном сигнал Белой Розы. Очень тихий, но тем не менее сигнал Белой Розы. И звучал он слаше райской музыки.

8

Калле вздрогнул и проснулся. Совершенно сбитый с толку, он огляделся вокруг. Где он находится? Что сейчас — вечер или утро? И почему здесь спит Андерс и волосы, словно грива, закрывают ему глаза?

Однако мало-помалу в голове у него прояснилось. Он находится в хижине, которую они построили с Ан-

дерсом, и уже наступил вечер. Солнце скоро зайдет, последние его лучи окрашивают ели на скале в ярко-красный свет. Андерс спит, потому что сильно устал!

Какой день! Строго говоря, он начался уже вчера вечером, в развалинах замка. А теперь снова был вечер. Они с Андерсом проспали почти все послеобеденное время — они очень в этом нуждались. Но сначала построили великолепную хижину.

Калле вытянул руку, ощупывая стены из еловых веток. О, до чего же хороша эта хижина! Это их жилище, маленькое прибежище, которое они соорудили подальше от киднэпперов. Здесь их никто не найдет. Хижина надежно скрыта в расселине между двумя скалами. И если прямо не наткнуться на нее, хижину трудно обнаружить. Здесь — убежище от всех ветров и мягкие еловые ветки, на которых можно спать. Скалы по обе стороны хижины еще хранили остаток солнечного тепла, так что им с Андерсом не придется мерзнуть ночью. О, какая это прекрасная хижина!

— Есть хочешь? — спросил Андерс.

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Калле подскочил.

— Ты проснулся...

Андерс усился на своем ложе из еловых веток; волосы у него были всклокочены, а на щеке отпечатался тонкий узор от еловых иголок.

— Я такой голодный, что, пожалуй, съел бы даже вареную рыбу, — заверил он.

— Не говори об этом, — сказал Калле. — Я, того и гляди, начну лопать древесную кору.

— Да, если прожил целый день на одной чернике, хочется чего-нибудь более существенного, — признался Андерс.

Вся надежда была на Еву Лотту. Она обещала раздобыть чего-нибудь поесть.

Утром они стояли под ее окном, готовые бежать при малейшей опасности.

— Я вытрясу душу из этого Никке, — заверила их Ева Лотта. — Я скажу, что доктор прописал мне есть каждый час. Не беспокойтесь, у вас еды хватит. Возвращайтесь, когда стемнеет!

Только Никке вошел с завтраком для Евы Лотты, они удрали, как две испуганные ящерицы, хотя дразнивший их запах ветчины щекотал ноздри. Они услышали лишь суровую реплику Евы Лотты, обращенную к Никке:

— По-твоему, я приехала на этот курорт, чтобы похудеть?

Но что ответил Никке, они не слыхали, так как были уже далеко в лесной чаще.

Позднее они перебрались на противоположную сторону острова, где и провели целый день — строили хижину, ныряли со скалы, спали и ели чернику. И теперь проголодались как волки.

— Нужно только дождаться, когда стемнеет, — мрачно сказал Андерс.

Они вылезли из хижины и взобрались на скалу. Там они удобно устроились в расселине, чтобы дождаться темноты, которая спасет их от голодной смерти. Они сидели, довольно кисло наблюдая удивительнейший в своей жизни солнечный закат и не испытывая при этом ничего, кроме нетерпения: ведь солнце садилось так медленно! Небо полыхало пожаром. На противоположном берегу залива над верхушками лесных деревьев еще виден был край багрового солнечного диска, но скоро в темных лесах исчезнет и он. Тьма, добрая благословенная тьма спустится на сушу и на море и скроет всех, кто нуждается в защите от киднэпперов. Если бы только она наступила побыстрее!

Скала круто обрывалась к воде, и снизу, где камень встречался с волнами, слышались легкие игривые всплески. Все было тихо, лишь где-то над заливом дико и жалобно кричала морская птица.

— Это начинает действовать мне на нервы, — сказал Калле.

— И потом, я все думаю, что скажут у нас дома, — размышлял вслух Андерс. — Как по-твоему, они объявили розыск?

Только он произнес эти слова, как обоим вспомнился тот самый клочок бумажки, который Ева Лотта вчера вечером положила на подушку: «Не поднимайте шума... думаю, что скоро вернусь домой. Тра-ля-ля». Даже если ее родители, прочитав записку, очень рассердились, а может, немножко и встревожились, вряд ли они сразу же обратились в полицию. А если родители Андерса и Калле посоветовались с пекарем Лисандером, то, поворчав немного по поводу бесконечных глупых выходок рыцарей Белой Розы, они тоже успокоились. Но вообще-то это, может, и к лучшему. Кто знает, стоит ли вмешивать полицию? Калле читал достаточно много про киднэпперов и знал, насколько это опасно. Во всяком случае, надо прежде всего посоветоваться с профессором. Если бы как-нибудь поговорить с ним!..

В окне у инженера Петерса горел свет, хотя повсюду было темно и тихо. Такую глубокую тишину можно было прямо-таки слышать. Если на острове и были живые души, то они, наверное, уже спали.

Нет, разумеется, спали не все! Страдая бессонницей, не спал на своем диване профессор, мучая самого себя бесконечными размышлениями. За всю свою тридцатипятилетнюю жизнь он привык находить решение любой возникшей перед ним проблемы. Но нынешнее его положение было настолько невероятным, что он мог лишь беспомощно качать головой. В своей бессильной ярости он просто ничего не мог сделать и вынужден был признаться в этом самому себе. Остается только ждать. А чего ждать? Что кто-то хватится его и начнет искать? Но он снял этот старый дом в Лильчёпинге только для того, чтобы его оставили в покое. Он собирался прожить там в одиночестве вместе с Расмусом все лето. Пройдет немало времени, прежде чем кто-либо заметит,

что он исчез. От этой мысли профессор быстро соскочил с дивана. О том, чтобы уснуть, нечего было и думать! О, если бы можно было разорвать этого Петерса на мелкие-премелкие кусочки!

Не спала и Ева Лотта. Сидя у окна, она напряженно прислушивалась к каждому звуку, доносившемуся из леса. Что это? Ночной ветер шелестит в ветвях или наконец-то идут Калле с Андерсоном?

Какой длинный, какой ужасно длинный был этот день! Для того, кто любит свободу, невыносимо сидеть взаперти целый день. Ева Лотта с содроганием думала о всех несчастных, которые томятся в тюрьме. О, она обошла бы все тюрьмы на свете, отворила бы все двери и выпустила бы всех узников! Потому что это самое жуткое на свете — лишиться свободы. Ее охватил панический страх. И она вдруг кинулась к окну, забитому рейками, мешавшими ей выйти на свободу, кинулась, готовая сокрушить их. Но тут она вспомнила про Расмуса и овладела собой. Она не хотела будить Расмуса. Он спокойно и безмятежно спал на диване. Она слышала в темноте его ровное дыхание, и это приглушало охватившую ее панику. Во всяком случае, она была не одна.

А из оглушительной тишины за окном на волне раздался наконец долгожданный сигнал. Сигнал Белой Розы, а вслед за ним — горячий шепот:

- Ева Лотта, есть у тебя для нас еда?
- Еще бы! — ответила Ева Лотта.

И она стала поспешно протягивать им через щели между рейками бутерброды, холодные картофелины, холодные кружочки жирной колбасы и ломтики ветчины. Даже слова благодарности не получила она от них в ответ, потому что ничего, кроме довольного мычания, они, жуя бутерброды, выжать из себя не могли. Теперь, когда еда была так близко от них, безумный голод давал себя знать еще больше — они жадно набивали рты и глотали все те лакомые кусочки, которые раздавала им Ева Лотта.

Наконец они перевели дух, и Калле пробормотал:

— Я и забыл, что еда может быть так прекрасна.

Ева Лотта улыбнулась в темноте, как счастливая мать, которая накормила хлебом своих голодных детей, и прошептала:

— Теперь вы сыты?

— Да, почти... действительно сыты, — с удивлением констатировал Андерс. — Это самое замечательное...

Калле прервал его:

— Ева Лотта, ты знаешь, где находится профессор?

— Он сидит взаперти в домике на вершине скалы, — ответила Ева Лотта. — В том, что ближе к морю.

— А как по-твоему, Расмус тоже там?

— Нет, Расмус здесь, со мной. Он спит.

— Да, я сплю, — раздался из темноты тоненький голос.

— Вот как, ты проснулся? — спросила Ева Лотта.

— Да, проснешься тут, когда едят бутерброды и так аппетитно причмокивают, — ответил Расмус.

Он подошел, шлепая босыми ножками, к Еве Лотте и уселся к ней на колени.

— Это что, пришли Калле и Андерс? — восторженно спросил он. — И теперь вы пойдете сражаться в лес? Я тоже хочу стать Белой Розой!

— А все зависит от того, умеешь ли ты молчать, — произнес Калле тихим голосом. — Ты, наверно, сможешь стать Белой Розой, если обещаешь не говорить, что видел меня с Андерсоном.

— Ага, я не скажу, — охотно пообещал Расмус.

— Ни звука никому — ни Никке и никому другому — о том, что мы были здесь, понятно?

— А почему? Никке не любит вас, что ли?

— Никке не знает, что мы здесь, — ответил Андерс. — И ему знать об этом не надо. Никке — киднэппер, он ворует детей, понятно?

— А разве киднэпперы не добрые? — спросил Расмус.

— Нет, не очень, — ответила Ева Лотта.

— А я думаю, что они *добрые*, — уверял Расмус. — По-моему, Никке очень даже добрый. Почему киднэпперу нельзя знать никакие тайны?

— Потому что *нельзя!* — отрезал Калле. — А ты никогда не станешь Белой Розой, если не будешь держать язык за зубами.

— Да, но я смогу это сделать! — горячо воскликнул Расмус.

Он согласился бы молчать до конца жизни, только бы ему стать Белой Розой.

И тут Ева Лотта услыхала тяжелые шаги за дверью, и сердце ее подпрыгнуло от испуга.

— Спасайтесь! — прошептала она. — Быстрее! Никке идет!

В следующее мгновение в дверях повернули ключ. Свет карманного фонарика осветил комнату, и Никке подозрительно спросил:

— С кем это ты тут болтаешь?

— Отгадай с трех раз, — ответила Ева Лотта. — Здесь сидят Расмус и я и еще я и Расмус. А сама с собой я никогда не болтаю. Так вот, отгадай: с кем я болтаю?

— Ты ведь киднэппер, а киднэпперам нельзя знать никакие тайны, — сочувственно сообщил Расмус.

— Эй ты, послушай-ка! — сказал Никке и с угрожающим видом шагнул к Расмусу. — Ты тоже будешь обзвывать меня киднэппером?

Расмус схватил его огромный кулак и доверчиво посмотрел на склонившееся над ним озлобленное лицо.

— Да, но я считаю киднэпперов добрыми, — стал уверять Расмус. — Я считаю тебя добрым, милый Никке!

Никке неслышно что-то пробормотал и приготовился идти.

— Собираетесь заморить нас голодом? — спросила Ева Лотта. — Почему здесь не кормят на ночь?

Никке обернулся и посмотрел на нее с нескрываемым изумлением.

— Бедные твои родители, — наконец разразился он. — Как им приходится вкалывать, чтобы накормить тебя досыта!

Довольная Ева Лотта улыбнулась и сказала:

— Я не страдаю отсутствием аппетита.

Никке снял Расмуса с ее коленей и понес его на диван.

— По-моему, тебе пора спать, мальчуган, — сказал он.

— Я вовсе не сонный, — уверял его Расмус. — Потому что я целый день спал.

Никке, не говоря ни слова, уложил его в постель.

— Подоткни мне одеяло и под ноги, — попросил Расмус. — Я терпеть не могу, когда высовываются пальцы.

Посмеиваясь и немного смущившись, Никке сделал то, о чем его просили. Потом он постоял, задумчиво глядя на Расмуса.

— Ах ты, мой маленький шалопай! — сказал он.

Темная головка мальчика поклонилась на подушке. При слабом свете карманного фонарика он казался удивительно милым в своей постели. У него были ясные глаза, и он приветливо улыбнулся Никке.

— О, какой ты добрый, милый Никке, — сказал он. — Иди сюда, я тебя обниму. Так крепко, как обнимают папу.

Никке не успел отстраниться. Расмус обвил руками его шею и обнял крепко-крепко, изо всех сил, какие только есть у пятилетнего мальчугана.

— Тебе не больно? — с надеждой спросил он.

Никке сначала помолчал, а потом неясно пробормотал:

— Не-а, это не больно... вовсе не больно.

9

На самой вершине скалистой горы стоял домик, куда инженер Петерс поместил своего знаменитого гостя. Это было настоящее орлиное гнездо, и доступно оно было только с одной стороны. Задняя стена домика

примыкала к скале, довольно круто обрывавшейся к берегу моря.

— Мы должны вскарабкаться вот с этой стороны, — сказал Калле, указывая еще лоснящимся от жира пальцем на окошко профессора.

После приключений в развалинах замка Андерс не горел желанием карабкаться по скалистым кручам, пусть даже не по таким высоким, как эта.

— А мы не можем незаметно прокрасться по настоящей дороге перед домом... как все люди? — предложил он.

— И угодить прямо в объятия Никке или кого-нибудь еще, — съехидничал Калле. — Этого только не хватало.

— Полезай ты, — сказал Андерс. — Я останусь винзу и буду караулить.

Калле не задумываясь слизнул с пальцев остатки жира от ветчины и полез на скалу.

Было уже не так темно. Круглый диск луны медленно поднимался над лесом. Калле не знал, благодарить ему за это судьбу или нет. При свете луны карабкаться вверх было легче, но легче было и обнаружить того, кто карабкается. Вернее всего, надо было благодарить луну и за то, что она светила, и за то, что она время от времени пряталась за тучу.

Затаив дыхание, Калле карабкался вверх. Сам по себе этот подъем в гору был не очень опасен, но мысль о том, что в любую минуту сюда может нагрянуть целая свора киднэпперов, все же заставляла его обливаться холодным потом.

Осторожно нащупывая скалу ногами и руками, он медленно поднимался вверх. Иногда это было трудно. В какие-то моменты ему удавалось с трудом находить опору под ногами. Но ноги его явно обладали инстинктивной способностью отыскивать правильный путь среди расселин и древесных корней, и он всегда находил, за что зацепиться.

И только один раз чутье изменило его большому пальцу правой ноги, сбросившему камень, который со страшным грохотом обрушился вниз с откоса. Калле от испуга чуть не отправился следом за ним, но корень дерева, за который он уцепился в последний миг, спас его. Встревоженный, он крепко держался за него и долго не смел шевельнуться.

Андерс услышал громыхание, когда камень катился вниз. Он быстро отскочил в сторону, чтобы не пострадала его голова, и сердито пробормотал:

— А почему бы тебе не протрубить еще и в трубу, чтобы они наверняка услыхали: ты на подходе.

Но по-видимому, никто, кроме Андерса, не слыхал шума. И когда Калле с бьющимся сердцем, переждав несколько минут, увидел, что ничего не случилось, он отпустил корень дерева и снова начал карабкаться вверх.

В своей темной комнате, словно зверь в клетке, ходил взад-вперед профессор. Это было невыносимо, совершенно невыносимо! От этого можно было просто напросто сойти с ума. Да, он наверняка сойдет с ума, а что касается Петерса, то он уже явно спятил. И профессор с сыном попал в руки сумасшедшего. Профессор не знал, что сделали с Расмусом. Он не знал, выберется ли он когда-нибудь отсюда. И к тому же здесь было темно как в склепе. Будь он проклят, этот Петерс! Мог бы, по крайней мере, оставить ему свечу! Если бы он хоть разок мог отмолотить кулаками этого негодяя... Но тише... Что это? Профессор замер... Может, ему просто почудилось и во всем виновато его воспаленное воображение?.. А может, и в самом деле кто-то постучал в окошко? Но ведь окошко, в которое он глядел весь этот проклятущий день, выходило прямо на обрыв... Там, вероятно, ни один человек... Боже мой, снова стучат! Там и в самом деле кто-то есть. Раздираемый надеждой и отчаянием, ринулся он к окну и отворил его. Словно

тюремное окно, оно было надежно забрано железной решеткой. Но решетка была сработана так искусно, что производила впечатление станинной и казалась украшением загородного домика, придавая ему прочность и уют. На самом же деле это была настоящая железная решетка.

— Кто там? — прошептал профессор. — Кто стучит?

— Это я, Калле Блумквист.

Голос звучал слабо, как вздох, но и этого было достаточно, чтобы заставить профессора задрожать от волнения. Руки его жадно схватились за решетку.

— Калле Блумквист... кто ты?.. А, я вспомнил, дорогой ты мой, милый Калле, знаешь ли ты что-нибудь о Расмусе?

— Он там, в домике, с Евой Лоттой... Он чувствует себя хорошо!

— Слава Богу! Слава Богу! → прошептал профессор с глубоким вздохом облегчения. — Петерс сказал, что я вижу Расмуса в последний раз.

— Может, попытаться вызвать полицию? — торопливо спросил Калле.

Профессор обхватил голову руками:

— Нет, нет, только не полицию. По крайней мере, не сейчас. Я не знаю, что и делать! Я начинаю думать, что этот Петерс слов на ветер не бросает. Если бы не Расмус... нет, нет, я не смею впутывать полицию... до тех пор, пока Расмус не будет в полной безопасности! — Обхватив решетку руками, он горячо зашептал: — Хуже всего то, что Расмус знает, где я храню копии формул. Ну, того изобретения, ты знаешь... И Петерс знает, что Расмусу это известно. Очень скоро он заставит Расмуса выдать тайну.

— А где эти копии? — спросил Калле. — Не могли бы мы с Андерсоном сбегать за ними?

— Ты и в самом деле думаешь, что вы сможете это с-сделать? — Профессор так развелся, что стал

заикаться. — Боже, если бы вы могли это сделать! Я спрятал их за...

Но коварной судьбе было угодно, чтобы Калле не узнал драгоценную тайну. Потому что в тот же миг дверь распахнулась и профессор умолк, словно его ударило молнией. Он заставил себя замолчать, хотя чуть не заплакал от бешенства и разочарования. Еще одна секунда, и он сказал бы то, что хотел! Но на пороге уже стоял инженер Петерс с керосиновой лампой в руке. Он вежливо поздоровался:

— Добрый вечер, профессор Расмуссон!

Профессор молчал.

— Неужели этот чертов Никке не оставил вам никакой лампы? — продолжал Петерс. — Пожалуйста, вот вам лампа!

Поставив лампу на стол, он приветливо улыбнулся. Профессор по-прежнему молчал.

— Привет вам от Расмуса, — сказал Петерс и чуть-чуть прикутил фитилек. — Похоже, мне придется отослать его за границу.

Профессор сделал такое движение, словно собираясь броситься на своего мучителя, но Петерс поднял руку, как бы заранее защищаясь.

— Никке и Блум стоят за дверью, — предупредил он. — Если вы намерены драться, то и мы не спасуем. И Расмус в нашей власти — не забывайте об этом!

Опустившись на диван, профессор закрыл лицо руками. Расмус в их власти. Все козыри у них в руках! А у него только один Калле Блумkvist — его единственная надежда, — и ему необходимо быть спокойным... необходимо... необходимо!

Инженер Петерс прошелся по комнате и стал спиной к окну.

— Спокойной ночи, мой друг! — непринужденно сказал он. — Вы можете еще немного подумать об этом деле. Но, боюсь, не слишком долго.

А за окном, крепко прижавшись спиной к стене дома, стоял Калле. Он слышал голос Петерса так близко, словно тот разговаривал с ним самим, и попытался в испуге сделать шаг назад. Но там, куда он поставил ногу, была лишь предательская кочка, поросшая травой. Знаменитый сыщик соскользнул с треском по крутыму обрыву вниз и быстрее, чем можно было представить себе, шлепнулся к ногам Андерса.

Калле застонал, и Андерс беспокойно склонился над ним:

— Ты что, разбился? Тебе больно?

— Тс-с-с, все отлично, — сказал Калле и еще раз застонал. Но у него не было времени думать о своих синяках. Потому что сверху раздался крик Петерса:

— Никке! Блум! Где вы?! Обыскать всю территорию внизу! Включить прожектора! Только быстрее!

— Боже мой! — прошептал Андерс.

— Вот так-то, — сказал Калле. — Теперь остается нас только пожалеть!

«Вот так, наверно, боится маленький затравленный зверек, когда приближаются охотничьи собаки», — в отчаянии думал Калле.

Да, ищечки были уже рядом! Свет прожекторов мешался во все стороны. Калле и Андерс вцепились друг в дружку и вспомнили внезапно о мамах, которые ждут их дома.

Луна немилосердно светила меж деревьев, словно мало ей было прожекторов.

— Сюда, Никке! — кричал Блум, и голос его послышался угрожающе близко. — Посмотри среди этих густых елей. Если кто-нибудь и пробрался сюда, он — там.

— Не может же он быть и здесь и там, — язвительно ухмыльнулся Никке. — Вообще, по-моему, шеф ошибается.

— Скоро мы это выясним, — угрюмо буркнул Блум.

«Мама, мама, мамочка, — думал Калле. — Сейчас они подойдут... нам конец... все пропало...»

Они были теперь совсем, совсем рядом, и какую-то ничтожную долю секунды свет прожекторов Никке был направлен прямо на убежище мальчиков в расселине. Но порой случаются чудеса.

— Что случилось? Что случилось с прожектором? — спросил Никке.

Какое счастье! Прожектор Никке погас. А для того, чтобы чудо было еще более удивительным, луна в тот же миг спряталась за огромной тучей. И Блум решительно полез в чащу густых елей совсем рядом. Никке, взявшись со своим прожектором, следовал за ним по пятам.

— Если кто-нибудь пробрался сюда, он — там, — бормотал Никке, передразнивая Блума. — Смотри, смотри, прожектор светит снова, — довольно продолжал он, играя лучами прожектора под елками.

Но там никого не было, и Никке, оттолкнув Блума, сказал:

— Говорил я, что шеф ошибается. Это у него нервы сдают. Здесь ни души.

— Да-а, здесь пусто, — недовольно сказал Блум. — Но на всякий случай давай пройдем еще немного вперед.

«Да, да, — думал Калле, — валяйте на всякий случай!» И тут, словно кто-то подал им знак, они с Андерсоном, не говоря ни слова, ринулись вперед, пробежали те несколько метров, что отделяли их от елей, и залезли под самую густую. Потому что опыт войны Роз научил их, что самое надежное убежище — то, которое только что осмотрел враг.

Никке и Блум вскоре вернулись назад. Они прошли так близко от ели, что Калле мог бы высунуть руку и дотронуться до них. Прошли они и мимо маленькой расселины между камнями, и Блум тщательно осветил ее. Но там никого не было.

— Если кто-нибудь проbralся сюда, то здесь его, во всяком случае, нет, — сказал Никке и тоже осветил своим прожектором расселину.

— Нет, представь себе, что они вовсе не там, где ты их ищешь, — прошептал Калле и благодарно вздохнул.

10

Настал новый день, и солнце, как прежде, светило над головами и добрых и злых. Оно разбудило Андерса и Калле, мирно дремавших на еловых ветках в своем шалаше.

— Как ты думаешь, что нам подадут сегодня на завтрак, на обед и на ужин? — язвительно спросил Андерс.

— На завтрак... чернику, — ответил Калле. — На обед... чернику. На ужин... может, ради разнообразия мы съедим чуть больше черники?

— Нет уж, об ужине позаботится Ева Лотта, — убежденно произнес Андерс.

Они вспомнили вчерашний вечер и тоскливо вздохнули при мысли о том, что съели тогда. Но они вспомнили и те жуткие переживания, которые были потом, и неприятный холодок пробежал у них по спине. Ведь они знали, что сегодня вечером им придется все повторить сначала. Это было неизбежно. Они понимали: профессор ждет их. Кто-то из них должен снова вскарабкаться к его окну и узнать, где хранятся те копии. Если им удастся спасти бумаги профессора, они, по крайней мере, совершат настоящее доброе дело.

Калле ощупал ссадины на руках и ногах.

— К профессору поднимусь я, все равно я уже весь в синяках и ссадинах, — сказал он. — А теперь не помешал бы легкий завтрак.

— О еде позабочусь я, — услужливо предложил Андерс. — Лежи, получишь чернику в постель.

Расмус и Ева Лотта тоже получили завтрак в постель, но их завтрак был куда более солидный. Никке явно решил по-настоящему заткнуть рот дерзкой девчонке. Он устроил настоящий пир — ветчины и яиц, каши и бутербродов хватило бы на целый полк солдат. Поставив с ликующим видом поднос с едой перед сонной еще Евой Лоттой, он начал горланить:

— Вставай, девчонка, и ешь как следует, а не то помрешь с голоду!

Ева Лотта прищурилась сонным глазом на поднос.

— Сойдет, — одобрила она. — Но завтра ты бы мог, верно, испечь и несколько вафель. Если до этого тебя не схватят полицейские.

Расмус быстро уселся в постели.

— Полицейские не схватят Никке, — сказал он чуть дрожащим голосом. — Они не должны хватать тех, кто добрый.

— Не-а, но киднэпперов они хватают, — невозмутимо заявила Ева Лотта, намазывая толстый слой масла на хлеб.

— Послушай-ка, ты... — возмутился Никке. — Мне надоела эта болтовня о киднэпперах, которые похищают детей!

— А мне надоело, что меня похищали, — заявила Ева Лотта. — Так что мы квиты.

Никке злобно уставился на нее:

— А тебя никто и не приглашал сюда. Мы бы просто наслаждались здесь летними каникулами, не будь тебя.

Он подошел к Расмусу и уселся на край его постели. Расмус высунул из-под одеяла маленькую теплую ручку и погладил киднэппера по щеке.

— Мне кажется, киднэпперы добрые, — повторил он. — А что мы будем делать сегодня, Никке?

— Сначала лопай завтрак, — ответил Никке. — А потом посмотрим.

Представление о нем как об очень добром человеке укоренилось у Расмуса с первых часов пребывания мальчика на острове.

С самого начала у Расмуса сложилось мнение, что вся эта поездка — необыкновенно удачная выдумка его папы. Интересно было ехать в машине, интересно плыть в моторной лодке! Какой чудесный причал был на этом острове, а сколько лодок пришвартовано у причала! И он только-только собрался попросить у папы разрешения искупаться, как пришел этот глупый дяденька и все испортил. Он так чуднó разговаривал с папой, а папа был злой и рычал даже на него, на Расмуса, а потом папа исчез, и Расмус с ним больше не встречался.

Вот тогда-то Расмус и начал всерьез сомневаться, так ли это все интересно. Он пытался удержать слезы, которые рвались наружу, но первые подавленные всхлипывания быстро перешли в потоки слез. Инженер Петерс грубо толкнул его к Никке и сказал:

— Позаботься о мальчишке!

Это было малоприятное поручение. Никке горестно чесал затылок. Он не знал, как обращаться с плачущими детьми. Но он готов был на все, только бы прекратить этот рев.

— Давай я вырежу тебе лук со стрелами, — с горя предложил он.

Это подействовало. Словно по мановению волшебной палочки, Расмус перестал плакать так же внезапно, как и начал, и его вера в добро была восстановлена.

Затем они битых два часа стреляли в цель из лука, и Расмус уже твердо уверовал в то, что Никке добрый. А раз Ева Лотта говорит, что Никке киднэппер, значит, киднэпперы добрые.

Солнце поднималось именно так, как ему положено — все выше и выше, — и продолжало светить и добрым и злым. Оно согрело скалу, где Калле и Андерс, ку-

паясь, провели целый день. Оно светило Никке, сидевшему на мостках перед домиком Евы Лотты и вырезавшему лодочку из коры. И Расмусу, который испытывал готовые лодочки в бочке с дождевой водой, стоявшей возле дома. Лучи солнца играли в белокурых волосах Евы Лотты, сидевшей на диване и ненавидевшей Никке за то, что он не выпускает ее на воздух. Они раздражали инженера Петерса, потому что буквально все раздражало его в этот прекрасный день, и, следовательно, он не мог сделать никакого исключения для солнечных лучей. Но, не обращая ни малейшего внимания на раздражение инженера Петерса, солнце спокойно продолжало свой путь и в конце концов — как ему и было положено — зашло на западе и исчезло за лесом где-то на большом материке. На этом и закончился второй день на острове.

Нет, не закончился. Только теперь он и начался. Он начался с того, что инженер Петерс вошел в домик Евы Лотты. На Еву Лотту он не обратил внимания, с ней все было ясно. Ее, на беду, угораздило увидеть, как похищали Расмуса, ей удалось тайком пробраться в машину, потому что этот идиот Сванберг не караулил как следует. Держать Еву Лотту здесь затруднительно, но придется терпеть; ведь она поможет им утихомирить мальчишку до тех пор, пока образумится его упрямый отец. Вот, собственно, и все, что можно было сказать о Еве Лотте. А побеседовать он хотел с Расмусом.

Расмус уже лежал в постели, разложив перед собой на одеяле пять маленьких игрушечных лодочек из коры. На стене висел его лук. Расмус был богат и счастлив. Остров этот хороший, а киднэпперы — добрые.

— Послушай-ка, старина, — сказал инженер Петерс и сел на край его постели, — что ты скажешь, если придется остаться здесь на все лето?

Широкая улыбка озарила лицо Расмуса.

— На все лето! Какой ты добрый! Мы с папой хорошо отдохнем у тебя на даче.

«Один — ноль в пользу Расмуса», — подумала Ева Лотта и многозначительно улыбнулась. Но она благородно молчала. Инженер Петерс был не из тех, с кем можно шутить.

Никке сидел на стуле у окна очень довольный. Это было заметно. Наконец-то эту нахальную девчонку заставили умолкнуть!

Но инженер Петерс был далеко не в восторге.

— Послушай-ка, Расмус... — начал он, но Расмус, сияя от радости, прервал его.

— Тогда мы можем купаться каждый день, верно? — сказал он. — Я могу делать пять заплывов. Хочешь посмотреть, как я делаю пять заплывов?

— Очень хочу, — сказал инженер Петерс, — но только...

— Вот будет здорово! — радовался Расмус. — Один раз летом, когда мы купались, Марианн вдруг скрылась под водой. «Буль, буль, буль», — забулькала вода. А потом Марианн снова вынырнула. Марианн может делать всего четыре заплыва.

— Нужны мне твои заплывы! — нервно воскликнул Петерс. — Я хочу знать, где твой папа спрятал бумаги с этими красными цифрами.

Наморщив брови, Расмус неодобрительно посмотрел на него.

— Фу, какой ты злочка, какой глупый, — произнес он. — Разве ты не слышал — папа не велел мне говорить об этом.

— Чихать нам на твоего папу. И вообще такой маленький сопливый щенок не должен говорить старшим «ты». Ты должен называть меня «инженер Петерс».

— А разве тебя так зовут? — спросил Расмус, любовно поглаживая самую красивую лодочку из коры.

Петерс проглотил обиду. Он считал, что должен обуздеть себя, если хочет добиться успеха в задуманном деле.

— Расмус, я подарю тебе что-то очень хорошее, если ты скажешь то, о чем я тебя прошу, — мягко произнес он. — Я подарю тебе паровую машину.

— У меня уже есть одна паровая машина, — заметил Расмус. — Лодочки из коры лучше. — Он сунул самую красивую лодочку из коры прямо под нос Петерса. — Видел ты когда-нибудь такую красивую маленькую лодочку, инженер Петерс?

Потом он начал возить лодочку взад-вперед по одеялу. Это она переплыла океан, направляясь в Америку, где живут индейцы.

— Когда я вырасту, я стану вождем индейцев и буду убивать людей, — заявил он. — Но женщин и детей убивать не стану.

Петерс не ответил ни слова на это сенсационное заявление. Он заставил себя сохранить спокойствие и попытался придумать, как направить мысли Расмуса в нужное русло.

Лодочка из коры скользила по одеялу, управляемая загорелой и довольно грязной маленькой мальчишеской рукой.

— Ты — киднэппер, — сказал Расмус, а глаза его меж тем следили за лодочкой, пересекающей океан. Мысли его тоже были там. — Ты — киднэппер, — с отсутствующим видом подтвердил он. — Потому тебе нельзя знать никакие тайны. А не то бы я тебе сказал, что папа прикрепил их кнопками за книжным шкафом, но теперь я этого не сделаю... Ой, все-таки я тебе сказал, — спохватился он, весело улыбаясь.

— О Расмус, — застонала Ева Лотта.

Петерс вскочил.

— Слышал, Никке! — громко и радостно захотел он. — Слышал... нет, это так прекрасно — быть правдивым. «За книжным шкафом», — сказал он. Мы заберем эти бумаги ночью. Будь готов через час.

— О'кей, шеф! — откликнулся Никке.

Петерс поспешил к двери, совершенно не обращая внимания на Расмуса, сердито кричавшего ему вслед:

— Отдай мои слова обратно! Чур не считается, когда случайно скажешь! Кому говорю, отдай их обратно!

11

У Белых Роз были тайные сигналы и всякого рода предостерегающие знаки. Не менее трех сигналов означали: «Опасность». Во-первых, быстрое прикосновение к мочке левого уха, которое применялось, когда и враг и союзник находились в поле зрения и нужно было незаметно предупредить союзника о грозящей опасности. Затем крик совы, тайно призывающий каждого блуждающего в округе рыцаря Белой Розы немедленно спешить на помощь. И наконец, клич великой тревоги, применяющийся, лишь когда грозила смертельная опасность или ты находился в бедственном положении.

Именно сейчас Ева Лотта находилась в крайне бедственном положении. Ей *необходимо* было как можно скорее связаться с Андерсоном и Калле. Она подозревала, что они, словно голодные волки, бродят где-то вокруг, совсем близко и только и ждут, когда в ее окошке зажжется свеча в знак того, что на горизонте ни облачка. Но на горизонте было облачко. Никке не желал уходить. Он упорно сидел у них в комнате, рассказывая Расмусу, как он молодым моряком бороздил синие воды океанов всего мира, а дурачок Расмус требовал все новых и новых рассказов.

А нужно было спешить, спешить... спешить! Через час Петерс и Никке отправятся в путь и под покровом ночи украдут драгоценные бумаги.

Выход был один — Ева Лотта издала клич великой тревоги. Как она и рассчитывала, он был такой ужасный, что чуть ли не насмерть испугал Никке и Расмуса. Когда Никке оправился от испуга, он, покачав головой, сказал:

— Видать, ты совсем спятила! Нормальный человек так выть не будет! .

— Так воют индейцы, — объяснила Ева Лотта. — Я думала, вам будет интересно послушать. Вот так, — сказала она и еще раз так же пронзительно завыла.

— Спасибо, спасибо, теперь хватит, — заверил ее Никке.

И он был прав. Потому что где-то в темноте запел черный дрозд. Хотя петь после наступления темноты было не в обычаях черных дроздов, но Никке не выказал по этому поводу никакого удивления, и еще меньше удивилась этому Ева Лотта. Она страшно обрадовалась знаку Андерса и Калле: «Мы слышали!»

Но как передать им важное сообщение о копиях формул профессора? Ах, рыцарь ордена Белой Розы всегда найдет выход из положения! Тайный язык, разбойничий жаргон, не раз приходивший им на помощь, пригодится и теперь.

Никке с Расмусом испытали новое потрясение, когда Ева Лотта совершенно неожиданно разразилась громогласной жалобной песней.

— Сос-поп-а-сос-и-тот-е боб-у-мом-а-гог-и поп-рор-о-фоф-е-сос-сос-о-рор-а зоз-а кок-нон-и-жож-нон-ы-мом шош-кок-а-фоф-о-мом! — все снова и снова распевала она, несмотря на явное неодобрение Никке.

— Эй, слушай, ты, — сказал он под конец, — заткнись! Чего ты там мычишь?

— Это индейская любовная песня, — сказала Ева Лотта. — Я думала, вам будет интересно послушать.

— По-моему, ты орешь так, словно у тебя где-то болит, — сказал Никке.

— Нон-а-дод-о сос-поп-е-шош-и-тоть, — запела Ева Лотта и пела до тех пор, пока Расмус не закрыл уши руками и не сказал:

— Ева Лотта, давай лучше споем «Лягушата, лягушата»!

А в темноте за окном стояли потрясенные Калле с Андерсом и слушали клич Евы Лотты: «Спасите бумаги профессора за книжным шкафом! Надо спешить!»

Если Ева Лотта говорила, что надо спешить, и прибегла к кличу великой тревоги, это могло означать одно: Петерсу так или иначе удалось узнать, где эти бумаги. Речь шла о том, чтобы прийти первыми.

— Быстро, — скомандовал Андерс, — мы возьмем у них лодку!

Не произнеся больше ни слова, они ринулись по маленькой тропке вниз к причалу. Голодные и напуганные, они спотыкались в темноте, напарываясь на ветки и сучья; в каждом кусте им мерещились преследователи, но все это не имело ни малейшего значения. Единственное, что имело значение, — секреты профессора не должны попасть в руки преступников. И потому нужно было их опередить.

Они пережили несколько жутких минут, прежде чем отыскали лодку, не запертую на замок. Каждую секунду они ждали, что Блум или Никке вот-вот вынырнут из темноты. И когда Калле тихонько оттолкнул лодку от причала и взялся за весла, в голове у него была только одна мысль:

«Они сейчас появятся, я уверен, что вот-вот появятся!»

Но никто не появился, и Калле увеличил скорость. Вскоре их уже нельзя было услышать с острова, и он стал гребти так рьяно, что весла поднимали фонтаны брызг. Андерс молча сидел на корме, вспоминая, как они уже переплывали залив в этом месте. Неужели это было вчера утром? Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

Спрятав лодку в зарослях камыша, они помчались отыскивать мотоцикл. Они укрыли его в кустах можжевельника, но где же эти кусты и как отыскать их в темноте?

Несколько драгоценных минут ушли на судорожные поиски. Андерс так нервничал, что начал кусать пальцы, — где же этот несчастный мотоцикл? А Калле между тем рыскал в кустах. Наконец-то! Вот он, мотоцикл! Он нашел его! Пальцы мальчика ласково сжали руль, и он быстро вывел мотоцикл на лесную дорогу.

Им предстояло примерно пять миль езды. Калле взглянул на наручные часы. Стрелки светились в темноте.

— Половина одиннадцатого, — сказал он Андерсу, который вовсе не интересовался временем.

Слова Калле прозвучали в некотором роде зловеще.

Те же самые слова в ту же самую минуту Никке услыхал от инженера Петерса:

— Половина одиннадцатого. Пора в путь!

Пять миль... четыре мили... три мили до Лильчёпинга! С огромной скоростью мчались они этой теплой июльской ночью, но дорога казалась им бесконечно долгой. Нервы были у них на взводе, и они все время прислушивались, не догоняет ли их тот самый автомобиль. Каждую секунду они ожидали, что их осветят сзади фары, которые приближаются, нагонят их, промчатся мимо и исчезнут, унося с собой все надежды спасти бумаги, которые значили так много.

— Лильчёпинг, двадцать километров, — прочитал Андерс на дорожном указателе.

Приближались места, знакомые им с детства.

Примерно в то же самое время черный автомобиль миновал другой дорожный указатель.

— Лильчёпинг, тридцать шесть километров, — прочитал Никке. — Прибавь немного скорость, шеф!

Но инженер Петерс не очень спешил, он ехал так, как ему нравилось. Оторвав одну руку от руля, чтобы предложить Никке сигарету, он удовлетворенно сказал:

— Если я ждал так долго, то могу подождать еще полчаса!

Лильчёпинг! Город спит безмятежно, как обычно. «Это просто трогательно!» — решили Калле и Андерс. Мотоцикл проезжает по хорошо знакомым улицам, начинает подниматься вверх к развалинам замка и останавливается у дома Эклунда.

А черному автомобилю оставалось еще несколько километров до того маленького дорожного указателя у обочины, который любезно приглашает: «Добро пожаловать в Лильчёпинг!»

— Страшнее этого мне ничего переживать не приходилось! — шепнул Андерс, когда они едва слышными шагами крались по веранде.

Он осторожно нажимает на ручку двери. Дверь не заперта. «Маловато винтиков у киднэпперов, которые не закрывают за собой дверь, — думает Калле. — Разве можно оставлять открытыми двери дома, где хранятся бумаги, которые стоят сто тысяч крон! Но так гораздо лучше — это экономит массу времени!» Все его чувства обострены — ведь дорога каждая минута.

«За книжным шкафом» — за каким книжным шкафом? У доктора Эклунда, который сдал свой дом на лето, столько книг и столько книжных шкафов! В гостиной все стены уставлены книжными шкафами.

— Это займет целую ночь, — говорит Андерс. — Где начнем искать?

Калле размышляет, хотя времени в обрез! Но иногда стоит пожертвовать минуткой, чтобы поразмыслять. Расмус сказал своему папе: «Я прокрался за тобой вечером, когда ты думал, что я сплю, и тогда я увидел...» Где мог стоять Расмус, когда он увидел?.. Абсолютно точно, что не в гостиной.

Спальни расположены на верхнем этаже. Маленький мальчик, который не может уснуть, тихонько спускается по лестнице... Еще до того, как папа услышит его шаги, Расмус видит: происходит что-то очень важное — и

останавливается. «Должно быть, он стоял на лестнице в прихожей», — думает Калле и кидается туда.

На какой бы ступеньке лестницы он ни стоял, через открытую дверь гостиной виден только один книжный шкаф. Тот, что возле письменного стола.

Калле мчится обратно в гостиную и вместе с Андерсом начинает отодвигать книжный шкаф от стенки. Шкаф царапает пол, раздается неприятный скрежет. Это единственный в мире звук, который они слышат. Они не слышат, что на дороге останавливается автомобиль.

Так... так... так... еще одно усилие — и они могут заглянуть за шкаф! Бумаги там! Коричневый конверт аккуратно прикреплен к стене кнопками. У Калле дрожат руки, когда он ощупью достает свой нож и начинает отгибать кнопки.

— Подумать только, мы все-таки успели! — шепчет бледный от волнения Андерс. — Подумать только, мы успели.

Калле держит драгоценный конверт. Он благоговейно смотрит на него — ведь он стоит сто тысяч крон! Да, собственно говоря, его вряд ли можно оценить в деньгах! О, какая минута триумфа, какое пронизывающее сладкое, теплое чувство удовлетворения!

И тут послышалось что-то ужасное и жуткое! Кра-дущиеся по веранде шаги, шорох, чья-то рука нажимает ручку двери... Тихий скрип отворяющейся входной двери.

Свет от лампы, стоящей на письменном столе, падает на их бледные лица. Они в отчаянии смотрят друг на друга, их чуть не тошнит от страха. Через несколько секунд откроется вот эта дверь, и тогда все пропало. Они пойманы, как две крысы, в западню. Те, что стоят за дверью, в прихожей, охраняют вход. Те, что стоят за дверью в прихожей, не пропустят мимо себя никого с драгоценным коричневым пакетом, который стоит сто тысяч крон.

— Быстрее, быстрее, — шепчет Калле. — Лестница на верхний этаж.

Ноги отказываются им служить, но каким-то сверхъестественным образом им все же удается выскочить в прихожую и подняться вверх по лестнице.

А потом все происходит так быстро, что разум покидает их, а мысли исчезают бесследно. Все исчезает в хаосе, и они различают лишь беспорядочный гул вззволнованных голосов, хлопанье дверей, громкие крики, чью-то ругань, топот ног, бегущих вверх по лестнице, — ой, кто поможет им, кто поможет? Топот ног буквально за их спиной.

Вот окно с той самой занавеской, которая так весело колыхалась на ветру ночью целую тысячу лет тому назад. Снаружи, рядом с окном, прислонена к стене лестница, путь к спасению... а вдруг... может быть... Они переваливаются через подоконник на лестницу, спускаются, нет, обрушаются вниз и бегут, бегут так, как никогда раньше не бегали за всю свою юную жизнь. Они бегут, хотя сверху из окна раздается суровый голос, голос инженера Петерса, который кричит им вслед:

— Стой, стрелять буду!

Но они уже не способны прислушиваться к голосу разума.

Они только мчатся все дальше и дальше, хотя им следовало бы понять: борьба идет не на жизнь, а на смерть. Они бегут, бегут, и им кажется, что сердце у них вот-вот разорвется!

И тут они снова слышат топот бегущих ног — он все ближе и ближе... Где на всем белом свете можно укрыться от этих жутких шагов, эхо которых отзывается в ночи, от этих ужасных шагов, которые будут звучать в их снах до самого конца жизни?

Они мчатся вниз, к городу. Он — недалеко. Но силы у них уже на исходе. А преследователи неумолимо приближаются. Спасения нет, все пропало, через несколько мгновений все будет кончено!

И тут они замечают его! Они оба видят его! Мерцает первый уличный фонарь, и свет его падает на хорошо знакомую долговязую фигуру в полицейской форме.

— Дядя Бьёрк, дядя Бьёрк, дядя Бьёрк!

Они кричат, словно потерпевшие кораблекрушение, и дядя Бьёрк предостерегающе машет им рукой: нечего, мол, поднимать такой шум среди ночи!

Он идет им навстречу, не подозревая, что именно сейчас он им дороже даже родной матери.

Калле бросается к нему и, задыхаясь, обнимает его:

— Дядя Бьёрк, миленький, арестуй этих негодяев!

Он оборачивается и показывает пальцем в сторону преследователей. Но топот бегущих ног прекратился. Насколько позволяет глаз, в темноте не видно ни единого человека. Калле вздыхает, то ли с облегчением, то ли разочарованно — он и сам не знает. Он понимает, что преследовать киднэпперов здесь, в городе, не стоит. И в то же самое время он понимает и кое-что другое. Он не может рассказать дяде Бьёрку обо всем, что произошло. «...Я не смею впутывать полицию... до тех пор, пока Расмус не будет в безопасности» — так решительно высказался профессор. Петерса поглотил мрак. Наверняка он направляется в этот миг к своему автомобилю, который скоро отвезет его обратно на остров — и к Расмусу! Нет, нельзя вмешивать полицию, нельзя действовать вопреки воле профессора. Даже если в самой глубине души подозреваешь, что это, возможно, было бы самое разумное.

— Вот как, суперсыщик идет по следу, — улыбаясь, говорит дядя Бьёрк. — Где же твои негодяи, Калле?

— Они удрали, — выпаливает Андерс, а Калле предостерегающе наступает ему на ногу.

Но это совершенно ни к чему. Андерс знает, что, когда речь идет о преступлениях, он должен уступить слово Калле.

Калле тут же превращает все в шутку, а дядя Бьёрк начинает говорить о другом.

— Да, хороши вы, нечего сказать, — говорит он. — Сегодня утром, Калле, я встретил твоего папу, и он, можешь себе представить, был страшно сердит. И не стыдно вам удирать из дома? Вы вовремя вернулись.

— Мы еще не вернулись, — говорит Калле. — Мы еще не вернулись домой.

12

Если бы кто-нибудь около двух часов ночи проходил мимо бакалейной лавки Виктора Блумквиста, он бы непременно решил, что там орудуют взломщики. Кто-то светил за прилавком карманным фонариком, а сквозь витринное стекло можно было видеть, как там движутся две тени.

Но никто не проходил этой ночью мимо лавки, и две тени так и остались неузнанными. Бакалейщик Блумквист и его жена, которые спали в комнате над самой лавкой, вообще ничего не слышали. Потому что эти тени владели искусством двигаться бесшумно.

— Я хочу еще колбасы, — промямлил Андерс с набитым ртом. — Я хочу еще колбасы и сыра.

— Пожалуйста, бери сам, — сказал Калле.

Он был занят тем, что набивал собственный рот.

И они ели не переставая. Отрезали толстые ломти копченого окорока и ели. Хватали изрядные куски самой лучшей колбасы и ели. Разламывали большие, мягкие, благоухающие каравай хлеба и ели. Срывали серебристую фольгу с маленьких треугольничков плавленного сыра и ели. Запускали руку в ящик с изюмом и ели. Брали плитки шоколада с прилавка, где лежали разные лакомства, и ели. Они ели, ели и ели — это была самая памятная трапеза в их жизни, и они никогда ее не забудут.

— Одно я знаю точно, — заявил под конец Калле. — Я больше никогда в жизни не дотронусь до черники.

Довольный и сытый, прокрался он затем по лестнице на второй этаж. Трудность состояла в том, чтобы обойти скрипучую ступеньку, потому что мама Калле с годами выработала поразительную способность просыпаться от этого скрипа, когда причиной скрипа был сам Калле. Совершенно сверхъестественное явление, с которым психологам следовало бы познакомиться поближе, считал Калле.

Но как раз теперь он не хотел будить ни маму, ни тем более отца. Он хотел лишь взять свой рюкзак, спальный мешок и некоторые другие мелочи, необходимые для жизни в кемпинге. А если бы родители проснулись, на объяснения ушло бы слишком много времени.

Правда, способность Калле обходить скрипучую ступеньку с годами тоже совершенствовалась, и он, нагруженный вещами и не потревоживший родителей, благополучно спустился вниз к Андерсу, ожидавшему его в лавке.

В половине четвертого утра мотоцикл с бешеною скоростью выскоцил на дорогу, которая, извиваясь, вела к морю.

А в бакалейной лавке Виктора Блумквиста на прилавке остался клочок белой оберточной бумаги со следующим сообщением:

«Дорогой папа, ты можешь удержать мое жалованье за этот месяц, так как я взял:

1 килограмм колбасы,
1 килограмм свиных сосисок,
1 1/2 килограмма копченого окорока,
10 тех самых, маленьких сырков, ну ты знаешь каких,
4 буханки хлеба,
1/2 килограмма сыра,
1 килограмм масла,
1 пачку спичек,

10 плиток шоколада из тех, что по 50 эре за каждую,

одну 10-литровую банку бензина на складе,

2 пакета какао,

2 пакета сухого молока,

1 килограмм сахарного песку,

5 пакетиков жевательной резинки,

10 коробочек с таблетками сухого спирта.

И возможно, кое-что еще, сейчас я точно не помню.

Я понимаю, что ты сердишься, но, если бы ты знал, что произошло, ты бы не сердился. Скажи дяде Лисандеру и папе Андерса, чтобы они не беспокоились. Будь добр, не сердись, может, я не всегда был хорошим сыном... Да, но лучше мне на этом закончить, а не то я расплачусь.

Большой привет маме.

Калле.

Ты ведь не сердишься, верно?»

В ту ночь Ева Лотта спала беспокойно и проснулась со смутным ощущением того, что предстоит нечто неприятное. Она боялась за Андерса и Калле — как там у них дела и как обошлось с бумагами профессора? Неизвестность была невыносимой, и она решила атаковать Никке, как только он явится с завтраком. Но когда Никке наконец явился, у него был такой злобный вид, что Ева Лотта чуточку заколебалась. Расмус весело прощебетал: «Доброе утро!» — но Никке не обратил на него никакого внимания и подошел прямо к Еве Лотте.

— Ах ты, маленькая ведьма! — сурово произнес он.

— Что это с тобой? — спросила Ева Лотта.

— Сильна ты врать, — продолжал Никке. — И не совестно тебе? Разве ты не говорила шефу, когда он тебя допрашивал, что никого с тобой не было в ту ночь, когда ты забралась в наш автомобиль?

— Ты хочешь сказать, в ту ночь, когда вы похитили Расмуса? — спросила Ева Лотта.

— Да, ту, когда мы... эх, иди к черту, — выругался Никке. — Разве ты не сказала тогда, что никого с тобой не было, а?

— Ну, сказала.

— И наврала? — настаивал Никке.

— Это почему? — спросила Ева Лотта.

— «Это почему?» — передразнил ее Никке, побагровев от злости. — Да потому! С тобой еще было двое ребят, признавайся!

— Да, были, представьте себе, были, — заявила довольная Ева Лотта.

— Ага, это были Калле с Андерсоном, — объяснил Расмус. — Потому что они с Евой Лоттой участвуют в войне Алой и Белой Розы. И я тоже стану Белой Розой, вот!

Но Ева Лотта внезапно похолодела от страха. Означали ли слова Никке, что Калле с Андерсоном схвачены? В таком случае все пропало. Она понимала, что ей немедленно нужно узнать об этом, — ни одной минуты неизвестности ей не выдержать.

— Откуда ты вообще знаешь, что кто-то был со мной? — как можно равнодушней спросила она.

— Да эти проклятые сопляки стянули те самые бумаги, которые были нужны шефу, прямо у него под носом, — сказал Никке, злобно уставившись на нее.

— Ура! — закричала Ева Лотта. — Ура, ура!

— Ура! — вторил ей Расмус. — Ура!

Никке повернулся к мальчику — в глазах его была печаль, печаль и страх.

— Да, кричи, кричи пока, — пробормотал он. — Думаю, ты скоро разучишься кричать «ура». Когда они явятся и увезут тебя за границу.

— Что ты сказал?! — воскликнула Ева Лотта.

— Я сказал, что они явятся и увезут Расмуса за границу, вот что я сказал. Завтра вечером прилетит самолет и заберет его.

Ева Лотта судорожно глотнула. Затем внезапно закричала и ринулась прямо к Никке. Сжав кулаки, она

набросилась на него. Она лупила его изо всех сил и кричала:

— Стыд! Позор! О, какие вы гнусные — идиотские старые киднэпперы!

Никке не стал защищаться. Он позволил ей бить себя. Он только молча сидел на стуле и внезапно показался ей очень усталым. Да, и он ведь ночью совсем не спал!

— Лучше бы эти чертовы ребята не совались в чужие дела, — сказал он. — Получил бы шеф свои бумаги, из-за которых он поднял столько шума, и со всеми бедами было бы покончено!

Расмус между тем успел обдумать слова Никке о том, что он полетит за границу. Он взвесил обе представившиеся ему возможности. Что лучше — лететь на самолете или стать Белой Розой? Основательно все продумав, он объявил свое решение.

— Не-а, Никке, — заявил он, — я не собираюсь лететь за границу, потому что я стану Белой Розой.

Забравшись на колени к Никке, он довольно подробно объяснил, как это будет замечательно. И о том, как издают воинственный клич и как крадутся по ночам и сражаются с Алыми. Необходимо, чтобы Никке понял прелесть этой удивительной, полной приключений жизни Белых Роз. Ведь Никке должен понять, что он, Расмус, не может уехать за границу.

Но когда он кончил свою речь, Никке лишь мрачно покачал головой и сказал:

— Да нет, малыш, не бывать тебе Белой Розой. Слишком поздно!

Тут Расмус соскользнул с его колен, отошел в сторону и сказал:

— Фу, балаболка, какой ты глупый. Я точно стану Белой Розой, ясно тебе?

Кто-то позвал Никке, и он направился к двери.

Расмус, увидев, что он уходит, понял: надо поспешить, если он хочет получить ответ на вопрос об одном деле, о котором ему хотелось узнать.

— Эй, Никке, — сказал он. — А если сплюнуть с самолета, сколько понадобится времени, чтобы плевок попал на землю?

Никке обернулся и огорченно посмотрел на оживленное лицо мальчика.

— Не знаю, — серьезно ответил он. — Можешь сам попробовать завтра вечером.

13

Ева Лотта сидела на диване и думала. Кусая прядь своих белокурых волос, она отчаянно думала. И пришла к выводу, что надежды нет. Как она, запертая в этой клетке, сможет помешать им посадить Расмуса в самолет и увезти его за границу? И что за коварный план у этого Петерса? Скорей всего, решила Ева Лотта, потеряв всякую надежду получить эти бумаги, он задумал принудить профессора снова произвести все расчеты и забрать для этого его с собой в какую-нибудь лабораторию за границей. А Расмуса взять в качестве заложника. Бедный маленький Расмус, до сих пор его не коснулась никакая беда, но что будет с ним среди множества бандитов за границей? Ева Лотта представила себе, как профессор сидит за столом и что-то изобретает, а в это время тюремщик заносит плеть над Расмусом и кричит профессору: «Изобретай скорее, а не то...»

Это было мучительное зрелище, и Ева Лотта тихонько застонала.

— Чего ты пишишь? — спросил Расмус. — И почему не приходит Никке и не ведет меня на берег, чтоб я мог пускать лодочки из коры?

Ева Лотта стала напряженно думать, и в ее голове медленно зарождалась идея. Когда идея окончательно созрела, девочка проворно подбежала к Расмусу.

— Расмус, — сказала она, — как по-твоему, сегодня тепло?

— Да-а, тепло, — тотчас согласился Расмус.

— Правда хорошо бы выкупаться?

Расмус клюнул на эту удоочку.

— Ага-а! — закричал он, подпрыгнув от восхищения. — Правда мы пойдем купаться, Ева Лотта? Я могу сделать пять заплыков!

Ева Лотта в преувеличенном восторге всплеснула руками.

— Вот будет интересно посмотреть! — сказала она. — Но сначала тебе нужно выклянчить разрешение у Никке. А иначе у нас ничего не выйдет.

— Ладно, — довольно самоуверенно согласился Расмус.

Он знал, что сможет добиться у Никке всего, что ему нужно.

И когда явился Никке, Расмус набросился на него.

— Никке, можно нам пойти купаться?.. — начал он.

— Купаться? — повторил Никке. — Это еще зачем?

— Ведь погода теплая, — сказал Расмус. — Верно, ведь нам можно искупаться, раз так тепло.

Ева Лотта молчала. Она знала, что самое разумное — полностью положиться на Расмуса.

— Я могу делать пять заплыков подряд, — объяснял Расмус. — Разве тебе не хочется посмотреть, как я делаю пять заплыков, Никке?

— Хм! Пожалуй! — сказал Никке и задумался. — Но купаться... все-таки шеф вряд ли бы это одобрил.

— Но если я не пойду купаться, я не смогу сделать пять заплыков, — с убийственной логикой заявил Расмус. — Не могу ведь я плавать здесь, на полу.

Он считал, что теперь уже все ясно. Не такой уж Никке дурак, чтобы добровольно отказаться посмотреть, как он, Расмус, делает пять заплыков! Поэтому, сунув руку в огромный кулак Никке, он сказал:

— Пошли!

Никке не очень благосклонно глянул на Еву Лотту.

— Ты с нами не пойдешь, — резко сказал он.

— Нет, Ева Лотта должна пойти с нами, посмотреть, что я умею делать пять заплызов, — заупрямился Расмус.

Никке было трудно противиться этому энергичному детскому голоску. Он презирал самого себя за свою слабость, но дело уже зашло так далеко, что Расмус мог добиться от него почти всего, чего хотел, стоило ему сунуть свою ручонку в руку Никке и посмотреть на него веселыми, полными ожидания глазками.

— Ну, пошли тогда, будь ты неладна! — пробормотал Никке.

Вот об этом она и мечтала — пробежаться по короткой тропинке вниз к причалу, броситься головой вниз в прозрачную воду, которая рябила и сверкала на солнце, полежать, чуть подремывая, на мостках, ни о чем не думая. Но теперь, когда осуществилась ее мечта, это было для Евы Лотты лишь мучительной отсрочкой, задержавшей осуществление великого ее плана. Расмус же, наоборот, был вне себя от восторга. Словно маленький веселый лягушонок, он прыгал по мелководью у самого берега.

Никке сидел на краю причала и караулил, а Расмус усердно брызгал на него водой, смеялся, кричал и плескался так, что брызги летели во все стороны. Плавая, он был ужасно серьезным и сдерживал дыхание до тех пор, пока его лицо не покраснело. Потом он, страшно пыхтя, выдохнул воздух и восхищенно закричал:

— Никке, ты *видел?* Видел, что я сделал пять заплызов?

Никке, возможно, видел это, а может, и нет.

— Ах ты, мой маленький шалопай! — воскликнул он.

Эти слова — единственные, оценившие умение Расмуса плавать, — прозвучали как похвала.

Ева Лотта лежала на спине, покачиваясь на волнах. Она смотрела прямо в небо, продолжая повторять самой себе:

— Спокойно! Только спокойно! Все будет хорошо!

Но сама она была не очень-то спокойна, и, когда Никке закричал, что хватит купаться, она почувствовала, что побледнела от волнения.

— Можно нам побывать здесь еще немножко, а, Никке? — умоляюще произнес Расмус.

Но Ева Лотта подумала, что ни одной минуты больше не выдержит, и потому, взяв Расмуса за руку, сказала:

— Нет, Расмус, давай выйдем на берег!

Расмус сопротивлялся, умоляюще глядя на Никке. Но на этот раз, в виде исключения, у Никке и Евы Лотты были одинаковые намерения.

— Поторопитесь! — попросил Никке. — Лучше, если шеф не узнает, что вы ходили купаться.

Они раздевались за густыми кустами, и Ева Лотта, взяв недовольного Расмуса за руку, пошла с ним туда. С безумной быстротой набросила она на себя платье, а потом упала на колени рядом с Расмусом, чтобы помочь ему одеться, — его неловкие пальчики никак не могли застегнуть пуговицы комбинезончика.

— Думаешь, это легко, — сказал Расмус, — если пуговицы сзади, а сам я — спереди.

— Я застегну тебе пуговицы, — пообещала Ева Лотта. И, понизив дрожащий от волнения голос, продолжала: — Расмус, ты ведь очень хочешь стать Белой Розой?

— Ага-а! Хочу, — ответил Расмус. — И Калле сказал, что...

— Тогда ты должен делать все *точь-в-точь* как я говорю, — прервала его Ева Лотта.

— А что я должен делать?

— Ты должен взять меня за руку, и мы убежим отсюда как можно быстрее.

— Да, но это не понравится Никке, — огорченно возразил Расмус.

— Теперь нам нет дела до Никке, — прошептала Ева Лотта. — Мы пойдем и отыщем тот шалаш, который построили Калле и Андерс.

— Вы приедете когда-нибудь или мне пойти за вами? — крикнул с причала Никке.

— На море штиль! — воскликнула Ева Лотта. — Мы придем когда придем. — И, взяв Расмуса за руку, горячо прошептала: — Бежим, Расмус, бежим!

И Расмус побежал изо всех сил, какие только есть у пятилетнего ребенка, прямо в ельник. Он вовсю старался не отставать от Евы Лотты, чтобы она увидела, какой он будет хорошей Белой Розой. И уже на бегу он пропыхтел:

— Хорошо все-таки, что Никке увидел, как я могу делать пять заплывов.

14

Солнце начало садиться, и Расмус устал. Он не одобрял их побега, который продолжался уже много часов подряд.

— В этом лесу слишком много деревьев, — говорил он. — И почему мы никак не придем к этому шалашу?

Ева Лотта хотела бы ответить на этот вопрос. Она была согласна с Расмусом, что в этом лесу слишком много деревьев. И слишком много невысоких каменистых бугорков, которые нужно перепрыгивать, слишком много бурелома и валежника, преграждавшего путь, слишком много кустов, хвороста и веток, царапавших ноги. И слишком мало шалашей. Там был всего один-единственный шалаш, о котором она так горячо мечтала, но его было никак не найти. Ева Лотта почувствовала разочарование. Она представляла себе, что шалаш будет легко найти, но теперь она начала сомневаться в том, что ей вообще когда-нибудь удастся его отыскать. А если они даже и найдут его, окажутся ли там Андерс и Калле? И вообще, вернулись ли они на остров после того, как спасли бумаги профессора? Тысяча случайностей могла им помешать. В конце концов, они с Рас-

мусом, возможно, одни на острове — и еще киднэпперы. При одной мысли об этом Ева Лотта жалобно застонала.

— Милый, милый, Андерс, милый, *дорогой Калле*, будьте в шалаше, — в тихом отчаянии молила она. — И помогите как можно скорее найти его.

— Все только черника да черника, — сказал Расмус и сердито посмотрел на черничник, доходивший ему до колен. — Я хотел бы кусочек жареной свинины.

— Еще бы, — согласилась с ним Ева Лотта. — Но к сожалению, в лесу не растет жареная свинина.

— Бр-р!.. — выразил свое неудовольствие Расмус. — И еще я хотел, чтобы со мной были мои лодочки из коры, — продолжал он, вернувшись тем самым к предмету, занимавшему его весь день. — Почему мне не позволили взять с собой лодочки?

«Чудо-юдо», — подумала Ева Лотта.

Она пустилась в лес на свой страх и риск только для того, чтобы спасти его от ужасной судьбы, а он тут ноет из-за жареной свинины и игрушечных лодочек!

Но, не додумав свою мысль до конца, она уже раскаялась и порывисто обняла мальчика. Он ведь такой маленький, к тому же такой усталый и голодный — ничего удивительного, что он хнычет.

— Понимаешь, Расмус, — сказала она, — я как-то не подумала про твои лодочки...

— Значит, ты дура! — безжалостно заявил Расмус.

И уселся в черничнике. Он не собирался идти дальше. Никакие просьбы и мольбы не помогали. Ева Лотта уговаривала его напрасно.

— Может, шалаш где-то совсем близко, может, надо пройти еще совсем, совсем немножко!

— Не хочу, — ответил Расмус. — Ноги у меня совсем сонные!

Ева Лотта на какое-то мгновение засомневалась, сможет ли она удержать рыдания, подступившие к горлу. Но потом, стиснув зубы, тоже уселась в черничник и,

прислонившись спиной к большому валуну, притянула к себе Расмуса.

— Посиди со мной и отдохни немножко, — сказала она.

Вздохнув, Расмус растянулся на мягкому мху, положив голову на колени Еве Лотте. Казалось, он принял твердое решение никогда больше не двигаться. Сонно мигая, смотрел он снизу вверх на Еву Лотту, а она думала: «Пусть поспит часок, может, потом будет легче!» Она взяла его руки в свои, и он не сопротивлялся. Тогда она стала тихонько напевать ему. Он заморгал, честно пытаясь не заснуть и следя за бабочкой, порхавшей над черничником.

— На нашей лужайке черника растет... — пела Ева Лотта.

Но тут Расмус запротестовал:

— Лучше бы спела: «На нашей лужайке свинина растет...»

И тут же заснул.

Ева Лотта вздохнула. Ей тоже хотелось бы заснуть. Ей хотелось задремать и проснуться дома, в собственной кровати, и с радостью обнаружить, что весь этот ужас ей просто приснился. Грустная и встревоженная, сидела она в черничнике, чувствуя себя ужасно одинокой.

И тут в отдалении она услыхала голоса. Голоса, которые приближались и которые она узнала. А вслед за этим послышался треск веток, ломавшихся под тяжелыми шагами. Неужели можно так испугаться и оставаться в живых! Нет, от этого не умирают, тебя просто совершенно парализует страх, так что ты не можешь пальцем шевельнуть, только сердце начинает дико и мучительно биться в груди. Мелькая между деревьями, к ним приближались Никке и Блум... и этот Сванберг тоже, конечно, был вместе с ними.

Она ничего не могла поделать. У нее на коленях спал Расмус. Она не могла разбудить его и убежать.

Все равно ничего не помогло бы. Им не успеть убежать. Оставалось лишь сидеть на месте и ждать, пока их поймают.

Теперь Никке и Блум были так близко, что Ева Лотта отчетливо слышала их слова.

— Я никогда не видел Петерса в такой ярости, — говорил Блум. — И меня это совершенно не удивляет. Ты — безмозглая скотина, Никке.

— Во всем виновата эта девчонка. Хотел бы я с ней потолковать. Ну погодите, я ее поймаю, — пробурчал Никке.

— Да, этого, верно, ждать недолго, — заявил Блум. — Во всяком случае, они должны быть здесь, на острове.

— Будь спокоен, — сказал Никке. — Я их поймаю, если даже для этого мне придется обшарить каждый куст.

Ева Лотта закрыла глаза. Они всего в десяти шагах от нее, и она не в состоянии смотреть на них. Она закрывает глаза и ждет. Скорее бы уж они обнаружили ее, чтобы она могла наконец заплакать, о чем так давно мечтала.

Она сидит, закрыв глаза и прислонившись спиной к мшистому валуну, и слышит голоса как раз по другую сторону валуна. Как они близко, как ужасающе близко! Но вот они уже не так близко, уже совсем не так близко. Все глуше звучат их голоса, и шаги затихают; наконец они уходят, и вокруг нее становится удивительно тихо. Маленькая птичка щебечет в кустах — единственное, что она слышит.

Долго-долго сидит она на поросшей мхом земле. Она не смеет шевельнуться. Ей хочется сидеть у валуна и вообще ничем больше в жизни не заниматься.

Но в конце концов Расмус просыпается, и тогда Ева Лотта понимает, что необходимо приободриться.

— Пошли, Расмус, — говорит она. — Нам надо уходить отсюда.

Она беспокойно оглядывается по сторонам. Солнце уже не светит. Большие темные тучи плывут по

небу. Видно, ночью пойдет дождь. Уже падают первые капли.

— Хочу к папе, — капризничает Расмус. — Не хочу больше оставаться в лесу, хочу к папе!

— Мы не можем пойти к папе сейчас, — в отчаянии произносит Ева Лотта. — Нам надо попытаться найти Калле и Андерса, иначе я не знаю, что с нами будет.

Она пробивалась сквозь черничник, а Расмус следовал за ней, скуля, точно маленький щенок.

— Хочу есть, — говорил он. — И еще хочу мои лодочки из коры.

Ева Лотта не отвечала, она словно набрала в рот воды. И тут она услыхала за спиной горький плач. Она оглянулась и увидела в черничнике жалкую маленькую фигурку с дрожащими губками и глазками, полными слез.

— О Расмус, не плачь, — умоляла мальчика Ева Лотта, хотя ей самой больше всего на свете хотелось плакать. — Не плачь! Милый маленький Расмус, из-за чего ты плачешь?

— Я плачу из-за того, что... — икнул Расмус, — я плачу из-за того, что... из-за того, что мама лежит в больнице!

Даже тот, кто собирается стать рыцарем Белой Розы, наверное, имеет право плакать, когда мама лежит в больнице.

— Да, но она ведь скоро выйдет оттуда, — стала утешать Расмуса Ева Лотта, — ты ведь сам говорил.

— И все равно я плачу из-за нее! — упрямко кричал Расмус. — Потому что я забыл поплакать раньше... глупая Ева Лотта!

Дождь припустил. Холодный и немилосердный, он вскоре просочился сквозь их легкую одежду. Вместе с тем вокруг все больше и больше темнело. Глубокие тени залегли меж деревьев. Вскоре они в двух шагах от себя уже ничего не увидят. Спотыкаясь, они шли

вперед — мокрые, голодные, утратившие всякую надежду, отчаявшиеся.

— Не хочу быть в лесу, когда темно! — закричал Расмус. — Представь себе, не хочу!..

Ева Лотта оттерла дождевые капли с лица. Возможно, там было и несколько слезинок. Остановившись, она прижала Расмуса к себе и дрожащим голосом сказала:

— Расмус, рыцарь Белой Розы должен быть храбрым. А теперь мы с тобой оба — Белые Розы и сейчас сделаем что-то по-настоящему хорошее.

— А что? — спросил Расмус.

— Мы заберемся под ель и будем спать там до утра.

Будущий рыцарь Белой Розы взывал так, словно в него всадили нож.

— Не хочу оставаться в лесу, когда темно! — кричал он. — Слышишь ты, глупая Ева Лотта, не хочу... не хочу!

— Зато в наш шалаш ты, наверное, хочешь?

Эти слова произнес Калле, надежный, спокойный Калле. «Его голос прекраснее всех голосов на свете», — подумала Ева Лотта... И вот он подошел к ним в темноте с карманным фонариком в руках. Слезы выступили на глазах у Евы Лотты. Но теперь можно было и поплакать.

— Калле, это ты... это в самом деле ты, — всхлипывая, говорила она.

— Как ты попала сюда? — спросил Калле. — Вы бежали?

— Как попали! — сказала Ева Лотта. — Целый день спасались бегством.

— Да, мы убежали только для того, чтобы я смог стать Белой Розой, — заверил Расмус.

— Андерс! — крикнул Калле. — Андерс, иди сюда, и ты увидишь чудо из чудес! Здесь Ева Лотта и Расмус!

Они сидели на еловых ветках в шалаше и были очень счастливы. По-прежнему лил дождь, темнота в

лесу сгустилась еще сильнее, чем прежде, но что с того? В шалаше было сухо и тепло, они переоделись в сухое платье, жизнь больше не казалась горькой и отвратительной, как еще совсем недавно. Маленький голубой огонек спиртовки Калле весело плясал под кастрюлькой с горячим какао, а Андерс нарезал большие ломти хлеба.

— Это так здорово, что просто не верится, — с радостным вздохом сказала Ева Лотта. — Мне сухо, тепло, а когда я съем к тому же три-четыре-пять бутербродов, я буду уже и сыта.

— А мне бы чуть побольше свинины, — сказал Расмус, — и чуть побольше какао!

Он протянул свою кружку, и ему налили еще какао. И он с наслаждением большими глотками пил горячее какао, пролив всего лишь несколько капель на тренировочный костюм, который ему одолжил Калле. Костюм был ему так велик, что Расмус почти исчез в его прекрасном пушистом тепле.

Довольный, он втянул и пальчики под костюм, чтобы ни одна самая маленькая частица его тела не осталась бы снаружи и не мерзла. О, все было прекрасно, и этот шалаш, и костюм, и бутерброды с ветчиной, и все-все-все!

— Теперь, Калле, я почти Белая Роза? — умоляюще произнес Расмус, жуя бутерброд.

— Да, ждать тебе осталось недолго, — заверил его Калле.

Он и сам был в этот миг так доволен и счастлив, как только может быть доволен и счастлив человек. Как замечательно все получилось! Расмус спасен, бумаги профессора спасены, и скоро весь этот кошмарный сон кончится.

— Завтра рано утром мы берем лодку и гребем на материк с Расмусом, — сказал он. — А потом звоним дяде Бьёрку, чтобы явилась полиция и спасла профессора, профессор получит назад свои бумаги...

— Когда же Алые услышат обо всем об этом, у них глаза на лоб полезут, — размечтался Андерс.

— Где же эти бумаги? — полюбопытствовала Ева Лотта.

— Я спрятал их, — ответил Калле, — и не собираюсь говорить куда.

— Почему?

— Пусть лучше только *один человек* знает об этом, — сказал Калле. — Мы еще не в полной безопасности. И пока мы здесь, я ничего не скажу.

— Правильно, — согласился Андерс. — Завтра мы все узнаем. Подумать только, завтра мы снова будем дома! Вот будет здорово! Верно?

Расмус придерживался другого мнения.

— Гораздо лучше в шалаше, — возразил он. — Я хотел бы остаться тут навсегда-навсегда-навсегда. Но мы можем побывать здесь хотя бы несколько дней.

— Нет уж, спасибо, — отозвалась Ева Лотта, содрогаясь при воспоминании о страшных минутах в лесу, пережитых из-за Никке и Блума.

Необходимо было, как только рассветет, убраться с острова. Сейчас они были под защитой темноты, но днем за ними снова будут охотиться. Ведь Никке сказал, что он обыщет каждый кустик на острове. И у Евы Лотты не было ни малейшего желания дожидаться, пока Никке их поймает.

Незаметно дождь прекратился, и маленький клочок неба, видневшийся сквозь входное отверстие в шалаше, усеяли точки звезд.

— Мне надо немного подышать свежим воздухом перед сном, — заявил Андерс и выбрался из шалаша. Вскоре он тихонько позвал остальных: — Выходите, кое-что увидите!

— Что же ты видишь в темноте? — спросила Ева Лотта.

— Я вижу звезды, — сказал Андерс.

Ева Лотта и Калле взглянули друг на друга.

— Неужели он стал таким сентиментальным? — за- беспокоился Калле. — Надо нам выйти к нему.

Друг за другом они выползли через узкое входное отверстие. Расмус чуточку заколебался. В шалаше было так светло: Калле и Андерс подвесили свои карманые фонарики к потолку. Здесь было светло и тепло, а в лесу — темно, темноты же он хлебнул досыта.

Но потом он перестал колебаться. Там, где будут Ева Лотта и Калле, там нужно быть и ему. Похожий на маленького зверька, который осторожно высовывает мордочку из норки, он выполз на четвереньках через входное отверстие.

Они стояли молча, тесно прижавшись друг к дружке. А наверху, на иссиня-черном, как сажа, небе горели звезды. У ребят не было желания говорить, и они только стояли, вслушиваясь в темноту. Никогда прежде не доводилось им слышать громкого ночного шелеста леса, по крайней мере они никогда не прислушивались к нему так, как сегодня. А ночной шелест леса напоминал глухую и необычную мелодию, от которой щемило сердце.

Расмус взял Еву Лотту за руку. Все это так не похоже на то, что ему случалось переживать раньше, и поэтому он и радовался, и одновременно боялся. И потому хотел чувствовать чью-нибудь руку в своей. Но вдруг он понял, что все это ему нравится. Деревья так чудно шелестели, и лес, несмотря на темноту, нравился ему. Нравились Расмусу и маленькие добрые волны, которые издавали такой красивый плеск, когда бились о скалы; а больше всего ему нравились звезды. Они так ярко светились, и одна из них дружелюбно подмигнула ему. Запрокинув голову, он смотрел прямо на эту дружелюбную звездочку и, сжав руку Евы Лотты, мечтательно сказал:

— Подумать только, как должно быть красиво в самом небе, если так красиво на его изнанке.

Никто не ответил ему. Никто не произнес ни единого слова. Но в конце концов Ева Лотта наклонилась и обняла его.

— Ну, Расмус, пора спать, — произнесла она. — Ты будешь спать в шалаше, в лесу. Это здорово, не правда ли?

— Да-а, — уверенно ответил Расмус.

Он забрался в спальный мешок рядом с Евой Лоттой и лежал там, размышляя о том, как он близок к тому, чтобы стать Белой Розой. Спрятав носик в руку Евы Лотты, он вздохнул с чувством глубокого удовлетворения и почувствовал, что хочет спать. Он непременно расскажет папе, как прекрасно спать ночью в шалаше. В шалаше было темно, Калле погасил фонарик, но Ева Лотта находилась так близко от него, а дружелюбная звездочка по-прежнему мерцала на небе.

— Сколько свободного места было бы в этом спальном мешке, если бы ты здесь не толкался, — сказал Андерс, неодобрительно пиная Калле.

Калле ответил ему таким же пинком.

— Как жаль, что мы не догадались захватить для тебя двуспальную кровать, — съязвил он. — Во всяком случае, спокойной ночи!

Пять минут спустя они спали глубоко и беззаботно, ничуть не беспокоясь о завтрашнем дне.

15

Они уезжают отсюда. Через несколько мгновений они уедут отсюда и никогда больше не увидят этого острова. Прежде чем прыгнуть в лодку, Калле замешкался на секунду. Он окунул взглядом остров, который несколько беспокойных дней и ночей был их домом. Вот скала, с которой они ныряли, — она казалась такой привлекательной в лучах утреннего солнца, — а в расселине за скалой стоял их шалаш. Калле, ясное

дело, не мог видеть его отсюда, но он знал, что шалаши там, что он пуст, осиротел и никогда больше не будет их домом.

— Ты прыгнешь в лодку или нет? — беспокоилась Ева Лотта. — Я хочу уехать отсюда, это единственное, чего я сейчас хочу.

Она сидела на корме рядом с Расмусом. И она больше всех жаждала уехать отсюда. Каждая минута была дорога — она это знала. Она отлично представляла себе, в каком диком отчаянии был после их побега Петерс, и знала, что он в конце концов приложит все силы, чтобы их схватить. Надо было торопиться — они все это знали. Знал это и Калле. Он больше не мешкал. Ловкий прыжок — и он в лодке, где Андерс уже сидел на веслах.

— Порядок, — сказал Калле. — Теперь мы готовы.

— Да, теперь все готово, — сказал Андерс и начал грести. Но тут же опустил весла и сделал сердитую гримасу. — Дело в том, что я забыл свой фонарик, — объяснил он. — Да, да, да, знаю, я растирая. Но забрать его надо, это отнимет лишь несколько секунд.

Спрятавшись на берег у скалы, с которой они ныряли, он исчез.

Они ждали. Сначала довольно терпеливо. А немногого погодя уже нетерпеливо. И только один Расмус сидел непоколебимо спокойный, играя пальцами в воде.

— Если он сейчас же не придет, я закричу, — проронила Ева Лотта.

— Он наверняка нашел птичье гнездо или что-нибудь в этом роде, — угрюмо сказал Калле. — Эй, Расмус, беги и скажи Андерсу, что лодка отходит.

Расмус послушно спрыгнул на берег. Они увидели, как он резвыми козьими шагками поднимается по скале и исчезает.

Они ждали. Ждали и ждали, не спуская глаз с вершины скалы, где должны были вынырнуть исчезнувшие Андерс и Расмус. Но никто не появлялся. Скала каза-

лась пустынной, словно там никогда не ступала нога человека. По-утреннему бодрый окунь выпрыгнул вдруг из воды совсем рядом с лодкой, а вдоль побережья слабо шелестел тростник. Кругом было тихо. «Зловеще тихо», — подумали вдруг они.

— Что они там делают? — забеспокоился Калле. — По-моему, надо пойти и посмотреть.

— Тогда пойдем вместе, — заявила Ева Лотта. — Я не могу сидеть здесь и ждать. Я просто не выдержу.

Калле пришвартовал лодку, и они спрыгнули на берег. И побежали вверх по скале, следом за Андерсом. И следом за Расмусом.

Внизу, в расселине, стоял шалаш. Но не видно было ни души, не слышно было голосов. Только жуткая тишина...

— Если это обычная выдумка Андерса, — сказал Калле, залезая в шалаш, — я его убью...

Но больше Калле не сказал ни слова. Ева Лотта, которая шла сзади, в двух шагах от него, услышала лишь полусдавленный крик и в диком отчаянии закричала:

— Что случилось, Калле, что случилось?

В ту же секунду она почувствовала твердую руку на своем затылке и услыхала хорошо знакомый голос:

— Ну, накупалась, маленькая ведьма, а?

Там стоял Никке с багровым от злости лицом. А из шалаша вышли Блум и Сванберг. (Инженера Петерса с ними не было.) Они вели трех пленников, и у Евы Лотты на глаза выступили слезы, когда она их увидела. Теперь конец. Все пропало. Все было зря. С таким же успехом можно было зарыться в мох и сразу умереть. У нее сжалось сердце, когда она увидела Расмуса. Он был совершенно вне себя и делал отчаянные попытки освободиться от кляпа, которым ему заткнули рот, чтобы мальчик не кричал. Никке поспешил ему помочь, но это не вызвало ни капли благодарности у

Расмуса. Как только изо рта у него вытащили кляп, он сердито плонул в сторону Никке и закричал:

— Ты дурак, Никке! Фу, балаболка! Какой же ты все-таки дурак!

Это было отступление, полное горечи. «Закованные в цепи беглые в джунглях на обратном пути к Дьявольскому озеру должны были чувствовать себя примерно так же», — думал Калле, сжимая на ходу кулаки. Право, это был настоящий караван беглых рабов. Они были связаны одной веревкой — он, Андерс и Ева Лотта. Рядом с ними шел Блум, самый отвратительный из всех надсмотрщиков на свете, а замыкал шествие Никке. Он нес Расмуса, который не переставая повторял, что Никке ужасный дурак. Сванберг в весельной шлюпке со всем их снаряжением плыл к лагерю киднэпперов.

Никке был явно в жутком настроении. Ведь он должен был бы радоваться тому, что возвращается к Петерсу со своей драгоценной добычей. Но если он и радовался, то тщательно это скрывал. Идя следом за пленниками, он все время бранился:

— Безмозглые детеныши! Какого черта вы взяли лодку? Неужели вы думали, что мы этого не заметим, а? И если уж вы взяли лодку, так зачем тогда остались на острове, идиоты вы этакие?

«Да, почему мы это сделали? — горестно думал Калле. — Почему не переплыли на Большую землю еще вчера вечером, даже если Расмус устал, шел дождь и было темно? Почему не убрались с острова, пока еще было время? Да, Никке прав: мы круглые идиоты! Но странно, однако, что именно он упрекает нас за это».

Никке и вправду, казалось, не очень радовался тому, что детей схватили.

— Я теперь не думаю, что киднэпперы добрые, — сказал Расмус.

Никке не ответил, он лишь злобно уставился на него и продолжал браниться:

— И зачем вы взяли эти бумаги, а? Вы, два дурака с овечьими мозгами, на что вам эти бумаги?

«Два дурака с овечьими мозгами» не ответили ни слова. Молчали они и позднее, когда то же самое спросил у них инженер Петерс.

Они сидели каждый на своем диване в домике Евы Лотты, удрученные так, что даже не в силах были бояться Петерса, хотя он делал все, чтобы их запугать.

— Это дела, в которых вы ничего не смыслите, — сказал он, — и нечего было встревать. Всем вам будет худо, если вы не скажете, что сделали с бумагами профессора вчера вечером. — Уставившись на них своими черными глазами, он зарычал: — Ну! Выкладывайте! Что вы сделали с бумагами?

Они не отвечали. Казалось, это был верный способ привести Петерса в ярость, так как он внезапно набросился на Андерса, словно собираясь убить его.

— Где бумаги? — кричал он. — Отвечай, не то я тебе шею сверну!

Тут в разговор вмешался Расмус.

— Ну и дурак же ты, — сказал он. — Андерс вообще не знает, где бумаги, про это знает только Калле. «Пусть лучше только один человек знает об этом», говорит Калле.

Петерс отпустил Андерса и взглянул на Расмуса.

— Вот как! — произнес он и повернулся к Калле. — Насколько я понимаю, ты, верно, и есть Калле. А теперь послушай, мой дорогой Калле! Даю тебе час на размышление! Один час, и ни секунды больше. А потом с тобой случится большая неприятность, какой еще не случалось с тобой за всю твою жизнь, понятно тебе?

Калле пытался сохранить такую же независимую позу, какую знаменитый сыщик Блумквист всегда принимал в подобных ситуациях.

— Не пытайтесь меня запугать, этот номер не пройдет. — И тихо добавил самому себе: — Я и так уж напуган дальше некуда!

Петерс зажег сигарету, его пальцы дрожали. И прежде чем продолжить свою речь, он испытующе посмотрел на Калле:

— Интересно, хорошо ли ты соображаешь! И можно ли с тобой говорить серьезно! Если да, то, пожалуйста, призови на помощь всю свою смекалку. Тогда ты, быть может, поймешь, о чем идет речь. Дела обстоят так. По известным причинам, которые я не собираюсь тебе объяснять, я попал в скверную историю. Теперь я не в ладах с законом, и, если только останусь в Швеции, меня ожидает пожизненное заключение. Поэтому я не собираюсь оставаться здесь ни на минуту дольше, чем требует необходимость. Я должен отправиться за границу, а бумаги эти захватить с собой. Ясно? Ты, верно, не глуп и поймешь, что я на все пойду, только бы заставить тебя сказать, где они.

Калле кивнул. Он очень хорошо понимал, что Петерс ни перед чем не остановится. И еще он понимал, что он сам, возможно, будет вынужден сдаться и выдать тайну. Ну как он, мальчишка, сможет противостоять такому противнику, как Петерс?

Но ему дали час на размышление, и он хотел им воспользоваться. Он и не думал сдаваться, пока не взвесит все шансы.

— Я подумаю, — коротко ответил он, и Петерс кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Час на размышление. И призови на помощь весь свой разум, если он у тебя есть!

Он вышел, и Никке, который все это время с угрюмым видом слушал разговор Петерса с мальчиком, проводил шефа до двери. Но когда Петерс вышел, Никке вернулся назад и подошел к Калле. Он больше не казался таким озлобленным, каким был все это утро. Почти умоляюще посмотрев на Калле, он тихим голосом произнес:

— Ты ведь можешь сказать шефу, где эти бумаги, а? Чтобы положить конец всем бедам. Сделай это, а? Ради Расмуса, а?

Калле промолчал, и Никке ушел. В дверях он обернулся и печально посмотрел на Расмуса.

— Я вырежу тебе еще одну лодочку из коры, — пообещал он. — Она будет гораздо больше...

— Не надо мне никакой лодочки, — безжалостно отрезал Расмус. — Теперь я вижу, что киднэпперы совсем не добрые.

И вот дети остались одни. Они слышали, как Никке повернул снаружи ключ в дверях. А потом они больше ничего не слышали, кроме шума ветра, раскачивающего макушки деревьев в лесу.

Они молчали довольно долго.

— Здорово дует, — заметил наконец Андерс.

— Да, — сказала Ева Лотта. — Пусть бы штормило так, чтобы Сванберг перевернулся вместе с лодкой, — с надеждой добавила она. И, взглянув на Калле, напомнила: — Всего один час. Через час он снова придет сюда. Что будем делать, Калле?

— Тебе придется сказать ему, куда ты спрятал бумаги, — предположил Андерс. — Иначе он тебя убьет.

Калле почесал голову.

«Призови на помощь весь свой разум...» — сказал этот Петерс. И Калле твердо решил это сделать. Наверно, если хорошенъко призвать на помощь разум... можно придумать, как выпутаться из беды.

— Если бы мне удалось бежать, — задумчиво сказал он. — Хорошо бы мне удалось бежать...

— Да, если бы тебе удалось достать луну с неба, было бы тоже хорошо, — заметил Андерс.

Калле не ответил. Он размышлял.

— Послушай-ка! — наконец воскликнул он. — В это время Никке, по-моему, должен принести нам завтрак?

— Да, — ответила Ева Лотта, — наверно. По крайней мере в это время нас обычно кормили. Хотя, может быть, Петерс собирается уморить нас голодом.

— Только не Расмуса, — возразил Андерс. — Никке не допустит, чтобы Расмуса уморили голодом.

— А что, если нам всем сразу наброситься на Никке? — спросил Калле. — Когда он явится с едой? Сможете вы повиснуть на нем, пока я не смоюсь?

Ева Лотта просияла.

— Идет! — согласилась она. — О, я дам Никке по кумполу, я давно мечтаю об этом.

— Я тоже раскрою Никке черепушку, — восхищенно заявил Расмус. Но, вспомнив лук со стрелами и лодочки из коры, добавил: — Хотя очень сильно бить его я не стану. Ведь он все-таки добрый, этот Никке.

Никто его не слушал. Никке мог явиться с минуты на минуту, и нужно было подготовиться к его приходу.

— А что ты собираешься делать потом, Калле? — возбужденно спросила Ева Лотта. — Ну, когда убежишь?

— Вплавь доберусь до материка и приведу сюда полицию, а профессор может говорить что угодно. Нам нужна помочь полиции, и нам следовало бы давным-давно к ней обратиться.

Ева Лотта вздрогнула.

— Да, конечно, — сказала она. — Хотя кто знает, что успеет натворить Петерс, прежде чем подоспеет полиция.

— Тс-с-с! — предостерег Андерс. — Никке идет.

Бесшумно кинулись они к двери и встали по обе ее стороны. Они слышали, как Никке подходит все ближе и ближе, услыхали, как дребезжит жестяной поднос в его руках. Они слышали, как ключ поворачивается в замке, и все их нервы и мускулы напряглись... Сейчас... Сейчас, уже совсем скоро.

— А я принес тебе яичницу, малыш Расмус! — воскликнул, отпирая дверь, Никке. — Ты ведь любишь ее...

Он так и не узнал, любит ли Расмус яичницу. Поэтому что в ту самую секунду они набросились на него. Жестяной поднос с грохотом полетел на пол, а яичница брызнула в разные стороны. Они крепко повисли у него на руках и на ногах и опрокинули его; они переползали через него, усаживались на него верхом, дергали за волосы и били головой об пол. Никке рычал,

словно раненый лев, а Расмус, радостно покрикивая, прыгал вокруг. Ведь это была почти что война Роз, и он считал своим долгом поддерживать сражающихся. Правда, он на миг заколебался, ведь Никке, что ни говори, был его другом. Но, подумав хорошенько, Расмус подошел к Никке сзади и изо всех сил пнул его.

Андерс и Ева Лотта дрались, как никогда. Калле с быстротою молнии выскочил за дверь. Все длилось несколько секунд. Никке обладал исполинской силой и, оправившись от удивления, высвободился с помощью нескольких ударов своих сильных рук. Злой и растерянный, поднялся он с пола и тотчас обнаружил, что Калле исчез. Бешено рванувшись к двери, он попытался ее отворить. Но дверь была заперта. Мгновение он стоял, тупо глядя прямо перед собой. Затем кинулся изо всех сил на дверные доски, но они были крепкие и не поддались ни на миллиметр.

— Кто, черт побери, запер дверь?! — в ярости воскликнул он.

Расмус, веселый и оживленный, по-прежнему прыгал по комнате.

— Это сделал я! — закричал он. — Это сделал я! Калле убежал, а я после этого запер дверь.

Никке крепко взял его за руку:

— Куда ты девал ключ, жулик ты маленький?

— Ай, больно! — пискнул Расмус. — Отпусти меня, глупый Никке!

Никке еще раз встряхнул его:

— Я спрашиваю тебя: куда ты девал ключ?

— Ключ я выбросил в окошко, — ответил Расмус. — Съел?

— Браво, Расмус! — крикнул Андерс.

Довольная Ева Лотта громко засмеялась.

— Теперь ты видишь, каково это, когда тебя запирают, милый Никке, — сказала она.

— Вот уж весело будет послушать, что скажет Петерс, — заявил Андерс.

Никке тяжело опустился на ближайший диван. Он пытался собраться с мыслями. Потом вдруг неожиданно разразился смехом.

— И в самом деле будет весело послушать, что скажет шеф, — согласился он. — В самом деле. — И так же внезапно он снова посерезнел. — Дело-то плохо. Мне нужно схватить мальчишку, пока он не натворил бед!

— Ты имеешь в виду, пока он не привел полицию, — подчеркнула Ева Лотта. — В таком случае придется тебе поторопиться, милый Никке.

16

Дул свежий западный ветер, крепчавший с каждой минутой. С глухим шумом проносился он над верхушками елей и гнал шипящие белопенные волны в залив, отделявшем остров от материка. Задыхаясь после бурной драки и неистового бега вниз к озеру, Калле остановился на берегу, у самой воды, в отчаянии глядя на пенящиеся волны. Ни один человек не мог бы переплыть залив, не рискуя жизнью. Даже на маленькой шлюпке это было бы отчаянное путешествие. А кроме того, у Калле не было и шлюпки. При свете дня он не осмеливался приблизиться к причалу, да и вообще теперь, вероятно, все лодки были заперты.

Впервые Калле почувствовал себя бессильным. Он уже начал уставать от препятствий, встававших на его пути. Оставалось только ждать, пока утихнет ветер, а штурм мог продолжаться несколько дней. Где найти пристанище и еду на это время? Находиться в шалаше Калле не мог — там они станут его искать, и съестных припасов у него больше не было, их конфисковали киднэпперы. «Ничего не может быть глупее», — в полной растерянности подумал Калле, испуганно блуждая между елями. В любой момент Никке мог примчаться за ним. Нужно было быстрее решать, что делать.

Внезапно сквозь шум ветра он услыхал громкие крики о помощи, доносившиеся из домика Евы Лотты. От ужаса Калле покрылся холодным потом. Не означало ли это, что инженер Петерс как раз в эту минуту заставляет других жестоко расплачиваться за то, что он, Калле, бежал? От этой мысли у него подкосились ноги. Ему необходимо было выяснить, что творится там, наверху.

Петляя и делая большие крюки, он вернулся назад той же дорогой, что и пришел. Приближаясь к домику, он все яснее различал голоса и, к своему удивлению, услышал, что на помощь звал Никке. Никке и Расмус.

Интересно, что делают Ева Лотта и Андерс с Никке? Отчего он так вопит? Любопытство гнало Калле узнать, в чем дело, хотя это было рискованно. Но к счастью, лес тянулся до самого домика. Проявив некоторую изобретательность, можно было незаметно подкрасться к самому окошку Евы Лотты.

Калле, словно уж, полз под елями. Теперь он был так близко, что мог слышать, как в домике кричит и ругается Никке, и слышать чьи-то другие, довольные голоса. Никто, как видно, уже не лупил Никке, отчего же он так злится? И отчего он остался в домике, вместо того чтобы отправиться на поиски беглеца? А что это валяется на земле и блестит среди хвойных иголок под самым носом у Калле?

Это был ключ. Калле поднял его и стал внимательно разглядывать. Может, это ключ от домика Евы Лотты? Тогда как он попал сюда? Новый вопль Никке рассеял его сомнения.

— Инженер Петерс, на помощь! — кричал Никке. — Они заперли меня! Иди сюда и открой дверь!

Лицо Калле расплылось в широкой улыбке. Никке оказался взаперти вместе со своими пленниками — это очко в пользу Белой Розы! Довольный Калле сунул ключ в карман брюк.

Но в тот же миг он услыхал, как Петерс, Блум и Сванберг бегут к домику. И Калле окаменел от страха.

Он понял, что через несколько минут за ним начнут охотиться. Теперь они будут искать его еще более рьяно, чем прежде. Ведь то, что Калле снова на свободе, было смертельной угрозой для Петерса, достаточно проницательного, чтобы понять: Калле изо всех сил постарается раздобыть помошь. Поэтому самым важным для Петерса было любой ценой помешать мальчику покинуть остров. Калле знал: Петерс ни перед чем не остановится. Мысль об этом заставила Калле побледнеть, несмотря на загар. Он лежал, пугливо прислушиваясь к топоту бегущих ног, который все приближался. Ему надо было срочно найти в течение нескольких драгоценных секунд убежище.

И тут он увидел это убежище, увидел под самым носом. Отличное убежище, где они наверняка не станут в первый момент его искать. Под каменным фундаментом домика было ровно столько места, чтобы мало-мальски удобно расположиться. Только с западной стороны фундамент был такой высокий, ведь домик стоял на откосе, спускавшемся вниз, к морю. Там поднималась высокая трава и целые заросли темно-розового иван-чая, который довольно надежно защитил бы Калле от посторонних взглядов, если бы кому-нибудь пришла в голову мысль поискать за домом. Быстро, словно ласка, забрался Калле как можно дальше под фундамент дома. «Если они станут искать меня здесь, они просто дураки, — подумал он. — Но если у них есть хоть капелька ума, они будут искать беглеца как можно дальше от места заточения, а не под фундаментом дома».

Калле улегся под фундаментом, а наверху разразилось настояще землетрясение, ведь до Петерса дошла наконец ужасная истина: Никке заперт, а Калле удрали.

— Бегите, — дико завопил Петерс, — бегите и поймайте его! И без него не возвращайтесь, иначе я за себя не ручаюсь!

Блум и Сванберг побежали, а Калле услыхал, как Петерс, сквернословя, всадил в замочную скважину ключ, свой личный ключ, и открыл дверь домика, где

содержались пленники. Затем над головой Калле, на верху, разразилось еще более страшное землетрясение. Бедняга Никке отчаянно защищался, но Петерс не знал пощады. Более ужасной выволочки Никке, верно, никогда еще не получал, и это продолжалось до тех пор, пока не вмешался Расмус.

— Какой же ты несправедливый, инженер Петерс, — сказал Расмус. Калле слышал его решительный тоненький голосок так отчетливо, как если бы находился в той же самой комнате. — Ты страшно несправедливый. Никке ведь не может отвечать за то, что я запер дверь, а ключ выбросил в лес.

Петерс ответил ему грозным рычанием. Потом закричал, обращаясь к Никке:

— Беги и отыщи мальчишку, а я пойду и попытаюсь найти ключ.

Лежа в своей норе, Калле вздрогнул. Если Петерс начнет искать ключ, он окажется в опасной близости от убежища под фундаментом, в слишком опасной близости, и все будет кончено.

В самом деле, что за собачья жизнь! Каждую минуту надо быть готовым защищаться от новых опасностей. Калле думал быстро, а действовал еще быстрее. Услыхав, что Никке и Петерс выходят из дома и запирают дверь, он в ту же минуту покинул свое убежище. С бешеной быстрой выполз он из-под фундамента и встал ближе к углу дома. А как только увидел бегущего Петерса, проворно метнулся вдоль противоположной стороны дома к мосткам, с которых секундой раньше сошел Петерс. В отдалении он увидел спину Никке, который уже почти скрылся в лесу. Сунув руку в карман, Калле извлек оттуда ключ. И, к нескрываемому удивлению Евы Лотты и Андерса, он вошел в дверь буквально через минуту после того, как ее захлопнули за собой Петерс и Никке.

— Молчи, — тихо приказала Ева Лотта Расмусу, который собирался что-то произнести по поводу неожиданного появления Калле.

— Я ведь ничего не сказал, — раздосадованно оправдывался Расмус, — но если Калле...

— Тс-с-с! — зашипел Андерс и предостерегающе указал на Петерса. Тот рылся под самым окном и был явно рассержен, что не мог найти ключ.

— Пой, Ева Лотта, — прошептал Калле. — Петерс не должен слышать, что я запираю дверь.

Ева Лотта встала у окна, чтобы заслонить собой Калле, и во все горло запела:

Думаешь, все пропало,
Нет, такого не бывало...

Кажется, ее пение не принесло большой радости инженеру Петерсу.

— А ну заткнись! — раздраженно воскликнул он, продолжая искать.

Он тыкал палкой в траву под окном, раздвигая стебли иван-чая. Они слышали, как он тихонько ругается про себя. Потом, прекратив поиски, он исчез. Они слушали затаив дыхание и ждали. Уберется ли он всовояси или войдет к ним и увидит Калле? Сначала они только слушали и надеялись, а потом услыхали шаги Петерса на мостках. Он шел к ним, Боже, он шел к ним! Они смотрели друг на друга, измученные, бледные, и ни одна разумная мысль не приходила им в голову.

Калле обрел самообладание за минуту до того, как было бы уже слишком поздно. Стремглав юркнул он за ширму, скрывавшую умывальник. В тот же миг дверь распахнулась и в комнату ворвался Петерс.

Ева Лотта молча стояла, закрыв глаза. «Уберите его, — думала она, — уберите его, иначе я не выдержу... И если Расмус что-нибудь скажет, то...»

— Ну погодите, я задам вам трепку, — пообещал Петерс. — Когда вернусь, задам вам такую трепку, какая вам и не снилась. А не успокоитесь — получите еще. Поняли?

— Да, спасибо, — ответил Андерс.

Расмус хихикнул. Он ни слова не слышал из того, что сказал Петерс. Он был занят одним: за ширмой сидит Калле! Это все равно что играть в прятки. Ева Лотта с опаской следила за выражением его лица. «Молчи, Расмус, молчи!» — мысленно молила она. Но Расмус не услышал ее мольбы. Он зловеще хмыкнул.

— Чего ты ухмыляешься? — злобно взревел Петерс.

У Расмуса был веселый и таинственный вид.

— А тебе не отгадать, кто... — начал он.

— Здесь на острове полно черники! — душераздирающим голосом закричал Андерс.

Он охотнее сказал бы что-нибудь поумнее, но в этом безвыходном положении ничего больше не мог придумать. Петерс с отвращением посмотрел на него.

— Юмор висельника, — сказал он. — Зря стараешься.

— Ха-ха, инженер Петерс, — неутомимо продолжал Расмус, — а ты не знаешь, кто...

— Лучше черники ничего на свете нет! — воскликнул Андерс.

Петерс покачал головой.

— Не очень-то ты хитер, — заметил он. — Ну да это все равно. Я пошел. Хочу только предупредить: не выкидывайте новых фокусов.

Он пошел к дверям, но по дороге остановился.

— Кстати, — пробормотал он тихо. — Может, в туалетном шкафчике, у меня осталось несколько лезвий?

Туалетный шкафчик висел на стене рядом с умывальником. За ширмой.

— Лезвия! — пронзительно крикнула Ева Лотта. — Я их съела... Я хочу сказать, я выбросила их в оконко. И я плонула на кисточку для бритья.

Петерс уставился на нее.

— Жаль мне ваших родителей, — лаконично бросил он и вышел.

И вот они остались одни. Они сидели на скамейке — все трое — и тихонько говорили о том, что про-

изошло. Расмус сидел перед ними на полу и с интересом слушал.

— Слишком сильный ветер, — сказал Калле. — Мы абсолютно ничего не можем сделать, пока ветер не стихнет.

— Иногда дует по девять суток подряд, — словно подбадривая их, произнес Андерс.

— Что ты будешь делать, пока ждешь? — поинтересовалась Ева Лотта.

— Буду лежать под домом, как мокрица, — ответил Калле. — А после того как Никке сделает последний обход, я приду к вам, поем и переночую в доме.

Андерс хихикнул:

— Вот здорово! Хорошо бы вот так провести Алых!

Они долго сидели в комнате, слушая крики в лесу, где Петерс, Никке, Блум и Сванберг искали Калле.

— Ищите, ищите! — зло проговорил Калле. — Все равно ничего, кроме черники, не найдете.

Наступил вечер, стало темно. Калле не в силах был дольше лежать под фундаментом. Ему необходимо было выползти и подвигаться, чтобы окончательно не затекли ноги и руки. А идти в дом было слишком рано. Никке еще не сделал вечернего обхода. Тихо и осторожно вышагивал Калле в темноте. Подумать только, как чудесно просто двигаться, просто шевелить руками и ногами!

В большой комнате у Петерса горел свет. Окно было открыто, и он слышал слабый гул голосов. О чем они там говорили? Калле почувствовал, как в нем пробуждается жажда приключений. Ведь если тихонько подкрасться и стать под тем окном, можно будет, пожалуй, узнать кое-что полезное.

Он тихонько подбирался все ближе и ближе. Один шаг в минуту. Боязливо прислушиваясь после каждого шага, он наконец очутился под самым окном и услышал ворчливый голос Никке:

— Я устал от всего этого. Я так устал, что не желаю больше участвовать в таком деле.

А потом сдержаный, ледяной голос Петерса:

— Вот как, ты не желаешь больше участвовать! Почеку же, позволь спросить.

— Что-то здесь не так, — ответил Никке. — Прежде шли разговоры *о деле*, и можно было поступать как угодно, только было бы полезно *для дела*, как говорилось. А я, бедный и глупый матрос, верил в эту болтовню. Но теперь я в нее больше не верю. Потому что несправедливо так обращаться с детьми, пусть даже с пользой *для дела*.

— Берегись, Никке! — пригрозил Петерс. — Мне, верно, не надо напоминать тебе о том, что бывает с теми, кто пытается дезертировать?

На мгновение наступила тишина, но под конец Никке угрюмо буркнул:

— Ну что ж, знаю!

— Тогда ладно! — продолжал Петерс. — Но смотри не наделай новых глупостей. Ты нес такую околесицу, что я почти уверен: ты нарочно позволил мальчишке бежать.

— Эй, полегче на поворотах, шеф, — зло произнес Никке.

— О нет, таким глупым даже ты, верно, быть не можешь, — сказал Петерс. — Ты и то должен ведь понимать, что означает для нас его побег.

Никке не ответил.

— Никогда в жизни я так не боялся, — продолжал Петерс. — И если самолет задержится, то все лопнет, можешь не сомневаться.

«Самолет! — Калле навострил уши. — Что это за самолет, который должен прилететь?»

Размышления его внезапно были прерваны. Кто-то шел в темноте с карманным фонариком в руках. Он вышел из маленького домика под скалой, где находился профессор. «Должно быть, это Блум или Сванберг», — подумал Калле, плотно прижавшись к стене.

Но ему нечего было бояться. Человек с карманным фонариком направился к дому, где собирались киднэпперы, и мгновение спустя Калле услышал там его голос.

— Самолет прилетит рано, в семь часов утра, — произнес тот, кто пришел, и Калле узнал голос Блума.

— Это было бы слишком хорошо, — сказал Петерс. — Мне и в самом деле надо убираться отсюда. Только бы погода позволила самолету приземлиться.

— Ветер стих по-настоящему, — заметил Блум. — Они хотят до вылета получить новую сводку.

— Передай сводку, — распорядился Петерс. — Здесь над заливом ветер такой, что можно приземлиться. А ты, Никке, смотри, чтобы малыш был готов к семи часам утра!

«Малыш» — конечно же это Расмус! Калле сжал кулаки. Так, теперь конец всему! Расмуса отправят отсюда, и, прежде чем Калле успеет позвать кого-нибудь на помощь, малыш будет уже далеко. Бедный, бедный Расмус, куда его отправят? И что они с ним сделают? Какая ужасающая подłość!

Никке словно угадал мысли Калле.

— Это подłość, вот что я скажу! — вспылил он. — Бедный малыш никому не причинил зла. И помогать вам я не собираюсь. Пусть шеф сам сажает его в самолет.

— Никке! — произнес Петерс зловеще-пугающим голосом. — Я предупреждал тебя и теперь делаю это в последний раз. Смотри, чтоб малыш был готов к семи часам утра!

— Черт побери! — выругался Никке. — Ведь вам, шеф, известно не хуже меня, что бедный ребенок не выйдет живым из этой передряги, да и профессор тоже.

— О, этого я как раз не знаю, — весело ответил Петерс. — Если профессор будет вести себя разумно, то... А вообще, это к делу не относится!

— Черт побери! — снова повторил Никке.

Калле почувствовал, что у него сжало горло. Он совсем пал духом: все было безнадежно. Они пытались, они в са-

мом деле пытались изо всех сил помочь Расмусу и профессору. Но это ни к чему не привело. Во всяком случае, злые люди одержали победу в игре. Бедный, бедный Расмус!

Калле в глубоком отчаянии, спотыкаясь, брел вперед в темноте. Надо попытаться установить контакт с профессором, надо подготовить его к тому, что завтра рано утром сюда прилетит самолет, который свалится с неба, как большая хищная птица, и вонзит свои когти в Расмуса. Самолет этот приводнится внизу в заливе, лишь только Блум сообщит, что ветер стих...

Внезапно Калле остановился. Каким образом Блум передаст сводку погоды? Каким образом он ее передаст? Калле присвистнул. Наверняка где-то на острове есть радиопередатчик — ведь им пользуются все шпионы и мошенники, которым нужна связь с заграницей.

Еще неясная мысль зародилась в мозгу у Калле. Радиопередатчик — это как раз то, что ему самому дорезу нужно. Где находится этот передатчик? Нужно его найти... может... может, есть хоть маленькая надежда!

Этот маленький домик... ведь Блум вышел оттуда. Вот он, этот домик! Слабый свет струится из оконшка. Калле дрожал от возбуждения, когда, подкравшись к окну, заглянул в комнату. Ни души! Но — чудо из чудес! — радиопередатчик там, да, он там!

Калле потрогал ручку двери. Не заперта... спасибо, милый, славный Блум! Одним прыжком Калле очутился у передатчика и схватился за микрофон. Найдется ли хоть один человек на белом свете, который сможет услышать его? Найдется ли хоть кто-нибудь, до кого дойдет его отчаянный зов?

— На помощь, на помощь! — тихим дрожащим голосом молил он. — На помощь! Говорит Калле Блумкист! Если кто-нибудь слышит меня, позвоните дяде Бьёрку... то есть позвоните в полицию Лильчёпинга и скажите — пусть приедут на остров Кальвён¹ и спасут

¹ Кальвён (швед.) — Телячий остров.

нас. Название острова — Кальвён, и находится он примерно в пяти милях от Лильчёпинга... Это очень срочно, потому что нас похитили киднэпперы. Спешите приехать сюда, иначе случится непоправимое, название острова — Кальвён и...

Интересно, нашелся ли хоть один человек на белом свете, кто услышал его слова? А если услышал, удивился ли тот человек, почему передатчик внезапно смолк?

Сам Калле удивился лишь тому, откуда взялся паровоз, наехавший на него, и отчего так больно его голове. Но он тут же погрузился в черную тьму, и ему больше не понадобилось удивляться. Теряя сознание, он успел все же услыхать ненавистный ему голос Петерса:

— Я убью тебя, щенок! Никке, иди сюда и отнеси его к остальным.

17

— Теперь нам надо подумать, — сказал Калле, осторожно ощупывая шишку на затылке. — Вернее, вы должны подумать. Потому что, по-моему, мне отшибли мозги.

Ева Лотта снова принесла мокрое полотенце, которым обернула голову Калле.

— Вот так, — сказала она. — А теперь лежи спокойно и не двигайся.

Калле не возражал против того, чтобы полежать. После приключений последних четырех-пяти дней и ночей мягкая постель была бы блаженством. И до чего здорово, хотя и чуточку смешно, было лежать здесь, окруженным заботами Евы Лотты.

— Я думаю. Я вот сижу и думаю, — сказал Андерс, — есть ли на свете хоть один человек, которого бы я ненавидел больше, чем Петерса, но никого не могу припомнить. Даже этот преподаватель труда, который

был у нас в прошлом году, если вдуматься, просто симпатяга по сравнению с Петерсом.

— Бедный Расмус, — сказала Ева Лотта.

Взяв подсвечник, она подошла к постели Расмуса и осветила ее. Он спал так спокойно и безмятежно, словно в мире не было никакого зла. И Ева Лотта подумала, что при колеблющемся свете свечи он больше, чем когда-либо, походил на ангела. Лицо его осунулось, щеки, на которые падала тень от длинных темных ресниц, были такими худенькими, а нежный детский ротик, болтавший столько чепухи, был ужасно трогательным, когда мальчик спал. Он казался таким маленьким и беззащитным, что при мысли о самолете, который должен прилететь рано утром, у Евы Лотты заболело сердце.

— Неужто мы и вправду ничего не можем сделать? — спросила она упавшим голосом.

— Я бы хотел запереть Петерса где-нибудь вместе с адской машиной, — заявил, кровожадно стиснув зубы, Андерс. — С маленькой адской машиной, которая бы вдруг щелкнула — «клик» — и покончила бы с этим подлецом!

Калле тихонько засмеялся про себя. Ему что-то пришло в голову.

— Кстати, насчет того, чтобы его запереть! — сказал он. — Мы-то, собственно говоря, вовсе не заперты. У меня ведь есть ключ, понятно? Мы можем убежать, когда захотим.

— Правда? — удивился Андерс. — У тебя ведь есть ключ! Чего же мы ждем? Давайте ударем!

— Не-ет, Калле должен лежать спокойно, — сказала Ева Лотта. — После такого сотрясения мозга голову и с подушки-то нельзя поднять.

— Подождем несколько часов, — решил Калле. — Если мы попытаемся увести Расмуса в лес сейчас, он поднимет вой на весь остров. А здесь нам спать лучше, чем где-нибудь под кустом в лесу.

— Ты рассуждаешь вполне разумно! Можно подумать, что мозг твой начал функционировать, — согласился Андерс. — Я знаю, что нам делать. Поспим сначала, а часов в пять удерем. И надо молиться, чтобы ветер хоть немножко стих и кто-нибудь из нас смог бы переплыть залив и позвать на помощь.

— Да, иначе мы пропали, — сказала Ева Лотта. — Мы не сможем долго прятаться на этом острове. Я-то знаю, каково бродить с Расмусом в лесу, да еще без еды.

Андерс залез в спальный мешок, который Никке любезно предоставил ему.

— Подайте мне кофе в кровать в пять часов! — приказал он. — Теперь я буду спать.

— Спокойной ночи, — сказал Калле. — Чувствую, что утром предстоят большие события.

Ева Лотта легла на свой диван. Положив руки под голову, она смотрела вверх, где жужжала глупая муха и, натыкаясь на потолок, падала всякий раз вниз.

— Вообще-то Никке мне очень нравится, — заявила Ева Лотта. И, повернувшись на бок, задула свечу.

Кальвён, лежавший в пятидесяти трех километрах к юго-востоку от Лильчёпинга, — большой и обширный остров только для тех, кто бродит в поисках шалаша в лесу. Но для того, кто приближается на самолете, остров не что иное, как маленькая-премаленькая зеленая точка в синем море, усеянном множеством таких же мелких зеленых точек. И вот теперь откуда-то издалека стартовал самолет и взял курс на маленький остров, лежавший среди тысяч других таких же островов. У самолета мощные моторы, и ему нужно всего несколько часов, чтобы достигнуть цели. Эти моторы беспрерывно монотонно гудят, и вскоре их однообразный гул слышится уже на острове Кальвён. Гул понемногу набирает силу и превращается в устрашающий рев, когда машина начинает приводняться в заливе. После бури море покрыто тяжелой зыбию, но в глубине залива

ветер слабее, и самолет с последним оглушительным грохотом касается водной глади и застывает у причала.

Тут Калле наконец просыпается. В тот же миг до него доходит, что это вовсе не рев Ниагарского водопада, как ему приснилось, а гул самолета, который должен увезти Расмуса и профессора.

— Андерс! Ева Лотта! Проснитесь!

Крик его звучит словно зов о помощи, и напуганные Андерс и Ева Лотта мгновенно поднимаются. Они понимают всю глубину постигшего их несчастья. Теперь только чудо поможет им скрыться. Вытаскивая Расмуса из постели, Калле бросает взгляд на часы. Еще только пять часов утра. Что за мода прилетать на два часа раньше назначенного срока!

Расмус совсем сонный и вовсе не желает вставать, но они не обращают внимания на его протесты. Ева Лотта неумолимо напяливает на мальчика комбинезончик, а Расмус фырчит, словно рассерженный котенок. Андерс и Калле стоят рядом, подпрыгивая от нетерпения. Расмус только и делает, что упирается, и в конце концов Андерс, схватив его за шиворот, рычит:

— И не мечтай, что такой плакса, как ты, станет когда-нибудь Белой Розой.

Это помогло. Мальчик замолкает, а Ева Лотта быстро и ловко надевает на него кеды. Калле склоняется над ним и умоляюще говорит:

— Расмус, нам опять нужно удирать! Может, нам придется жить в отличном шалаше, где ты уже ночевал! Тебе надо бежать изо всех сил!

— Ничего подобного! И не собираюсь, — говорит Расмус, потому что так иногда говорит папа. — Ничего подобного! И не собираюсь. Чего придумали!

Наконец-то они готовы. Калле подбегает к двери и напряженно прислушивается. Все тихо. Похоже, путь свободен. Он ищет в кармане ключ. Ищет, ищет...

— Ой, ой, ой, — стонет Ева Лотта. — Только не говори, что ты потерял ключ!

— Он должен быть здесь, — отвечает Калле. От волнения у него дрожат руки. — Он должен быть здесь!

Но как ни ищи, а в карманах брюк пусто. Никогда еще в карманах его брюк не было так ужасающе пусто. Андерс и Ева Лотта молчат. Беспомощно кусают пальцы и молчат.

— Подумать только, неужели ключ выпал, когда они вчера вечером вносили меня сюда?!

— Да, почему бы ему не выпасть, когда все и так висит на волоске, — горько говорит Ева Лотта. — Этого и следовало ожидать.

Секунды бегут. Драгоценные секунды. Дети лихорадочно ищут на полу. Все, кроме Расмуса. Он тем временем принимается играть со своими лодочками, и они плывут по скамейке, на которой спал Калле. Скамейка — это бескрайний Тихий океан. Там, в бескрайнем Тихом океане, лежит ключ; Расмус поднимает его и превращает в капитана корабля, который называется «Хильда из Гётеборга». Это Никке так красиво окрестил корабль. Так назывался корабль, на котором Никке давным-давно плавал юнгой.

Секунды бегут. Калле, Андерс и Ева Лотта судорожно ищут ключ и чуть не кричат от волнения. Но Расмус и капитан «Хильды из Гётеборга» ничуть не переживают, ну просто ни капельки. Они переплывают бескрайний Тихий океан, и им так хорошо! До тех пор, пока Ева Лотта не срывает с криком капитана с его мостика и не оставляет «Хильду из Гётеборга» без хозяина посреди бурного моря.

— Быстрее, быстрее! — кричит Ева Лотта и отдает Калле ключ.

Он берет ключ и только собирается вставить его в замочную скважину... Но тут он что-то слышит и бросает отчаянный взгляд на Андерса и Еву Лотту.

— Слишком поздно, они уже идут, — говорит он.

Собственно говоря, сообщение это излишне, потому что на бледных лицах Андерса и Евы Лотты можно видеть: они слышали все не хуже его самого.

Тот, кто идет, торопится, страшно торопится. Они слышат, как ключ поворачивается в замочной скважине, дверь распахивается, и на пороге появляется совершенно обезумевший Петерс. Он бросается прямо к Расмусу и хватает его за руку.

— Идем! — бесцеремонно говорит он. — Да побыстрее!

Но Расмуса уже разозлили все эти глупые посягательства на его особу. Чего они тут ходят и хватают всех направо и налево? Сначала капитана «Хильды», а теперь его самого!

— А вот и не пойду, понятно? — яростно кричит он. — Убирайся прочь, глупый инженер Петерс!

Тогда Петерс наклоняется, крепко охватывает мальчика рукой и несет его под мышкой к двери. Мысль о том, что его разлучат с Евой Лоттой, Калле и Андерсоном, смертельно пугает Расмуса. Он отбивается и кричит:

— Не хочу... не хочу... не хочу!

Ева Лотта закрывает лицо руками и плачет. Это так ужасно! Калле и Андерс тоже замерли и в отчаянии слышат, как Петерс запирает дверь, слышат, как он уходит, слышат крик Расмуса, который постепенно захлопывает вдали.

Но тут Калле приходит в себя. Он снова вытаскивает ключ. Терять им больше нечего. Они должны по крайней мере видеть печальный конец этой истории, чтобы потом все рассказать полиции. Потом, когда будет уже слишком поздно и Расмус с профессором окажутся где-то далеко, где шведская полиция уже ничего не сможет сделать.

Они лежат за кустами близ причала и горящими глазами следят за трагическим исходом этой истории.

Там — самолет. И туда приходят Блум и Сванберг, между ними — профессор. Пленник со связанными за спиной руками не оказывает ни малейшего сопротивления. Он производит впечатление человека, почти впав-

шего в апатию. Безропотно входит он в самолет, садится и равнодушно смотрит прямо перед собой. Тут из большого дома выбегает Петерс. Он несет Расмуса, а Расмус так же яростно отбивается и так же дико, как раньше, кричит:

— Не хочу... не хочу... не хочу!

Петерс быстрыми шагами проходит вдоль длинного причала, и при виде сына на лице профессора появляется выражение такого отчаяния, какое Калле, Андерс и Ева Лотта даже не могли предположить в человеке.

— Не хочу... не хочу... не хочу!.. — кричит Расмус.

Петерс в ярости бьет его, чтобы заставить молчать, и Расмус кричит так, как никогда в жизни еще не кричал.

И тут вдруг на причале появляется Никке — они даже не видели, откуда он взялся. Лицо у него багровое, кулаки сжаты. Но он не двигается, он только неподвижно стоит и смотрит на Расмуса с неописуемым выражением скорби и сострадания в глазах.

— Никке! — кричит Расмус. — Помоги мне, Никке! Никке, ты же слышишь...

Нежный голосок замолкает, Расмус отчаянно плачет и протягивает руки к Никке, доброму Никке, который умеет делать такие красивые игрушечные лодки из коры.

И тут происходит нечто невообразимое. Словно огромный разъяренный бык, Никке бросается вперед и мчится вдоль причала. Он настигает Петерса возле самого самолета и, свирепо рыча, вырывает у него Расмуса из рук. Никке наносит Петерсу такой удар в подбородок, что тот, качаясь, едва удерживается на ногах. А прежде чем он снова обретает равновесие, Никке уже бежит изо всех сил обратно вдоль длинного причала.

Петерс кричит ему вслед, и Ева Лотта содрогается от ужаса, потому что более страшного крика она не слыхала никогда:

— Никке, остановись! А не то стрелять буду!

Но Никке не останавливается. Он только крепче прижимает к груди Расмуса и мчится по направлению к лесу.

Тогда гремит выстрел. Еще один. Но Петерс явно слишком взволнован, чтобы тщательно прицеливаться. Никке бежит дальше и вскоре исчезает в ельнике.

Вопль, который издает Петерс, вряд ли можно назвать человеческим. Вопль означает, что Блум и Сванберг должны следовать за шефом. И вот они все трое мчатся за беглецом.

Калле, Андерс и Ева Лотта по-прежнему остаются лежать за кустом, не спуская глаз с леса. Что происходит там, в ельнике? Когда ничего не можешь видеть, все кажется еще страшнее. Они слышат лишь ужасающий голос Петерса, который кричит и бранится, удаляясь все глубже в лесную чащу.

Тут Калле бросает взгляд в другую сторону. В сторону самолета. Там сидят профессор и пилот, охраняющий его и машину. Больше там никого нет.

— Андерс, — шепчет Калле, — можно мне взять твой нож?

Андерс вытаскивает из-за пояса охотничий нож.

— Что ты собираешься делать? — шепчет он.

Калле пробует острие ножа.

— Саботировать, — говорит он. — Помешать самолету подняться. Это единственное, что я сейчас могу придумать.

— Для человека с проломленным черепом не так уж и плохо, — подбадривающе шепчет Андерс.

Калле раздевается.

— Крикните несколько раз погромче, — чуть погодя говорит он Андерсу и Еве Лотте. — Пусть летчик посмотрит в вашу сторону.

И он пускается в путь. Крадучись, Калле делает большой круг между елями и приближается к причалу. А когда Ева Лотта и Андерс издают клич индейцев, он пробегает те немногие метры, которые остаются до причала, и соскальзывает в воду.

Он рассчитал правильно. Пилот будильно смотрит в ту сторону, откуда доносится клич индейцев, и не

видит, как мимо, словно молния, проносится тоненькое мальчишеское тело.

Калле плывет под причалом. Плывет беззвучно, как не раз плавал во время войны Роз. Вскоре он уже добрался до края причала и очутился у самого самолета.

Он осторожно выглядывает из воды и через открытую дверцу кабины видит летчика. Он видит и профессора, но что гораздо важнее — профессор видит его. Летчик неотрывно смотрит в сторону леса и не знает, что творится у него под носом. Калле поднимает нож и делает вид, что наносит несколько ударов, чтобы профессор понял, зачем он явился.

И профессор понимает. И догадывается также, что надо делать ему самому. Если Калле начнет орудовать ножом, в самолете, несомненно, раздастся шум, который не сможет не услышать пилот. Если его внимание не отвлечет еще худший шум с противоположной стороны...

Профессор берет на себя ответственность за этот шум. Он начинает кричать, скандалить и топать ногами. Пусть летчик думает, что он сошел с ума, — да, по правде говоря, просто чудо, что профессор еще не рехнулся.

При первых громких криках пленника пилот в ужасе вздрагивает. Он пугается от неожиданности. Потом свирепеет от испуга.

— Заткнись! — говорит он с каким-то своеобразным иностранным акцентом. Он не очень хорошо знает шведский язык, но это выражение он запомнил.

— Эй ты, заткнись! — повторяет он, и благодаря своеобразному акценту голос его звучит почти добродушно.

Но профессор продолжает кричать и топать ногами.

— Я буду скандалить сколько вздумаю! — кричит он, чувствуя в эту минуту, как в самом деле приятно топать ногами и шуметь. Это успокаивает его напряженные нервы.

— Эй ты, заткнись, — говорит летчик, — а не то я расквашу тебе нос!

Но профессор кричит не умолкая, а внизу, у самой воды, быстро и методично работает Калле. Совсем рядом с ним находится левый понтон самолета. И он раз за разом всаживает в него нож, ударяет всюду, куда только может добраться. Через множество маленьких дырок начинает просачиваться вода. Калле доволен своей работой.

«Да, да, в конце концов вам бы пригодился пуленепробиваемый металл, когда кругом все рушится», — думает Калле, плывя обратно под причалом.

— Эй ты, заткнись! — снова довольно добродушно говорит пилот.

И на этот раз профессор слушается его.

18

Вторник, первое августа, время — шесть часов утра. Солнце светит над островом Кальвён, над голубым морем, цветущим вереском, травой, мокрой от росы. Ева Лотта стоит в кустах, ее рвет. Неужели она будет плохо чувствовать себя всю жизнь всякий раз, когда вспомнит это утро? Ни она и никто другой из тех, кто был тогда на острове Кальвён, не забудут его.

А все этот выстрел! Где-то в лесу стреляли. Где-то вдали, довольно далеко от них. Но зловещее эхо так громко отозвалось в утренней тишине, что выстрел музычительно резко ударил по их барабанным перепонкам. Ей сделалось дурно, она ушла в кусты, и ее стошило.

Калле, Ева Лотта и Андерс не знали, кого задела эта пуля. Знали только, что в лесной чаще скрываются Расмус и Никке, а с ними жестокий человек, который вооружен. И ничего нельзя сделать. Только ждать, хотя хорошенъко никто не знал, чего именно. Ждать — пусть случится что угодно, только бы изменилось это

невыносимое положение. Ждать до бесконечности. Может, вот так будет всегда: раннее утреннее солнце над длинным причалом, самолет, который покачивается на воде, маленькая белая трясогузка, хлопотливо семенящая ножками среди поросших вереском кочек, бурые муравьи, ползающие по валунам за кустами, где ребята лежат на животе и ждут. А там, в лесной чаще, ничего, кроме тишины. Неужели так и в самом деле будет продолжаться целую вечность?..

У Андерса прекрасный слух, и он слышит это первым.

— Я кое-что слышу, — говорит он. — По-моему, идет моторная лодка!

Ева Лотта и Калле прислушиваются. Да, правда, слабый-слабый треск мотора слышен где-то далеко в море. В этих заброшенных шхерах, которые кажутся забытыми Богом и людьми, слабый треск — первый сигнал, который доносится к ним из внешнего мира.

За пять дней, что они были на острове, здесь не появился ни один человек, ни одна моторная лодка, ни даже маленький членок рыбака, приплывшего ловить окуней. Но сейчас где-то в заливе плывет моторная лодка. Не плывет ли она сюда? Кто знает? Здесь так много заливов и проливов! Скорее всего она плывет совсем в другую сторону. Но если она плывет сюда — нельзя ли выбежать на причал и во всю силу легких крикнуть: «Сюда, сюда, спешите, пока не поздно!» А вдруг в этой лодке маленькая веселая компания отдыхающих, которые машут руками, смеются и плывут дальше и вовсе не собираются подплывать ближе и выслушивать, в чем дело?

С каждой минутой все труднее выносить неизвестность.

— После этого нам уже никогда больше не бывать нормальными людьми, — говорит Калле.

Но Ева Лотта и Андерс не слушают его. До них не доходит ничего, кроме этого треска моторки, который

слышится с моря. А треск все усиливается. И вскоре вдали показывается лодка. Вернее, лодки — их по крайней мере две!

Но вот из леса появляются люди! Это — Петерс. А за ним по пятам следуют Блум и Сванберг. Они бегут к самолету, словно речь идет о жизни и смерти. Может, они тоже слышали треск моторок и испугались? Никке и Расмус не показываются. Значит ли это, что... нет, они не в силах подумать, что это означает! Глаза их следят за Петерсом. Он уже возле самолета и влезает в кабину к профессору. Для Блума и Сванберга там явно места нет. Дети слышат, как Петерс кричит своим подручным:

— Спрячьтесь пока в лесу! Вечером вас заберут!

Жужжит пропеллер. Самолет начинает дергаться взад-вперед над водой, и Калле кусает губы. Сейчас выяснится, удался ли его саботаж.

Самолет дергается взад-вперед. Взад-вперед над водой. Но подняться он не может. Самолет тяжело клонится налево, клонится все ниже и ниже и наконец опрокидывается.

— Ура! — забыв обо всем на свете, кричит Калле.

Но тут он вспоминает, что там, в самолете, находится и профессор, и, когда он видит, что самолет начинает тонуть, его охватывает беспокойство.

— Идем! — кричит он Еве Лотте и Андерсу.

И они выбегают из кустов — одичалое маленькое войско, которое так долго сидело в засаде.

Самолет утонул в заливе. Его больше не видно. Но в воде плавают люди. Калле, Андерс и Ева Лотта в волнении пересчитывают их. Да, там трое.

И тут неожиданно появляются моторные лодки. Моторные лодки, о которых они почти успели забыть. О, не может быть! На носу одной из них стоит...

— Дядя Бьёрк! Дядя Бьёрк! Дядя Бьёрк!

Они кричат так, что у них чуть не лопаются голосовые связки.

— О, это дядя Бьёрк, — плачет Ева Лотта, — ми-лый, славный, как здорово, что он здесь!

— А сколько с ним полицейских! — обезумев от радости, кричит Калле.

В заливе — сплошная каша. Дети видят, лишь как мелькают полицейские мундиры и спасательные круги, видят людей, которых вытаскивают из воды. По крайней мере, они видят, как вытаскивают двоих. А где же третий?

Третий плывет к берегу. Видно, он не желает, чтобы ему помогали. Рассчитывает спастись самостоятельно.

Одна из моторных лодок направляется к нему. Но Петерс значительно ее опережает.

Вот он уже у причала. Крепко цепляется за него, взбирается наверх и быстро бежит прямо к тому месту, где находятся Андерс, Ева Лотта и Калле. Они снова прячутся в кустах, потому что тот, кто бежит, доведен до отчаяния и они боятся его!

Вот он совсем рядом с ними, и они видят его глаза, полные ненависти и разочарования. Но он ничего не замечает. Он не видит за кустами маленький боевой отряд. Он не знает, что его злейшие враги так близко. Но как раз в тот момент, когда он пробегает мимо, его путь препрятствует худая, узкая мальчишеская нога. С яростным ругательством падает он ничком среди кочек, поросших вереском. И вот они уже наваливаются на него, его вра-ги, все трое сразу. Они лежат на нем плашмя, держат скованными его руки и ноги, прижимают его голову к земле и кричат так, что на острове отзывается эхо:

— Дядя Бьёрк, дядя Бьёрк, на помощь!

И дядя Бьёрк приходит на помощь. Разумеется, приходит. Ведь он еще ни разу не изменял своим друзьям, храбрым рыцарям Белой Розы.

А в лесной чащне лежит, уткнувшись в мох лицом, человек, рядом с ним сидит маленький мальчик и плачет.

— Смотри, Никке, у тебя ведь кровь течет, — говорит Расмус.

На рубашке Никке — красное пятно, и оно быстро расплывается. Расмус тычет в пятно грязным указательным пальчиком:

— Какой дурак этот Петерс! Он стрелял в тебя, Никке?

— Да, — отвечает Никке таким тоненьким и странным голосом. — Да, он стрелял в меня... но ты не плачь из-за этого... Главное, ты спасен!

Никке — бедный и наивный моряк, — он лежит и думает, что пришла его смерть. И он рад этому. Сколько глупостей наделал он в своей жизни, и хорошо, что последнее совершенное им — доброе дело! Он спас Расмуса. Лежа здесь, в лесу, он не может сказать это наверняка, но одно он по крайней мере знает: он попытался спасти мальчика. Он знает, что бежал до тех пор, пока сердце его не раздулось, точно кузнецкий мех, но потом он больше не смог бежать. Он знает, что крепко-крепко держал Расмуса в объятиях, пока пуля не настигла его и он не упал. А Расмус помчался, словно маленький испуганный зайчонок, и спрятался за деревьями. Теперь же он снова вернулся к Никке, этот маленький зайчонок, а Петерс исчез. Потому, что ему пришлось спешно удирать. Значит, Петерс не посмел остаться и искать Расмуса. Теперь они одни, Никке и вот этот маленький мальчуган, который сидит рядом с ним и плачет, он — единственный на свете, к кому Никке по-настоящему привязался. Никке сам не понимает, как это произошло, не помнит, как все началось... Может, началось это уже в самый первый день, когда Расмус, получив лук и стрелы, в знак благодарности обхватил ноги Никке и сказал:

— Я думаю, что ты добрый, милый Никке!

Но сейчас Никке страшно обеспокоен. Как отослать отсюда Расмуса обратно к остальным? Должно быть,

внизу, у причала, что-то случилось. Самолет так и не поднялся, а появление моторных лодок наверняка что-нибудь да значит. Интуиция подсказывала Никке: наступил конец этой злосчастной истории и Петерсу тоже пришел конец, так же как и ему самому. Никке доволен. Все будет хорошо, только бы Расмус поскорее вернулся к отцу. Маленький ребенок не должен сидеть в лесу и смотреть, как умирает человек. Никке хочет избавить от тягостного зрелища своего друга, но не знает, как это сделать. Он не может сказать малышу: «Уходи, потому что старый Никке сейчас умрет и он хочет остаться один... лежать здесь в полном одиночестве и радоваться тому, что ты, мальчик, снова свободен и счастлив. Ты можешь стрелять из лука и пускать по воде лодочки из коры, которые смастерили для тебя Никке».

Нет, так не скажешь! А тут еще Расмус обвивает рукой его шею и ласково говорит:

— А теперь идем, милый Никке, уйдем отсюда! Пойдем к папе.

— Нет, Расмус, — с трудом говорит Никке. — Я не могу идти, шагу не могу ступить, понимаешь, придется мне остаться здесь. Но ты должен пойти один... Я хочу, чтобы ты пошел!

Расмус надувает губы.

— А вот и не пойду! — решительно заявляет он. — Я подожду, пока ты пойдешь со мной. Понятно?

Никке не отвечает. У него нет больше сил, и он не знает, что сказать. А Расмус, уткнувшись носом в его щеку, шепчет:

— Я ведь так тебя люблю, так люблю!

Тут Никке плачет. Он не плакал с тех пор, как был ребенком. Но теперь он плачет. Потому, что очень устал, и еще потому, что впервые в жизни ему говорят такие слова.

— Неужто? — всхлипывает он. — Неужто ты можешь любить киднэппера?

— Да, ведь киднэпперы добрые, — уверяет его Расмус.

Никке собирает последние силы:

— Расмус, теперь ты должен сделать, как я говорю. Ты должен пойти к Андерсу, Калле и Еве Лотте. Ты ведь станешь Белой Розой, а? Ты ведь хочешь этого, верно?

— Хочу, да только...

— Ну тогда ты торопись! Я думаю, они ждут тебя!

— Да, ну а ты, Никке?

— Я буду лежать здесь, тут так хорошо, кругом мох. Буду лежать, отдыхать и слушать, как щебечут птицы.

— А как же... — говорит Расмус.

Но вдруг он слышит, как кто-то кричит. Далеко-далеко. Кто-то зовет его по имени.

— Ой, это папа! — радостно восклицает Расмус.

Тут Никке снова плачет, но теперь уже совсем тихо, уткнувшись головой в мох. Судьба порой оказывается добра к старому грешнику — теперь ему больше нечего беспокоиться о Расмусе. Никке плачет оттого, что благодарен за это... и оттого, что так трудно сказать «прощай» этой маленькой фигурке в грязном комбинезончике, которая стоит здесь и не знает, идти ли к папе или остаться с Никке.

— Иди и скажи своему папе, что здесь в лесу лежит старый, продырявленный пулей киднэппер, — говорит Никке.

Никке с трудом поднимает руку и гладит Расмуса по щеке.

— Прощай, Расмус! — шепчет он. — Иди и стань Белой Розой. Самой прекрасной маленькой Белой Розой...

Расмус снова слышит, как его зовут. Он поднимается, всхлипывая, и в нерешительности стоит, глядя на Никке. А потом идет. Несколько раз он оборачивается и машет рукой. Никке не в силах помахать ему в ответ,

но он провожает маленькую детскую фигурку взглядом голубых глаз, полных слез.

Расмуса больше нет рядом. Никке закрывает глаза. Теперь он доволен, но он очень устал. Хорошо бы уснуть.

19

— Вальтер Сигфрид Станиславус Петерс, — говорит комиссар государственной полиции, — все сходится точно. Наконец-то! Не кажется ли вам самому, что вас вовремя схватили?

Инженер Петерс не отвечает на этот вопрос.

— Дайте мне сигарету, — нетерпеливо говорит он.

Полицейский Бьёрк подходит к нему и засовывает ему в рот сигарету «Робин Гуд».

Петерс сидит на валуне у причала. Он в наручниках. За его спиной стоят остальные — Блум, Сванберг, иностранный летчик.

— Вы, быть может, знаете, что мы довольно давно преследуем вас, — продолжал комиссар. — Мы запеленговали ваш радиопередатчик два месяца тому назад, но вы исчезли в тот самый миг, когда мы должны были вас схватить. Вы что, устали от шпионской работы, раз взялись похищать людей?

— А не все ли равно, — с нескрываемым цинизмом говорит Петерс.

— Да, может быть, — соглашается комиссар. — Но для вас, во всяком случае, покончено и с тем и с другим.

— Да, теперь, верно, с большей частью дел покончено, — горько признался Петерс и, закурив сигарету, несколько раз глубоко затянулся. — Мне очень хочется узнать, — сказал он, — как стало известно, что я здесь, на острове Кальвён?

— Мы не знали об этом, пока не явились сюда, — ответил комиссар. — А сюда мы явились благодаря тому, что один старый школьный учитель в Лильчёпинге

умудрился вчера вечером поймать маленькое коротковолновое сообщение от нашего друга Калле Блумквиста.

Петерс бросил испепеляющий взгляд на Калле.

— Так я и думал! — сказал он. — Ну что бы мне явиться на две минуты раньше и пристукнуть его! Проклятые юнцы! Это они виноваты во всем с начала до конца. Я готов скорее сражаться со шведской полицией безопасности, чем с этой вот троицей.

Комиссар подошел к трем Белым Розам, сидевшим на причале.

— Мы рады, — произнес он, — иметь таких первоклассных помощников.

Все трое скромно опускают глаза. А Калле думает про себя, что они, по правде говоря, помогали не полиции безопасности, а только Расмусу.

Петерс гасит окурок каблуком и тихо бормочет ругательства.

— Чего мы ждем? — произносит он. — Поехали!

Зеленый островок среди сотен других в голубом летнем море. Солнце освещает домики, длинный причал и лодки, качающиеся на воде. Высоко над верхушками елей плывут на белых крыльях чайки. Время от времени одна из них с быстротой молнии ныряет в воду и снова взлетает ввысь с рыбешкой в клюве. Маленькая трясо-гузка по-прежнему хлопотливо строчит ножками среди поросших вереском кочек, а бурье муравьи все еще, верно, ползают там по валунам... И быть может, так будет продолжаться сегодня, завтра и все дни подряд до самого конца лета. Но никто об этом не узнает, потому что там никого не будет. Скоро, совсем скоро они покинут этот остров и никогда его больше не увидят.

— Я уже не вижу домика Евы Лотты, — говорит Калле.

Они сидят, тесно прижавшись друг к другу, на корме и неотрывно смотрят на зеленеющий островок, который покидают навсегда. Оглядываясь назад, они вздрагива-

ют от ужаса. С радостью расстаются они с этой солнечной зеленой неволей.

Расмус не оглядывается. Он сидит на коленях у отца и беспокоится, отчего у папы такая густая борода на лице. А что, если она еще вырастет и станет такой длинной, что запутается в колесах мотоцикла?!

И еще одно беспокоит его.

— Папа, почему Никке спит днем? Я хочу, чтоб он проснулся и поболтал со мной.

Профессор бросает горестный взгляд на носилки, где лежит без сознания Никке. Сможет ли он когда-нибудь отблагодарить этого человека за то, что он сделал для его сына? Скорее всего нет. Дела Никке плохи, у него мало шансов выжить. Пройдет по крайней мере два часа, прежде чем он попадет на операционный стол, а тогда, вероятно, уже будет поздно. Все это напоминает бег наперегонки со смертью. Бьёрк делает все, что может, чтобы выжать максимальную скорость, но...

— Я больше не вижу причала, — говорит Ева Лотта.

— Я тоже, и это прекрасно, — подхватывает Калле. — А вон, смотри, Андерс, скала, с которой мы ныряли.

— И наш шалаш, — бормочет Андерс.

— Знаешь, папа, как весело спать в шалаше! — восклицает Расмус.

Калле внезапно вспоминает об одном деле, о котором надо потолковать с профессором.

— Надеюсь, ваш мотоцикл все еще там, где мы его оставили, — произносит он, — и что никто его не увел.

— Мы можем поехать туда в любой день и посмотреть, — говорит профессор. — Меня гораздо больше беспокоят мои бумаги.

— Тс-с-с! — шепчет Калле. — Я спрятал их в надежном месте.

— Теперь ты, верно, можешь сказать где, — любопытствует Ева Лотта.

Калле таинственно улыбается:

— Отгадайте! В ящике комода на чердаке пекарни! Где же еще?

— Ты что, спятил? — кричит Ева Лотта. — А что, если Алые их сташили!

На лице Калле появляется беспокойство, но он быстро находит выход.

— Тс-с-с! — тихо говорит он. — Тогда мы выкрадем их обратно.

— Да! — горячо подхватывает Расмус. — Мы издалим боевой клич и выкрадем их обратно! Я стану Белой Розой, папа!

Но это сенсационное сообщение ничуть не утешает профессора.

— Калле, я поседею из-за тебя, — возмущается он. — Конечно, я до конца жизни в долгу перед тобой, но имей в виду, если бумаги исчезли...

Бьёрк прерывает его:

— Не волнуйтесь, профессор! Если Калле Блумквист говорит, что вы получите свои бумаги, вы их получите!

— Во всяком случае, остров Кальвён уже скрылся из виду, — вмешивается Андерс и сплевывает в бурлящий кильватер.

— А Никке все спит и спит, — говорит Расмус.

Милый старый штаб — ни у кого не было лучшего штаба, чем у Белых Роз! Чердак пекарни — большой, вместительный, и сколько там превосходных вещей! Словно белки в гнезде, тащили сюда Белые Розы в течение многих лет все свои ценности. Луки со стрелами, щиты и деревянные мечи украшают стены. К потолку прикреплена трапеция. Мячи для настольного тенниса, боксерские перчатки и старые еженедельные газеты свалены в углах. А у стены стоит дряхлый, потертый комод Евы Лотты, где Белые Розы хранят свою тайную шкатулку с реликвиями. В этой шкатулке и лежат бумаги профессора. Вернее, лежали. Он получил их обратно, эти ценные бумаги, причинившие столько

бед. А в будущем он надежно запрет их в банковский сейф.

Нет, Алые не украли бумаги. Опасения Евы Лотты были напрасны.

— Хотя если бы мы знали, что они там, мы бы перетащили их в *нашу* штаб-квартиру, — сказал Сикстен, когда рыцари Алой и Белой Розы вместе обсудили все, что произошло.

В первый же вечер после своего возвращения Белые Розы сидели вместе с Алыми в саду пекаря на склоне реки и Андерс, сопровождая свой рассказ множеством красивых жестов и пышных фраз, поведал им эту жуткую историю.

— Все началось с того, что я повис на кусте в четверг ночью. С тех пор часа спокойного не было, — уверял он.

— Вечно вам везет, — горько позавидовал Сикстен. — Не могли эти киднэпперы появиться на несколько минут раньше, когда мимо дома Эклунда проходили мы.

— Еще этого не хватало! — рассмеялась Ева Лотта. — Бедняга Петерс, мало ему, что ли, пожизненного заключения, так еще пришлось бы повозиться с вами.

— На взбучку напрашиваясь? — пригрозил Сикстен.

Прошло несколько дней. И вот Белые Розы собрались в своем штабе на чердаке пекарни. Их предводитель, стоя посреди чердака, сказал зычным голосом:

— Благородный муж и храбрый воин посвящается ныне в рыцари Белой Розы. Воин, имя которого наводит страх далеко вокруг, Расмус Расмуссон, — выйди вперед!

Воин, имя которого наводит страх, выходит вперед. Он, конечно, мал с виду и не очень-то внушает страх, но на челе его горит священный огонь, которым отмечен каждый рыцарь Белой Розы. Он поднимает взор на предводителя. В глубине темно-синих глаз горит

пламя, которое явно свидетельствует о том, что его заветная мечта сбылась. Наконец-то он станет рыцарем Белой Розы, наконец!

— Расмус Расмуссон, подними правую руку и дай священную клятву. Ты должен поклясться быть верным Белым Розам отныне и во веки веков, поклясться не выдавать тайн и побеждать Алых Роз всюду, куда бы они ни сунулись.

— Я постараюсь, — произносит Расмус Расмуссон. Подняв руку, он говорит: — Клянусь быть Белой Розой отныне и во веки веков и выдавать все тайны, которые я разнюхаю, клянусь!

— Выдавать все тайны — это он уж точно сумеет, — шепчет Калле. — Никогда не видел малыша, который болтал бы столько лишнего.

— Да, — соглашается Ева Лотта, — но он все равно милашка!

Расмус, полный ожидания, смотрит на предводителя: что же будет дальше?

— Чепуха, ты не то сказал, — сердится Андерс, — но вообще-то все равно. Расмус Расмуссон, встань на колени!

И Расмус встает на колени на потертом полу чердака. Он так рад, что ему хочется погладить половицы: отныне это и *его* штаб.

Предводитель снимает со стены меч.

— Расмус Расмуссон! — провозглашает он. — Ты дал священную клятву верности ордену Белой Розы, посвящаю тебя в рыцари Белой Розы.

Он ударяет Расмуса мечом по плечу, и Расмус, сияя от радости, вскакивает на ноги.

— Правда, что я теперь Белая Роза? — спрашивает он.

— Белее многих других, — отвечает Калле.

В этот самый миг через открытое оконце чердака влетел камешек и шумно приземлился на пол. Андерс поторопился его поднять.

— Эстафета от врага, — сказал он, разворачивая бумагку, которой был обернут камешек.

— Что пишут эти жалкие Алые? — спросила Ева Лотта.

— *Блохастые пудели из ордена Белой Розы*, — прочитал Андерс. — *Вынюхивать старые бумаги за книжными шкафами — это вы умеете, но Великого Мумрика вам не сидать как своих ушей. Ибо он находится в логове Великого Хищника, а имя его — ВИЛИКАЯ ТАЙНА! Но когда Великий Хищник укусит ваши носы, вы назовете половину его имени. А из другой половины пекут хлеб, понятно вам это, блохастые вы пудели?*

— А вы издадите теперь боевой клич? — с надеждой спросил Расмус, когда предводитель кончил читать письмо.

— Не-а, сначала надо подумать, — ответила Ева Лотта. — Расмус, что ты скажешь, если я укушу тебя за нос?

— Я скажу «отстань»! — объяснил Расмус.

Наклонившись, Ева Лотта шутливо куснула окружлый кончик его носа.

— Ай! — запищал Расмус.

— Да, конечно, в таких случаях говорят «ай!», — сказала Ева Лотта. — Вот вам половина имени.

— А хлеб пекут из муки, — добавил Андерс. — «Аймука». До чего же глупо даже для Алых.

— Как им удалось подложить Великого Мумрика в собачью будку к Аймуке? — удивилась Ева Лотта. — Наверно, они усыпили ее.

Если учесть, что Аймука была овчаркой доктора Хальберга, такой же злющей, как и он сам, то надо сказать, что этого было уже немало.

— Они, наверно, подкараулили доктора, когда он выгуливал Аймуку, — предположил Калле.

— А что делать нам? — спросила Ева Лотта.

Усевшись на пол, они стали держать военный совет. И Расмус вместе с ними. Он слушал, вытаращив глаза и навострив уши. Наконец-то начнется самое интересное!

Андерс взглянул на Расмуса, и в глазах предводителя Белых Роз мелькнули искорки. Расмус так долго и самоотверженно ждал, пока он станет Белой Розой, что нельзя было отказать ему в этом. Хотя, вообще-то говоря, довольно обременительно, когда у тебя на шее все время висит такой малыш. Надо придумать Расмусу какое-нибудь занятие, чтобы он не мешал. А самим спокойно посвятить себя войне Роз.

— Эй, Расмус! — приказал Андерс. — Беги к больнице и посмотри, в будке ли Аймука.

— А могу я издать тогда боевой клич? — спросил Расмус.

— Конечно! — ответила Ева Лотта. — Только давай действуй!

И Расмус начал действовать.

Уже не раз он тренировался несколько часов подряд, спускаясь по веревке, которой Белые Розы пользовались, чтобы подниматься в свой штаб и спускаться оттуда. Взбираться наверх он не мог, но ему удавалось съезжать вниз, хотя это казалось и очень опасным.

Расмус ухватился за веревку и издал один из самых диких боевых кличей, которые когда-либо раздавались в саду пекаря.

— Чудесно, — сказал Андерс, когда Расмус скрылся из виду. — Теперь можно поговорить о деле. Во-первых, надо выследить, в какое время доктор Хальберг прогуливается с Аймукой. Это сделаешь ты, Ева Лотта!

— Ладно! — согласилась Ева Лотта.

Расмус направился к больнице. Он уже бывал там — навещал Никке. И он знал, куда идти.

Дом доктора находился совсем рядом, а возле него стояла собачья будка. «Частное владение» и «Берегись собак!» — написано было на калитке сада. Но Расмус, к счастью, не умел читать и быстро вбежал в сад.

Аймука лежала в своей будке. Она злобно зарычала на Расмуса, и Расмус, в большом огорчении, остановился как вкопанный. Он неправильно понял данное ему поручение. Он думал, что его долг — вернуть Великого Мумрика в штаб, а как же это сделать, когда Аймука так рычит? Он оглянулся, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, и с чувством глубокого облегчения увидел, что к нему направляется какой-то дяденька. Вдобавок это оказался тот самый доктор, который оперировал Никке.

Доктор Хальберг шел в больницу, когда увидел вдруг перед будкой Аймуки маленького рыцаря Белой Розы. Доктор, разумеется, не знал, что перед ним рыцарь, иначе бы он выразил гораздо больше понимания. Вместо этого он очень разозлился и ускорил шаг, чтобы быстрее подойти и выругать нарушителя порядка. Но Расмус, который был убежден, что не только киднэпперы, но и доктора — добрые, умоляюще посмотрел снизу вверх на его строгое лицо и сказал:

— Послушай-ка, убери на минутку свою собаку, чтоб я взял из будки Великого Мумрика.

И когда доктор не сразу сделал то, что ему велели, Расмус взял его за руку и мягко, но решительно потянул к собачьей будке.

— Милый доктор, побыстрее, — сказал он. — Мне некогда.

— Вот как, тебе некогда? — произнес доктор Хальберг и улыбнулся.

Теперь он узнал Расмуса. Ведь это тот самый мальчуган, которого похитили и о котором столько писали в газетах.

— А ты не пойдешь со мной навестить Никке? — спросил Хальберг.

— Пойду, но сначала мне нужен Великий Мумрик, — непреклонно ответил Расмус.

Никке узнал все про Великого Мумрика. И увидел его тоже. Расмус гордо держал камешек под самым

носом у Никке. И боевой клич он издал также для того, чтобы Никке услышал, как он звучит.

— Теперь я Белая Роза, понятно? — заявил Расмус. — Я поклялся в этом час назад.

Никке с обожанием взглянул на него.

— Да, более прекрасной Белой Розы им не видать, — удовлетворенно сказал он.

Расмус погладил его по руке.

— Хорошо, что ты больше не спишь, Никке, — произнес он.

Никке тоже так думал: хорошо, что он больше не спит. Хотя пройдет еще некоторое время, прежде чем его выпишут из больницы. Но он знал, что выздоровеет, а потом все как-нибудь уладится. Доктор Хальберг с профессором обещали сделать для него все, что в их силах. Так что Никке спокойно смотрел в будущее.

— И еще хорошо, что у тебя больше не идет кровь, — сказал Расмус, показывая на рубашку Никке, такую белую, красивую, без следов крови.

Никке это тоже нравилось. Он никогда прежде не болел и, как всякое дитя природы, испытывал глубокое восхищение перед удивительными выдумками врачей. Взять хотя бы переливание крови... Ему непременно хотелось рассказать об этом Расмусу. Подумать только! Доктора брали кровь у одного человека и вливали ему, поскольку он потерял так много крови там, на острове Кальвён.

— Они брали ее у другого киднэппера? — спросил Расмус, который тоже считал: вот удивительно, до чего смогли додуматься врачи!

Но тут он заторопился. Собственно говоря, когдаучаствуешь в войне Роз, вероятно, нельзя навещать больных.

Крепко зажав в руке Великого Мумрика, он пошел к дверям.

— Привет, Никке! — сказал он. — Я приду в другой день!

И не успел Никке ответить, как он уже исчез.

— Ах ты мой малыш! — тихо произнес Никке.

Калле, Андерс и Ева Лотта по-прежнему сидели на чердаке пекарни.

Здесь только что побывал булочник Лисандер, который принес им свежие булочки.

— Вообще говоря, булочек вы не заслуживаете, — проворчал он. — Сколько из-за вас огорчений! Ну да ладно, — смилиостивился он и погладил Еву Лотту по щеке, — несколько булочек вы все-таки заслужили!

Только он спустился вниз в свою пекарню, как в саду послышался боевой клич. Это вернулся посланный в разведку рыцарь Белой Розы. Со страшным шумом, словно целое войско, взобрался он по чердачной лестнице.

— Вот, — сказал он и швырнул Великого Мумрика на пол.

Калле, Андерс и Ева Лотта смотрели на него во все глаза. Они смотрели на Великого Мумрика, смотрели друг на друга.

А потом начали смеяться.

— Белые Розы приобрели тайное оружие, — сказал Андерс. — Мы приобрели Расмуса.

— Пусть теперь Алые заткнутся! — ликовал Калле.

Расмус беспокойно переводил глаза с одного на другого.

Уж не смеются ли они над ним? Правильно ли он поступил?

— Я ведь хорошо поступил? — робко сказал он.

Ева Лотта легонько щелкнула его по носу.

— Ты в самом деле хорошо поступил, Расмус, — засмеявшись, сказала она.

Примечания

Три повести о Калле Блумквисте впервые опубликованы на шведском языке: Lindgren A. Mästerdetektiven Blomkvist. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1946; Mästerdetektiven Blomkvist lever farligt. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1951; Kalle Blomkvist och Rasmus. Stockholm, Rabén-Sjögren, 1953.

Первые две части трилогии впервые напечатаны в переводах на русский язык (Н. Городинской) в одной книге под названием: «Приключения Калле Блюмквиста» М.: Гос. изд-во дет. лит-ры Мин-ва просвещения РСФСР, 1959 (названия повестей: «Калле Блюмквист играет», «Калле Блюмквист рискует»).

Третья часть трилогии (перевод Л. Брауде) **«Калле Блюмквист и Расмус»** — впервые издана в кн.: Линдгрен А. На острове Сальткрока. Л.: Лениздат, 1986.

Новые переводы двух первых книг трилогии на русский язык (Л. Брауде) **«Суперсыщик Калле Блюмквист»** и **«Суперсыщик Калле Блюмквист рискует жизнью»** выполнены по аналогичным шведским изданиям 1985, 1965 гг., перевод третьей — по аналогичному же изданию 1964 г. В основу публикации третьей книги **«Калле Блюмквист и Расмус»** в настоящем Собрании сочинений положен перевод, увидевший свет в книге «На острове Сальткрока». Л.: Лениздат, 1986. Полностью трилогия (перевод Л. Брауде) напечатана впервые в 5–6 т. Собрания сочинений Астрид Линдгрен. СПб.: Изд-во АО «Атос» и «Библиотека „Звезды“», 1994.

Русский перевод выполнен по первому шведскому изданию.

Л. Брауде

Содержание

КТО ТАКОЙ СУПЕРСЫЩИК КАЛЛЕ БЛУМКВИСТ? <i>Л. Брауде</i>	5
Суперсыщик Калле Блумквист	11
Суперсыщик Калле Блумквист рискует жизнью	147
Калле Блумквист и Расмус	311
ПРИМЕЧАНИЯ. <i>Л. Брауде</i>	460

Литературно-художественное издание

АСТРИД ЛИНДГРЕН

Собрание сочинений в 10 томах

Суперсыщик Калле Блумквист

Редактор Галина Соловьева

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректор Ирина Киселева

Верстка Антона Вальского

Директор издательства Максим Крютченко

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 25.12.2001. Формат издания 60×90 ^{1/16}.

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 6000 экз.

Усл. печ. л. 29. Изд. № 132. Заказ № 2577.

Издательство «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**Книги издательства «Азбука»
в Интернет-магазине**

Уважаемые читатели!

Если Вы являетесь пользователями сети
Интернет, то у Вас есть возможность
познакомиться с новинками нашего издательства
и сделать заказ, не отходя от компьютера.
Предусмотрены выбор книг по аннотированному
каталогу с цветными обложками
и возможность удобной для вас формы оплаты.
Книги высыпаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

<http://www.top-kniga.ru/>
<http://www.estерум.com/>
<http://www.bolero.ru/>
<http://www.ozon.ru/>

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Оникс»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Ton-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фаэтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзоп», тел. (8442) 37-25-19

ISBN 5-352-00132-6

A standard linear barcode representing the ISBN number 5-352-00132-6.

9 785352 001325